9(с)1
В-20

В. С. Васюков

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

накануне Февральской революции

1916 - февраль 1917 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории СССР

В. С. Васюков

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

накануне Февральской революции

1916 - февраль 1917 г.

Ответственный редактор
академик А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ

Москва «Наука» 1989

ББК 63.3(2)524
В20

Рецензенты:

член-корреспондент АН СССР Ю. А. ПИСАРЕВ,
доктор исторических наук В. И. ПЕТРОВ

Васюков В. С.

В20 Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917 г. — М.: Наука, 1989. — 312 с.
ISBN 5-02-009476-5

На большом фактическом материале автор рассматривает узловые аспекты внешней политики царизма на последнем этапе его существования: содержание внешнеполитической программы, связь внешней и внутренней политики, борьбу классов и партий по вопросам внешней политики и др.

Для специалистов-историков.

В $\frac{0503020300\text{-}024}{042(02)\text{-}89}$ 151-89-I

ББК 63.3(2)524

ISBN 5-02-009476-5

© Издательство «Наука», 1989

ВВЕДЕНИЕ

История внешней политики России в годы первой мировой войны разработана в советской историографии явно недостаточно. Еще менее изучена соответствующая проблематика, связанная с кануном Февральской революции, хронологически условно обозначаемым 1916 — началом 1917 г. Объясняется это рядом причин, одной из которых является, очевидно, отсутствие публикаций архивных документов с апреля 1916 по февраль 1917 г., если не считать отдельных тематических сборников и некоторых разрозненных публикаций в «Красном архиве». Известная документальная серия «Международные отношения эпохи империализма» обрывается мартом 1916 г. Другая причина кроется, на наш взгляд, в широком распространении в свое время таких концепций, как концепция о полуколониальной зависимости царской России от западных держав, концепция «двух заговоров», наложивших определенный отпечаток на выбор исследовательских тем, характер и возможности изучения предфевральского периода внешнеполитической истории России. В последние годы картина меняется. Внешняя политика царизма накануне второй русской революции привлекает все большее внимание исследователей в плане как комплексного охвата проблемы, так и разработки отдельных аспектов. Причем интерес к таким исследованиям проявляют не только специалисты, занимающиеся внешнеполитической проблематикой, но и историки общего профиля.

Касаясь историографии внешней политики России в канун второй русской революции, следует заметить, что многие из вопросов, относящихся к названной теме, являются «сквозными» для всего периода войны от ее начала до крушения самодержавия. Среди них, в первую очередь: цели войны и средства к их достижению; место и роль России в системе Антанты; отношения царского правительства с союзниками по вопросам ведения войны, совместные военно-политические и дипломатические акции, финансово-экономические отношения с державами Согласия и проблемы военных поставок; решения и соглашения о будущих территориальных разделах и сферах влияния; забота о расширении и консолидации антантовской коалиции и недопущение роста рядов вражеского лагеря; политика в отношении нейтральных государств, поддержание торгово-экономических и политических связей с ними; отношение классов и партий России к задачам ведения войны, к внешнеполитическим планам и замыслам царизма и его союзников и некоторые другие.

Полнота отражения этих вопросов в советской историографии далеко не одинакова и по периоду, предшествующему войне, и по периоду, непосредственно предфевральскому — 1916 г. и по первым двум месяцам 1917 г.

По широте охвата и глубине разработки перечисленной проблематики в историографии прежде всего надо указать на работы Ф. И. Нотовича, А. Л. Сидорова, В. М. Хвостова. Оценка этих работ содержится в коллективной монографии «Итоги и задачи изучения внешней политики России»[1].

Краткий очерк русской внешней политики в предфевральский период содержится в книге А. В. Игнатьева[2]. В нем очерчены основные направления внешней политики царизма, место России в системе международных отношений и в Тройственном согласии; охарактеризован внешнеполитический курс царизма и его военно-политические цели, отношение различных политических партий и групп к империалистическим планам самодержавия; указано на возрастание зависимости России от союзников; поставлен вопрос о степени этой зависимости и т.д. Особый упор в анализе сделан на отношении царизма к войне и к сепаратному миру. Однако далеко не все положения и оценки автора можно признать обоснованными, особенно по одному из узловых вопросов темы — о намерениях царизма относительно продолжения войны на заключительной фазе существования самодержавия.

Ряд важных аспектов темы рассматривается в монографии В. А. Емеца[3]. Предфевральскому периоду в ней посвящена третья, заключительная глава. Данное исследование проведено в основном под углом зрения взаимоотношений России с ее союзниками — главным образом с Англией и Францией — по вопросам ведения войны. Эту проблему автор считает одной из важнейших во внешнеполитической истории царской России в годы первой мировой войны от ее начала и до Февральской революции. Исходя из этой посылки, основное внимание он обращает на проблемы коалиционной войны. В частности, им прослеживаются влияние империалистических противоречий в лагере союзников на ход войны, противоборство тенденций к объединению и разъединению военных усилий держав Антанты, обнаружившихся уже на первом этапе войны, когда тенденция к объединению «явно подавляется преобладанием ей противостоящей». Обе эти тенденции сказывались, по его мнению, и на последующих этапах борьбы. В связи с проблемой коалиционной войны рассматриваются характер и степень зависимости России от союзников, а также зависимость последних от России.

Другим ведущим направлением работы Емеца является анализ соотношения внешней политики царизма и его военной стратегии. Главная авторская мысль сводится к тому, что политика царизма не соответствовала его стратегическим расчетам, или, другими словами, цели, поставленные перед собой российским империализмом, не соответствовали тем средствам, которыми он

располагал. Та же идея развивалась в свое время А. М. Зайончковским[4], а также А. Л. Сидоровым[5]. Довольно основательно показана в книге роль царской дипломатии в деле привлечения Румынии на сторону держав Согласия. Подчеркивается также роль внешней политики царизма, его военных поражений в развитии революционного процесса в стране, хотя этот аспект затронут в самом общем плане, без насыщения повествования фактическим материалом. Несомненным достоинством исследования является стремление автора учитывать объективные трудности, стоявшие на пути военного сотрудничества и взаимопомощи держав Антанты, хотя сделано это весьма робко, скорее лишь намеком, без учета этих трудностей в конкретном анализе, что и сказалось на общих выводах, в частности на утверждении о преобладании разъединительных тенденций над объединительными. В целом работа В. А. Емеца продолжает и углубляет исследования в области дипломатии и внешней политики России в годы первой мировой войны[6]. В трудах современных военных историков[7] внешнеполитические сюжеты затрагиваются в самых общих чертах.

Отмечая несомненные достижения в изучении внешней политики России в преддверии второй русской революции, в первую очередь русско-французских и русско-английских отношений, нельзя не признать, что многие важные аспекты темы еще должным образом не разработаны и не отражены в нашей исторической литературе. Совершенно недостаточно освещены отношения России с двумя другими союзниками — Италией и Японией. Отношений с Италией исследователи касаются обычно в самой общей форме, отношения же с Японией вообще остаются на заднем плане. Исключение составляет исследование С. С. Григорцевича, в котором, в частности, достаточно обстоятельно освещаются, хотя и не столь детально, история заключения русско-японского союзного договора 1916 г., а также взаимоотношения двух стран по вопросам кредитования и военных поставок для русской армии[8]. Политика царской России в отношении «малых» союзников основательно показана в работах Ю. А. Писарева и В. Н. Виноградова[9]

Слабым местом в историографии внешней политики России в рассматриваемый период остаются отношения ее со Скандинавскими странами, имевшие весьма существенное значение во все годы первой мировой войны, в особенности русско-шведские отношения. Здесь можно назвать лишь кандидатскую диссертацию П. Э. Бациса «Русско-норвежские отношения в 1905—1917 гг.» и его же статью «Россия нейтральная Норвегия (1914—1917 гг.)»[10], содержащую краткий очерк русско-норвежских политических и экономических связей в означенные годы. Подчеркивается стремление России к сохранению с Норвегией добрососедских отношений, поддержка ее нейтралитета в европейском конфликте. Имеется также диссертация Н. В. Степанова, посвященная более узкому вопросу — об Аландских островах[11], в которой автор затрагивает в общем плане русско-шведские отношения в предшествовавшие краху самодержавия месяцы.

Неправомерно «забытой» остается политика России в отношении Греции, доставлявшей немало забот царской дипломатии, в особенности в 1916 — начале 1917 г. Эта проблема представлена в советской историографии, по существу, в трактовке 20-х годов, содержащейся во вступительной статье Е. А. Адамова, помещенной в сборнике документов «Европейские державы и Греция...»[12], где политика держав Антанты показана несколько односторонне, без должного учета попыток германского блока втянуть Грецию в войну против держав Согласия. Нельзя не отметить также, что за пределами данной публикации остались относящиеся к вопросу многие важные документы из Архива Внешней Политики России.

Почти не затронута пока политика России в отношении других нейтральных европейских стран: Испании, Швейцарии, Голландии, позиция которых (взаимоотношения их с Центральными империями) не выпадала из поля зрения царской дипломатии. Отношения царской России с великой заокеанской нейтральной державой — Соединенными Штатами Америки более или менее обстоятельно показаны в монографии Р. Ш. Ганелина[13], хотя политический и дипломатический аспекты этих отношений нуждаются еще в дальнейшем изучении.

Помимо отмеченных выше «узких мест», в историографии внешней политики России кануна февраля немало еще спорных вопросов, разноречивых суждений. В первую очередь здесь нельзя не указать на отсутствие единства мнений по одному из центральных вопросов темы — по вопросу о внешнеполитическом курсе царизма накануне Февральской революции. Речь идет о политическом курсе не в смысле его характера — эта сторона проблемы давно является азбучной истиной (внешнеполитический курс царизма был экспансионистским, империалистическим),— а в смысле отношения правящих кругов к дальнейшему продолжению войны. Война же, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, составляла тогда главное содержание внешней политики втянутых в нее государств.

В последние годы в этом вопросе выявились три основные точки зрения. Первая, до недавнего времени преобладавшая в советской исторической литературе, сводится к тому, что царизм отказался от лозунга войны «до победного конца» и взял курс на выход из войны путем сепаратного сговора с Германией. Особенно отчетливо, согласно данной версии, этот курс обозначился к концу 1916 — началу 1917 г., и если он не завершился сепаратным миром с блоком Центральных империй, то только потому, что его «упредила» Февральская революция. Эта точка зрения восходит еще к первым годам становления советской историографии, но с тех пор она претерпела определенную эволюцию. Вначале намерения царизма выйти таким путем из войны объяснялись соображениями внешнеполитического порядка[14], а затем — соображениями его внутренней политики: необходимостью подавления революции[15].

Другая точка зрения, диаметрально противоположная первой, состоит в том, что царизм неизменно следовал курсом продолже-

ния войны до победного конца, руководствуясь соображениями как внутреннего, так и внешнеполитического порядка[16]. Нельзя не отметить, что аргументация сторонников этого взгляда не во всем одинакова: имеются расхождения, подчас существенные, особенно в отношении того, что́ было определяющим в приверженности царизма этому курсу, какие мотивы удерживали его в войне против австро-германской коалиции и реальны ли были возможности к перемене военно-политической ориентации.

Еще одна точка зрения в вопросе об отношении царизма к войне, сформулированная А. В. Игнатьевым (а ранее Э. Б. Генкиной)[17], сводится к тому, что накануне Февральской революции царизм «испытывал серьезные колебания в целесообразности ее продолжения». Автор поясняет, что представляло эту колебательную линию во внешней политике не официальное правительство в лице глав министерств и ведомств, а закулисное — придворная камарилья и ее ставленники, придворные круги[18]. Убедительных доказательств в пользу данной версии не приведено. Не подкреплено пока фактическим материалом и утверждение о том, что тенденция к заключению сепаратного мира с Германией имела место «в некоторых правительственных кругах и царском окружении»[19]. Совершенно ясно, что без правильного, документально обоснованного освещения вопроса об отношении царизма к войне невозможно разобраться в существе важнейших внешнеполитических акций царского правительства, в его отношениях как с союзными, так и нейтральными государствами.

Не таким уж простым представляется вопрос о роли и месте России в системе Антанты. Хотя тезис о ее полуколониальной зависимости от западных держав давно развенчан, исследователи пока еще не пришли к однозначному мнению о том, насколько велика была эта зависимость и в какой мере она сказывалась на самостоятельности внешнеполитического курса страны, в том числе какую роль играла Россия в антигерманской коалиции — одну из главных или второстепенную? Пока что представления на сей счет весьма различны. Так, по мнению одних историков, ведущая роль в Антанте, роль лидера принадлежала Англии[20], по мнению других, руководящее положение в коалиции занимали Франция и Англия[21]. А в одной из недавних работ Россия вообще характеризуется как «второстепенный элемент» Антанты[22]. Нередки и утверждения о «прислужническом» амплуа России в первой мировой войне. Естественно, что при такой раскладке она попадает в разряд «руководимой» державы. В связи с этим встречаются и некоторые другие оценки, вроде той, что русской армии отводилась второстепенная роль («второстепенная задача») — ведение войны на «истощение» войск противника[23]. Между тем «война на истощение» была, как известно, общей стратегической линией держав Согласия, противопоставленной германской стратегии «быстротечной», «молниеносной» войны. Она одинаково проводилась как на Западном (французском), так и на Восточном (русском) фронте. В конечном счете эта стратегия привела к пораже-

нию Центральных империй, доказав несостоятельность военных доктрин германского генерального штаба.

Думается, таким образом, что зависимость России от союзников все еще несколько преувеличивается, недостаточно учитывается взаимная зависимость союзников от России. В трактовке этого вопроса и по сей день сказывается влияние историографии прошлых лет. Известный тезис о России как «прислужнице», «младшем партнере» западных держав в какой-то мере отражен в новой формулировке о лидерстве Франции и Англии в Тройственном согласии. Представляется необходимым привести эту трактовку в большее соответствие с ленинскими положениями, в частности с признанием того, что Россия являлась наряду с Англией и Германией одной из трех «главных величин» в мировой войне, одной из трех «сильнейших империалистских держав»[24]. «Война,— подчеркивал В. И. Ленин,— порождена империалистскими отношениями между великими державами... на первом месте стоят в этой войне *два* столкновения. Первое — между Англией и Германией. Второе — между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются главными величинами в настоящей войне, остальные — несамостоятельные союзники»[25]. Напомним, что данная классификация относится к концу 1916 г. Уточнение этого вопроса имеет большое методологическое и конкретно-историческое значение. Разнообразнейшая историко-дипломатическая документация убеждает, что, как ни велика была роль Англии в антигерманской коалиции, основным звеном коалиции, главной ее крепью являлся франко-русский союз. Речь идет, разумеется, о дофевральском периоде войны.

Заметны нюансы и в трактовке вопроса об ориентации России внутри Антанты, а именно: на кого больше «равнялась» Россия — на Францию, с которой она находилась в формальном союзе на протяжении почти четверти века, или на Англию? Сотрудничество с какой из этих держав признавалось более важным? К кому из них она больше тяготела и с кем старалась поддерживать наиболее близкие отношения? Одни историки считают таким союзником Францию, другие придерживаются несколько иного мнения. А. В. Игнатьев, не отрицая важного значения франко-русского союза, полагает, что Россия в этот период ориентировалась в первую очередь на Англию, считала ее более «важной» союзницей. Эта оценка заключена им в формулу: «английский крен» в русской политике. К сожалению, автор не наполнил эту формулу реальным содержанием, не раскрыл наглядно, что́ представлял собой этот «крен», в чем конкретно он проявлялся. В другом месте, однако, отмечается, что Франция была наиболее близкой России союзной державой (имеется в виду канун Февраля), а Англия — «наиболее антирусски настроенной»[26].

В показе взаимоотношений России с союзниками нередко наблюдается некоторое преувеличение реально существовавших между ними противоречий и совершенно недостаточно учиты-

ваются те объективные трудности, с которыми приходилось сталкиваться каждой из союзных стран. В отдельных случаях эти противоречия выпячиваются настолько, что заслоняют собой взаимное сотрудничество, и невольно возникает вопрос: на чем же, собственно, держалась антигерманская коалиция, если она была столь раздираема внутренними противоречиями? Так, по мнению В. А. Емеца, в межсоюзнических отношениях долгое время преобладали не объединительные военно-политические тенденции, а разъединительные. «Уже с начала войны,— пишет автор,— начинается противоборство разъединяющих и объединяющих тенденций в союзнических отношениях, причем тенденция к интеграции военных усилий явно подавляется на этом этапе войны (до весны 1915 г.— *В.В.*) преобладанием ей противостоящей»[27]. И это в тот самый период, когда Россия приложила максимум усилий ради спасения своей союзницы от сокрушительного натиска германских полчищ. «Определившиеся в первый год войны тенденции в политике и стратегии России и ее союзников,— говорится далее,— с определенной последовательностью и закономерностью проявились и на следующем этапе мировой войны (1916—февраль 1917 г.)... выработанная в этот период общесоюзническая стратегия подчеркивала неравноправное положение русской армии в Антанте... В условиях империалистической коалиции руководящие державы Антанты — Франция и Англия — использовали объединительные тенденции в коалиционной войне в своих корыстных империалистических интересах»[28]. На первом плане опять-таки не центростремительные, а центробежные силы союза.

Учет объективных, реально существовавших трудностей будет содействовать более глубокому изучению всех многосложных проблем войны и межсоюзнических отношений, более адекватному отражению политики России и ее партнеров.

Важным аспектом темы является вопрос о целях царизма в войне. И в этом аспекте имеет место некоторое «разночтение». Прежде всего это касается главной цели войны: не всегда эта цель подчеркивается с должной четкостью и определенностью. Встречается, что на первый план выдвигают стремление царизма к захвату Константинополя и проливов. Овладение ими характеризуется как центральный, основной пункт внешнеполитической программы. Между тем главной целью царской России, как и ее союзников (Англии и Франции), с самого начала было и оставалось сокрушение военно-политического могущества Германии и устранение опасности установления ею своей гегемонии в Европе. Однако эта, казалось бы, бесспорная истина упускается из виду или о ней говорится мимоходом.

Не отражена должным образом и другая весьма важная наряду с овладением проливами цель — создание «целокупной» Польши. Тем самым невольно создается некоторый «перекос»: будто не европейский, а балкано-ближневосточный театр занимал главенствующее место в русской внешней политике в годы первой мировой войны. Кстати, именно последняя задача — создание «це-

локупной» Польши — первой была поставлена в повестку дня в самом начале войны, что указывало на первостепенное значение для России Европейского региона во внешней политике. Отношение царского правительства к решению этой задачи на протяжении войны, разумеется, претерпевало определенную эволюцию. Нельзя не напомнить в этой связи, что польский вопрос и его место во взаимоотношениях царской России с ее союзниками вообще не получили пока соответствующего отражения в нашей историографии.

Несомненный интерес вызывают также и планы царизма в отношении сложившейся системы военно-политических союзов на ближайшие послевоенные годы и в долгосрочной перспективе. Пока об этом почти не упоминается, а если и упоминается, то весьма и весьма глухо.

Существенной представляется интерпретация вопроса о соотношении целей царизма в войне и средств, которыми он располагал для их осуществления. Думается, однако, что при всей обоснованности суждений относительно неподготовленности царской России к войне, отсталости ее экономики и т. д. нельзя абстрагироваться в данном случае от коалиционного характера войны, оценивать эти средства изолированно от средств и возможностей союзников. Необходимо исходить из возможностей всей англо-франко-русской коалиции в их совокупности, как и из баланса сил обеих противоборствовавших группировок. В противном случае пришлось бы признать, что ни Франция, ни Англия тоже не располагали достаточными средствами для достижения поставленных ими целей. Существо данного вопроса значительно глубже и лежит в иной плоскости. Даже если бы царизм не поставил перед собой названных целей, а добивался лишь разгрома Германии, он потерпел бы такой же провал прежде всего из-за гнилости режима, несоответствия внутренней политики потребностям ведения столь длительной и упорной борьбы. Еще на опыте русско-японской войны В. И. Ленин наглядно показал неразрывную связь оборонной мощи страны, военного потенциала с ее внутренним социально-экономическим и политическим укладом жизни, с состоянием базиса и надстройки[29].

Нет пока полного совпадения взглядов историков по вопросу об отношении к внешнеполитическим планам царизма и к войне различных классов и партий. Чаще всего указывается на разногласия между правым крылом правительственного лагеря, крайне правыми и черносотенными монархическими организациями и группами и партиями либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции. При этом в одних работах отмечается, что наибольшую агрессивность и алчность проявляли крайние правые, консервативные монархические круги. В других, напротив, подчеркивается, что наиболее решительными сторонниками захватнических устремлений царизма, в частности в отношении Константинополя и проливов, выступали буржуазные либеральные круги, прежде всего кадеты и «прогрессисты»[30]. Различная историческая документация показывает, что никаких существенных расхождений между по-

мещичьими и буржуазными партиями в отношении военных и политических целей царизма не существовало. И в тех и в других кругах были как сторонники, так и противники «размашистого аннексионизма». В основных же пунктах «программы» их взгляды и намерения совпадали. То же самое можно сказать и о высших военных кругах.

Иную позицию занимали, конечно, германофилы, главной заботой коих было не доводить столкновение до сокрушительного разгрома Германии и низведения ее до уровня второразрядной державы. Но их реальное влияние на политику пока не выяснено. В силу понятных причин они действовали не прямыми путями, а косвенно, с помощью всевозможных тайных интриг.

Заметны расхождения во взглядах историков при освещении вопроса об отношении помещичьих и буржуазных партий к войне в конце 1916 — начале 1917 г. Одни считают, что правое крыло правящего класса («организации и группы крайне правых и большинство националистов», «правое крыло крепостников-помещиков») склонялось в указанный период к выходу из войны путем сепаратного мира с Германией[31]. Другие, напротив, доказывают, что и буржуазные и помещичьи партии всех оттенков упорно стояли за продолжение войны до победного конца[32].

По-разному оцениваются в советской историографии итоги борьбы противостоявших блоков к исходу 1916 г. и перспективы ее дальнейшего развертывания, что не могло не отражаться на политике их участников. Одни специалисты полагают, что перспективы войны были еще не ясны, в противостоянии блоков установилось примерное равновесие; другие считают, что чаша весов вполне определенно стала склоняться в пользу держав Антанты. Так, А. В. Игнатьев пишет: «Если говорить о перспективах, то на рубеже 1916—1917 гг. ни одна из воюющих коалиций не добилась решительного перевеса. Преимущества Антанты в экономических ресурсах до сих пор как бы уравновешивались лучшей организацией и единством действий противника»[33]. В конце 1916 г., отмечает В. М. Хвостов, было еще далеко не ясно, «чья возьмет»[34].

Несколько иначе представляют себе обстановку военные историки. В упоминавшемся уже двухтомнике «История первой мировой войны. 1914—1918 гг.» отмечается: «В кампании 1916 г. успех был на стороне Антанты. Антанта, развернув свой мощный военно-экономический потенциал, вырвала стратегическую инициативу из рук центральных держав. Превосходство Антанты в численности войск, в вооружении и военной технике определило в 1916 г. перелом в войне в ее пользу»[35].

Немало в литературе и других разноречивых суждений. Это лишний раз подчеркивает необходимость дальнейшего тщательного изучения обширнейшей исторической документации, относящейся к данной области обществоведения.

Что касается зарубежной историографии внешней политики России в предфевральский период, то о ней приходиться говорить лишь в общих чертах, и не только по причине жестких рамок

объема. Данная область нуждается в специальном изучении и соответствующих разработках. Общее же знакомство с иностранной литературой позволяет заключить, что основная масса наших зарубежных оппонентов далеко не отступила от тех схем и подходов в интерпретации внешнеполитической истории первой мировой войны, в том числе и русской политики, которые сложились еще в 20 — 30-е годы. Литература эта, конечно, многолика — от откровенно апологетических до буржуазно-объективистских, фактографических опусов. По-прежнему преобладает затушевывание захватнических, империалистических устремлений отечественной буржуазии и «своих» правительств с изобличением агрессивных планов вражеской коалиции, подчеркивание «оборонительного» характера войны со стороны той группировки держав, которую «представляет» тот или иной буржуазный автор, и т.д. Все это весьма обстоятельно раскрыто в монографии К. Б. Виноградова[36] и в ряде других статей.

Еще большая тенденциозность сохраняется в отношении к России и ее политике. В описаниях представителей реакционно-консервативного направления, в особенности из числа наиболее оголтелых советологов, усердно выпячивается «традиционный русский аннексионизм»; возлагается на Россию главная ответственность за возникновение мирового конфликта, чем выделялись в свое время представители старой германской школы, а затем фашистские историки; принижается роль русской армии в разгроме австро-германского блока и др.

Нельзя не отметить, однако, значительных сдвигов, которые произошли в 60 — 70-е годы в западногерманской историографии первой мировой войны. Сдвиги эти связаны прежде всего с именем гамбурского профессора Ф. Фишера. Еще в начале 60-х годов вышла в свет его книга «Рывок к мировому господству», вызвавшая переполох среди историков-традиционалистов. В этой книге на основе документальных данных было убедительно показано, что в 1914 г. кайзеровская Германия сознательно пошла на конфликт с Россией и Францией, рассчитывая на свое военное превосходство. Поэтому делался вывод, что германское имперское руководство «несет значительную долю ответственности за возникновение всеобщей войны»[37]. Тем самым нанесен серьезный удар по реакционной германской историографии и защищаемым ею постулатам о «невиновности» Германии в возникновении первой мировой войны и «равном распределении» ответственности между втянутыми в войну державами. На большом фактическом материале автор показал стремление германских монополистов, юнкерства и военщины к широким аннексиям на Востоке и Западе. (Кстати, не обнаружил Фишер и тяготения царской России к выходу из войны путем сепаратного сговора с Германией).

Фишер вызвал ожесточенные нападки представителей правоконсервативного крыла западногерманских историков, защищающих концепцию «оборонительной» войны со стороны кайзеровской Германии (Г. Риттер, Г. Герцфельд, Э. Хельцле и др.). Но у Фише-

ра нашлись единомышленники и последователи. В 1963—1965 гг. ученик Фишера И. Гейсс издал двухтомник документов о первой мировой войне, содержание которых убедительно подкрепляло выводы гамбургского профессора. Сам Гейсс в работе «Польская пограничная полоса в 1914—1918 гг.» показал стремление германского военно-политического руководства значительно «отодвинуть» на восток границы империи Гогенцоллернов[38].

В 1964 г. в поддержку Фишера решительно выступил редактор журнала «Der Spiegel» Р. Аугштейн, опубликовавший на его страницах большую обстоятельную статью, в которой подчеркивается, что и первая и вторая мировые войны были развязаны германским империализмом с целью установления мирового господства. «Обе мировые войны были немецкими войнами за гегемонию в Европе, за первое место в мире. Германия сознательно рисковала и, исчерпав себя, проиграла их»[39].

Историки старой германской школы не собирались, однако, сдавать своих позиций, выступив с резкими нападками на «новаторов», обвинив их, прежде всего Фишера, в политической тенденциозности, пренебрежении к достижениям традиционной «немецкой школы», утрате патриотического долга и прочих прегрешениях. Приверженец историографического «традиционализма» В. Губач, например, подготовил две работы: «Причины и повод мировой войны 1914 года» и «Германия в мировой войне 1914—1918 гг.», в которых усердно пытался гальванизировать замшелые догмы реакционной историографии[40]. Бесплодность и несостоятельность потуг Губача убедительно была показана Гейссом, детально проанализировавшим названные работы[41]. Дисскуссия приобрела довольно широкий размах. В 1965 г. Фишер выступил с новой монографией, нанеся очередной удар по апологетическим концепциям[42].

Для буржуазной историографии последних десятилетий характерен также повышенный интерес к маневрам германской дипломатии в годы первой мировой войны, в особенности к проблеме сепаратного мира. Толчком послужила известная французская публикация архивных документов германского Министерства иностранных дел, относящихся к 1914—1918 гг.[43] Исследования в этом аспекте появились в ряде стран — Франции, Бельгии, США, ФРГ и др.[44] Наиболее любопытной представляется работа американского историка Л. Фаррара, рассматривающего вопрос о сепаратном мире в контексте борьбы Германии за установление господства в Европе и в мире, стремления играть роль, «сравнимую с другими мировыми державами — Британской империей, Соединенными Штатами и Российской империей»[45]. И вообще, по признанию того же Фаррара, политика Германии во время первой мировой войны стала «главным спором» не только в германской, но и в европейской историографии 60—70-х годов [46]. Все это свидетельствует о том, что внешняя политика России в предфевральский период, как и международные отношения в целом, остается в сфере непрекращающейся идеологической конфронтации.

[1] Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981. С 346—348.

[2] *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974. С. 9—66; См. также: Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966. С. 28—122.

[3] *Емец В. А.* Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. 1914—1917. М., 1977. С. 251—361.

[4] *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л., 1926. С. 9 и след.

[5] *Сидоров А. Л.* Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны 1914—1917 г. // Ист. зап. 1945, Т. 15; *Он же.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960; *Он же.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.

[6] См.: Новая и новейшая история. 1977. № 2. С. 169—171; Вопр. истории. 1978. № 4. С. 131—133; История СССР. 1978. № 2. С. 194—196.

[7] *Строков А. А.* Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974; История первой мировой войны. 1914—1918. М., 1975. Т. 1—2; *Ростунов И. И.* Русский фронт первой мировой войны. М., 1976.

[8] *Григорцевич С. С.* Дальневосточная политика империалистических держав в 1906—1917 гг. Томск, 1965. С. 515—534.

[9] *Писарев Ю. А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне 1914—1918 гг. М., 1968; *Виноградов В. Н.* Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969; *Нарочницкий А. Л.* Великие державы и Сербия в 1914 г. // Новая и новейшая история. 1970. № 5.

[10] *Бацис П. Э.* Русско-норвежские отношения в 1905—1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1973; Новая и новейшая история. 1972. № 6. С. 112—121.

[11] *Степанов Н. В.* Вопрос об Аландских островах. 1914—1921 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1952.

[12] Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны. По секретным материалам б. Министерства иностранных дел. М., 1922.

[13] *Ганелин Р. Ш.* Россия и США. 1914—1917. Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969.

[14] *Покровский М. Н.* Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М.; Л., 1927. С. 172, 177, 179; *Дякин В. С.* К вопросу о «заговоре царизма» накануне Февральской революции // Внутренняя политика царизма. (Середина XVI — начало XX в.). Л., 1967. С. 363—364.

[15] *Семенников В. П.* Политика Романовых накануне революции. (От Антанты к Германии). М.; Л., 1926; *Он же.* Монархия перед крушением. 1914—1917 ...Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л., 1927; *Он же.* Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л., 1929; История гражданской войны в СССР. М., 1935. Т. 1. С. 48—60; *Минц И. И.* История Великого Октября. Свержение самодержавия. М., 1967. Т. 1. С. 459—463; 2-е изд. М., 1977. С. 392—397; *Комин В. В.* Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Отябрьской социалистической революции. М., 1965. С. 53; *Касвинов М. К.* Двадцать три ступени вниз М., 1978. С. 276—291; *Соловьев О. Ф.* Обреченный альянс. М., 1986. С. 80—109, 134—152, 166—171.

[16] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914—1917 гг. Л., 1967. С. 276—288; *Бурджанов Э. Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967, С. 72; *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М.; 1976. С. 16—17; *Он же.* История СССР. Период империализма. 3-е изд. М., 1974. С. 403—406; *Яковлев Н. Н.* 1 августа 1914. М., 1974. С. 151—153; *Емец В. А.* Очерки истории внешней политики России в период первой мировой войны. 1914—1917. М., 1977. С. 330—331; *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977. С. 225—226; *Васюков В. С.* К вопросу о сепаратном мире накануне Февральской революции // Исторические записки. 1982. С. 100—170; Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 631—633; *Писарев Ю. А.* Первая мировая война и проблема

сепаратного мира. // Новая и новейшая история. 1985. № 6. С. 45—54.

[17] *Генкина Э. Б.* Февральский переворот // Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1927. Т. 2. С. 10, 13.

[18] *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 44, 425. См.: *Он же.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль — октябрь 1917 г.). М., 1966. С. 42—60, 382—384.

[19] *Емец В. А.* Указ. соч. С. 330.

[20] *Бестужев И. В.* Основные аспекты внешней политики России накануне июльского кризиса (февраль — июнь 1914 г.) // Первая мировая война 1914—1918. М., 1968. С. 87; *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. С. 384.

[21] *Емец В. А.* Указ. соч. С. 354, 358, 359.

[22] *Соловьев О. Ф.* Обреченный альянс. М., 1986. С. 13—14.

[23] *Емец В. А.* Указ. соч. С. 359 и др.

[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 185, 191, 242.

[25] Там же.

[26] *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 27, 30—31.

[27] *Емец В. А.* Указ. соч. С. 357.

[28] Там же. С. 359.

[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 156.

[30] См.: *Емец В. А.* Указ. соч. С. 133, 146—147; *Игнатьев А. В.* Указ. соч. С. 62—63.

[31] *Игнатьев А. В.* Указ. соч. С. 38—39; *Соловьев О. Ф.* Указ. соч. С. 88, 108—109, 169.

[32] *Спирин Л. М.* Указ. соч.; *Черменский Е. Д.* Указ. соч.

[33] *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 16.

[34] История дипломатии. 2-е изд. М., 1965. Т. 3. С. 30.

[35] История первой мировой войны 1914—1918. М., 1975. Т. 2. С. 280. См. также: *Ростунов И. И.* Указ. соч.; *Строков А. А.* Указ. соч.

[36] *Виноградов К. Б.* Буржуазная историография первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения в 1914—1917 гг. М., 1962; *Он же.* Новая буржуазная литература по истории международных отношений периода первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1965. № 5. С. 126—135.

[37] *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914—1918. Düsseldorf, 1961. S. 97.

[38] *Geiss Im.* Der Polnische Grenzstreifen 1914—1918. Ein Beitrag zur deutschen Kriegszielpolitik im Ersten Weltkrieg. Lübeck, Hamburg, 1960.

[39] Der Spiegel. 1964. N 11. S. 48.

[40] *Hubatsch W.* Ursachen und Anlass des Weltkrieges 1914. Schicksalsjahre deutscher Geschichte. Boppard, 1964; Idem. Deutschland im Weltkrieg 1914—1918. Fr. am Main, 1966.

[41] Neue politische literatur. 1967. H. 2.

[42] *Fischer F.* Weltmacht oder Niedergang Deutschlands im estern Weltkrieg. Eine Antfort and Gerhard Ritter und Egmont Zechlin. Hamburg, 1965; Idem. World Power or Decline. N. Y., 1974. Подробнее об этом см.: *Салов В. И.* Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968; *Петряев К. Д.* Мифы и действительность в «критическом пересмотре» прошлого. Очерки буржуазной историографии ФРГ. Киев. 1969.

[43] L'Allemagne et les problemes de la paix pendant la première guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemand des affaires étrangères. Publiés et annotés par *A. Scherer et J. Grunewald.* Paris, 1962—1966; V. 1—2.

[44] *Castex H., Far A. de la.* Les dessous de la guerre 1914—1918. Paris, 1967; *Pedroncini G.* Les négociations secrètes pendant la Grande guerre. Paris, 1969; *Launey J.* Secrets diplomatiques 1914—1918. Bruxelles, Paris, 1963; Idem. Les grandes controverses du temps présent. Vervier, 1967; *Rauch G. von.* Russische Friedenstühler 1916—1917? // Internationales Recht und Diplomatie. Jahrgand. 1965. Köln. S. 61—68; *Farrar L. L.* Divide and Conquer. German efforts to conclude a separate peace. 1914—1918. N. Y., 1978.

[45] *Farrar L. L.* Op. cit. P. 103, 104.

[46] Ibid P. 102.

Глава первая

КАБИНЕТ ШТЮРМЕРА И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ЦАРИЗМА

Происшедшая в январе 1916 г. смена главы царского кабинета оказалась для большинства политических наблюдателей и партийных группировок как внутри России, так и за рубежом совершенно неожиданной. Буржуазная либеральная общественность вначале была склонна усмотреть в этой смене царских рулевых намерение «сфер» пойти на примирение с прогрессивным блоком, а кое-кто высказывался даже о возможности «нового курса»[1]. Газета Рябушинского, например, в передовой статье писала, что согласие Б. В. Штюрмера на принятие премьерского поста «при обстоятельствах, когда победило течение в пользу Думы», может служить косвенным свидетельством того, что новый глава кабинета, «подобно А. Н. Хвостову», назначенному в конце сентября минувшего года министром внутренних дел, «сделает некоторые шаги в сторону примирения правительства с русским прогрессивным обществом»[2].

Кадетская «Речь», в свою очередь, считала, что перемена премьера не меняет положения, полагая, однако, что Штюрмер будет проводить, наверное, более мягкую политику по отношению к Думе[3]. У самого́ председателя Государственной думы октябриста Родзянко, имевшего встречу со Штюрмером 25 января, создалось впечатление, что новогодний премьер готов идти навстречу пожеланиям народного представительства и найти подход к соглашению с ним[4].

Скороспелые прогнозы, однако, не подтвердились. Уже в день опубликования рескрипта об отставке Горемыкина и «высочайшего указа» о назначении на его место Штюрмера, 20 января 1916 г., крупнейшие столичные газеты поместили на своих страницах «беседу» нового премьера с анонимными «представителями прессы», в которой формулировалась в общих чертах правительственная программа на ближайшее время в области внешней и внутренней политики, определялись в суммарном виде очередные задачи власти и страны в целом. Главной из них признавалась «организация победы»[5]. «Основная задача, которая стоит перед всеми нами,— заявил Штюрмер в самом начале беседы,— заключается в достижении во что бы то ни стало победоносного конца не нами начатой войны. Я был всегда и остаюсь убежденным и непреклонным сторонником той мысли, что эта навязанная нам война должна быть какою угодно ценою нами выиграна». При этом он ссылался

прежде всего на то, что российская держава обладает несметными природными богатствами и огромным населением, дающими надежду пережить любые испытания. Ей не грозит ни финансовое, ни экономическое истощение. Да и можно ли говорить о каком-то истощении столь огромной страны, когда речь идет о ее самых жизненных интересах? Природные богатства России, как и ее духовные силы, неистощимы, и в этом — залог победы. Ни Россия, ни русский народ, восклицал гофмейстер царя, побеждены быть не могут.

Особый акцент в «беседе» был сделан на верности России союзническим обязательствам и стремлении царского правительства обеспечить стране «достойный мир». Никакие предложения сепаратного мира, подчеркнул Штюрмер, какими бы ни казались они заманчивыми и выгодными, не могут разрешить той проблемы, которая поставлена перед народами мира этой «титанической борьбой». «Великая страна и великий народ могут заключить мир лишь в полной солидарности с их великодержавными союзниками» и в твердой уверенности, что этот мир обеспечит ей на многие годы «преуспеяние и благоденствие».

Во имя достижения победы и осуществления намеченных внешнеполитических целей Штюрмер, так же как и его предшественник на посту председателя совета министров, призывал к поддержанию «гражданского мира», понимая под этим полное повиновение воле монарха и его правительства, отказ от каких бы то ни было оппозиционных и революционных выступлений. Со своей стороны, он обещал несколько «скорректировать» внутреннюю политику царизма, смягчить ее, избегать крайностей. Правительство, уверял премьер, «сумеет найти общий язык с законодательными учреждениями», и лично он «совершенно чужд» какой-либо предвзятости по отношению к ним. В такое исключительное время, какое переживает страна, «каждому из нас меньше всего надо думать о своих правах и как можно больше заботиться об исполнении своих обязанностей». Обязанности же эти не в сведении мелких будничных счетов, а в полном их забвении во имя достижения «великой цели, от осуществления которой зависит все будущее великой России».

Штюрмер высказывался также в пользу сотрудничества правительства с общественными организациями и учреждениями, признавая на словах несомненную плодотворность их деятельности «не только в жизни местной, но и общегосударственной». Стремясь снискать расположение цензовой России, царский гофмейстер лицемерно заявлял: «Я искренно верю, что и общественные, и правительственные учреждения одинаково работают на пользу государства». Конечно, заигрывал Штюрмер с либералами, в деятельности общественных учреждений имеются и «серьезные недостатки», на которые он «не закрывает глаза». Но не в этом суть, не они решают дело — «ценно сотрудничество общественных сил».

Само собой разумеется, что речь шла не о рабочих организациях. Николай II устами главы своего кабинета пытался заигры-

вать с буржуазной общественностью. Касаясь предстоящей практической деятельности правительства и признавая на словах реальную возможность «плодотворной работы по осуществлению стоящих на очереди преобразований», Штюрмер категорически заявил, что «теперь, конечно, не время для разрешения многогранных и сложных проблем мирного уклада государственной жизни России». Вниманию законодательных учреждений будет предложено лишь то, «что в той или иной мере связано с достижением нашей главной цели — с организацией победы».

Это почти дословно повторяло то, что было сказано Горемыкиным на летней (1915 г.) сессии Государственной думы[6], т.е. никаких реформ, по-прежнему отвергалась и та скромная программа, с которой выступил «прогрессивный блок».

Правомонархические, черносотенные круги поспешили апробировать «программу Штюрмера» и обеспечить ей хорошую прессу. Органы правой печати широко распубликовали «беседу» и принялись усердно комментировать ее в выгодном для консерваторов свете. Прежде всего подчеркивалась неизменность общего политического курса, неизменность того «русла, по которому течет правительственная политика». Это русло, уточняла синодская газета, «остается прежним и всякая попытка изменить его встретит сильнейший отпор»[7].

Шумную рекламу «вступительным словам» нового главы царского кабинета создавали такие правые органы печати, как «Земщина», «Голос Руси», «Русское знамя», «Новое время», «Петроградские ведомости» и др. В одной из статей по случаю назначения очередного премьера последняя газета патетически возвещала: принимая на себя бремя высокой ответственности в исключительную эпоху, переживаемую Россией, он ознаменовал начало своей новой государственной деятельности заявлением: краеугольным камнем всех его дел и помыслов является достижение «во что бы то ни стало победоносного конца не нами начатой войны». «Правительство в лице Б. В. Штюрмера исполнено веры, что Россия, полная неистощимых сил и богатств, побеждена быть не может: великая страна заключит лишь достойный ее и обеспечивающий государству„на долгие годы благоденствие и преуспеяние мир в полной солидарности со своими великодержавными союзниками“»[8].

«Вступительные слова» нового премьера, писала газета, «являются лучшим противодействием подпольным слухам о сепаратных соглашениях, о сведении „на нет“ великой борьбы, которые, распространяясь из несомненно враждебных правительству источников, периодически смущают население и вызывают некоторое совсем несвоевременное разочарование и утомление»[9]. Весь тыл, вся Россия должны быть увлечены «не мелкими эгоистическими стремлениями, будничными счетами и заботами о своих правах, а исполнением своих обязанностей». И правительство, и народ должны быть объединены на общем лозунге: «Все для войны!». Превыше всего — достижение победы над внешним вра-

гом, и только потом «разрешение многогранных и сложных проблем мирной жизни»[10].

Те же идеи развивал в январские дни 1916 г. другой рупор крайних правых — «Голос Руси»[11]. Газета требовала смотреть на стоящие перед страной задачи через призму не «узкой партийности», а общегосударственных интересов (в ее, разумеется, представлении) и не акцентировать внимание на том, к какой политической группировке принадлежит новый глава кабинета (к правым или крайним правым), не акцентировать внимание на том, что его мировоззрение сложилось во времена Сипягина и Плеве, о чем писали органы либеральной печати. Не следует «нажимать» и на то, что предстоящая деятельность Штюрмера в качестве председателя совета министров будет протекать «под знаком правой партийности». И для правых и для «левых» (либеральных кругов) императив — одна общая задача — одолеть неприятеля. На все время войны Россия должна представлять собой «монолит, зажженный единой волей к победе». «Победа — отправная точка момента. Она idée fixe нашего современного государственного бытия».

В цветистых выражениях перепевался «штюрмеровский» лозунг о достижении победы «какой угодно ценой». Ради этого редакция и совладельцы «Голоса Руси» призывали «отрешиться от всяких партийно-программных стремлений и отдать все свои силы, всю свою потенциальную энергию на дело победы». В условиях беспощадной войны в жизни страны существует лишь два больших деления — фронт и тыл. Поэтому беспредельная матушка Русь должна рассматриваться «как гигантский военный завод, питательный и санитарный пункт, беспрерывно подающий действующей армии и новых бойцов, и снаряды, и снабжение, и перевязочные средства».

Никаких реформ, никаких преобразований социально-экономического и политического укладов русской жизни — неизменное кредо реакционной газеты, как, впрочем, и всех других консервативно-монархических органов печати: «Пора проснуться от каталепсии, пора совсем забыть свой старый, домашний раздор, пора отрешиться от всяких политических требований, заменив их одним стремлением, одной волей — к победе».

«Голос Руси» не отказал себе в удовольствии подчеркнуть важнейшую задачу председателя совета министров, которая должна сводиться «к объединению действий правительства в соответствии с потребностями фронта», подразумевая под этим прежде всего полное единомыслие внутри самого правительства без каких-либо политических «уклонов» отдельных его членов вроде либеральствующих Сазонова, министра народного просвещения П. Н. Игнатьева и военного министра А. А. Поливанова (последний вскоре будет уволен в отставку, а затем настанет очередь и Сазонова). В другой статье та же газета не без определенного намека информировала: «Из предварительных личных бесед нового председателя совета министров с членами его кабинета выясни-

лось, что резких расхождений во взглядах на политику момента не имеется»[12]. Кое-кому надлежало сделать из этого соответствующий вывод. Не случайно в прессе тех дней было немало всевозможных толков о предстоящих новых перемещениях в высшем эшелоне власти.

«Согласованность» провозглашалась газетой как «категорический императив» и в области внешней политики, в действиях партнеров по антигерманской коалиции. Этот лозунг, подчеркивала передовая, должна выдвинуть каждая страна в отдельности, если она хочет оказаться действительно грозной силой в урагане мировой войны. Цель же этой войны — восстановление попранных прав «маленьких благородных народов — Бельгии, Сербии» Как видим, и махровые реакционеры не обходились без спекулятивных разглагольствований об «освободительном» характере грабительской империалистической войны», о «спасительной миссии» великих держав.

В целом правые чувствовали себя именинниками по случаю назначения их испытанного сотоварища на высший правительственный пост в империи. Газета «Биржевые ведомости» 22 января сообщала, что на вечернее заседание правых Государственного совета неожиданно явился вновь назначенный председатель совета министров, участвовавший в предыдущем заседании группы на правах рядового члена. Появление Штюрмера вызвало «большое волнение» среди членов группы. Ее председатель граф А. А. Бобринский обратился к гостю с приветствием, указав на его «заслуги» перед правой группой, членом которой он состоял с 1904 г., а недавно был избран и в ее совет. Отвечая на просьбу Бобринского сохранить о своих правых коллегах добрую память, Штюрмер выступил с краткой речью, в которой заявил, что он навсегда сохранит эту память, а пока считает себя вынужденным выйти из состава группы[13], что не означает, разумеется, его перехода на «нейтральные» позиции.

Скептическими комментариями встретила «вступительное слово» Штюрмера печать либерального направления. Лейтмотивом ее оставался лозунг войны до победного конца. И под этим углом зрения обсуждался вопрос о том, какой должна быть внутренняя политика правительства. Но из того, что было сказано новым председателем совета министров в интервью представителям прессы, лишь немногое вселяло надежду на изменение внутриполитической обстановки к лучшему. В центре внимания оппозиционной буржуазной печати находилась проблема восстановления «священного единения», установившегося в начале войны и нарушенного затем реакционной политикой власти.

«Пораженная неожиданностью» как отставки Горемыкина, так и назначения Штюрмера, газета Рябушинского «Утро России», хотя и «подозревала», что в высших сферах победило течение в пользу Думы и общественных организаций, тем не менее убеждала читателей: рассчитывать на какие-либо существенные перемены в области внутренней политики не приходится: «вероятно, мы

имеем перед собой министра, который, подобно А. Н. Хвостову[14], сделает некоторые шаги в сторону примирения правительства с прогрессивным обществом» (но не более того)[15]. Основанием для такого вывода служила вся карьера Штюрмера. Новый премьер, писала газета, прошел школу Сипягина и Плеве: у последнего он был товарищем министра и как политический деятель являлся «величиной вполне определенной». В Государственном совете, где состоял по высочайшему назначению с 3 сентября 1904 г., примыкал к группе правых, хотя и держался в последнее время «в стороне от политических выступлений консервативного лагеря». Да и вообще газете представлялся менее интересным вопрос, будут ли сделаны шаги в сторону примирения правительственной власти с буржуазными общественными организациями, «чем вопрос об устранении разногласий в среде самого кабинета министров».

Еще больше скептицизма обнаружила другая буржуазно-прогрессистская газета — «Раннее утро». В ней прямо заявлялось: опыт премьерства Горемыкина должен еще раз убедить «отечественных оптимистов» в том, что чудесных превращений в такое прозаическое время не бывает, что задачи российского консерватизма, «как дореформенного, так и обновленного», всегда одни и те же, что служители консервативной идеи в «мягких» или в «твердых» формах всегда проводят и будут проводить «все ту же программу, находящуюся в полном противоречии с требованиями жизни». На посту премьера ветерана бюрократии Горемыкина сменил сановник, примыкающий к правым группам. Поэтому в ближайшем будущем трудно ожидать каких-либо серьезных изменений в направлении политического курса[16].

Кадетская «Речь» в своих комментариях по тому же поводу, прежде чем обсуждать «программу» нового премьера, ограничилась постановкой «предварительного» (по существу, бессодержательного) вопроса: кому принадлежит эта программа — правительству или самому Штюрмеру? Автор заметки, укрывшийся за псевдонимом Скептик, с серьезным видом уточнял: от того или иного решения означенной «дилеммы» зависит и отношение к самой программе. Но это — пустая риторика. Каждому серьезному наблюдателю было ясно, что переданное в прессу заявление нового царского избранника получило высочайшее одобрение и является, следовательно, установкой для правительства. Не случайно и сам Скептик прозрачно намекал на тщетность ожидания каких-либо значительных перемен от смены главы кабинета[17].

Подключилась к обсуждению провозглашенного Штюрмером курса и газета «Биржевые ведомости», слывшая наиболее умеренной среди «большой прессы»[18]. Приветствуя предложенные им «пальмовую ветвь мира» и «внешнее отсутствие гордыни», «Биржевка» рекомендовала Штюрмеру не ограничиваться словесным проявлением благожелательства по отношению к «народному представительству» и общественным организациям. Для решения сложной проблемы «взаимодействия и взаимопонимания» правя-

щих кругов и общества, грубо нарушенных политикой его предшественника, одно такое «благожелательство» признавалось явно недостаточным. После «вступительного жеста» о намерении ввести страну в нормальные законодательные берега должны последовать практические шаги, должна проявиться сама суть совместной законодательной работы правительства и Думы. «До сих пор народному представительству не была дана возможность спокойно и продуктивно работать. Лучшие силы страны в столь ответственный момент оставались втуне»[19].

Усердные трубадуры правительства, продолжала газета, возвещают, что с назначением Штюрмера действительно произошел «яркий перелом» в отношении к Государственной думе. Если это так, надо условиться, на какой основе может состояться «объявленное властью перемирие», против которого не возражала бы Дума «с ее более чем умеренным уклоном». В качестве платформы деятельности правительства во главе с новым премьером предлагался тот «компромиссный минимум, на котором сошлись наиболее зрелые» партии Думы и Госсовета, составившие «солидное парламентское большинство», т. е. программа «прогрессивного блока», без чего «мир» с народным представительством признавался невозможным. От этой программы, утверждала газета, блок не отступит. К сожалению, никакого конкретного плана или хотя бы схемы предстоящих деловых отношений с ним в высказываниях Штюрмера не вырисовывается. «В его беседе с представителями печати,— констатировала газета,— мы тщетно искали каких-либо следов в этом смысле. Дальше „прелюдии“ о симпатии и доверии он не шел». Между тем основным условием деловых контактов с народным представительством является доверие палат к власти — доверие, которое может базироваться лишь на строго очерченной положительной программе законодательного творчества, отвечающей на первостепенные запросы переживаемого времени[20]. Настаивая на проведении «неотложных реформ», долженствующих способствовать более успешному ведению войны, газета считала наиболее благоразумным предоставить народному представительству полную самостоятельность и полный простор в его законодательной деятельности: «Лозунгом власти в этом пункте должно стать: не мешать Думе в ее законодательной инициативе».

Такой же хлестаковщиной отдавало и требование относительно деятельности общественных организаций. Ибо, как ни соблазнительны были для оппозиции эти и подобные рецепты, орган российского бизнеса не мог не признать, что нет никаких данных, которые позволяли бы думать, будто при новом премьере «дела потекут по надлежащему руслу». Нет, стало быть, и оснований рассчитывать на «новое внутреннее единение» — такое, каким ознаменовалось начало войны[21]. Кстати, по поводу реформ и законодательной инициативы царь выразился однажды так: стоит протянуть им только палец, они оторвут его вместе с рукой[22]. Так что «перспективы» в этом отношении были вполне определенными.

Спустя три недели после своего назначения, 9 февраля, Штюрмер выступил с изложением программы «нового» кабинета перед членами Думы и Государственного совета. В зачитанной им декларации, как и в интервью представителям прессы, со всей категоричностью подчеркивалась решимость царской администрации во что бы то ни стало продолжать войну до полной победы: «Россия не положит оружия, пока в теснейшем содружестве со своими союзниками не одержит решительной победы... Россия не сомневается в конечной победе, хотя и не скрывает от себя тяжести уже понесенных и еще предстоящих жертв... Опасны нанесенные удары, но тем напряженнее воля довести борьбу до желанного и победного конца»[23].

Вся практическая деятельность правительства, все его дела и помыслы, гласила декларация, будут подчинены решению этой главной и основной задачи, начертанной монаршей волей. Повторяя давно пущенные в оборот «идеи», премьер снова призывал к поддержанию «внутреннего мира». Апеллируя к «здоровому патриотизму» Государственной думы и населения страны, Штюрмер выражал надежду, что «народное представительство» присоединится к правительственной точке зрения[24—25].

Перед лицом внешней опасности и монаршей воли довести войну до победного конца «смолкают все споры» — формулировал свое требование «переформированный» царский кабинет. По сути дела, это было повторением того, о чем говорил замшелый консерватор Горемыкин на «юбилейной» сессии Государственной думы 19 июля 1915 г. И тогда было сказано, что война грозит затянуться и требует новых усилий и жертв, что правительство готово идти на них «без всякого колебания», избрав этот путь «не иначе, как в полном единении с законодательными учреждениями» в целях скорейшего одоления врага[26]. Единение же понималось как беспрекословное повиновение повелениям императора, передаваемым через председателя совета министров, отказ от законодательной инициативы, штамповка правительственных актов и бюрократических «предположений» военного и финансового ведомств и, несомненно, ведомства внутренних дел. «Для программных речей по общей политике,— заявлял Горемыкин,— теперь не время. Работа по улучшению мирных условий русской жизни впереди», т. е. после войны. А пока внимание всех учреждений должно быть переключено исключительно на усиление обороны, снабжение армии, поддержку промышленности, борьбу с дороговизной. Другими словами, надо отрешиться от каких-либо попыток социально-политических и экономических преобразований. Боевое снабжение армии и устроение тыла — сердцевина всей государственной работы. На рассмотрение Думы и Государственного совета правительство вносит только законопроекты, вызванные исключительно потребностями войны. «Остальные законодательные предположения, крупные и мелкие, имеющие задачей улучшение мирных условий русской жизни, временно оставлены в стороне»[27].

То же самое воспроизводил и Штюрмер. Признав на словах необходимость «реальной преобразовательной работы», которая была якобы осознана правительством еще накануне войны и почти уже началась, он тут же подчеркнул, что создавшаяся исключительная обстановка не позволила продолжить ее. Внимание и силы как государства, так и общества пришлось переключить в совершенно иную сторону — сосредоточить на неотложных нуждах необыкновенно напряженного фронта, хотя правительство и понимало, «что война при всей ее исключительности не останавливает ни запросов времени, ни настояний политического мышления, тем более, может быть, требовательных, чем сложнее делается обстановка».

Таким витиеватым слогом новопосаженный премьер старался затушевать суть вопроса, фактический отказ правительства от решения назревших и перезревших социально-политических проблем. «Грядущее обещает нам сильную и бодрую Россию, но сложится она путями, которые потребуют к себе, с одной стороны, бережного, а с другой — в высшей степени осмотрительного отношения». Следующий пассаж не оставлял, однако, сомнений в том, что́ именно требовало к себе этого в высшей степени осмотрительного отношения: «Исторические устои, на которых росло и развивалось государство российское, незыблемы...— провозгласил „сверхосмотрительный" консерватор.— Правительство было бы виновато, если бы действовало наугад там, где прежде всего нужно наблюдать, изучать, внимательно прислушиваться». В особенности, когда речь идет о важнейших вопросах внутреннего уклада[28]. Задачи внутреннего строительства должны отступить перед военными обстоятельствами. Правительству известно существующее различие мнений по данному поводу. Но какое из них принять, а какое отбросить—на этом он считает излишним останавливаться.

Первоочередными задачами Штюрмер назвал решение продовольственной проблемы, борьбу с дороговизной и немецким засильем: «Организация продовольствия и борьба с дороговизной должны обеспечить нам пути к победе. Борьба с немецким засильем должна обеспечить нам плоды этой победы»[29]. Изрядная доза демагогии содержалась в декларации и относительно заботы о положении трудового люда. Правительство считает своим долгом «проявить заботу о нуждах всего трудящегося населения». Фабричным и заводским рабочим обещалось «установить нормы, которые определяли бы полнее и точнее их правовое положение».

В том же духе шли разглагольствования о национальной политике самодержавия, отношении «к многочисленным народам, живущим под сенью великодержавного народа русского» и сделавшим немало «прекрасного и благородного» за время войны. В этой связи оратор коснулся, однако, лишь польского вопроса, стоявшего, по оценке Горемыкина, «как бы на грани между войной и внутренними делами». В таком же ракурсе он был воспринят и Штюрмером. Что касается польского народа, провозгласил глава кабинета, «стойко сражавшегося вместе с нашими доблестными

войсками против исторического врага славянства, на обязанности нашей лежит скорейшее осуществление тех начал национального воссоединения, которые были возвещены еще в первые дни войны» и затем, 19 июля 1915 г., с кафедры Думы и Государственного совета его предшественником на посту председателя совета министров. Ничего конкретного, кроме напыщенной и пустой фразы: «По воле государя императора для Польши открывается новая жизнь, обеспечивающая за польским народом свободное развитие ее духовных даров и культурных и экономических стремлений»[30].

Декларация многократно взывала к чувству «патриотизма» членов законодательных палат, который, по мысли премьера и других соавторов этого слащавого документа, должен был предоставить правительству полную свободу выбора в деле «преобразований» внутреннего уклада. Исходя из сказанного, правительство соглашалось принять к разработке по ведомству внутренних дел три законопроекта: 1) о волостном земстве, 2) об общей реформе Городового положения 1892 г. и 3) о введении земских учреждений в некоторых местностях Сибири. Подчеркивалось, что в основу этих законопроектов будут положены высказанные от имени правительства начала, а именно незыблемость исторических устоев, «на которых росло и развивалось государство российское», что означало прежде всего незыблемость самодержавия, сохранение старых порядков и методов правления и совершенно игнорировало программу «прогрессивного блока».

Декларация призывала сплотиться вокруг престола, положить конец всем спорам и раздорам, не рассеивать внимания и помнить лишь о внешней опасности. От начала до конца декларация была пронизана казенным оптимизмом, уверенностью в грядущей победе. «Будущее России в ее победе над злым и дерзким врагом. Это будущее близится. В тумане времени неясны его очертания, но мы сознаем, мы верим, что оно — светлое будущее»[31].

Не случайно эти сладкие премьерские речитативы острословы из оппозиции назовут «лисьей тактикой». Свою речь Штюрмер закончил тем, с чего начал, кличем о войне до победного конца. Добавлением к этому служили слова из новогоднего царского приказа по армии и флоту (от 31 декабря 1915 г.), в котором подчеркивалось, что без решительной победы над врагом Россия не сможет обеспечить себе самостоятельной жизни и права пользоваться своим трудом и своими богатствами. Поэтому, каких бы жертв война ни стоила, страна должна пойти на них[32].

Еще до выступления в Думе Штюрмер обошел почти все министерства, кроме Министерств народного просвещения и иностранных дел, и везде произносил речи, обещая «полный успех» в решении стоящих перед ними задач, в мобилизации всех сил на войну.

Изложенная премьером правительственная программа в области внешней политики была дополнена и развита в пространной речи министра иностранных дел С. Д. Сазонова. Но прежде него

выступили военный и морской министры А. А. Поливанов и И. К. Григорович, обрисовавшие военную обстановку, состояние вооруженных сил России и ее союзников, степень их боевой готовности и возможности выполнения поставленных перед ними задач. Министры ратовали за доведение войны до решительной победы (цитируя вслед за главой кабинета новогодний приказ царя по армии и флоту), победы, без которой Россия не сможет отстоять своей самостоятельности во внешней и внутренней политике. Обстановка на фронтах, информировал Поливанов, изменилась к лучшему. Продвижение врага остановлено, русские войска прочно стоят на своих позициях от Балтийского моря до Черного и готовятся к выполнению более широких боевых задач. Все армии на всех фронтах «с избытком» пополнились молодым составом, «выдержанным в запасных частях... твердо и горячо верят в победу, имея за собой в России обильный людской запас», будучи уверенными, что и приток боевых средств будет неуклонно возрастать.

С особой радостью и торжественностью была упомянута «блестящая победа» Кавказской армии (взятие ею после пятидневных боев 3 февраля 1916 г. турецкой крепости Эрзерум), придавшая новую боевую энергию частям и соединениям действующих войск. Военный министр ополчился против «маловеров» — тех, кто испытывал хотя бы малейшие сомнения в успешном исходе «великой борьбы». Уверенность в неизбежной победе вселяло в министра то обстоятельство, что и союзники продолжали наращивать численность и мощь своих армий, доводя их силы «до небывалого развития». Особых похвал удостоилась Франция, сумевшая в кратчайший срок «необычно высоко» развить и усовершенствовать свою военную организацию и технические средства борьбы. Несмотря на то, подчеркивал Поливанов, что Франции пришлось чуть ли не заново создавать свою военную промышленность, так как ее северные и северо-восточные области, где размещался центр военного производства, были заняты неприятелем в первые же дни войны, ей удалось намного увеличить производственные мощности и выпуск необходимой фронту продукции по сравнению с довоенным временем. Так, производство артиллерии в 1915 г. увеличилось во Франции в 12 раз против 1914 г.[33]

Высокая оценка была дана также усилиям Англии, увеличившей в ходе войны численность и мощь своего флота, а также сухопутной армии, которую Англия создавала практически заново, поскольку до войны ее численность была рассчитана «лишь на охрану собственной страны, не предусматривая возможности участия в мировой борьбе на материке». В данный момент, говорилось в сообщении военного министра, Англия близка к завершению создания мощной многомиллионной сухопутной армии, чему содействовало введение ею общей воинской повинности, обеспечивающей надежный источник пополнения[34].

Значительны результаты, отмечал Поливанов, и в развитии русской военной промышленности. Количество предприятий, работаю-

щих на нужды армии, возросло в 3,5 раза по сравнению с тем, что было перед началом войны, «и это не считая многочисленных предприятий, работающих по заказам Всероссийских Земского и Городского союзов». Производство же основных видов военной продукции — «главнейших, необходимейших средств обороны» — возросло от 2 до 5,5 раза. Но на этом останавливаться нельзя. Министр призывал неуклонно наращивать мощь военного производства, дабы в кратчайший срок обеспечить армию всем необходимым, что создаст решительный перевес над противником и приведет к изменению «всей обстановки для начертания условий дальнейшей международной жизни» [35].

Конечно, действительная картина была не столь благополучной. Русская армия все еще испытывала острую нехватку вооружения, в особенности тяжелой артиллерии. Но все же сдвиги в обеспечении армии оружием и боеприпасами, в преодолении ружейного и патронного кризиса были заметны. Исследователь взаимоотношений России с союзниками по вопросам ведения войны В. А. Емец пишет, что русская армия в основном обеспечивалась вооружением и боеприпасами, поступавшими с русских заводов. По сведениям Ставки, с начала войны по 1 ноября 1916 г. армия получила 10 401 орудие, из них только 1118 прибыло из-за границы. Иностранные поставки в этом виде вооружения составляли, таким образом, всего около 10 %. Большая часть тяжелой артиллерии изготовлялась в России. 45-линейные и 6-дюймовые гаубицы были поставлены на 3/4 русскими заводами, траншейные орудия почти все — отечественного производства. Примерно аналогичная картина наблюдалась и в обеспечении снарядами. Более существенную долю в оснащении русской армии составляли иностранные поставки винтовок и пулеметов. К ноябрю 1916 г. из-за границы была доставлена почти половина винтовок и пулеметов и около 1/4 винтовочных патронов[36].

Таким же казенным оптимизмом отличалась и речь морского министра, считавшего своим долгом засвидетельствовать, что русский флот в сотрудничестве с союзными флотами с честью выполняет возложенные на него задачи, что он «обеспечен всеми необходимыми боевыми припасами, материалами, предметами вооружения и топливом» и находится «в полной боевой готовности»[37].

В радужном свете обрисовывал положение и министр финансов П. Л. Барк, заверивший депутатов Думы и членов Государственного совета в том, что России не угрожает финансовый крах. Она выдюжит войну, которая должна быть выиграна во что бы то ни стало[38]. Министру финансов вторили правые Госсовета. Положение России — экономическое и финансовое, утверждал В. И. Гурко 1 апреля 1916 г., не такое уж тяжелое, как о том говорят некоторые ораторы. Трудности войны обрушились не только на Россию, но и на другие великие державы, и наше положение ничуть не хуже остальных. Главное наше преимущество — естественные богатства. А их война разрушить не может. Правда, Россия потеряла наиболее развитые в промышленном отношении губер-

нии. Но ведь то же самое произошло с Францией, и тяготы войны в равной степени испытывают все великие державы, причем другие, пожалуй, больше, чем Россия[39]. Отсюда вывод: борьба до одоления врага.

С программной речью о внешней политике царизма, ее ближайших задачах, в том числе и в расчете на послевоенную перспективу, выступил «с высочайшего разрешения» С. Д. Сазонов. В первую очередь глава внешнеполитического ведомства, как и предыдущие ораторы, с особой силой подчеркнул стремление «обновленного» кабинета довести войну во что бы то ни стало до успешного завершения. Небывалая мировая война, заявил министр, принимает все более широкий размах и менее чем когда-либо возможно предвидеть ее окончание. Однако «императорское правительство по-прежнему остается непреклонным в своей решимости довести войну до одоления врага». В этом отношении правительство «вполне единодушно со своими верными союзниками»[40].

В столь же категорической форме, как и глава кабинета, Сазонов отверг идею сепаратного мира с Германией. Россия, Франция и Англия, сказал он, еще в самом начале войны заявили, что в этом вопросе они неотделимы друг от друга, и в подтверждение сказанного подписали памятное соглашение от 23 августа (5 сентября) 1914 г. В дальнейшем к этому соглашению присоединились Япония и Италия. Договор, устанавливающий твердое намерение всех пяти держав заключить мир не иначе, как сообща, подписан в Лондоне 17 (30) ноября 1915 г. Этим должны быть раз навсегда опровергнуты «вздорные слухи об отдельном мире, ибо державы, скрепившие своей подписью означенный договор, не взирают на международные соглашения как на необязательный для себя клочок бумаги»[41]. Поэтому распространяемые противником ложные слухи о возможности заключения кем-либо из союзников сепаратного мира не имеют под собой никакого основания.

Ратуя за доведение войны до победного конца, Сазонов настаивал на необходимости искоренения пруссачества «с его беспощадным эгоизмом и хищническими инстинктами», представляющего угрозу другим народам и «не пользующегося симпатиями и в самой Германии». Пруссачество, провозгласил министр, «должно быть навсегда обезврежено». В противном случае жертвы, принесенные союзниками в этой ужасающей борьбе, окажутся напрасными. В понимании этой цели союзники также едины между собой, как и в твердом намерении неослабно и дружно следовать по намеченному пути и не заключать мира до завоевания победы.

В речи Сазонова выдвигался и другой аргумент в пользу нанесения противнику решительного поражения. Указывая на хищнические замыслы Германии и изображая войну со стороны держав Согласия не иначе, как оборонительной, ведущейся «в защиту священных прав», Сазонов предостерегал в то же время против планов экономического и политического порабощения Турции Германией. Планы эти, над которыми трудились немецкие государ-

ственные деятели, а также миссионеры и финансисты, должны были привести к созданию огромной германо-турецкой империи, простирающейся от устьев Шельды до Персидского залива. Эта империя, пояснял Сазонов, рисовавшаяся в грезах пангерманистов «чем-то вроде нового калифата», должна была, по их замыслам, «нанести смертельный удар историческому бытию России и Великобритании». Но, успокаивал министр, горделивой фантазии не суждено сбыться[42].

В мажорном тоне говорил министр иностранных дел о взаимоотношениях союзников и перспективах мировой борьбы. Залог успеха видел он в тесном единении с союзниками, прежде всего в военной и дипломатической областях. В этом направлении, как ему представлялось, были приняты все необходимые меры: представители России принимают «живое участие» в совместном обсуждении всех важнейших вопросов, рассматриваемых союзниками на происходящих в Англии и Франции совещаниях[43]. В действительности дело обстояло далеко не так. Именно в координации военных и дипломатических усилий у держав Антанты было немало изъянов[44]. Отметив «крепнущее единение» союзников, прежде всего между ведущими участниками антигерманской коалиции, и подчеркнув первостепенное значение франко-русского союза, Сазонов высоко оценил и англо-русские отношения, в которых произошли заметные изменения к лучшему. Он выразил надежду, что перед лицом общей опасности сотрудничество между Россией и Англией ускорит происшедший в их отношениях поворот и положит прочное основание для дальнейшего развития добрых отношений между двумя странами.

Лестно отозвавшись о действиях итальянских войск против австрийцев, Сазонов приветствовал и установившееся между Италией и Россией «братство по оружию», предполагавшее их постепенное политическое и экономическое сближение. Следует отметить, что уже к этому времени Россия размещала в Италии некоторые военные заказы, в частности у фирмы «Фиат», и импортировала из Италии значительное количество серы для нужд отечественного военного производства. В свою очередь, Италия получала из России хлеб, лес и некоторые другие виды товаров[45]. Укреплению союзнических уз должна была служить и предстоявшая поездка русской парламентской делегации в Англию, Францию и Италию, о чем было сообщено членам Думы и Госсовета.

В данный момент, заключал Сазонов, сотрудничество держав Согласия вступает в новый этап. Не довольствуясь выработкой совместных решений на указанных совещаниях в Париже и Лондоне по военным и политическим вопросам, они условились «приступить к совместному обсуждению тех мероприятий, которые должны сплотить их также на почве экономической». Важность поставленной задачи, отмечал он, очевидна. Если объединение союзников необходимо для достижения общими усилиями успеха во время борьбы, то не менее насущным является таковое в послевоенный период, дабы «застраховать себя (и в экономическом отношении.—

В. В.) от возможного повторения таких событий, которые с такой быстротой развернулись полтора года тому назад»[46]. В этом плане он охотно поддерживал выдвинутую французским правительством идею созыва экономической конференции союзников, которая состоится в Париже в июне 1916 г.[47].

Говоря о крепнущем единстве рядом союзников, Сазонов заверял членов законодательных палат в том, что полного единения удалось достичь без утраты каждым из них «своего самостоятельного и духовного обличия». Антантовскую «гармонию» оратор противопоставлял тому положению, которое сложилось в лагере противника, где одна страна, т.е. Германия, установила, по существу, свой диктат, а три остальных участника блока оказались на положении ее вассалов, так как «цепкие немецкие руки» захватили в них власть не только в армии, но и «во многих отраслях управления»[48]. Данная констатация не только подчеркивала крайнюю агрессивность германского империализма, но и служила антигерманской вакциной для тех нейтралов, кои поддались бы соблазну выступить на стороне Центральных держав.

В числе первоочередных вопросов русской внешней политики Сазоновым были названы: разрешение польского вопроса, вопрос о Константинополе и проливах, отношения со Скандинавскими странами, проблемы Балкан и Ближнего Востока, политика на Среднем и Дальнем Востоке. Говоря о будущем польских земель, министр заявил, что объединение раздробленной Польши остается и впредь неизменной целью русской политики[49]. Однако, касаясь обещанной полякам автономии, он не пояснил, что́ же будет представлять собой эта автономия, упомянув лишь о «национальной польской школе всех степеней, не исключая и высшей». В то же время в его высказываниях отчетливо прозвучала озабоченность действиями германских властей, пытавшихся «ценою посулов и призрачных уступок собрать в занятых областях несколько сот тысяч поляков, чтобы использовать их как пушечное мясо, посылая их на убой для торжества германизма»[50].

Значительное внимание в выступлении министра иностранных дел было уделено отношениям с «невоюющими», нейтральными государствами. В этом разделе он остановился прежде всего на отношениях со странами Северной Европы, в первую очередь со Швецией, имевшей важное стратегическое значение для обеих враждующих группировок. Немаловажными были и ее экономические связи с воевавшими державами, в особенности для Германии, как, впрочем, и для России. Напомнив о своих неоднократных заявлениях на заседаниях Государственной думы и в беседах с представителями прессы о том, что по отношению к Швеции у России «нет иных чувств, кроме самого искреннего доброжелательства» и стремления поддерживать с нею тесные добрососедские отношения, Сазонов с сожалением указал на то, что по ту сторону Ботнического залива есть еще люди, которые в силу «вкоренившихся предрассудков» и под влиянием происков врага относятся к России с недоверием и предубеждением. Между тем

всякому должно быть ясно, что Россия и Швеция «самой природой предназначены для мирных взаимоотношений на почве обоюдных экономических интересов и повод к вооруженному столкновению между ними может быть создан только искусственно[51]. Россия, сказал он, не ищет никаких территориальных приращений за счет своих северных соседей. Скандинавский полуостров ее ничем не прельщает. Империю мог бы интересовать какой-либо незамерзающий порт. Но таковым она располагает — это Мурманск, который в скором времени будет связан железнодорожной линией с Центральной Россией. Не к берегам Скандинавии исторически тяготеет государство Российское, многозначительно произнес министр. Выход к свободному морю оно должно получить в совершенно ином направлении[52]. Каждому из присутствовавших было предельно ясно: речь идет о черноморских проливах — предмете наибольшего дипломатического усердия министра на протяжении истекших месяцев войны.

Сазонов выразил признательность царского правительства правительствам Испании и Нидерландов, принявшим на себя представление интересов российских подданных в пределах вражеских государств (в Германии и Австро-Венгрии), в том числе наблюдение за положением там русских военнопленных, обращением с ними местных властей и т. д.

Царская дипломатия считала пока возможным «мириться» с позицией Балканских государств, продолжающих держаться политики нейтралитета, хотя и не оставляла усилий (совместно с Францией и Англией), направленных на привлечение Румынии[53], а если удастся, и Греции к выступлению против австро-германского блока. Румыния, выражал надежду Сазонов, не пойдет против своих собственных интересов «и будет, когда пробьет ее час, добиваться осуществления своего национального единения (возвращения земель, населенных румынами.— *В. В.*) ценою собственной крови». При этом были даны заверения, что в борьбе против посягательств со стороны неприятельских государств на независимость ее решений Румыния «найдет действительную поддержку у тех, к кому влекут ее естественные симпатии».

Посочувствовав «трагической участи» Сербии и Черногории, подвергшихся нашествию иноземных завоевателей, Сазонов обрушился против предательской политики австрийского ставленника болгарского царя Фердинанда (принца Кобургского) и его клики, проявивших «черную неблагодарность» по отношению к освободительнице Болгарии — России. Руководитель внешнеполитического ведомства был вынужден признать, хотя и в несколько своеобразной форме, промахи и неудачи русской и англо-французской дипломатии, которые привели к переходу Болгарии в стан неприятеля, к разгрому Сербии и Черногории и, по существу, к потере союзниками Балканского театра, отрезавшего Россию от ее западных партнеров[54].

Ошибка союзников, по мнению Сазонова, состояла в том, что они не проявили в свое время должной решительности, не заняли

принадлежащих Болгарии портов Черного моря и Дедлагача, чем могли бы оказать соответствующее воздействие на поведение болгарского народа и его тогдашних правителей. Именно за эти промахи и нерешительность резко критиковали крайние правые царского министра иностранных дел и его английского и французского коллег, считавших преждевременным и неосмотрительным прибегать к подобным действиям. Не исключена, однако, и возможность того, спешил реабилитироваться «самокритичный» оратор, что и в этом случае «союзникам не удалось бы отвратить от Сербии обрушившуюся на нее в октябре катастрофу, ибо совместные действия союзников на Балканах представляли в то время огромные трудности». Как бы то ни было, упреждал министр своих оппонентов, не наступил еще подходящий момент для обнародования всех документов, которые могли бы пролить свет на деятельность дипломатии за истекшее время и непосредственно в указанной ситуации.

Подтвержалось намерение царизма строго придерживаться согласованной с англичанами политики в отношении Среднего Востока, и в частности Персии,— политики, направленной против «грубого нарушения» вражескими государствами персидского нейтралитета, полагаясь прежде всего на военную силу. Предлагалось развернуть там дополнительный военный контингент, дабы не позволить Германии окончательно подчинить своему влиянию «слабое персидское правительство», помешать молодому шаху проявить «малодушие» и переметнуться на сторону Австро-Германии[55]. После того как в Персию были направлены значительные силы и русские войска одержали там несколько решительных побед, резюмировал Сазонов, положение в этой стране «стало заметно меняться к лучшему». Молодой шах, совсем было решившийся покинуть Тегеран вместе с представителями враждебных держав, не только остался в столице, но и заявил о «полной преданности» российскому монарху и «твердом намерении» придерживаться впредь в отношении России и ее союзников дружественной политики. Вслед за тем был сформирован новый кабинет, в который вошли сановники, «сознающие необходимость ради блага самой Персии полного единения с могущественными соседями последней — Россией и Англией, с которыми судьба этой страны связана самым тесным образом»[56].

Не ослаблялось внимание и к Дальневосточному театру внешней политики, тем более что и там Германия не оставляла в покое своих противников. На первом плане здесь стояли отношения с Японией, каковые, по оценке Сазонова, развивались в благоприятном для обеих сторон направлении, русская дипломатия добивалась заключения формального союзного договора с Японией. Наш восточный сосед и друг, заявил он, и после одержанных побед[57] продолжает участвовать в войне, оказывая содействие общему делу союзников, в том числе России, «в размерах и формах, весьма для нас ценных»[58]. Лестная оценка содействию Японии русскому флоту была дана и в выступлении морского министра

Григоровича, отметившего, что дальневосточная союзница «оказала и продолжает оказывать нам ряд весьма существенных услуг».

Важнейшей в данный момент представлялась приверженность японского правительства планам держав Антанты довести войну с Германским блоком до победного завершения, подтвержденная 6 сентября 1915 г. обменом нот с Россией, Францией и Англией, в которых оно присоединилось к обязательству не заключать отдельного мира с врагом иначе, как по взаимному согласию. Вообще же, заметил Сазонов, с точки зрения русско-японских отношений мировая война «оказалась живительной. Она рассеяла последние остатки былых предубеждений, и отныне перед обеими странами открыта широкая возможность, которая осуществится в более тесном согласовании своих взаимных интересов для предохранения надежным образом себя от общей опасности»[59]. Сторонник «скоординированного» антантовского империализма имел в виду «политическое и экономическое засилье Германии в Китае», которое, по его словам, было бы «постоянной угрозой миру на Дальнем Востоке».

Под этим углом зрения рассматривались министром иностранных дел и отношения с Китаем, хотя он не преминул подчеркнуть, демонстрируя вошедшее в привычку официальное лицемерие, что «императорское правительство остается и здесь верным принципу невмешательства во внутренние дела других государств», стремясь к сохранению «прежних добрососедских отношений»[60].

Последним пунктом сазоновской внешнеполитической программы, скрепленной «высочайшим соизволением», было расширение торгово-экономических связей с Соединенными Штатами Америки. Замечающийся интерес американской промышленности к русскому рынку, отметил министр, позволяет надеяться, что «при существующих между Россией и Америкой дружественных политических отношениях» предстоит экономическое сближение между ними на пользу обеих стран. «К этому, во всяком случае, будут направлены усилия русского правительства»[61].

В заключение Сазонов, как и его коллеги по кабинету, призвал к сохранению «полного единения» между законодательными учреждениями и правительством «на почве решительной борьбы за отечество», выразив надежду, что это единение и высокое воодушевление, проявленные в начале войны, «не претерпят никакого ущерба».

С решительной поддержкой внешнеполитической платформы Штюрмера, как и всей его «программы», выступили правые члены Думы и Государственного совета. Уже в день открытия думских прений (10 февраля), последовавших за заявлениями премьера и министров, ультраконсерваторы поспешили продемонстрировать, что они являются самыми ярыми приверженцами политики царизма во всех ее аспектах, идущими в ряде случаев значительно даль-

ше официального курса. Первым взявший слово от имени фракции правых в Думе профессор С. В. Левашев, развивая «мысли» главы кабинета, дал развернутое обоснование необходимости продолжения войны и доведения ее до полной победы. Текущая война по своим размерам, ожесточенности и упорству представляет собой не обычную войну, а «отчаянную схватку целых групп народов за самое их существование». Она может окончиться лишь тогда, когда одна из сторон буквально истечет кровью и совершенно выбьется из сил. И если бы противнику, прежде всего Германии, удалось осуществить поставленные перед собой цели, сводящиеся к ограблению соседних народов, захвату их земель и установлению мировой гегемонии, это поставило бы Россию в безвыходное положение, низведя ее «на степень ничтожного, рабски подчиненного Германии государства»[62]. Поэтому представитель правого меньшинства Думы возражал: нам не следует особенно доверять дипломатическому оптимизму, прозвучавшему в выступлении министра иностранных дел по поводу несбыточности планов создания «нового калифата», а надо «принимать надлежащие реальные меры для изгнания немцев с Балкан». В противном случае Россия оказалась бы в «ужасном положении», окруженной «крепким стальным кольцом из немецких штыков» и изолированной от всего цивилизованного мира. Захватив в «цепкие руки» почти все удобные пути сообщения России с этим миром, Германия получила бы возможность навязывать ей самые несправедливые договоры, «не говоря уже об отторжении у нее лучших территорий и наложении громадной контрибуции, как непосредственном результате неудачной (читай: проигранной) войны». Серьезную опасность, по словам одесского профессора, таило в себе и стремление Германии к установлению экономического и политического господства на Ближнем Востоке, который она старалась соединить непрерывным рельсовым путем с Европой еще с конца прошлого века.

Таким образом, заключал Левашев, неизбежен вывод: война непременно должна быть доведена до разгрома врага и достижения возможности разрешить наши вековые задачи на Ближнем Востоке, «существенно необходимые для дальнейшего благополучного существования нашей родины». Этот вывод инстинктивно, но «совершенно ясно» сознается и простым народом. Поэтому война, как бы она ни была тяжела, не может окончиться ничем другим, как полным разгромом врага, полной победой над ним[63]. Апостолы консерватизма требовали от своих либеральных оппонентов «забыть все домашние распри и партийные споры» и тесно сплотиться вокруг престола в дружной совместной работе по укреплению боеспособности армии, обеспечению надежного взаимодействия фронта и тыла, и воссозданию того единения, коим был отмечен начальный этап войны. Еще накануне войны, распространялся Левашев, в предвидении приближения «кровавой бури», которую представители Министерства иностранных дел ожидали лишь через три года, правые настойчиво призывали либералов «к самому тесному единению друг с другом, к тому едине-

нию, которое несколько месяцев спустя получило от президента Французской республики название священного единения»[64]. Правые настаивали на принятии «самых энергичных мер против внутреннего немецкого засилья, дошедшего... до невероятных размеров и являющегося серьезным препятствием даже для дела государственной обороны».

Раздувая военный психоз и нагнетая шовинистические страсти, правые призывали ориентироваться на нанесение «завершающего» удара по врагу. Необходимо, подчеркивал Левашев, обращаясь ко всем фракциям Думы, принять во внимание особенности географического положения России, непосредственное соприкосновение ее со всеми четырьмя неприятельскими державами почти на всем протяжении их восточных границ, что «возлагает на нее особенно активную роль в этой войне» и, может быть, послужит причиной того, что нанесение решительных ударов врагу, которые заставили бы его признать себя побежденным, должно будет последовать со стороны России.

Тот же тезис о доведении войны до решительной победы старательно развивал днем позже один из главарей черносотенного «Союза русского народа» — Марков 2-й[64а] (по поводу речей которого Чхеидзе заметил однажды: его устами говорит само правительство). Гораздо больше, чем некоторые лидеры «прогрессивного блока», гордо заявил Н. Е. Марков на заседании Думы 19 февраля, он верит в победу России и уверен в этой победе: «Не на словах, гг., а на деле мы, правые, хотим победы России»[65].

Не уступали в «патриотическом рвении» и представители партий, объединившихся в «прогрессивный блок», ставленники буржуазно-помещичьих либеральных кругов. Член фракции националистов И. Ф. Половцев[66] начал свою думскую речь так: с чувством глубокого удовлетворения слушали русские националисты неоднократные уверения нового главы русского правительства о недопустимости преждевременного мира и о твердом решении довести войну до победного конца. «Сепаратного мира быть не может — это злонамеренные и преступные слухи. Повторяйте же, повторяйте эти золотые слова — и тогда победа несомненна». «Все для войны» — вот девиз всего русского народа[67].

С категорическим суждением в пользу доведения войны до победы и достижения намеченных целей выступил лидер фракции националистов-прогрессистов умеренно правый В. В. Шульгин[68]. Решительно отвергнув идею мира без аннексий и контрибуций, выдвинутую Н. С. Чхеидзе с позиций социал-пацифизма, он заявил под аплодисменты думского большинства: «...мы с этим мириться не можем, нам этого слишком мало. Мы стоим на точке зрения английской: пока Германия не даст достаточных гарантий в том, что она не повторит того, что она совершила теперь, до тех пор мира быть не может»[69].

Вполне созвучно с тем, на чем упорно настаивали английские и французские лидеры. Президент Пуанкаре, например, почитал

священным долгом держав Согласия не складывать оружия до тех пор, «пока победа не обеспечит союзникам репараций и гарантий, на которые они имеют полное право»[70]. Хорошо известно, что подразумевалось тогда под «гарантиями» сохранения длительного мира. Шульгин намекнул также на возможность наказания зачинщиков кровавого побоища, напомнив о судьбе пленника острова Св. Елены. Во всяком случае, заключил он, война будет продолжаться до тех пор, пока «белый царь» не восторжествует над «черным императором» Вильгельмом II, или, как выразился Левашев, пока враг не попросит прощения и мира у нашего царя-батюшки[71].

Вторя предыдущим ораторам, видный кадетский лидер В. А. Маклаков, в свою очередь, заявил, что все присутствующие безоговорочно поддерживают лозунг «Все для войны и победы»[72]. Не следует, однако, форсировать ее достижение: «Мы все ждем победы, и, может быть, она даже не так далека; но пусть войско знает, что мы его не торопим, пусть оно для нас не форсирует побед... Мы не должны требовать быстрой победы, но должны подготовить страну к возможности длинной, очень длинной войны»[73].

По сути, это был перепев того, что признавало само правительство. Еще на летней (1915 г.) сессии Государственной думы Горемыкин призывал настраиваться на длительную и упорную борьбу, декларируя вместе с тем, что в конечном итоге победа будет на стороне России и ее союзников, даже если бы русской армии пришлось отступить до Волги и Камы[74].

Как и на летней 1915 г. сессии, острая перепалка разгорелась по вопросу о том, почему Россия встретила войну недостаточно подготовленной и кто в этом повинен. Либералы обвиняли правительство, крайне правые — либералов, прежде всего кадетов. Это они, заседая в соответствующих комиссиях, урезали военные кредиты и срывали осуществление военных программ. Да и не одна Россия оказалась в таком положении: слабо подготовленными вступили в войну и ее союзницы — Англия и Франция, и только необычная самоотверженность и доблесть русских войск «спасла в самом начале кампании англо-франко-бельгийские армии от окончательного разгрома... хотя, конечно, ценой очень больших жертв»[75].

Одной из причин неподготовленности России и ее основных союзниц к войне, уверял Левашов, явилось также неверное представление об истинной мощи противника. Других объяснений в арсенале консерваторов не находилось[76]. Во всяком случае, они старательно подчеркивали, что, несмотря на известные просчеты в военной подготовке, вражеские планы все же удалось сорвать, «превратив задуманное неприятельскими стратегами моментальное завоевание Франции в длительную, затяжную позиционную войну», позволившую державам Согласия создать новые воинские формирования, значительно увеличить свои военные запасы и упорядочить дело их пополнения[77]. Сходной аргументацией пользовался и Марков 2-й, доказывавшой, что не только Россия и ее

союзники, но и сама зачинщица войны — Германия — оказалась неподготовленной, так как очень скоро израсходовала весь свой боезапас, рассчитанный на быстротечную победоносную кампанию[78].

Лидеры крайне правых назидательно рекомендовали своим оппонентам смотреть не назад, а вперед. Необходимо обеспечить решающую предпосылку для достижения победы над врагом: положить конец внутренним «распрям», обеспечить поддержание внутреннего мира, подразумевая под этим отказ от каких-либо «узкопартийных» программ и беспрекословное следование правительственному курсу. Совершая экскурсы в прошлое и уповая на поучительный опыт славных предков, Левашев патетически восклицал: «В тот роковой час, когда Россия стоит перед гамлетовским вопросом: быть или не быть? — возможен только один блок, это блок всего русского народа для одоления врага, и никакие другие блоки недопустимы». Правые будут бороться с такими блоками всеми силами и всеми имеющимися в их распоряжении средствами[79].

Не впервые использовался и такой аргумент: «хитроумный враг» как до войны, так и в особенности теперь не жалеет никаких капиталов, чтобы сеять семена смуты и раздора в различных слоях неселения страны, в том числе и «на устройство волнений среди рабочих». Любое недовольство, любые оппозиционные выступления, не говоря уже о забастовочном движении, правые хотели представить в виде происков внешнего врага и тем самым лишний раз напомнить, что борьба с этим должна вестись по законам военного времени.

Обстоятельства настоятельно требуют оставить в стороне всякие раздоры, кардинально изменить деятельность Думы и направить все помыслы к решению одной задачи — все для войны, все для победы»[80]. Только «неустанная забота» об армии, увеличение ее численного состава, снабжение необходимым вооружением, снаряжением, одеждой и продовольствием. Для успешного разрешения этой первостепенной задачи Думе следует предпринять самые энергичные усилия совместно с «поставленным самодержавной властью правительством»[81]. Последние слова имели особую политическую нагрузку, составляя стержень всех «программных» требований ультраконсерваторов.

Вслед за требованием «коренного изменения» в деятельности Думы правые обрушились с резкими нападками на программу прогрессивного блока, выдвинутую еще в августе 1915 г., обвиняя его руководителей и «функционеров». Особенно опасным и предосудительным представлялось правым все еще поддерживаемое либералами требование о создании «Министерства доверия» и совсем недопустимой и преступной — претензия на сформирование «ответственного министерства», идея которого выдвигалась фракцией «прогрессистов» во главе с И. Н. Ефремовым, группой независимых и трудовиками, не входившими в состав «Прогрессивного блока». И то и другое клеймилось как посяга-

тельство на существующий строй, ведущее к подрыву обороноспособности государства. Требование «ответственного министерства» объявлялось неправомерным «даже с внешней стороны, так как правительство и теперь несет самую строгую ответственность перед императором; создание же кабинета из лиц, пользующихся доверием страны и готовых в согласии с законодательными палатами провести в жизнь определенную программу, есть посягательство на прерогативы носителя верховной власти, лишение самодержавного монарха права на назначение министров и передача этого права «случайному большинству» Государственной думы. Такой акт недопустим. Возбуждение подобных домогательств в столь тяжелое для страны время не что иное, как преступление[82].

Консерваторы явно переходили в наступление против своих либеральствующих политических соперников, демонстрируя тем самым и свое понимание гражданского мира как беспрекословного повиновения «законным властям». Весьма выразительно о характере предлагаемого «примирения» высказался незадолго до отставки Горемыкин: пока идет война, в России должно воцариться кладбищенское спокойствие[83]. Никаких реформ, никаких социально-экономических и политических преобразований, даже если они давно назрели. Самые жгучие проблемы повседневной жизни, от решения которых зависели боеспособность армии и работа тыла, отодвигались на послевоенный период с явным расчетом отделаться потом жалкими подачками. Рассмотрению в текущую сессию, подчеркивалось в декларации правых в привычном для них тоне устрашения, могут подлежать лишь законопроекты, «имеющие прямую связь с войной или с ближайшими ее последствиями». Все другие законодательные предположения, как отвлекающие внимание правительства и народа от войны и способные вызвать «разномыслие и раздор среди страны... должны быть отложены до наступления мирного времени»[84].

В своей программе «практических мер» правые наряду с выдвижением проектов чисто военного характера акцентировали особое внимание на борьбе с немецким засильем, разглагольствуя при этом о необходимости проведения в кратчайший срок «устава о призрении раненых воинов», пенсиях семьям погибших на фронте, а также об устранении непомерного вздорожания жизни. «Реформаторы,— презрительно цедил Левашев,— вовсе не затрагивают столь угнетающих сейчас весь русский народ вопросов о внутреннем немецком засилье и об искусственной дороговизне предметов первой необходимости»[85]. От имени фракции правых он требовал дать наконец ход двум последним законопроектам (о борьбе с дороговизной и немецким засильем), а не держать их «в полном загоне».

Для «планомерной» борьбы с немецким засильем правоскамеечники предлагали серию мер из 12 пунктов, среди которых на первом месте стояло предложение о распространении на всю Россию закона от 2 февраля 1915 г. о ликвидации немецкого земле-

владения, подчинив действию закона все недвижимые имущества в городах и сельских местностях, принадлежавшие подданным неприятельских государств немецкого происхождения, с определением точного срока завершения ликвидации и безотлагательного образования земельного фонда (из отчужденных на основании предыдущего параграфа земель), из которого можно было бы на льготных условиях наделять отличившихся на фронте воинов. Подчеркивалось, что «излишняя медлительность» в деле ликвидации немецкого землевладения «крайне возмущает народ и служит в руках революционеров опасным орудием для антидинастической пропаганды».

В других пунктах программы «планомерной борьбы с немецким засильем» говорилось об усилении наказания за сокрытие имущества, принадлежащего подданным вражеских государств, о немедленной конфискации всех предприятий, фабрик и заводов, магазинов, капиталов и ценных бумаг (денежных документов) и прочего имущества, принадлежащего подданным воюющих с Россией держав, о недопущении иностранных подданных к управлению предприятиями, работающими на военные нужды, об отчуждении всех земель и недвижимого имущества, принадлежащего различным сектантам, которым их вера запрещает служить в армии и защищать государство с оружием в руках[86].

Эта пропитанная шовинизмом платформа была нацелена на подрыв рабочего и аграрного движения, ослабление борьбы крестьян за землю, за ликвидацию помещичьей собственности на нее и переключение этой борьбы в русло антигерманского недовольства.

Второй раздел программы практических мер, состоявший из 10 пунктов, был посвящен «планомерной» борьбе с дороговизной жизни[87]. Общий же смысл всех этих 22 пунктов заключался в том, чтобы «перекрыть» программу «Прогрессивного блока», подорвать влияние либеральной буржуазии, ослабить рост недовольства среди населения, как и влияния «крайних левых партий», и вести все внутренние и внешние дела в условиях диктата правомонархических кругов. Это означало сохранение «вековых устоев» русского общества, «исторически сложившейся российской государственности» с неограниченным самодержавием, восстановлению которого в полном объеме должна была содействовать победоносная война.

Еще большей непримиримостью отличались выступления Маркова 2-го и в Думе, и на страницах черносотенной газеты «Земщина», органа «Союза русского народа» и правой думской фракции. В речи, произнесенной 11 февраля, он обвинил организаторов «Прогрессивного блока» в том, что в момент исторической опасности для государства они раскололи Думу на три неравные части и стремятся перенести этот раскол на общество[88], подрывая тем самым обороноспособность и ослабляя тыл армии. Развивая основные положения программной речи председателя фракции правых, Марков 2-й тоже начинал свои речи с оценки предвоенной

внутриполитической обстановки, отношения различных партий к намечавшимся мерам военных приготовлений. Как и во время предыдущей сессии, все красноречие черносотенного оратора сводилось к защите правительства и резким нападкам на оппозицию и левые силы. Здесь было высказано, говорил он, много основательных упреков правительству: почему Россия не была готова в той степени, в которой было необходимо для отпора Германии. Пора положить конец этому рискованному обличительству. Если же оппозиция и все прочие критиканы, «увлекаясь нерасположением» к неугодному («неприятному») им составу правительства, будут вести борьбу и впредь, они впадут «в страшную историческую ошибку».

Марковцам причиняла все бóльшее беспокойство министерская чехарда, происходившая, как им казалось, под давлением «нетерпеливой» буржуазно-либеральной общественности, в том числе думского большинства. «Правые, откровенно признавали их ораторы, никогда не одобряли» смены неугодных общественности министров (Н. Маклакова, Щегловитова и др.), с чем вынужден был согласиться «честно и безупречно служивший четырем императорам» Горемыкин под давлением фактически уже сложившегося «Прогрессивного блока», буржуазных кругов и широких слоев населения[89]. Тем безогляднее устремлялись они на защиту режима личной власти. «Как ни плохо была подготовлена Россия», оратoрствовал Марков, она оказалась более готовой к войне, нежели союзники на западе, где у власти находились во Франции министры-социалисты, а в Англии — парламентарные ответственные министры. Самым веским в данном случае служил тот же аргумент, что и в тирадах Левашева: «Именно русские войска, вторгшиеся в Восточную Пруссию, спасли в начале войны Францию и Англию от полного разгрома и взятия Парижа... Ответственные министерства Франции, Англии и Бельгии не могли сделать даже того, что сделало русское правительство»[90].

Конечно, это было не столь учтиво по отношению к союзникам, особенно в присутствии их официальных представителей. Но Маркова 2-го не обременял дипломатический такт. К тому же ему хотелось проиллюстрировать «преимущества» самодержавного режима перед «гнилым парламентаризмом». «Если вы хотите действительно добиться победы над Германией,— наставлял он,— то перестаньте говорить о посторонних вещах. После войны мы будем с вами спорить, будем добиваться того или другого государственного устройства, но в настоящую минуту, очевидно, к делу это не относится, ибо различные государственные устройства Франции, Англии, Бельгии и Турции ничему не помогли».

Подлинные причины неподготовленности союзников к войне коренились, по его мнению, в том, что Европа, за исключением Германии, уже давно шла по ложному пути, воспитывая свое молодое поколение в духе отрицания войны, неуважения к воинскому званию. Германия же, напротив, задолго до мирового пожара

широко насаждала у себя дух милитаризма, проповедовала культ насилия. Возлагая главную вину за неудовлетворительную подготовку России на бывшего военного министра Сухомлинова, Марков в явно спекулятивных целях счел нелишним уточнить, что «первое слово» о необходимости суда над Сухомлиновым было произнесено с думской кафедры не представителями оппозиции, а фракцией правых. Он обвинил либералов, что они всячески «мешали военной подготовке России, а когда разразилась общеевропейская буря, всю вину за неподготовленность страны стараются свалить на правительство и его чиновников»: «... будьте скромнее в ваших обвинениях правительства... вспомните и о своих ошибках»[91].

Как и Левашев, Марков призывал к сотрудничеству помещичьих и буржуазных партий, восстановлению единения, которое установилось в первые месяцы войны. От уговоров и увещеваний он переходил к грубым инсинуациям, обвиняя оппозицию в преступном расколе: «великий грех» совершать это в момент исторической опасности для государства. Марков предрекал неизбежный крах «противоестественного блока»: комбинация шести разнородных группировок — соединение случайное и непрочное; она настолько малоестественна, настолько «химически несовместима», что распадается при первом же толчке, при первом испытании. Оратор призывал объединиться для совместной работы и не ставить друг другу палки в колеса. «Лейтмотив моей речи — примирение»,— заявил он под дружный хохот аудитории (хорош мотив после обвинений политических оппонентов чуть ли не в государственной измене!).

Особенно агрессивно нападал Марков 2-й на оппозицию за ее требование создания министерства общественного доверия и выставленный двумя фракциями («прогрессистов» и независимых) лозунг «ответственного министерства». Шесть фракций Думы, витийствовал Марков, решили добиться если не ответственного министерства, чего открыто требовали депутаты И. Н. Ефремов и М. А. Караулов, то, во всяком случае, министерства общественного доверия, за которым скрывается «нечто весьма недалекое от парламентаризма, управления (страной) ставленниками большинства Государственной думы». А это представлялось крайним консерваторам самой настоящей крамолой, посягательством на существующий строй.

Обличая «лукавых из блока», ратовавших за министерство общественного доверия, которое на практике, по словам оратора, вылилось бы в создание ответственного министерства, Марков заявил, что оппозиция желает взять власть, «всецело принадлежащую по основным законам государства верховной власти», и вручить ее в руки ставленников шести фракций. Такое, предупреждал он, не пройдет, да это и нецелесообразно, особенно с точки зрения успешного ведения войны и достижения победы. Ссылаясь на западные «авторитеты», в частности на английского публициста доктора Диллона, Марков заявлял, что парламентаризм вообще плох и для

ведения такой войны тем более непригоден. Нельзя ориентироваться на учреждение, созданное для «словесных турниров, дебатов, компромиссов и отсрочек». Так, дескать, мыслят «умные люди» на родине парламентаризма. Только самодержавие представляет в данных условиях наиболее испытанную и наиболее эффективную систему. Поэтому нет никаких разумных оснований менять ее. Напротив, война требует непременного сохранения и всемерной поддержки самодержавной власти.

Еще древние римляне, просвещал курский помещик, которые были «не глупее представителей шести думских фракций», упраздняли на время войн свою республику и назначали диктаторов. Везде умные народы вводили на время войны диктаторскую власть, а вы хотите существующую законную самодержавную власть превратить в народовластие во время ужаснейшей войны, когда вражеские войска занимают 15 губерний[92].

Парадокс этой безудержной апологетики самодержавия состоял, помимо всего прочего, еще и в том, что Николай II отличался, по общему признанию, крайним безволием и был совершенно неспособен обеспечить твердое руководство страной и армией. Однако политических ретроградов это не смущало. В подкрепление своей аргументации оратор счел не лишним сослаться и на «авторитет» лидера октябристов А. И. Гучкова, который в бытность свою председателем III Государственной думы столь же рьяно доказывал необходимость для России сохранения сильной царской власти, исходя из «исторических и политических условий», в которых находилась тогда царская империя, и с учетом стоявших перед ней «мировых задач» и «сложности внутренней жизни». Поэтому, объяснял в ту пору Гучков (1907 г.), октябристы «всеми силами боролись против лозунга парламентаризма». Тем более обоснованной представлялась крайним реакционерам непримиримость к каким-либо переменам в новой, несравненно более сложной ситуации. «Это, гг., не слова черносотенца Маркова 2, а слова идола октябристов Гучкова»[93],— изощрялся Н. Е. Марков.

Апологеты самодержавия все еще уповали на «громадную духовную мощь», заключенную в царском имени: «...вводить народоправство в теперешнее время... значит губить Россию». Народоправством нарочито именовалось то самое «министерство доверия», которое должно было состоять из тех же представителей господствующих классов, только несколько более гибких и менее реакционных, чем непосредственные царские избранники.

В конце концов Марков 2-й обвинил оппозицию и левые силы в преступном посягательстве на власть; в том, что они ведут борьбу не только с правительством, но и с верховной властью и потому являются врагами верховной власти [94]. Фактически это было призывом к принятию решительных мер против всех, кто обнаруживал оппозиционные, антиправительственные настроения, не говоря уже о репрессиях в отношении рабочего и крестьянского движения.

В одном из последующих заседаний воинствующий черносотенец пошел еще дальше, объявив организаторов «Прогрессивного блока» и их соседей слева врагами отечества. Добиваясь «ломки Основных законов», запугивал он, блокисты и их подпевалы «срывают единение во имя достижения победы над врагом». Программа блока несовместима «с ходульными заявлениями» его лидеров «об объединении и благожелательности»; единение не входит в их намерения, как не чувствуется с их стороны и доброжелательности. За этим последовало обвинение в стремлении ниспровергнуть государственный строй в минуту смертельной для страны опасности: «Вы начали эту распрю, вы ее поддерживаете, вы продолжаете эту преступную борьбу и ныне... вы разделили Государственную думу, выбросили всех инакомыслящих из бюджетной комиссии. Пользуясь тем, что имеете большинство в Государственной думе, вы проявили произвол, насилие, не считаясь с правами меньшинства; вы — враги отечества». «Прогрессивный блок» был объявлен „истинным врагом" и самой Государственной думы, а выдвинутые им требования политического характера названы «чисто мятежными»[95].

Касаясь других аспектов программы «Прогрессивного блока», зачитанной октябристом С. И. Шидловским 10 февраля и повторявшей в основном то, что содержалось в августовской (1915 г.) программе, Марков требовал не отвлекать внимание правительства от насущных дел и задач «пустыми фантасмагориями» и «экзотическими проектами» вроде земства в Томской губ., финляндского равноправия и пр., подрывающими боевой дух народа. «Занимайтесь войной и только войной... врага внешнего надо раздробить так, как он собирался раздробить нас»[96]. Не раз правые пытались изобразить войну России с империями Габсбургов и Гогенцоллернов войной Отечественной, проводя необоснованную параллель с 1812 г.

Как и основной оратор от фракции правых, Н. Е. Марков немало распространялся о борьбе с немецким засильем и ростом дороговизны, присовокупив к этому «борьбу» со взяточничеством и лихоимством, «которое обуяло как массу чиновников, слуг правительства, так и чиновников, слуг общественных организаций». Активную кампанию против «немецкого засилья» продолжали и правые газеты, в том числе «противное» императрице «Новое время»[96а].

В свою очередь, лидеры оппозиции всю вину за нарушение внутреннего мира и разжигание «междоусобной войны» возлагали на правое крыло правительственного лагеря, на черносотенцев и крайних консерваторов. Кадет А. И. Шингарев в ответ на обвинения справа заявлял, что с началом войны политические партии предали забвению межпартийную борьбу: ни правительство, ни его ревностные защитники не слыхали ни одного слова укоризны или критики. Возобновили же борьбу и продолжали «бороться со страной» само правительство и его политические оруженосцы[97]. Не соглашаясь с этим «наветом», правочерносотен-

ная братия устами Маркова и других бешеных вопила: «...со страной за эти полтора года боролось не правительство, а большинство Государственной думы». При этом Марков уже не в первый раз обзывал блокистов пораженцами, подтверждением чему служило, по его словам, выдвижение ими «чисто мятежных требований», хотя они и не перестают уверять, что желают только победы и верят в нее. «Шингарев,— говорил он,— выставил положения, из коих нельзя сделать иного вывода, кроме как в сторону желательности поражения России». Тут же Марков принялся уверять, что только правые являются истинными патриотами: «Гораздо больше, чем Шингарев, я верю в победу России и уверен в этой победе»[98].

Так призывы к сохранению внутреннего мира перемежались у у правых с обвинениями своих политических противников в «измене». Блокисты, разумеется, в долгу не оставались. В лицемерии уличал крайних консерваторов их бывший коллега В. В. Шульгин, перешедший из фракции правых к националистам, а затем с группой отколовшихся умеренных националистов вошедший в состав «Прогрессивного блока» и его бюро: «Я никак не могу вспомнить, — говорил он, — когда это проф. Левашев и вообще правые призывали нас всех и всю страну к забвению распрей... Я помню другое; помню, что я ушел с этих скамей, когда я увидел, что распри для них не печальная необходимость, а излюбленное ремесло»[99]. В переводе на более понятный язык это означало, что крайне правые и до войны и позже решительно восставали против любых попыток найти хотя бы компромиссное решение давно назревших вопросов, против самых ограниченных социально-политических преобразований и тем самым подрывали малейшую возможность сохранения «внутреннего мира», ослабления социальной и политической напряженности, делая неизбежным революционный взрыв, на предотвращение которого были направлены все усилия либеральной буржуазии и обуржуазившихся помещиков. Открытием «выпускных клапанов» надеялись предотвратить революцию либералы. Правоконсервативные и черносотенные круги наиболее надежное средство для этого видели в усилении реакции.

Ясно, что в таких условиях «внутренний мир» становился невозможным даже среди господствующих классов. Не случайно, заметил Шульгин, профессор Левашев, призывавший к забвению внутренних распрей и партийных склок, тут же объявил, что его фракция будет бороться с блоком всеми имеющимися в ее распоряжении способами. Ясно, что правые мыслили такой «мир» не иначе, как беспрекословное повиновение существующим властям на базе своей внутриполитической платформы, т.е. сохранения самодержавного режима в его квазиконституционной форме; либералы — при условии осуществления их программы «внутреннего умиротворения», отраженной в декларации «Прогрессивного блока». И хотя «милые дружки», по выражению В. И. Ленина, черносотенцы и либералы, обменивались взаимными упреками и обвинениями, создавая подчас видимость острейшей борьбы по

вопросам внутренней политики, в области внешней политики они стояли в основном на одинаковых позициях, поддерживая правительственный курс в надежде общими усилиями довести войну до победного завершения. Никакого «разрыва между ними в этом отношении не произошло. Напротив, желание выиграть войну удерживало их в рамках единого буржуазно-помещичьего блока, и «желтого» и «черного». Кризис «верхов» проявлялся главным образом в области внутренней политики.

Характерным в этом отношении было выступление видного кадетского лидера полуоктябриста В. А. Маклакова. В нынешнее время, говорил он в Думе 11 февраля 1916 г., прения по общей политике, поиск общего языка с правительством — само по себе явление ненормальное, признак болезни. Однако, что бы ни предстояло еще в будущем, может быть долгая позиционная война и даже отступление, мы должны с этим справиться. Правительство должно об этом думать, к этому надо готовиться и готовить страну. «Мы должны подготовить страну к возможности длинной, очень длинной войны». В этом наибольшая трудность. До сих пор не войско, а именно тыл являлся причиной всех неудач, причем «затруднения не уменьшились, а возрастают». Поэтому перед государством стоит «бесконечно трудная задача — организовать устойчивый тыл»[100]. Нынешнее поколение помнит то недалекое время, когда все попытки улучшить государственное устройство России встречали одно сакраментальное возражение: это несовместимо с формой правления, несовместимо с самодержавием. Эта форма правления лежала тяжелой плитой на развитии государственной и общественной жизни. 17 октября 1905 г. самодержавная власть вроде бы «ушла с исторической сцены», и в России установился «новый строй» — конституционная монархия. На самом деле все обстояло иначе. Отступив вначале на какое-то время, приверженцы старого строя не замедлили объявить, что царский манифест 17 октября — это «потерянная грамота». Слабые числом, но сильные влиянием, они тем не менее не были достаточно сильны, чтобы восстановить самодержавие в прежнем его виде, «но у них хватило силы для того, чтобы обессилить и изуродовать конституционный порядок». Обвинив крайних монархистов в стремлении воспользоваться войной для восстановления неограниченного самодержавия, представитель кадетского синклита заявил, что в течение года страна жила «при прежнем режиме, при исключительном господстве правительства», в руках которого была сосредоточена вся исполнительная, финансовая и законодательная власть. Государственная дума не отменена, но собиралась на один — три дня, никакой критики в адрес правительства себе не позволяла и, таким образом, превратилась фактически в декорацию[101].

По мысли оратора, далее так оставаться не должно. В стране все явственнее обнаруживается хозяйственная разруха, в особенности на транспорте, что не может не затронуть и сферу военного производства; растут инфляция и дороговизна, продовольственные трудности, с которыми правительство не в состоянии справиться.

Не способно оно положить конец и взяточничеству чиновников, разлагающему государственный аппарат, подрывающему нравственные устои общества, и т.д. И во всем этом царское правительство пытается обвинять революционеров и евреев, а правоконсервативные апологеты, кроме того, непрерывно нападают на либеральную оппозицию и буржуазную общественность, и единственная политическая «мудрость» правительства состоит в наращивании репрессий.

Как явствует из этих высказываний, кадеты довольно быстро разобрались в сути «обновления» царского кабинета. Уже на следующий день после открытия сессии правокадетский орган «Русские ведомости» писал, что иллюзия нового курса отцветает, не успев расцвести, ибо бюрократическое министерство не может сойтись с обществом в понимании задач исторического момента и согласиться с Думой на определенной программе. Встреча кабинета с Думой доказала, что длительный кризис русской внутренней жизни не устранен и не ослаблен[102]. Речь шла, таким образом, прежде всего о внутренней политике, от которой самым непосредственным образом зависела судьба войны, перспективы внешней политики, о том, в какой мере внутренняя политика отвечает задачам борьбы с внешним врагом, и понималось это далеко не одинаково буржуазно-помещичьими кругами царской России.

С развернутой критикой правительственного заявления выступил 10 февраля идейный вдохновитель «Прогрессивного блока» лидер кадетов П. И. Милюков, пытавшийся показать наиболее рациональный «стык» внешней и внутренней политики, наиболее реальный, в его представлении, путь достижения победы над противником. Осуждению подвергся прежде всего внутриполитический курс правительства, система формирования правительственной власти, исходя из программного требования «Прогрессивного блока» создать «министерство доверия».

Солидаризировавшись с представителем правого крыла блока В. В. Шульгиным, развивавшим в своем выступлении «положительный взгляд» на способы выхода из создавшегося положения, к которым он «во многом присоединяется», Милюков в отличие от последнего сосредоточил свое внимание на отрицательных сторонах, мешающих выходу из «трудного и серьезного положения». Правильный путь выхода из этого положения, подчеркнул он, указывает программа «Прогрессивного блока».

Первое, к чему привлек внимание «народных представителей» глашатай кадетских догм и на чем останавливались почти все другие ораторы, это необходимость полного единения между правительством и буржуазно-помещичьими партиями на почве решительной борьбы с австро-германской коалицией. Лично его насторожила «нота тревоги», послышавшаяся в последних словах министра иностранных дел Сазонова, хотя и выраженная в форме надежды на то, что продемонстрированное в начале войны «высокое воодушевление», давшее за границей как друзьям, так и противникам «картину полного единомыслия на почве решитель-

ной борьбы за отечество», «не претерпит никакого ущерба», чтобы ни друзья, ни враги не могли сказать, «что сила русского духа пошла на убыль, ибо в этой силе залог нашего успеха»[103]. К сожалению, констатировал главный стратег «Прогрессивного блока», силы народа, лишенного умелого руководства, тратились до сих пор бесплодно, в результате чего среди населения неуклонно слабел военный порыв и под покровом внешнего спокойствия в «народной душе» совершались глубокие перемены к худшему.

Непременным условием победы в этой грозной войне, подчеркивал Милюков, является полное единение всех политических партий и всех слоев населения. Однако между этим требованием и «грустной действительностью» существует огромное «роковое несоответствие», и самое тревожное заключается в том, что правительство продолжает не понимать это несоответствие или делает вид, что не замечает его. Во всяком случае, непонимание явственно сказалось в оглашенной Штюрмером правительственной декларации, в которой «скудно, неполно и бледно» отразились неотложные нужды момента, первоочередные задачи, по поводу коих большинство Думы заявило, что «время не ждет»[104]. Одна ошибка власти, уточнил Милюков, исправлена. То, на чем настаивала оппозиция и буржуазная общественность, выполнено: Государственная дума наконец созвана. Другая ошибка, касающаяся «состава власти», не только не устранена, но еще более усугублена.

Заявление большинства Думы, касающееся состава правительства, продолжал оратор, указывало на четыре условия, которым должен отвечать этот состав, чтобы стоять на высоте задач и требований момента. Прежде всего, речь шла о людях «знающих и способных». Между тем, сетовал представитель этой, как ему казалось, категории деятелей, с некоторых пор «незнание специальности стало как бы патентом на назначение: на высокие государственные посты». Состав кабинета пострадал по тем же причинам, что и состав Государственной думы. «И перемены в направлении ухудшения состава продолжаются».

Это был явный намек прежде всего на главу кабинета Штюрмера, считавшегося в кругах широкой общественности, в том числе и среди умеренно правых, совершенно непригодным для назначения на столь ответственный пост в такое сложное и трудное время. Назначение Штюрмера явилось полной неожиданностью даже для членов самого кабинета, о чем свидетельствовали, например, министр народного просвещения граф П. Н. Игнатьев[105] и военный министр А. А. Поливанов. «Назначение это,— показывал Поливанов,— чрезвычайно тяжело на нас подействовало»[106]. (Он имел в виду себя и близких ему по умонастроениям Сазонова и Игнатьева.) В особенности вызывала смущение (а многих и коробила) его немецкая фамилия, хотя в действительности он был по происхождению австрийцем. Незавидным кредитом в глазах общественного мнения пользовался ставленник крайне правых министр внутренних дел А. Н. Хвостов (как, впрочем, и ряд других

министров, располагавших к себе лишь самых закоренелых консерваторов, для которых царский выбор был превыше всего).

Другое требование «Прогрессивного блока» относительно комплектования правительства, пояснял Милюков, сводилось к тому, чтобы в кабинет включались люди, «пользующиеся доверием страны». Подразумевались, конечно, в первую очередь деятели думского «Прогрессивного блока», а также известные представители буржуазных «общественных организаций». Уже одно то, что назначение Штюрмера восторженно приветствовалось крайне правыми, черносотенными кругами, вызвало отрицательную реакцию оппозиции. В его лице либералы видели надежного преемника Горемыкина, «состарившего Россию», по выражению Маклакова, на целые десятилетия.

Это и высказал Милюков, подчеркнув, что никаких перемен, собственно, не произошло с назначением нового главы правительства: состав власти постоянно обновляется, «но все из того же ящика Пандоры»; небольшой маневр, а суть остается прежней, и сутью этой продолжает быть «внутренняя война», ведущаяся не русской общественностью, которая с самого начала общеевропейского конфликта «сложила свое оружие», а правительственным лагерем. Внутреннюю войну ведут те, утверждал Милюков, кто вел ее раньше. Властью, словно нарочно, творятся вещи, отнюдь не соответствующие задаче привести страну и народ к решительной победе. Первое условие победы, продолжал лидер оппозиции, умелая организация. Между тем правительство лишь дезорганизует страну и ее военные усилия. Сложившееся положение явилось неизбежным последствием того, «что война внешняя застала власть в процессе войны внутренней, еще неоконченной»[107].

Правда, заигрывая с Думой и буржуазными общественными организациями, новый глава кабинета демагогически заявил, будто уже перед войной «наметились материалы для реального законодательства» и партийные страсти привели к выделению ряда вопросов, на решение которых правительство было готово согласиться. Однако и теперь оно придерживается той же тактики, отделываясь пустыми разговорами и посулами. Так поступал Горемыкин, по тому же пути следует и Штюрмер, поддерживая и поощряя атаки крайне правых против оппозиции и ее скромных требований.

Кадеты довольно быстро смекнули, что штюрмеровская «лисья тактика» намного опаснее и вреднее, чем прямолинейная ультраконсервативная линия ветерана бюрократии Горемыкина. «Для нас он в 10 раз хуже Горемыкина... — говорилось на VI съезде кадетской партии.— Там была безумная ставка реакции... Штюрмер же — это воплощенная провокация... Его задача обмануть и выиграть время»[108]. Как стало известно в думских кругах, новый председатель совета министров начал свою деятельность с того, что пытался заполучить в свое бесконтрольное распоряжение 5 млн. рублей с намерениями, «едва ли дружественными» по отношению к Государственной думе и общественным организациям[109].

Правительство, продолжал свою обличительную речь лидер «Прогрессивного блока», подрывает моральный дух народа, дезорганизует страну и ее экономику. Положение спасает пока все более растущая деятельность общественности. И если, несмотря на все изъяны в работе правительственного механизма, «вопреки хаосу и анархии, мы все-таки твердо надеемся на решительную победу», то только потому, что рядом с бестолочью, обманом и ложью канцелярского бумагомарания «мы получили противовес в выздоравливающем влиянии живой и деятельной русской общественности». Заполнив все пробелы и заменив негодные передаточные колеса в испорченном механизме, она позволяет, как выразился Милюков, преодолеть государственный паралич.

Все это отдавало, однако, тем же казенным оптимизмом, которым отличались многие правительственные заявления и декларации, рулады царских министров. Сам Милюков подтвердил, что нарисованная им картина слишком далека от реальной действительности. Главнейшая задача момента, отмечал он в заключительной части речи,— «высшее напряжение народных сил». Между тем существующий в России строй сковывает умножение этих усилий, и отрицательные последствия порочной тактики правительства будут расти в ужасающих размерах. Нельзя считать объявленную Штюрмером платформу власти «сколько-нибудь обещающей». Нельзя потому, что в июле 1915 г. соглашаются наконец сделать то, что должно было быть сделано в январе того же года, а в феврале 1916 г. произносится то, что надлежало сказать в июле предыдущего года. Таким темпом не поспеть за стремительным ходом событий.

Расписался Милюков и в собственной беспомощности, как и в беспомощности представляемого им «Прогрессивного блока», заявив, что он не может предложить каких-либо реальных способов выхода из создавшегося положения, поскольку таковых не видит: «Я знаю, где этот выход, но, как в него пройти, я не знаю. У нас нет средств решить этот вопрос собственными силами, и мы не решаемся больше обращаться к государственной мудрости власти»[110]. Эта беспомощность объяснялась отчасти тем, что, поругивая правящие верхи, и подчас довольно хлестко, кадеты и сами считали необходимым сохранение во имя успешного ведения войны гражданского мира и не заходили в своей оппозиции «слишком далеко», а, действуя в «рамках законности», стремились с помощью думской говорильни и газетной пальбы отвлечь внимание масс от революционной борьбы. Довольно откровенно высказался по этому поводу В. В. Шульгин: «Мы будем говорить, чтобы страна молчала»[111].

Осудив внутреннюю политику Штюрмера — Хвостова (в национальном вопросе, в вопросах печати и вероисповедания, политической амнистии и др.), Милюков не мог не коснуться и внешней политики, хотя на этот раз он счел необходимым ограничиться лишь польской проблемой. Его не удовлетворило ни заявление Штюрмера по данному вопросу, повторившего прежние обещания,

ни высказывание Сазонова в его обширном внешнеполитическом обзоре. Последнего он упрекнул в «чрезмерном оптимизме» относительно бесплодности попыток Германии склонить поляков на свою сторону. Как ни ничтожны выгоды, которые поляки могут получить от немцев, говорил Милюков, их не следует упускать из виду. Хотя поляки не испытывают симпатий к немцам и тяготеют к России, однако, изверившись в возможности получить данные им Россией обещания, они могут в конце концов повернуться в сторону Германии и дать Вильгельму надежду на создание полумиллионной польской армии и использование ее против держав Согласия.

Присоединившись к мысли Сазонова о том, что противнику не удастся склонить поляков на свою сторону, Милюков в то же время заметил, что повторения одних обещаний недостаточно и кадеты еще в январе 1915 г. указывали на необходимость немедленной реализации данных обещаний. Тогда Царство Польское еще не было захвачено вражескими войсками, а ныне момент для этого может быть упущен. Выразив надежду, что русские войска снова вернутся в пределы Польского края, Милюков предлагал без промедления приступить к разработке практических мер, «чтобы, вернувшись в Польшу, и мы и поляки застали в корне новое положение»[112]. На деле это означало поддержку линии Штюрмера в польском вопросе — не спешить с какой-либо новой декларацией по данному вопросу по двум основным соображениям: 1) нецелесообразно заранее определять рамки будущей польской автономии ввиду возможной «контригры» противника и 2) необходимо изгнать вначале германцев и австрийцев из захваченных ими польских земель и лишь потом приступить к практическому решению вопроса.

Резкой критике подверглась правительственная декларация со стороны фракции «прогрессистов», от имени которой выступал ее лидер И. Н. Ефремов. Вся его речь свелась к обоснованию необходимости образования ответственного перед Думой кабинета, без чего невозможно преодолеть кризисного состояния. Ратуя за доведение войны до победного исхода, «прогрессисты» настаивали на перемене внутриполитического курса в сторону либерализации, и в первую очередь на изменении порядка назначения на ответственные министерские посты. Небывалой мировой борьбе, подчеркнул идеолог истинных буржуа[113], «конца не видно» и борьба эта должна продолжаться. Мира не может быть до тех пор, пока не будет обеспечена возможность восстановления попранных прав народов и удовлетворения жизненных интересов России. Как ни велики тяготы войны, все они отступают перед главнейшей задачей — организацией победы над врагом. Всю жизнь России, весь ее общественный и государственный строй, все силы народа, восклицал оратор, следует приноровить к решению этой коренной задачи. На этом пути не должно быть никаких препятствий. А между тем, жаловался он, такие препятствия есть, и не малые. Создаются они действиями самого правительства, его ошибками[114].

В речах «прогрессистов» слышалась та же скорбь по утраченному «внутреннему миру». В правительственной декларации, сетовал Ефремов, чувствуется полная беспомощность и непонимание исторического момента, неподготовленность власти к творчеству. «Неясные выражения, неопределенные обещания, ни одного яркого живого предначертания» — словом, никаких реальных практических мер, а лишь пустые ничего не значащие выражения, вроде «наблюдать и изучать», «внимательно присматриваться» и «не действовать наугад». Далее, соглашаясь на кое-какие будущие «нововведения», Штюрмер старательно подчеркивал необходимость относиться ко всему «бережно и в высшей степени осмотрительно», т.е. сохранять в неприкосновенности основные устои автократического режима, «обветшалую форму государственности»[115]. Туманными обещаниями, продолжал лидер «прогрессистов», новый председатель совета министров хотел успокоить «брюзжащую Думу» и народ, обнаружив полное непонимание, а возможно, и нежелание понять, какой критический момент переживает страна, хотя он и повторял то и дело фразу об «исключительности» момента и «исключительных» задачах.

Даже в глухих, отдаленных деревнях начинают ясно сознавать, в чем коренятся причины слабости России, ее неподготовленности к такой небывалой по размерам и последствиям борьбе с вражеским блоком, «почему происходит катастрофическая разруха всего государственного хозяйства»[116]. Эта разруха, заключал Ефремов, ярче, чем во времена Севастополя, раскрыла всю несостоятельность бюрократического хозяйничанья, все крушение старой политической системы[117].

Запоздалое прозрение, да и то лишь немногих из господ либералов. В. И. Ленин еще на опыте русско-японской войны наглядно показал самую неразрывную связь оборонной мощи страны, военного потенциала с ее внутренним социально-экономическим и политическим укладом жизни, с состоянием базиса и надстройки. «Связь между военной организацией страны и всем ее экономическим и культурным строем, — писал он в 1905 г., — никогда еще не была столь тесной, как в настоящее время»[118]. Однако и теперь, в 1916 г., когда гнилость политической системы самодержавия обнаружилась с разительной силой, русская буржуазия не решалась на открытую борьбу с царским режимом, рассчитывая, так сказать, на «джентльменское соглашение» о дележе власти с реакционным дворянством, являвшимся социальной опорой царизма и составлявшим костяк высшей военной и гражданской бюрократии. «Нужно,— повторял Ефремов набивший оскомину тезис,— чтобы полный мир царил в стране, чтобы народ доверял своему правительству и чтобы последнее не мешало развитию народной самодеятельности и осуществлению народной воли к победе». Между тем у власти остаются министры, меньше всего заслуживающие такого доверия, и на место уходящих назначаются люди, прославившиеся своей борьбой с либеральной и демократической общественностью (прямой намек на Штюрмера и

А. Н. Хвостова.— *В. В.*)[119]. «При новых назначениях как на министерские посты, так и в Государственный совет подбираются лица, явно принадлежащие к правым политическим группам. Деятельность общественных организаций, земских и городских союзов, военно-промышленных комитетов берется под подозрение, им ставятся палки в колеса»[120].

В знак протеста против такой политики, объяснял Ефремов, фракция «прогрессистов» демонстративно отозвала своих представителей из Особых совещаний, дабы «дать понять обществу», что совещания эти, достигшие в свое время определенных результатов, не решат острейшей проблемы перевозок топлива и продовольствия и не поставят боеспособность страны на должную высоту. Обижены были «прогрессисты» и за положение «народного представительства», роль которого как законодательного учреждения фактически равна нулю. «Дума нужна не только для рассмотрения бюджета, тем более что все необходимые для войны средства отпускаются из военного фонда без ведома и согласия Думы»[121].

Выправить положение, доказывал Ефремов, могла бы только предлагаемая его фракцией мера: и в июле 1915 г. и теперь в межфракционных совещаниях, говорил он, «прогрессисты» отстаивали требование не министерства общественного доверия, «не дающего министрам определенности правового положения и достаточной опоры и независимости», а министерства, политически ответственного перед Думой. Только эта ответственность даст министрам необходимую самостоятельность и свободу действий, только она обеспечит им «ту действительную поддержку Государственной думы, которая одна может оградить их от посторонних влияний и давлений, от всяких закулисных интриг скрытых и безответственных советников»[122]. В предлагаемом варианте министрами не обязательно должны назначаться только члены законодательных палат или исключительно общественные деятели. В состав ответственного министерства могут включаться и опытные, способные, зарекомендовавшие себя чиновники (бюрократы). Важно, однако, чтобы перед началом своей деятельности такое министерство выступило перед Думой с конкретной программой, отвечающей требованиям ее большинства, и обязательством настойчиво проводить эту программу в жизнь. В лице ответственного министерства мыслилось создание исполнительной власти, обновляемой «без всяких потрясений». Ее программой предлагалась программа «Прогрессивного блока», встретившая, по словам Ефремова, сочувствие в широких кругах населения. Правда, заметил он, одни рассматривают ее как программу-минимум, другие — как программу-максимум, но «почти все» готовы принять ее в качестве основы ближайшей деятельности Думы и сложившееся в ней большинство («Прогрессивный блок») не находится в противоречии с общественным мнением страны. Поэтому опирающееся на него ответственное министерство «отвечало бы ближайшим чаяниям общества» и могло бы пользоваться его доверием, что позволило бы превратить ответственное министерство

в «действительно национальное правительство». Только ответственное министерство, настаивали «прогрессисты», способно дать стране безусловную уверенность, что преждевременный мир не будет заключен вопреки воле народа, что при изыскании средств для продолжения войны, как и при установлении условий мира, «будет проявлено достаточно бережное и расчетливое отношение к государственному достоянию», настойчивая защита национальных интересов[123].

В заключение оратор обращался к «отсутствующим министрам» с увещеванием: их служебный и патриотический долг сказать царю, что им не справиться с величайшей задачей момента — организацией победы и что они должны «очистить место для национального министерства», которое имело бы за собой «всю мощь и всю веру народа». И тут же, как бы извиняясь за столь крамольные взгляды и предложения, Ефремов просил «понять», что собственный «патриотический долг» думских деятелей понуждает их призывать страну «к сдержанности и сосредоточению всего своего внимания и всех своих сил на борьбе с внешним врагом».

Так, с помощью парламентских словесных турниров и расширенного воспроизводства их в прессе либералы пытались умиротворить страну и сдержать подъем революционного движения. Но, как ни похвальна была в глазах охранителей режима подобная забота, речь представителя «прогрессистов» и защищаемая им политическая платформа произвели на них «сильное впечатление», разумеется,в самом негативном смысле. Не случайно Марков 2-й негодующе заметил, что сообразно с политическими воззрениями «прогрессистов» их фракции надлежало бы располагаться не справа, а слева от кадетов, что означало категорическое осуждение прокламируемой ими идеи.

Холодный прием встретила правительственная декларация и у той части членов Государственного совета, которая солидаризировалась в августе 1915 г. с программой «Прогрессивного блока». Это нашло отражение в заявлении барона Меллера-Закомельского от имени Группы Центра Госсовета на заседании 9 февраля[124]. Как и полгода назад, сказал барон, при премьерстве Горемыкина, законодательные палаты стоят перед лицом чрезвычайных государственных задач, правильное решение которых должно обеспечить доведение войны до победного мира. Главным залогом достижения этой цели служит «порыв, охвативший всю Россию». Но чтобы возродить и сохранить этот порыв, необходим внутренний мир. Только при условии объединения всех слоев общества без различия их социального положения страна сможет принести любые жертвы во имя борьбы с внешним врагом. Поэтому главная задача правительства состоит в том, чтобы объединить все эти разрозненные силы «в один могучий поток» и откровенно вступить с ними на путь совместной работы ради достижения «полной победы и обеспечения светлого будущего великому народу».

Выражая недоверие правительственному курсу и призывам царских министров к сохранению внутреннего мира, Меллер-Зако-

мельский сказал: мы только что выслушали правительственную декларацию и вновь услышали заявление о готовности работать в полном единении с общественными силами, услышали и заверение в доверии к этим силам. Но подобные заявления делались и раньше, с первых дней войны. «К сожалению, слова расходились с делом». В минувшем году из-за упущений в деле снабжения армии и связанных с ними «временных неудач» на фронте все общество сплотилось еще сильнее. «Государственно мыслящие партии» и их представители в Думе пришли к решению прекратить между собой борьбу и путем обоюдных уступок условиться на таких совместных и согласованных действиях, «которые... необходимы для достижения общей заветной цели» — победы. Группа Центра Государственного совета горячо приветствовала это единение, видя в нем залог плодотворной работы совместно с Государственной думой. «Однако и это единение и преследуемые им цели были взяты под подозрение. Палаты были распущены, и наши политические недруги не замедлили обвинить нас в стремлении захвата власти путем нарушения Основных государственных законов».

Открещиваясь от подобных намерений, оратор с негодованием отверг это обвинение как „явную клевету", подчеркнув, что только действительно объединенное правительство, опирающееся на доверие и сочувствие населения, способно сплотить все силы для окончательной победы над врагом. Существовавшее же до сих пор правительство этими свойствами не обладало. Оно оставалось вне общественного движения и настроения, порождало в стране раздражение, его деятельность лишь гасила «священный огонь» в народных массах. Либерально настроенный член Госсовета рекомендовал правительству воспользоваться сменой главы кабинета и «поспешить превратить свои слова в живое дело», проявив единомыслие с заветными стремлениями народа. «Чрезвычайное событие» — посещение царем законодательных палат — должно послужить залогом того, что правительство внемлет наконец курсу, направленному не на разобщение, а на объединение сил страны. Но подобные рекомендации разбивались, как известно, о глухую стену непонимания.

От имени трудовой группы была зачитана в Думе В. И. Дзюбинским сугубо оборонческая декларация, в которой содержались два основных тезиса: создание ответственного министерства и продолжение войны до победного конца. Покритиковав, как всегда, в довольно «сердитых» выражениях деятельность царского правительства за истекшие с момента предыдущей сессии месяцы (с 3 сентября 1915 г.) и указав на несовместимость этой деятельности «ни с делом обороны, ни с интересами страны», трудовая группа заявляла, что дальнейшее его пребывание у власти может повести к «полному политическому, моральному и хозяйственному развалу». Все усилия народа, декларировали трудовики, должны быть сосредоточены на обороне страны и создании новой исполнительной власти, ответственной перед народным представительством, избранным всеобщей подачей голосов [125].

Ближайшими задачами момента трудовики объявляли также: амнистию всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, осуществление основных политических и гражданских свобод, демократизацию государственного строя сверху донизу, предоставление демократическим слоям населения возможности свободного обсуждения всех связанных с войной политических и социальных вопросов, в том числе и вопроса об условиях будущего мира, «отвечающего идеалам демократии» (мира без аннексий, с предоставлением населению спорных территорий права на самоопределение и создание собственной государственности). Трудовики осуждали царское правительство за то, что, пообещав полякам еще год назад автономию, оно практически упустило момент, предоставив неприятелю возможность реализовать это обещание за чужой счет во вред интересам держав Согласия, и прежде всего самой России.

Таким образом, во внутренней политике платформа трудовиков выглядела явно прокадетской, прогрессистской (требование ответственного министерства), во внешней политике — война до победного конца, но «без завоевательных целей», что являлось абсолютно нереальным при любом «ответственном» буржуазно-помещичьем или однородно буржуазном правительстве, как было убедительно доказано В. И. Лениным и большевистской партией, а в дальнейшем подтверждено и исторической практикой.

Не более радикальной выглядела и внешнеполитическая платформа меньшевистской фракции, оглашенная в Думе 10 февраля Н. С. Чхеидзе[126]. Осудив империалистический характер войны и проводимую правящими кругами великих держав аннексионистскую политику, являющуюся «решительным препятствием» на пути к достижению мира, Чхеидзе ограничился, по существу, стандартными социал-пацифистскими причитаниями, подвергнутыми резкой критике В. И. Лениным и большевистской партией[127].

Признавая, что в широких народных массах, прежде всего в среде пролетариата, все более зреет сознание необходимости положить конец кровавому безумию и что сам пролетариат начинает организовываться как международная сила, меньшевистская декларация ограничивалась пацифистским призывом к прекращению братоубийственной войны и установлению прочного мира, в ней не указывались ни пути, ни средства, которыми можно было добиться такого мира. «Война, начатая правительствами, вопреки воле народа,— гласила декларация,— должна быть ликвидирована самими народами. Только при этом условии будет обеспечен прочный устойчивый мир: мир без аннексий и контрибуций, на основах свободного самоопределения народов, всеобщего разоружения, передачи внешней политики в ведение народного представительства и установления авторитетного общеобязательного международного третейского суда»[128]. Между тем сам же Чхеидзе в том же самом выступлении признавал, что лозунги всеобщего разоружения, ликвидации милитаризма, лозунг самоопределения «давно отброшены господствующими клас-

сами», ведущими войну, в связи с чем Марков 2-й не преминул выкрикнуть на весь зал, что это «старый хлам», а посему, дескать, и выброшен теми, к кому адресовались меньшевики.

Весь пафос выступления меньшевистского лидера, как и зачитанного им заявления своей фракции, свелся к подталкиванию «Прогрессивного блока» и его вожаков к более настойчивым домогательствам власти, к получению ими министерских портфелей, к передаче внешней политики в руки «народного представительства», состоявшего почти сплошь из ставленников помещичьих и буржуазных кругов. Российская самодержавная бюрократия давно вела страну к разрухе и разложению, стремилась и стремится использовать большую войну для восстановления в России стародавних порядков, к тому, чтобы вернуть ее в семнадцатый век. Чхеидзе говорил о тех же недугах экономики страны, что и другие ораторы: о продовольственном и топливном голоде, расстройстве транспорта, отсутствии разветвленной сети железных дорог и подъездных путей к ним, слабом оборудовании заводов и фабрик, плачевном состоянии финансов и т.д., подчеркивал, что все это усиливает опасность военного поражения страны.

Меньшевистская фракция заявляла о том, что нельзя доверять и обновленному составу кабинета, ибо в правительственных верхах произошла лишь очередная смена декорации: с царскими почестями ушел в отставку «ветеран бюрократии», а на его место назначен другой, не менее махровый консерватор, показавший себя еще при разгоне тверского земства. Последние перемены в составе правительства, заявил Чхеидзе, «свидетельствуют о полном торжестве реакционной части объединенного дворянства». Штюрмеру также нельзя доверять, как и его предшественнику, которому найдена «достойная замена». Нельзя доверять, хотя он и пытался предстать в роли доброжелателя по отношению к Думе и общественным организациям. И призыв к единению, к взаимной уступчивости и примирению — все это только слова. Переформированное правительство, за исключением отдельных министров, враждебно настроено не только против демократической, но и против буржуазной общественности: по-прежнему ограничивается деятельность городского и земского союзов, чинятся препятствия в работе военно-промышленных комитетов, еще больше притесняются профсоюзы и кооперация. Повседневная правительственная практика — верное тому доказательство. «Идеологи бронированного немецкого кулака» — Министерство внутренних дел и Охранка продолжают действовать теми же истытанными методами, причем полиция все чаще и откровеннее провоцирует забастовки, чтобы сломить рабочее движение. Участились случаи милитаризации промышленных предприятий, что «окончательно устраняет пролетариат из политической жизни» в столь ответственный исторический момент. Эти факты лишь подчеркивали лицемерный, демагогический характер правительственного обещания «серьезно» приняться наконец за «урегулирование» жизни рабочих.

Чхеидзе то и дело апеллировал к деятелям «Прогрессивного блока», призывая их отрешиться от соглашательства с реакцией и «повернуться лицом к народу». Пока что, жаловался председатель меньшевистской фракции, имело и имеет место соглашательство думского большинства с правительством вместо опоры на широкие народные массы. «Полное политическое раскрепощение страны является задачей момента, и оно возможно лишь в результате дружного натиска всех общественных сил», буржуазной и демократической общественности. Собственную же задачу меньшевики видели скорее в том, чтобы стоять за спиной краснобайствующих либералов и подталкивать их к созданию министерства доверия или ответственного министерства. И в том и в другом варианте заключалось пожелание (но никак не решительное требование) либеральной оппозиции передать исполнительную власть в руки тех, кого «знает» и кому «доверяет» страна, т.е. буржуазно мыслящих политических деятелей, которым, согласно меньшевистской концепции, в предстоящей буржуазно-демократической революции в России по праву должна принадлежать власть.

«Жребий брошен!» — восклицали любители громких фраз, призывая лидеров оппозиции к более смелым антиправительственным выступлениям. Задачу взятия власти ставят перед буржуазно-либеральными кругами не только интересы обороны страны, но и интересы собственно буржуазного, капиталистического развития. К сожалению, сетовал Чхеидзе, российская буржуазия не понимала этого раньше, не сознает этого и теперь, хотя причина «властебоязни» буржуазии коренилась, конечно, в ином — в страхе потерять щит, под прикрытием которого она находилась перед лицом натиска рабочего класса, т. е. царскую власть с ее многоопытным охранительным аппаратом. Чхеидзе сформулировал тезис об условной поддержке меньшевиками «Прогрессивного блока», если он покончит с политикой соглашательства и повернется лицом к демократии.

Другими словами, мелкобуржуазные социалисты признавали за буржуазией роль гегемона в назревшей буржуазно-демократической революции в России, а рабочему классу отводили вспомогательную роль «давящей массы». Именно в этой теоретической и тактической установке коренились истоки соглашательской политики меньшевиков и эсеров по отношению к буржуазии в послефевральский период.

Только большевистская партия, руководимая В. И. Лениным, указала трудящимся массам верный путь борьбы против империалистической войны, против экспансионистской политики царизма и буржуазии — путь превращения войны империалистической в войну гражданскую, свержения самодержавия самоотверженными усилиями рабочих и крестьян при мобилизующей и организующей роли рабочего класса, его гегемонии в социальном освободительном движении, во главе с подлинно революционной пролетарской партией нового типа.

Рассмотренный в данной главе материал показывает, что «переформированный» в начале 1916 г. кабинет целиком воспринял прежний курс как во внутренней, так и во внешней политике, поставив перед собой задачу дальнейшей активизации военных усилий, доведения войны до победного конца, реализации намеченных совместно с союзниками целей. В оглашенной 9 февраля правительственной декларации подтверждалась верность союзническим обязательствам и решительно отвергалась идея «преждевременного» мира, в особенности мира сепаратного.

Признавалась необходимость достижения большей согласованности действий союзников как в военной, так и в дипломатической области, в подготовке и проведении боевых операций на основных фронтах, хотя на пути решения этих задач возникали серьезные трудности из-за разногласий и противоречий между партнерами по коалиции, а также в силу стратегического и географического положения держав Согласия.

Не претерпело изменений и отношение политических партий к войне по сравнению с предшествующим периодом. И крайне правые консервативные круги, и буржуазно-помещичья оппозиция высказались в поддержку внешнеполитического курса на продолжение войны до победного исхода. В то же время приобретали все бóльшую остроту разногласия по вопросам внутренней политики между правительственным лагерем и лагерем оппозиции: какой должна быть эта политика, чтобы способствовать всемерной мобилизации военных усилий страны и предотвращению революции. Либералы отвергли «лисью тактику» Штюрмера, домогаясь «справедливого» дележа власти между реакционным дворянством и царской бюрократией, с одной стороны, и буржуазией — с другой. Острая полемика, разгоревшаяся в Думе и отчасти в Госсовете вокруг правительственной декларации, наглядно свидетельствовала об обострении кризиса «верхов», углублении революционной ситуации в стране.

Мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров и их представители в Государственной думе (трудовики и фракция Чхеидзе) неизменно стояли на оборонческих позициях, хотя и отвергали захватнические устремления правящих кругов противоборствовавших империалистических блоков. Осуждая соглашательство либералов с крайними консерваторами, они в то же время плелись в хвосте лидеров буржуазно-помещичьей оппозиции в расчете на то, что последние возглавят борьбу демократических сил против самодержавия, заранее уступая буржуазии руководящую роль в приближавшейся буржуазно-демократической революции.

Только ленинская партия решительно и последовательно выступала против кровавой империалистической войны, призывая рабочий класс и трудовое крестьянство к превращению войны империалистической в войну гражданскую с целью свержения буржуазно-помещичьей власти и установления справедливого демократического мира.

[1] До своего назначения премьером Штюрмер состоял членом Государственного совета (правая группа) и входил в состав его финансовой комиссии. Ранее занимал посты новгородского и ярославского губернатора, директора Департамента общих дел Министерства внутренних дел. Еще в предвоенные годы его нередко упоминали в числе возможных кандидатов на освобождавшиеся ответственные посты. См.: *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны, 1914—1917. Л., 1967. С. 163.

[2] Утро России. 1916. 20 янв.

[3] Речь. 1916. 20, 21 янв.

[4] Там же. 27 янв.; *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. С. 164; *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. С. 143.

[5] Новое время. 1916. 20 янв.; Рус. слово. 1916. 20 янв.; Рос. гражданин. 1916. 24 янв.

[6] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая: Стенографический отчет. Пг., 1915. Стб. 7—10.

[7] Колокол. 1916. 22 янв.

[8] Петроградские ведомости. 1916. 22 янв.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Голос Руси. 1916. 22 янв.

[12] Там же.

[13] Биржевые ведомости. 1916. 22 янв. (вечерний выпуск).

[14] А. Н. Хвостов, представитель крайне правых, бюрократических кругов, был назначен министром внутренних дел в конце сентября 1915 г.

[15] Утро России. 1916. 20 янв.

[16] Раннее утро. 1916. 20 янв.

[17] Речь. 1916. 22 янв.

[18] АПВР. Ф. Отдел печати и осведомления, 1916 г. Д. 516. Л. 252.

[19] Биржевые ведомости. 1916. 22 янв.

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1926. Т. 4. С. 191.

[23] Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1916 год. Сессия двенадцатая. Пг., 1916. Стб. 15—16.

[24—25] Там же. Стб. 16.

[26] Там же. Сессия XI. Пг., 1915. Стб. 6.

[27] Там же. Стб. 7—8.

[28] Там же. Стб. 17.

[29] Там же. Стб. 18.

[30] Там же. Стб. 19.

[31] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1916 год. Сессия двенадцатая. Пг., 1916. Стб. 16, 20; Рос. гражданин. 1916. 10 янв.

[32] Речь. 1916. 11 нояб. В момент своего назначения, замечала газета, председатель совета министров Штюрмер не был лицом, новым для политических кругов. Напротив, у него была уже прочная и вполне определенная политическая репутация. В числе его «заслуг» значилась «ревизия тверского земства, более известная в истории земств под именем разгрома тверского земства».

[33] Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1916 год. Сессия двенадцатая. Стб. 22—23.

[34] Там же. Стб. 22.

[35] Там же. Стб. 25—26.

[36] *Емец В. А.* Очерки внешней политики России, 1914—1917. М., 1977. С. 341—342; *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 317.

[37] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия двенадцатая. 1916 год. Стб. 26—28.

[38] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 34, 44.

[39] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия двенадцатая. 1916 год. Стб. 1157—1158.

[40] Там же. Стб. 29.

[41] Там же. Стб. 31. В последних словах Сазонова о «клочке бумаги» содержался прямой намек на печально знаменитое заявление Бетман-Гольвега в связи с грубым нарушением Германией бельгийского нейтралитета, гарантированного международным трактатом 1830 г.

[42] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия двенадцатая. 1916 год. Стб. 37.

[43] Там же. Стб. 29.

[44] См.: *Емец В. А.* Указ. соч. С. 251—319.

[45] АВПР. Ф. Канцелярия, 1916 г. Д. 35.

[46] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия двенадцатая. 1916 год. Стб. 29.

[47] АВПР. Ф. Канцелярия, 1916 г. Оп. 470. Д. 77. Т. 2. Л. 373—375. Ф. Дипломатическая канцелярия (Ставка). Оп. 617. Д. 42. Л. 32 и след.

[48] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия двенадцатая. 1916 год. Стб. 30.

[49] Там же. Стб. 32.
[50] Там же.
[51] В этот период и в русской, и в союзнической прессе немало писалось о настойчивых попытках германской дипломатии вовлечь Швецию в войну на стороне центральных империй.
[52] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия двенадцатая. 1916 год. Стб. 33.
[53] Подробно об этом см.: *Виноградов В. Н.* Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969; *Емец В. А.* Указ соч. С. 283—319.
[54] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1916 год. Стб. 35.
[55] Там же. Стб. 37—38.
[56] Там же.
[57] Речь идет о захвате Японией германских владений в Китае и на Тихом океане.
[58] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1916 год. Стб. 38.
[59] Там же.
[60] Там же. Стб. 39.
[61] Там же.
[62] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Стенографический отчет. Пг., 1916. Стб. 1259—1260, 1261.
[63] Там же. Стб. 1262—1264, 1266.
[64] Там же. Стб. 1260, 1261.
[64a] Там же. Стб. 1440—1457.
[65] Там же. Стб. 1987, 1998.
[66] И. Ф. Половцев в числе 28 членов фракции националистов вышел из ее состава после того, как большинство этой фракции во главе с ее председателем П. Н. Балашевым взяло курс на объединение с крайне правыми в связи с образованием «Прогрессивного блока». Из фракции националистов в числе 28 указанных членов вышли граф. В. А. Бобринский, В. Я. Демченко, И. Ф. Половцев, А. И. Савенко, К. Е. Сувчинский, Н. Н. Чихачев, Д. И. Шаховской, В. В. Шульгин и другие, примкнувшие к названному блоку. В своем заявлении в совет фракции от 13 августа 1915 г. отколовшиеся от фракции лица расценили сделанный его руководством шаг как «вредный и опасный» в силу того, что он сеет сомнение, выросшее во время русско-японской войны, сомнение в патриотизме людей, исповедующих либеральные политические убеждения. Между тем только в одном большом союзе «непораженческих» течений лежит путь к победе над врагом. См..: *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 102—103. Примеч. 93.
[67] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1286.
[68] В. В. Шульгин входил сначала во фракцию правых, оттуда перешел во фракцию националистов, затем вместе с отколовшейся от нее группой националистов-прогрессистов вошел в «Прогрессивный блок», представляя эту группу в бюро блока.
[69] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1302.
[70] АВПР. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 672/707. Л. 125—126.
[71] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1264, 1303.
[72] Там же. Стб. 1458.
[73] Там же. Стб. 1459.
[74] ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 552. Л. 2; Цит. по: *Пушкарева И. М.* Указ. соч. С. 98.
[75] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1261.
[76] О причинах неподготовленности России к войне см.: *Шацилло К. Ф.* Россия перед первой мировой войной. М., 1974.
[77] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Стб. 1261.
[78] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1915. Стб. 281—282.
[79] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1265.
[80] Там же. Стб. 1260.
[81] Там же. Стб. 1257.
[82] Там же.
[83] АВПР. Ф. Отдел печати и осведомления. 1916 г. Д. 524. Л. 60.
[84] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1268.
[85] Там же. Стб. 1268.
[86] Там же. Стб. 1269—1270.
[87] Там же. Стб. 1270—1271.
[88] Там же. Стб. 1441.
[89] Там же. Стб. 1989.
[90] Там же. Стб. 1441—1442.
[91] Там же. Стб. 1443—1444, 1448.
[92] Там же. Стб. 1445—1446, 1448.
[93] Там же. Стб. 1447.
[94] Там же. Стб. 1448—1449.
[95] Там же. Стб. 1984, 1989—1990.

[96] Там же. Стб. 1455—1457.
[96а] Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 315.
[97] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1984.
[98] Там же. Стб. 1986, 1987, 1989—1990.
[99] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1301.
[100] Там же. Стб. 1458—1459.
[101] Там же. Стб. 1461, 1462—1463.
[102] Рус. ведомости. 1916. 10 февр.
[103] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1304.
[104] Позже, когда Штюрмер получит отставку, кадеты назовут эту декларацию «крайне бесцветной». См.: Речь. 1916. 11 нояб. Личный корреспондент-информатор Николая II А. А. Клопов также отмечал, что зачитанная Штюрмером декларация была «в высшей степени неудачной, бесцветной и холодной» (ЦГИА. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 14. Л. 7).
[105] Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. VI. С. 15.
[106] Там же. М.; Л., 1927. Т. VII. С. 77. Поливанов знал Штюрмера по Государственному совету как человека крайне правого толка: «Известен тот в высшей степени холодный прием, которым было ознаменовано первое выступление Штюрмера» в Думе (Там же. С. 83).
[107] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1307, 1309.
[108] Буржуазия накануне Февральской революции. С. 73—74.
[109] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1319. Как объяснял позже Штюрмер, эти деньги предназначались для покупки (а точнее, для подкупа) газеты «Новое время» и превращения ее в официальный правительственный орган для еще более активной поддержки ею правительственного курса. См.: Падение царского режима. Л., 1924. Т. 1. С. 272—273; Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 501.
[110] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1322—1323.
[111] *Шульгин В. В.* Указ. соч. С. 130.
[112] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1313.
[113] В. И. Ленин характеризовал «прогрессистов» как представителей «настоящей» капиталистической буржуазии. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 244—246. «Из общелиберального лагеря,— писал он,— начинает отделяться «настоящая» буржуазия». «Прогрессисты» стояли правее кадетов. Прогрессистская партия образовалась в 1912 г.
[114] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1323—1324.
[115] Там же. Стб. 1324—1325.
[116] Там же. Еще в ноябре 1915 г. министр торговли и промышленности заявил о неизбежности частичной разгрузки Петрограда от излишних учреждений и некоторых фабрик и заводов. В противном случае вопрос о снабжении столицы топливом (а вместе с тем и предприятий военного производства в ней) не сможет получить благоприятного разрешения. См.: Там же. Стб. 1326; Журналы особого совещания по обороне государства, 1915 год. М., 1975. С. 412, 456, 457.
[117] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1324—1325, 1327—1328.
[118] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 156.
[119] Б. В. Штюрмер и А. Н. Хвостов «прославились» своей усмирительной политикой: первый — на постах новгородского и ярославского губернатора еще в 1900—1904 гг., второй — на постах вологодского и нижегородского губернатора во времена столыпинской реакции. См.: *Дякин В. С.* Указ. соч. С. 128, 163.
[120] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1328.
[121] Там же. Стб. 1331.
[122] Там же. Стб. 1328, 1332,
[123] Там же. Стб. 1336—1337.
[124] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1916 год. Сессия двенадцатая. Стб. 40—41.
[125] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1387.
[126] Там же. Стб. 1271—1285.
[127] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 240—258.
[128] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1283.

Глава вторая

МЕЖПАРТИЙНАЯ БОРЬБА ПО ВОПРОСАМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ПРЕДДВЕРИИ ВЕСЕННЕ-ЛЕТНЕЙ КАМПАНИИ 1916 г.

За бурным обсуждением правительственной платформы Штюрмера по вопросам внутренней политики, рассматривавшейся в тесной связи с войной, последовала дискуссия и по различным аспектам внешней политики. С рядом критических замечаний по внешнеполитической деятельности правительства, непосредственно в адрес дипломатического ведомства первыми в ходе открывшихся думских прений выступили октябристы, в частности представитель самой многочисленной в IV Думе фракции земцев-октябристов Е. П. Ковалевский[1].

Упомянув об «официальной» оценке международной ситуации, содержавшейся в речи Сазонова, Ковалевский находил своевременным и уместным высказать некоторые соображения относительно русской внешней политики и речи министра иностранных дел «независимо от внешних проявлений личного сочувствия к нему, сделанных в первый день заседания Думы». Эта необходимость, по мнению названной фракции, вызывалась, помимо всего прочего, тем, что события, о которых говорил Сазонов, еще в ноябре 1915 г. встречали в бюджетной комиссии Думы «несколько иное отношение», чем официальная оценка. Иное отношение было к ним также в минувшем году со стороны прессы и общества. За истекший год, отметил оратор, мы испытывали ряд достаточно чувствительных ударов в этой области и могли научиться более осторожно подходить к переживаемым событиям. Эта осторожность заставляет несколько скептически отнестись к картине, нарисованной министром иностранных дел, и указать на ряд «серьезных промахов», допущенных русской дипломатией и военными агентами, состоящими при дипломатических миссиях[2].

Один из упреков в адрес дипломатов и военных атташе сводился к тому, что ни в мирное, ни в военное время они не могли парализовать германское влияние в нейтральных странах. Наиболее рельефно это обнаружилось на горьком опыте Бельгии, в странах Балканского полуострова, а также в Польше и Персии. Особенно беспокоили октябристов «миротворческие» акции Германии, ее интриги вокруг сепаратного мира. В качестве горького примера было приведено «инсценирование сепаратного мира с Черногорией»[3]. Подчеркнув недопустимость преждевременного

мира, о чем много говорилось и до него, Ковалевский обратил внимание на то, с каким постоянством и настойчивостью немцы распространяют слухи о мире. Из ежедневного просмотра иностранных газет лично ему стало ясным, что это является «руководящей нитью» германской дипломатии и пропаганды. Ссылаясь на «уроки прошлого» и осуждая «отрицательную мораль врага», оратор настаивал на том, что с таким врагом нельзя заключать никаких договоров на будущее, пока он не почувствует реального превосходства противника в силе. Нельзя заключать договоры с Германией, говорил он, пока она не дойдет до сознания полного крушения своих планов и намерений[4].

Столь обильный поток официальных заявлений о доведении войны до решительной победы, дружно поддержанный правыми и буржуазно-либеральными партиями, явился как бы ответом на германский «миролюбивый» жест. Еще в канун нового, 1916 г. имперский канцлер фон Бетман, выступая в рейхстаге, дал понять, что «после успешного отражения неприятеля» Германия готова заключить мир, дабы «сократить бедствия европейских народов». Несколько позже он беседовал с американским журналистом об условиях, на которых могли бы начаться мирные переговоры, принимая в качестве основы карту военных действий[5]. Германская пресса подхватила эту идею и повела кампанию в защиту «принципов гуманизма», акцентируя внимание на том, что и в стане противника все отчетливее ощущается стремление к прекращению кровопролития. Так, немецкая газета «Post» в номере за 23 января 1916 г. писала не без определенного расчета, что «в России все слышнее становятся голоса в пользу мира»[6].

Еще более неприятным, чем германская пропаганда, широко проникавшая и в нейтральные страны, представлялось царскому правительству и буржуазно-помещичьим кругам «подыгрывание» вражеской пропаганде социал-пацифистов в собственной стране. Потому-то с таким гневом и раздражением обрушивались они против «пораженчества в любых его проявлениях», требуя усиления репрессий. Ответного миролюбивого жеста со стороны царизма и его союзников не последовало. Знакомый с иностранной прессой октябристский оратор, в свою очередь, расставлял точки над «i».

Перейдя затем к подведению итогов полутора лет войны и определяя шансы союзников на будущее, линию их поведения, Ковалевский первым делом остановился на взаимоотношениях держав Согласия. Не ставя под сомнение «искренность и добрую волю всех союзников», «понимая и ценя» приносимые ими жертвы на всех фронтах, он подчеркнул, что им надлежит в противовес отношениям Германии со своими партнерами придерживаться «честной игры» во взаимных отношениях — того, что англичане называют fair play[7].

Замечание это было не случайным. Как явствовало из дальнейших рассуждений Ковалевского, честности в «большой игре» недоставало и среди союзников; вина за это в немалой степени возлагалась и на русскую дипломатию. С этим связывались и те

«промахи и недочеты», которые создали ряд тяжелых осложнений. Первой под обстрелом октябристов оказалась Англия, хотя выступавший и пытался смягчить впечатление от высказанного им упрека. При всем единомыслии союзников относительно общих целей борьбы, отмечал Ковалевский, между ними не было единства в понимании некоторых ее важных аспектов. Англия, сказал он, «была увлечена преследованием врага на море и в колониях и роль свою на континенте понимала довольно узко, как защиту ворот своего дома, т. е. Кале»[8].

Небезупречно, по словам оратора, действовала и Франция, хотя у нее были, несомненно, более извиняющие обстоятельства: Франция, подчеркивал Ковалевский, грудью отстаивала свою столицу Париж и границы. Однако на второстепенных театрах войны союзники действовали хотя и самоотверженно, но малыми силами, с задержками и опозданиями, позволяя врагу объединиться и укрепиться[9]. Вина и упущения Италии представлялись октябристам несравненно серьезнее. Последняя вызывала неудовольствие тем, что, воздерживаясь от объявления войны Германии и не используя всех своих сил даже против Австрии, она «упустила момент, когда могла энергично вмешаться в балканскую кампанию и сыграть там решающую роль». Только быстрая решимость Италии объявить войну Германии и вступить в реальное единение со своими партнерами по коалиции могла, по мнению земцев-октябристов, исправить ошибку, от которой немало зависел разгром Сербии и Черногории, рассчитывающих на поддержку Италии.

Известная доля вины за эту несогласованность возлагалась на русскую дипломатию. Просчет России виделся Ковалевскому и его фракции в том, что, растянув свой фронт на полторы тысячи верст, она «несколько раз увлекалась историко-национальными грезами и растрачивала непроизводительно свои силы и средства». Однако, в чем состояла эта «увлеченность», оратор предпочел не уточнять. Можно лишь догадываться по контексту его комментария, что прежде всего нужно было добиваться от союзников более активного участия их в боевых операциях на Западном фронте, а не отвлекать сил для Дарданелльской операции.

Теперь, как представлялось октябристам, союзные державы «подошли» к пониманию необходимости более согласованных действий в военной и политической областях, к сознанию того, что их солидарность должна получить «конкретное выражение». Поэтому они приветствовали появление «союзных совещаний» по военным и политическим вопросам, о которых говорил в своей речи Сазонов, как шаг вперед по пути консолидации антигерманской коалиции. Однако для «полного единства» держав Согласия фракция земцев-октябристов находила это недостаточным и считала необходимым объединение и координацию действий союзников не только в военно-политической и дипломатической областях, но и в экономической области. Подкрепление совещаний по

военно-техническим и политическим вопросам совещаниями по вопросам экономическим могло бы, по мнению октябристов, «создать ту абсолютную солидарность, то единство действий», которое стало «так необходимо».

За этим следовала весьма существенная оговорка, отражавшая обеспокоенность не только октябристов, но и всего лагеря оппозиции за великодержавное положение России, за ее престиж в системе антантовской коалиции. Причем последнее ставилось во взаимную связь с требованиями создания министерства общественного доверия. «Труды подобных совещаний, — заявлялось от имени фракции и блока, — могут нас удовлетворить только при непременном соблюдении двух условий: недопущения преобладающего влияния одного государства в них над другими и участия от имени России таких представителей, которые заслуживали бы безусловное доверие страны»[10]. Это означало, что оппозиционно настроенная по отношению к царскому правительству буржуазия претендовала и на более основательное «внедрение» своих представителей в сферу международных сношений России с другими державами.

Большое значение придавали октябристы отношениям с нейтральными государствами. Путь к победе, подчеркивали они, был бы значительно короче, если бы союзники, действуя согласованно, могли опираться на благожелательное отношение, а еще лучше поддержку, нейтральных стран. Это та область, где русская дипломатия могла и должна была проявить бóльшую энергию. К сожалению, констатировал оратор, результаты в этом плане явно неутешительны, дипломаты обнаружили здесь полное бессилие. Особенно наглядно это проявилось на Балканах, прежде всего в линии поведения по отношению к Болгарии, оказавшейся во вражеском стане, как представлялось, из-за несогласованных действий союзной дипломатии. Если бы этого не произошло, положение союзников на Балканах было бы совершенно иным[11].

Известная тревога прозвучала в выступлении земца-октябриста в отношении Румынии и Греции. Хотя Сазонов и заявил, что Румыния придерживается позиции строгого нейтралитета, с которым «мирятся» державы Согласия, было бы предпочтительнее видеть ее в рядах союзников. Поощряя правящие круги Румынии к такому образу действий, думский деятель отмечал, что это явилось бы «естественным выражением ее стремления к созданию великой Румынии и к воссоединению с нею пяти миллионов зарубежных румын». Только в единении с Согласием, добавлял он, Румыния имеет шансы и достичь господствующего положения на Балканах, и обеспечить вместе с тем свои жизненные интересы на Черном море. Присоединение же ее к германо-австрийскому союзу, предостерегал оратор, не даст Румынии указанных преимуществ и поставит во враждебные отношения с великим соседом. И все же при всей очевидности означенных для Румынии выгод русская дипломатия стоит там перед трудной задачей преодоления «отчаянного противодействия Германии и ее агентов», пользующихся ложью и клеветой, распространяемыми подкупленной Бер-

лином прессой. Причем Германия не останавливалась перед открытыми угрозами на случай, если бы румынское правительство вознамерилось примкнуть к Антанте. Исходя из этого, октябристы признавали необходимым активизировать деятельность русской дипломатии в отношении Румынии.

С тревогой говорилось о позиции Греции, страны, захваченной германофильскими течениями еще больше, чем Румыния. Отсюда и рекомендация занять по отношению к Греции не менее твердую линию поведения, тем паче что слухи о возможном соглашении Афин с Софией «произвели на Россию крайне тягостное впечатление». Русской дипломатии «надлежало» внушить греческому правительству, что его будущие выгоды и естественные интересы тяготеют к державам Согласия. Особенно важным представлялось октябристам удержание союзниками Салоникского плацдарма[12]. В противном случае Болгария, завладев Салониками, вряд ли вернет их обратно. Думцы призывали к активным совместным действиям союзников в Афинах, что было бы лишь «во благо самой Греции».

Значительное место в заявлении земцев-октябристов по вопросам внешней политики отводилось странам, расположенным в северной части Европы, прежде всего Швеции и Голландии, от позиции которых во многом зависело развитие военно-политической ситуации и которым не менее опасны были происки Германии, чем другим странам Европы. Опасны потому, что Швеция и Голландия оказались наиболее стесненными политикой блокады. В Швеции германская агентура усиленно распространяла затасканную легенду о «русской опасности» и «завоевательных стремлениях» России по отношению к шведам, пытаясь таким путем вызвать осложнения между двумя странами, посеять вражду и ненависть между ними и, если удастся, привлечь стокгольмское правительство на сторону Центральных держав. Стремясь противодействовать этой злонамеренной пропаганде, в частности происках германского посланника в Стокгольме фон Люциуса, Ковалевский с думской трибуны заявил, что русский народ никогда не был враждебно настроен к Швеции и никаких агрессивных намерений по отношению к ней не питает. Напротив, все располагает к добрососедству и дружбе, к развитию культурных и экономических отношений в будущем[13].

Относительно Голландии, сильно зависимой от внешней торговли, известно, что на ней больше всего отражалась установленная союзниками строгая блокада и отношения с этой страной, как и со Швецией, предопределялись прежде всего поведением Англии. До сих пор, однако, отношения Голландии с Англией были, по словам выступавшего, «безупречны», несмотря на усиленный ввоз хлопка и жировых продуктов в Германию. Если бы с самого начала войны вопрос о ввозе хлопка в Германию был решен отрицательно и державы Согласия приобрели у Голландии не только урожай 1915, но и 1914 г., «война была бы значительно короче». Последнее соглашение между Англией и Голландией

относительно «контрабанды» доказывало, что Голландия, по мнению октябристов, вполне сознавала необходимость сохранения нормальных отношений с Англией, хотя и испытывала на этом пути сильный нажим со стороны Германии. С Россией же у Голландии «всегда были самые хорошие отношения». Русская дипломатия оказывала постоянное воздействие на английское правительство, призывая его проявлять максимальную сдержанность и предупредительность в отношении нейтральных стран данного региона, сознавая их важное стратегическое и политическое значение[14].

Делегаты Думы горячо приветствовали присоединение к антигерманской коалиции «одной южной Республики», т. е. Португалии, которая, как полагали думцы, могла оказать «очень большое влияние» на морское положение Германии и держав Согласия[15].

Вместе с тем Сазонова упрекали в том, что он несколько недооценивает значения Испании в общей политике и стратегии союзников. Между тем беспокойство вызывало то обстоятельство, что в этой стране заметно активизировались германофильские круги, создавая известную напряженность на юго-западном фланге союзного фронта. Поэтому земцы-октябристы и задавались вопросом, на должной ли высоте находится русская дипломатия в Мадриде?

Явную озабоченность думцев и стоявших за ними кругов вызывало положение в «нейтральной» Персии, правительство которой, как отмечалось в думских речах, допустило враждебные действия против России. Еще в октябре 1915 г. в бюджетной комиссии обращалось внимание на «чрезвычайно важное» значение этой страны для России и союзных держав, на вред развернутой в Персии германской пропаганды. Теперь вновь, на этот раз с думской трибуны, указывалось на «ненормальное положение и слабость» там русской дипломатии, что якобы и вызвало большинство из возникших в этой зоне осложнений. Соответственно следовали «рекомендации» добиться того, чтобы впредь Персия не служила «воротами для вторжения» в пределы России[16]. Так оценивалась «косвенная роль» соседних нейтральных стран в смертельной схватке двух групп империалистических хищников.

Остановившись затем на «жертвах войны» — Польше и Армении, Ковалевский подчеркнул, что судьбы их, хотя и не входят непосредственно в сферу внешней политики, тем не менее «тесно с нею соприкасаются». Что касается польской земли и польского народа, отметил он, то этот вопрос «требует сейчас особенного внимания, ибо он из области внутренней политики грозит перейти в область внешней и с самой нежелательной стороны». Этого как раз и не хотело допустить царское правительство. Германия, возмущался оратор, словно бы призывает нас на торги, суля под своим игом великие блага русским полякам, и в то же время она приступила к четвертому разделу Польши, распределив оккупированные польские земли между собою и Австрией.

От имени русских «парламентариев» октябристы выражали надежду, что австро-германская оккупация Польши явится временной, неприятельские войска будут изгнаны из ее пределов и польскому народу будет навсегда обеспечено мирное национальное развитие[17]. Фракция октябристов считала необходимым открыто заявить об этом от имени «народных представителей» ввиду поступавших из Германии слухов о сформировании польской армии, которая должна якобы выступить против держав Согласия.

Само собой разумеется, гласило в заключении заявление земцев-октябристов, что обсуждение будущего международного положения пока не может иметь под собой надлежащей почвы и самые ходячие идеи в этой области не могут служить предметом серьезного рассмотрения ввиду напряженности момента и остроты непосредственных задач. В то же время не следует забывать, «что победителем в мировой войне выйдет лишь тот, кто будет знать, чем он может вознаградить себя за жертвы, принесенные им, и на чем построит свое дальнейшее мирное развитие». Разумной подготовкой к исходу войны представители этой фракции считали не «бумажную работу дипломатической канцелярии» и не «поверхностные суждения большой публики», а вдумчивую разработку экономических и политических условий, при которых возможно быстрое возрождение страны «от тяжелого недуга, застоя одних и гипертрофии других сторон народной жизни».

В связи с этим представители буржуазии и обуржуазившихся помещиков высказывались за немедленное учреждение особого органа при Министерстве иностранных дел с привлечением в него членов Думы и Госсовета, а также представителей соответствующих учреждений, органа, который «параллельно с выясняющимися международными отношениями и ходом войны подготовлял бы для России определенную программу требований в момент ее выступления на международной (мирной) конференции», призванной подвести итоги войны. Такая подготовительная работа, по их мнению, потребует немало времени, и одними собственными силами внешнеполитическому ведомству с нею не справиться, тем более что ни в обществе, ни в правительственных кругах «не отдают себе ясного отчета» в том, какие сложные задачи предстоит решать в момент окончания войны. «Лишь с определенным собственным планом, — настаивали октябристы, — можно будет приступить к совместному обсуждению с союзниками ряда вопросов и, только придя к соглашению с ними, можно будет приступить к третьей стадии работ, к определению международных отношений на будущее время»[18].

В общем и целом это было подтверждением солидарности буржуазии с царским правительством в сфере иностранной политики, требованием допущения буржуазии к определению курса страны, к выработке официальной внешнеполитической программы, к непосредственному участию в послевоенном мирном урегулировании в рамках международной конференции.

Особенно острая дискуссия по вопросам внешней политики и ведения войны развернулась после речи Милюкова, произнесенной им в Думе 11 марта. Центральным по-прежнему оставался тезис о доведении войны до победного конца и обеспечении жизненных интересов России при заключении мира, достижении намеченных целей[19]. Прежде всего внимание думской аудитории было привлечено к проблеме Черноморских проливов. В комплексе внешнеполитических задач эта тема имела для лидера кадетов особое звучание. Не случайно, как уже отмечалось, его прозвали «Дарданелльским». «Нам нужен выход к свободному морю, — вновь провозглашал он, садясь на своего конька. — Не для этого мы начали войну, потому что не мы ее начали. Но без этого мы ее не можем кончить».

Подчеркнув затем, что высшая точка развития сил неприятеля уже достигнута, тогда как у России и ее союзников она «еще впереди», что считалось залогом будущей победы, Милюков указал на недопустимость преждевременного мира. Никогда еще в Германии, сказал он, не было так много толков о мире и нескрываемой потребности мира, как в настоящее время. Наступает час, когда Германия, почувствовав неизбежное приближение истощения, умерит свои требования и захочет вернуться только к тому, что имела накануне войны. Тогда она постарается облечь эту уступчивость в красивые фразы и изобразить ее в виде лозунга: «Мир без аннексий и контрибуций!». Не стоит, однако, поддаваться на эту уловку и надо быть заранее к этому подготовленным, дабы избежать такого (преждевременного) мира. Далее последовало высказывание, которое, как говорят, подлило масла в огонь и накалило полемические страсти до степени кипения, особенно в выступлениях крайних правых.

Решительно отмечая упомянутый выше «спекулятивный» лозунг: «Без аннексий», Милюков предупреждал «Прогрессивный блок» о том, что в ответственный для России момент ей может угрожать опасность с двух сторон, с двух крайних флангов — со стороны крайних левых и крайних правых. И те и другие изображались им если не прямыми, то скрытыми пораженцами. (Напомним, что в политическом лексиконе той поры к «крайним левым» относились не только большевики, но и оборонческие группы трудовиков и меньшевиков.) «Слева, — развивал свою версию Милюков, — нам будут говорить, что надо ограничиться только обороной и что все остальное есть стремление к захватам и империализм. Справа будут говорить, что нужно уступками внешнему врагу вовремя предупредить усиление внутреннего врага. Дума и оппозиция забрали слишком много силы; английские идеи для России слишком опасны; гораздо лучше испытанная дружба с германской монархией»[20].

Необходимо, напрашивался вывод, противостоять как той, так и другой тенденции, давать отпор и правым и левым, дабы не допустить ни сепаратного, ни преждевременного компромиссного мира с ничейным исходом. В этой связи Милюков приветство-

вал заявление Сазонова в его думской речи 9 февраля о подписании в Лондоне 17 (30) ноября 1915 г. соглашения между пятью державами — Россией, Англией, Францией, Италией и Японией, подтверждавшего их обязательство и твердое намерение не заключать мира с противником иначе как сообща, дабы положить тем самым конец всевозможным толкам о сепаратном мире, слухи о котором настойчиво распространялись Германией и ее широко разветвленной агентурой.

Вместе с тем признанный кадетский авторитет в области международных отношений немало распространялся о допущенных русской и союзной дипломатией промахах накануне и во время самой мировой войны, которых, как ему представлялось, можно было избежать, будь она целеустремленнее и изворотливее.

Больше всего упреков вызвала дипломатическая карусель на Балканах, и в первую очередь непростительная потеря Болгарии, примкнувшей, к удивлению многих политических наблюдателей (в том числе и самого лидера кадетов), к блоку Центральных держав. Для Сазонова эта критика не была обескураживающей, но она представлялась все же симптоматичной, тем более что министр иностранных дел, как известно, поддерживал постоянные контакты с думскими кругами, и в частности с лидерами «Прогрессивного блока».

За Милюковым последовали выступления представителей других подразделений «Прогрессивного блока» — В. В. Милютина (от фракции «прогрессистов»), П. Н. Крупенского (от группы Центра) и некоторых других. Преимущественное внимание они обращали на неудачи политики России и союзников в отношении стран Восточной Европы, политики, приведшей фактически к потере Балкан и образованию сплошной линии неприятельского фронта от Северного и Балтийского морей до малоазиатских владений Турции включительно, отсекавшего Россию от ее западных союзников.

Наиболее удручающим и наиболее ощутимым провалом как в военном, так и в морально-политическом плане представлялось выступление Болгарии на стороне Центральных держав, чего, как полагали либеральные критики, можно было избежать при наличии более согласованных действий союзной дипломатии по отношению к злополучной «перебежчице» и ее притязаниям. «Дипломатия задержала штыковой удар Сербии», а в результате сама Сербия и Черногория оказались разгромленными соединенными усилиями австро-венгерских, германских и болгарских войск[21]. Не может похвастаться Министерство иностранных дел, отмечал Милютин, и своей деятельностью ни в Афинах, ни в Бухаресте. В первом случае оно не сумело поддержать проантантовски настроенного Венизелоса, «к которому у нас, как представителю маленького государства, несмотря на все его способности, мало прислушивались»[22]. Аналогичная картина, по мнению последнего, наблюдалась и наблюдается в Румынии, где союзническая дипло-

матия никак не могла скоординировать свои действия: у Франции была вроде бы одна линия, у России — несколько иная. Неудовлетворительной признавалась и деятельность русской дипломатии в Швеции, Норвегии, Дании и Голландии, где Россия, не преследуя каких-либо выгод и находясь поэтому в особенно благоприятных условиях, «по-видимому, все же не достигла» желательных для себя результатов.

Приветствуя выступление Португалии на стороне держав Согласия, представители «Прогрессивного блока», от имени которых говорил Милютин, и в этом не видели заслуг царской дипломатии, расценивая решение лиссабонского правительства, с одной стороны, «как результат понятых самой республикой ее жизненных интересов», а с другой стороны, как результат усилий английской дипломатии. Хотя справедливости ради следует сказать, что и русские, и французские дипломаты и военные не оставались безучастными в разъяснении правительству Португалии ее «жизненных интересов»[23].

Затронуты были также и отношения с нейтральной Швейцарией, в которой, по оценке выступавшего, весьма остро для союзников стоял вопрос о контроле над ввозом и вывозом товаров из Германии и которая в последнее время приобретала особое значение как очаг, откуда исходила «наиболее сильная агитация о мирных условиях»[24]. Царское правительство, как и правительства Англии, Франции и Италии, считало необходимым во что бы то ни стало оградить нейтралитет Швейцарии, особенно в связи со слухами о подготовке вторжения в ее пределы германских войск для нанесения удара по Италии[25].

Особое внимание в зачитанном от имени «прогрессистов» анализе деятельности ведомства Сазонова было уделено политике в Персии и на Дальнем Востоке. Авторы данного анализа находили, что в Персии дела обстоят далеко не блестяще и положение России там внушает серьезные опасения, хотя в последнее время оно начало понемногу выправляться. В результате «попустительства» русской дипломатии Германия захватила в Персии прочные торговые и политические позиции и едва не вовлекла в свою орбиту шахское правительство. Только принятие чрезвычайных мер, охарактеризованное как явно запоздалое (введение дополнительного контингента войск), помогло выправить положение. Уповая на уроки недавнего прошлого, дипломатии рекомендовалось обратить на персидский вопрос особое внимание и постараться разрешить его по возможности «удовлетворительно». Конкретно предлагалось «улучшить» там положение России «путем ликвидации по соглашению с Англией нейтральной зоны». При этом делался намек на существование некоего «особого» союзного договора, в котором «сильно задеты интересы России[26], а Персии дается возможность, увеличившись территориально, стать в будущем по отношению к Малой Азии тем, чем Пруссия явилась по отношению к Германии». Если эти слухи справедливы, то положение России в будущем весьма и весьма осложнится. «Про-

грессисты» настаивали на «окончательном» разрешении персидского вопроса до заключения общего мира, дабы у России «не оставалось никаких нерешенных вопросов с Англией»[27].

Порицая Министерство иностранных дел за неудачи в Персии, «прогрессисты» видели в них тем более удручающее обстоятельство, поскольку Россия находилась там в предшествующие годы в выгодном положении, имея за собой «громадные торговые интересы персов», ибо две трети всей персидской торговли приходилось на долю России. Кроме того, в ее распоряжении были доходы всех северных таможен и, что немаловажно, казачья персидская бригада. Немцы же, как представлялось оратору, при содействии русской почты, т. е. самой же России, сумели завалить Персию дешевыми германскими товарами. Так что не германские штыки, возмущался он, а ловкость германской дипломатии и слабость и неумение русской привели к такой неблагоприятной для союзников ситуации. И только силой «удалось разорвать сотканную германской дипломатией паутину». Виной тому, по мнению «прогрессистов», в значительной мере оказался дипломатический персонал министерства, и прежде всего «лицо нерусского происхождения», начальник средневосточного отдела Министерства иностранных дел, занимавший этот пост в течение длительного времени. На него и возлагалась основная ответственность «за полную утерю русского престижа в Персии, за наводнение ее германскими товарами, за возникновение таких обществ, как, напр., Багдадская железная дорога»[28]. В данном случае либералы «левого» толка тянули ту же песню, что и консерваторы, кивая на немецкое засилье. Последние не преминут в ходе дебатов записать очко в свою пользу.

Не блестящим представлялось «прогрессистам» положение дел на Дальнем Востоке, в частности в Монголии и Китае. «Деятельность наша в Китае как могущественного соседа, — сетовал Милютин, — мало чем обозначилась». В подведомственном Сазонову учреждении принималось-де за аксиому, что Россия могла ладить или с Японией, или с Китаем. Между тем она должна находиться «в хороших отношениях» как с Китаем, распадения которого нельзя допустить, так и с Японией, «которая предлагает свою дружбу» и которую следует принять «после окончания войны, когда определится общее положение»[29]. Необходимо, подчеркивал Милютин, муссируя все тот же тезис, самым вдумчивым образом отнестись к нашим интересам на Дальнем Востоке, где начинают разрешаться весьма сложные проблемы и где невозможно безразлично относиться к Китаю, а, наоборот, надлежит поставить себя «в одинаково дружеское положение как с Китаем, так и с Японией»[30].

Все это, однако, не более чем словесная трескотня, рассчитанная на пропагандистский эффект, а не предначертания реальной политики, ибо хорошо известно, какой была на самом деле стратегия империалистических держав (Англии, США, Японии) в отношении раздираемого внутренними противоречиями Китая,

эксплуатируемого и разграбляемого иностранным капиталом[31]. К тому же оратор стремился скорее продемонстрировать «широту» своих внешнеполитических воззрений, чем обрисовать истинное положение и наметить практическую программу деятельности дипломатии. Да и фактическое положение дел было знакомо ему, судя по всему, лишь приблизительно.

Коснувшись затем отношений с Соединенными Штатами, Милютин заметил, что и там дела у русской дипломатии «еще не налажены как следует». Это было отражением стремления либеральных кругов буржуазии форсировать процесс сближения с мощной заокеанской республикой не только в области торгово-экономической, но и политической. Высказывалось также пожелание об установлении более тесных и более регулярных контактов со странами Латинской Америки, в частности с Аргентиной, Боливией и некоторыми другими путем обмена соответствующими представительствами (дипломатическими и консульскими), что должно было «способствовать уничтожению торгового посредничества германцев». С той же целью освобождения от посредников» (и не только германских) признавалось необходимым и своевременным увеличение числа консульских представительств в Канаде и штатных консульств в Лионе, Бергене, Венеции, Милане, Порт-Саиде и других пунктах.

Значительная доля критики ведомства Сазонова была посвящена в выступлении Милютина кадровому вопросу и «начертанию» в связи с этим стоящих перед ним задач. Он упрекал Министерство иностранных дел, в первую очередь его заграничный аппарат, за устоявшийся в нем дух консерватизма, за устаревшие методы работы, за леность и слабую подготовку его чиновников, особенно за незнание, непонимание и неумение отстаивать экономические интересы России, и призывал к обновлению его личного состава, к замене пассивного персонала «людьми более знающими, деловыми и энергичными». Это звучало как призыв к отказу от давно изжившей себя реакционной традиции допущения к дипломатической службе только лиц дворянского происхождения и привлечению к ней выходцев из других сословий, прежде всего «норовистых», «напористых» буржуа.

В какой-то мере этот призыв шел в русле пресловутой борьбы с «немецким засильем», которую ставили себе в заслугу правые партии, — к очищению министерства от лиц немецкого происхождения, злой воле которых приписывалась значительная часть ошибок и промахов в иностранной политике. (Кстати, именно этими своими пассажами речь Милютина вызвала «приятное удивление» у правоскамеечников.) В ведомстве иностранных дел, констатировал выступавший, слишком много лиц с немецкими фамилиями, «думающих по-немецки» и переводящих (часто с трудом) на русский язык свои немецкие мысли; причем многие из них занимают довольно ответственные посты. Необходимо изменить сложившееся положение и сделать так, чтобы у власти не стояли люди, находящиеся под подозрением в явном или скрытом герма-

нофильстве. Не обошлось также и без намеков на прямую измену некоторых из ответственных чиновников дипломатического аппарата. «Хотелось бы, — заявил оратор, — поменьше немецких фамилий в этом ведомстве».

Указав на неизменность стремления России к победе и готовность ради нее идти на любые жертвы, оратор выразил настойчивое пожелание, чтобы дипломатия внесла более весомый вклад в достижение этой победы, не полагаясь на одну лишь «силу штыков», а сражаясь и собственными средствами, собственным оружием. Мы требуем и ждем дипломатических побед, декламировал представитель думского большинства, старательно зачитывая текст согласованной с коллегами речи. Во время войны, повторял Милютин прописные истины, на обязанности дипломатии лежит облегчение условий ведения войны. По окончании же войны она должна закрепить, увеличить достигнутые боевые успехи, обеспечить своей стране почетный и прочный мир и создать возможность ее дальнейшего развития. Чтобы выполнить эти задачи, дипломатия должна иметь «определенную национальную идею», способную поднимать боевой дух армии и народа. Под этим подразумевалось известное вознаграждение, «пропорциональное» понесенным жертвам, соответственно воззрениям на этот предмет победителей. Далее следовал призыв подготовить внешнеполитическое ведомство «для предстоящей великой задачи», к будущему мирному конгрессу, дабы не оказаться на нем в столь же неприглядном положении, в каком оказалась Россия на «позорном» Берлинском конгрессе 1878 г., где в результате близорукости представителей России и некоторых иных обстоятельств были сведены на нет великие успехи русских войск, достигнутые ценою огромных потерь.

Оратор призывал русскую дипломатию избавиться от свойственной ей «исторической болезни» и не смотреть на внешнеполитические задачи России сквозь «немецкие очки, через которые она на все глядела» и которые нередко приводили ее к забвению подлинных национальных интересов страны. Неудачи могут повториться при предстоящем подведении итогов войны, если не будут учтены высказанные выше замечания о необходимости обновления дипломатического персонала и перестройки работы ведомства. Освободившись от лиц с немецкими фамилиями, русская политика сбросит с себя эти пресловутые немецкие очки[32]. О «злом начале» в деятельности Министерства иностранных дел, в особенности его «заграничных установлений», говорил в своем выступлении и докладчик бюджетной комиссии П. Н. Крупенский[33].

Особенно ожесточенные нападки на ведомство иностранных дел и его руководителя последовали со стороны крайних правых. Его обвиняли в том, что он слабо отстаивает интересы России, допустил ряд непростительных ошибок перед войной и в первые месяцы европейского конфликта. Неудовлетворительной признавалась деятельность и в последующий период. Не импонировал министр консерваторам «европейским складом» своего поли-

тического мышления и тем, что пользовался несомненными симпатиями в думских либеральных кругах и среди широкой буржуазной общественности.

Как и представители «Прогрессивного блока», критики справа признавали Сазонова виновным прежде всего в том, что традиционно дружественная России и «созданная ею» Болгария «неожиданно» примкнула к вражеской коалиции. Следствием этого явились разгром Сербии и Черногории, двусмысленная позиция Греции и Румынии и фактическая потеря для союзников всего Балканского театра. А произошло это, по их мнению, потому, что не прибегли своевременно к силе там, где переговоры, «голая дипломатия» уже не имели практического смысла. В этом крылась главная, коренная ошибка русской и союзной дипломатии. «По-моему, — говорил Н. Е. Марков, — главная ошибка была та, что в то время, когда надо было в Болгарию послать со всех сторон войска, из Франции, из Англии, из Румынии, из Сербии, из Греции и, может быть, из России посылались дипломатические ноты». Лидер черносотенцев не мог лишь установить, на ком же лежит бóльшая вина — на русской или союзной дипломатии, так как документы, относящиеся к переговорам с Грецией, Сербией и Болгарией, все еще представляли «крупную дипломатическую тайну» даже для членов законодательных палат и в раздававшиеся им «оранжевые книги» не включались. Но и без них суть дела представлялась ему достаточно очевидной: главная, «обычная для дипломатов» ошибка заключалась в том, что они занимались всяческими увещеваниями там, где нужно применить грубую физическую силу, т. е. прибегнуть к силе оружия. Как бы то ни было, на ком бы ни лежала ответственность, в действиях русской дипломатии и непосредственно руководителя внешнеполитического ведомства он усматривает «серьезную ошибку» и поэтому предъявляет ему «серьезный упрек»[34].

В достижении поставленных целей Марков 2-й рекомендовал не стесняться в выборе средств. С точки зрения интересов России и ее союзников, декларировал он, нашим дипломатам следовало пустить в ход те методы, к которым издавна прибегали в подобных обстоятельствах и которых не гнушались такие выдающиеся дипломаты, как Бисмарк, Меттерних, Талейран и Кавур, а именно к подкупу государственных деятелей потенциальных военных противников. «Все они, — аттестовал он этих знаменитостей, — прибегали к подкупам, раз в том или ином государстве руководители шли на подкуп»[35]. К сожалению, сокрушался правофланговый ультра, «личная чистоплотность наших дипломатов» помешала им сделать большое дело и в результате Россия и ее союзники столкнулись с колоссальными военно-политическими осложнениями. Десятки миллиардов рублей придется затратить теперь из-за того, что в свое время пожалели сотни миллионов. Преподавая уроки политической и дипломатической «мудрости», Марков 2-й призывал царских дипломатов «снять белые перчатки» и ради победы «трудиться даже над грязным делом», не гнушаясь никаки-

ми средствами. Не секрет, что, борясь за сохранение прогнившего самодержавного режима, марковцы и другие черносотенные круги руководствовались теми же «принципами» и во внутренней политике. В конце концов поклонник «силовой дипломатии» договорился до того, что поставил под сомнение необходимость «сохранения» Болгарии после войны. Такую же мысль «обронил» несколько позже правый националист И. П. Балашев[36].

Словом, крайние консерваторы ратовали за более жесткий курс по отношению к малым странам и за более твердую линию по отношению к основным союзникам — Англии, Франции и Италии. Позже теми же кругами против Сазонова будет выдвинуто обвинение в том, что он занимал в свое время слишком мягкую, примирительную по отношению к Вильгельму позицию, поощряя его тем самым к развязыванию войны. Именно либералы и либеральные взгляды Сазонова, заявляли они, явились одной из причин войны с Германией, неподготовленности России к этой войне. Повинны в этом также Англия и Франция, особенно первая. Одновременно правые делали из этого вывод, что Германия тем более заслуживает сурового наказания, что она изменила «традиционной дружбе», предала родственную монархию.

Этим, однако, обвинение руководителя русской внешней политики не ограничивалось. Перечень его промахов и просчетов шел значительно дальше, и корень их, по мнению Маркова и К°, лежал отнюдь не в дипломатии как таковой, а совсем в иной плоскости: а именно: не на те круги ориентировался. Сазонов, в представлении черносотенцев, «слишком прислушивался к общественному мнению, и в этом заключалась главная причина его ошибок, основной политический изъян». Другими словами, не сама внешняя политика и ее общее направление, а его политические симпатии и пристрастия. Правда, уточнял оратор, общественного мнения как такового («в смысле мнения всего русского народа») не существует, а имеются лишь мнения отдельных групп общества, и чем, «крикливее» группа, тем большим кажется ее влияние. В «поглядывании» на такие группы, в благосклонности к ним и таился, дескать, источник ошибок руководителя внешнеполитического ведомства. «Наш министр иностранных дел виноват в том, — заключил Марков 2-й, — что слишком долго и внимательно слушал проф. Милюкова, представителя лишь одной группы общества... Вот главная основная ошибка нашего министра». Забегая вперед, можно сказать, что критика Сазонова консерваторами на февральско-мартовской сессии Думы в значительной мере предопределила его отставку в июле 1916 г.

Выговаривая Сазонову за столь очевидную, по мнению правых, неосмотрительность, трубадур ультраконсерваторов «просил» министра иностранных дел «впредь от этого отказаться» и не считать больше мнений Милюкова за выражение общественного мнения страны. Обосновывая эту «просьбу» и ссылаясь на уже отмеченные им просчеты политики на Балканах, Марков старался показать, что Милюков, подвизавшийся в роли главного советника и настав-

ника министра иностранных дел, «упрямо шел» против основных интересов русского народа, «хотя и думал, что защищает их». Теперь же, дескать, он сам упрекает русскую дипломатию в том, что она «не могла справиться с болгарским вопросом», не предвидела того, что после известных событий балканской войны и Бухарестского мира Болгария может кинуться в объятия Германии. Не стесняясь в выражениях, воинствующий лидер правого меньшинства с нескрываемым упоением поносил одного из наиболее вредных и опасных, как ему представлялось, политических противников. Милюков, говорил он, профессор, а не дипломат и не политик. Как политик он близорук и ничего не видит «дальше собственного носа». Это человек «слишком инородный», в нем слишком мало русского чутья». Своими прогнозами относительно позиции Балканских стран в случае войны (в частности, Болгарии) Милюков преднамеренно «вводил Россию в заблуждение». Теперь же, критикуя Сазонова, он задним числом старается показать свою мнимую прозорливость. Поэтому Маркова и его единомышленников вдвойне возмущает то «послушание», которое русская дипломатия якобы проявляла и проявляет к мнениям и заявлениям представителя партии народной свободы и которое приводит к ошибкам в иностранной политике[37]. Нужно быть очень осторожным в упреках задним числом, журил Марков сплоховавшего «маэстро дипломатии». Поучая других, не следует забывать о собственных промахах и заблуждениях в балканской политике. Милюков же не соблюдает этого доброго правила и по-прежнему продолжает «болгарствовать», заявляя, что Болгария была потеряна по вине союзной дипломатии.

Больше всего консерваторов возмущало то обстоятельство, что, допустив явный просчет в своих прогнозах, особенно относительно Болгарии, Милюков продолжал оставаться, как они считали, наставником Сазонова, а в последнее время пытался «поучать» не только русскую, но также английскую и французскую дипломатию. Между прочим, комментарии Маркова 2-го лишний раз подтверждают ленинское положение о том, что в области внешней политики кадеты уже давно являлись «правительственной партией»[38].

Вот характерный пассаж из выступления Маркова в Думе 14 марта 1916 г., оттеняющий внешнеполитическую платформу кадетской партии. Во время прений по сметам Министерства финансов, говорил Марков, выступающий в качестве докладчика бюджетной комиссии Думы «антиминистр» А. И. Щингарев неизменно критикует министра финансов П. Л. Барка. Тут между соперниками присутствуют ноты взаимного непонимания, раздражения, а отчасти и осуждения. Во время же прений по иностранной политике этого, ко всеобщему удовольствию, не наблюдается. В данном случае имеет место лишь корректное соревнование двух дипломатов-европейцев, почти единомышленников, почти друзей. Оба маэстро дипломатии лишь для развлечения скрещивают перед вашими глазами свои шпаги и, видимо, не боятся друг

друга ранить, ибо заботливая «прогрессивная рука» заранее насадила на острие шпаги предохранительный шарик. Проделав несколько изящных туров, противники учтиво раскланиваются друг с другом. Излюбленной темой крайне правых в думных дебатах, как и на страницах повседневной печати, оставалась борьба с немецким засильем. Марков, в частности, немало распространялся о германском засилье не только в России, но и в других странах — в Болгарии, Турции, Греции и Румынии, связывая это с «пороками» парламентского режима, к которому, дескать, клонят и вдохновители «Прогрессивного блока», требующие создания «министерства доверия», а кое-кто — и «ответственного министерства». Все упомянутые государства, говорил Марков, не только конституционные, но и парламентарные, причем с однопалатной системой, почитаемой радикальнейшей системой народоправства. И тем не менее там налицо мощное немецкое засилье: на Балканах борьбы с ним не велось и не ведется. Ответственные парламентские министерства не в состоянии положить предел германскому засилью; оно царит там полноправно. Царь Фердинанд подчинил свою страну немцам до такой степени, что Болгарии как таковой больше не существует, а есть лишь «новая германская провинция». Аналогичная картина наблюдается в Турции. Младотурки довели оттоманскую империю до полного подчинения немцам; последние хозяйничают там, как в своей вотчине. В России же, где правит монарх-самодержец, борьба с этим злом не прекращается. «Поэтому те, кто стремится у нас устранить единственную силу, которая может помешать развитию немецкого засилья (т. е. самодержавие. — *В. В.*), те работают на германцев»[39].

К такому приему прибегали черносотенцы в борьбе со своими политическими противниками, используя эту конъюнктурную тему для защиты реакционного режима. «Вы думаете, что я хочу тем самым скомпрометировать парламентаризм, идею ответственного министерства? — иронизировал оратор. — Ничего подобного». Идея эта уже настолько скомпрометирована, что в стараниях в данном направлении нет никакой надобности. Начиная с бывшего председателя правой фракции А. Н. Хвостова, назначенного в конце сентября 1915 г. министром внутренних дел, лидеры правых (Замысловский, Марков 2-й и др.) не раз обыгрывали эту тему в своих думских выступлениях. В том же духе упражнялись и органы правой печати. Особенно выделялись в этом отношении марковская «Земщина» и «Российский гражданин», издателем которого являлся один из наиболее реакционных публицистов — П. Ф. Булацель. Последний, например, в разгар мартовских думских прений писал, что «парламентаризм в корне подтачивает всякое понятие о государственной власти и ее силе» и что история «в конце концов заклеймит презрением парламентский строй, который возводит партийность, лицемерие, празднословие и драки в законодательных собраниях в систему государственного управления»[40]. Избрав для иллюстрации своих политических раздумий парламенты некоторых европейских стран (Авст-

рии, Италии[41] и некоторых других), он даже в отношении давней союзницы России — Франции не постеснялся проворчать, что в этой «богатой и прекрасной стране существует самый несовершенный государственный режим». В стенах буржуазных парламентов, смаковал Булацель, депутаты и министры, «как это часто бывает во Франции, Италии и в Австрии, ругаются, как торговки, и дерутся, как уличные хулиганы». Называя парламентский строй «жалким», редактор и издатель «независимого» черносотенного листка с удовлетворением заключал: «К счастью, у нас в России, несмотря на значительную отсталость от Европы, еще не доросли до тех политических *порядков* (разрядка автора. — *В. В.*), при которых драки в законодательных собраниях стали обычным явлением!»[42]. И позже Булацель костил либералов за то, что они «пишут о преимуществах стадного парламентского способа правления над единоличной властью», называя это вздором «прогрессивно глупеющих либералов», объединенных «жгучим желанием захватить верховную власть». «Современные европейские парламенты, — писал он, — говорильни, помогающие ловким дельцам дурачить простой народ»[43].

С назначением Штюрмера главой кабинета тема борьбы с немецким засильем стала для правых еще более благодатной, чем при Горемыкине, как одно из самых ярких свидетельств их «истинного патриотизма». В первых числах марта упоминавшийся выше Булацель уведомлял своих читателей о том, что в последние дни «окончательно созрела мысль» о необходимости объединений всех мероприятий по борьбе с немецким засильем и было решено поставить во главе всего этого дела особое лицо, облеченное исключительным доверием. При нем намечено учредить Особое совещание «для разрешения возникающих на практике опорных вопросов». В случае разногласий эти вопросы должны вноситься на рассмотрение совета министров и затем передаваться на высочайшее утверждение[44]. В июле такое Совещание было создано под председательством А. С. Стищинского[45].

Немало слов против немецкого засилья произносилось и в «верхней палате российского парламента» — Государственном совете. Русское правительство, говорил Щегловитов на заседании Госсовета 1 апреля 1916 г., «правильно и справедливо» борется с этим засильем внутри страны. Надо, чтобы и вовне эта борьба была доведена до логического завершения. «Полная победа» в войне была необходима, по мнению правых, также для того, чтобы положить конец тяжелой экономической зависимости России от Германии. Резко осудив русско-германский торговый договор 1904 г. и назвав «родственную монархию» кровавой соседкой, Щегловитов не без раздражения сказал, что Германия начала войну, чтобы усугубить наше экономическое порабощение. Навсегда должна исчезнуть сама возможность какой бы то ни было зависимости от нее[46].

Особого накала достигла думская перепалка, выплеснувшаяся и на страницы партийной печати, в связи с выдвинутым против

правых обвинением в германофильстве и подозрением их в скрытом стремлении заключить с неприятелем «преждевременный» мир, не доведя борьбу до полной победы. Осудив сазоновский «дипломатический либерализм», крайне правые, в частности Марков 2-й, яростно обрушились против вожаков «Прогрессивного блока», уличая их в грубом и преднамеренном искажении позиции правых по коренному вопросу политики — о войне и мире. «Злостной клеветой» назвал Марков распространение оппозицией вздорных слухов, будто крайне правые не являются твердыми приверженцами курса на доведение войны до победного конца и способны при известных обстоятельствах отойти от этого курса. «Милюкову нужно доказать, — негодовал неистовый консерватор, — что правые, как в России, так и в Государственной думе, желают добра немцам и... вреда России». Но тут он наталкивается на «фактическое препятствие». Еще в ноябре истекшего года состоялось совещание монархистов, вынесшее резолюцию с требованием войны до победного конца. В этой резолюции было записано, что, по единодушному и глубокому убеждению совещания монархистов, война «не может и не должна иметь окончания ранее разгрома австро-германских полчищ, одержания над исконным врагом святой Руси полной и решительной победы». Подчеркивалось, что «первенствующий долг правительства и всех государственных установлений» состоит во всемерном усилении боевой мощи армии, увеличения ее численного состава. «Все для победы, — повторяла резолюция, — все, что не для войны, должно быть отложено». «От лица всех монархистов» совещание заявляло о «твердой и единодушной решительности нести до конца все жертвы», которых требуют интересы отечества[47].

Процитировав названную резолюцию, Марков подчеркнул, что этот «непреложный факт» мешает Милюкову предъявить прямое обвинение, будто монархисты желают мира. Он не решается выступить с таким утверждением из опасения, что его постигнет печальная участь депутата Савенко, который вышел однажды оглашать документ против правых, а документ оказался подложным. Лидер кадетов, продолжал оратор, поступает осторожнее и «прямого оболгания» правой группы членов Думы позволить себе не может. Для этого он «слишком европеец». Но ему нужно «представить правых людьми, требующими позорного мира, людьми, изменяющими России, а тут это досадное всенародное воззвание правых». Поэтому он прибегает к другой уловке: без всяких оснований ставит под сомнение решимость правых довести мировую схватку до полного сокрушения противника и их непреклонную волю не заключать преждевременного мира.

Воинствующие консерваторы расценили это как гнусную инсинуацию, оскорбление их «глубоко патриотического» чувства и явную компрометацию в глазах народа. Приведя упомянутое выше предостережение кадетского лидера об «опасности», угрожающей интересам государства «с двух крайних флангов», Марков 2-й гневно парировал: «Гг., правые говорят: „Все для войны,

все для победы, бейтесь до конца", а Милюков возражает: „Так-то оно так, но вы будете говорить, что хотите мира"». На основании чего делается такое заключение? — вопрошал уязвленный патриот и продолжал: сейчас правые идут дальше, чем сам Милюков, т. е. выдвигают более широкие внешнеполитические требования, но впоследствии они, дескать, поведут себя иначе. Почему так думает Милюков и чем обосновывает свое убеждение, «об этом он стыдливо умалчивает. Он просто заявляет: „Вы будете требовать мира", и левые[48] друзья Милюкова радостно ему рукоплещут: правые пойманы, они будут изменниками». Таким путем, негодовал Марков 2-й, можно доказать, что угодно, «не озабочиваясь ни доказательствами, ни документами» (хотя сам предводитель «Союза русского народа» и его соратники далеко не отличались политической чистоплотностью и прибегали к еще более коварным приемам борьбы, чем их противники из либерального лагеря). Когда же столь опасный навет коснулся их самих, они вдруг заговорили об объективности и порядочности[49].

Этот «благородный гнев» отдавал тем бóльшим ханжеством, поскольку именно черносотенцы первыми начали обвинять в «измене» даже тех, кто, ратуя за войну, пытался добиваться хотя бы минимальных преобразований прогнившего строя, а тем более тех, кто осуждал грабительскую империалистическую войну, обрушившую на народные массы неисчислимые бедствия. Особенно злобно нападали они на большевиков, называя их не только пораженцами, но и платными агентами германского генерального штаба.

И на сей раз правофланговый черносотенец не удержался от соблазна переадресовать ярлык «измены» своим либеральным оппонентам, сославшись в качестве доказательства на то, что они всячески подрывают борьбу против немецкого засилья, предпринятую по почину правых, и «старательно отстаивают» немецких колонистов в России. Осыпая своих противников грубой бранью, он заявлял, что блокисты преднамеренно разрушают то единение, которое необходимо «для поражения стихийной злобы тевтонов», стараются «отбросить от этого единений сильную часть русского народа», т. е. правоконсервативные и черносотенные круги, учиняют «раздор и травлю инакомыслящих», «преднамеренно клевещут на правых» и т. п. Весь «пафос» этих контробвинений сводился к тому, чтобы показать, что крайне правые являются самыми непреклонными, наиболее последовательными сторонниками доведения войны до полной победы, «истинными патриотами».

В свою очередь, либеральная оппозиция, деятели буржуазной общественности тоже постоянно рядились в тогу стопроцентных патриотов, доказывая, что именно их платформа открывает более верный путь к победе, тогда как линия крайних консерваторов способна привести к поражению и революции. Не случайно В. И. Ленин еще в середине 1915 г. отмечал, что русские либералы состязаются в «патриотизме» с черной сотней[50].

И все же, как ни афишировали апостолы консерватизма свою «верную службу отечеству», им все чаще приходилось оправдываться и выступать с заверениями в их верности общесоюзническому делу. Так, в начале марта Сазонов по просьбе бывшего министра юстиции И. Г. Щегловитова вынужден был дать Извольскому указание «опровергнуть появившееся во французской печати известие, будто он и другие его политические единомышленники высказывались в пользу скорейшего мира с Германией»[51]. Перед этим Сазонов получил письмо от Щегловитова, в котором было следующее заявление: «Во вчерашнем (29 февраля) заседании Государственной думы член Думы Савенко[52], сославшись на русскую и французскую печать, удостоверил, что я, Маклаков и барон Таубе[53] представляли в высокие сферы записку о необходимости заключения мира с Германией. Подобное удостоверение, уже опровергавшееся в русской печати, требует самого решительного опровержения и во Франции»[54].

С аналогичным письмом обратился к Сазонову и Н. А. Маклаков, указав при этом, что как он, так и Щегловитов придают большое значение тому, чтобы в прессе союзного России государства не оставались без опровержения «обвинения вздорные, необоснованные, ложные и порочащие имена людей, всегда только сочувственно относившихся к нашим союзникам и недопускавших никогда и мысли о возможности заключения мира с нашими врагами иначе, как до полной победы над ними и в полном соответствии с царскими всенародно объявленными словами и с достоинством великодержавной России»[55].

Нельзя не отметить, что в союзной прессе было немало всевозможных толков о германофильстве в среде русских консервативных кругов, в том числе бывших министров Маклакова, Щегловитова и некоторых других, о существовании «немецкой партии» и т. п. Особенно обильно нашпиговал этим свои мемуары английский посол в Париже лорд Берти. Немало писала об этом и пресса Центральных держав, прежде всего германская, хотя сама же нередко опровергала собственные данные. Так, например, упоминавшаяся уже «Vossische Zeitung», прогнозируя (в номере за 18 августа) возможность новых перемен в составе царского кабинета и назначение бывших министров Маклакова и Щегловитова, поясняла, что «они известны как сторонники заключения мира и считаются германофилами»[56]. А спустя неделю (22 августа) та же газета со ссылкой на сообщение Макса Бермана из Стокгольма сообщала: Щегловитов никогда не занимался внешней политикой и еще до войны «держался в стороне от немцев и всего немецкого». С момента же возникновения общеевропейского конфликта «он был ярым сторонником «войны до конца» и находится в числе основателей союза «Карта России после победоносной войны»»[57]. Что же касается Маклакова, отмечалось в той же заметке, «то он еще задолго до войны заявил, что школы с немецким языком опасны для России, и выступил против «засилья немецких баронов»». Сообщалось также, что он участво-

вал в разработке законопроекта о ликвидации немецкого землевладения в России. «Ныне, — добавляла газета, — в России царит некоторое утомление войной, но это не имеет ничего общего с германофильством»[58]. Такие же самоопровержения помещала германская и австро-венгерская пресса и в отношении Штюрмера, о чем будет сказано ниже. Но вернемся к турнирам за ленты патриотов.

Скрестив шпаги с либералами по поводу «патриотизма» и приверженности курсу на доведение войны до решительной победы, крайне правые на 99% солидаризировались с ними в походе против тех социалистов, которые выступали против кровавой бойни, грабежа и насилий. И здесь апостолы самодержавия старались продемонстрировать несравненно большую политическую «зрелость», чем их либеральные оппоненты и союзники. Заклеймив всех, кто прямо или косвенно выступал против захватнической империалистической войны, в том числе и откровенных социал-оборонцев, разглагольствовавших о «демократическом мире» в условиях капиталистического строя, Марков 2-й выразил несогласие с теми, кто считал, будто «пораженческое направление» немногочисленно. (Против подобных иллюзий предупреждал как раз и Милюков в своей предыдущей речи.) К сожалению, сокрушался правофланговый думский депутат, «пораженческое течение имеет достаточно многих последователей». Против войны раздаются голоса не только в стенах Думы: «в этом роде высказываются и прокламации, и некоторые влиятельные революционные кружки, руководящие рабочими». Поэтому, следовательно, нечего заблуждаться в отношении численности и размаха названного течения[59].

Одновременно Марков старался скомпрометировать марксизм и пролетарский интернационализм, нацеливая свой залп прежде всего в большевиков и призывая к ужесточению репрессий против всего революционного движения. Сам он, дескать, «с большим уважением» относится к социализму. Беда, однако, в том, что русские социалисты «не знают Маркса» и не способны понять его. Между тем германские социал-демократы использовали и используют это учение для оправдания германского экспансионизма, обоснования притязаний Германии на соседние земли России, Франции и других стран. Подавляющее большинство их примкнуло к политике Вильгельма и поддерживает ее всеми средствами. Русские же социал-демократы, обманутые своими немецкими учителями, служат врагам России, «врагам русского рабочего класса»[60]. Марков снова и снова клеймил тех, кто осмеливался говорить о ненависти народа к войне и его нежелании проливать кровь за чуждые ему интересы, доказывая солидарно с Милюковым, что народы Англии, Франции и России «вместе со своими правительствами желают воевать до конца, желают победить врага во что бы то ни стало»[61]. Ссылаясь на выступление в английской палате общин некоего углекопа Стантона, призывавшего правительство Асквита ужесточить репрессии против анти-

военного движения, разбушевавшийся оратор рекомендовал властям «надевать намордники» на тех, кто осмеливался (хотя бы с буржуазно-пацифистских позиций) призывать к миру, и вешать всех «миротворцев во что бы то ни стало», называя их «первыми насадителями измены». При этом он назидательно советовал социал-демократам вернуться «на путь истинный», заявляя, что «в России социализм должен совмещаться с монархизмом и с приверженностью царскому самодержавию»[62].

Февральско-мартовские думские баталии, как и дуэль правой и либеральной прессы того периода, наглядно иллюстрируют неуклонное нарастание кризиса верхов, развивавшегося параллельно с кризисом низов. Новым ярким проявлением этого кризиса явится внутриполитическая борьба летом 1916 г., вызванная в значительной мере переменами в составе правительства, в частности отставкой С. Д. Сазонова и передачей внешнеполитического ведомства под управление Б. В. Штюрмера. Мартовская полемика по вопросам внешней и внутренней политики во многом предвосхитила знаменитую «обвинительную речь» Милюкова, произнесенную им в Думе 1 ноября 1916 г., и последовавшие затем ближайшие события.

Подтвердив в самой категорической форме свою приверженность курсу на доведение войны до победного конца, буржуазно-помещичьи партии напомнили одновременно и о целях, во имя которых они ведут эту кровавую бойню. С наибольшей прямолинейностью сделали это крайне правые, конкретизируя и дополняя правительственную декларацию. Тот же Марков 2-й выдвинул 14 марта от имени фракции правых следующие требования: еще до окончания войны «точно и определенно» выговорить у союзников «полное и безусловное владение» черноморскими проливами, Константинополем, Адрианополем и соответствующими областями с Галлиполи, а также солидной областью, прилегающей к Мраморному морю, в Малой Азии; присоединить Галицию, Буковину и Угорскую Русь; присоединить Армению с Трапезундом и северную половину Персии; учредить совместное с союзниками владение Святой Землей[63]. При этом сторонники «твердого курса» рекомендовали правительству следовать примеру доблестных союзников (прежде всего Англии), «которые при всей необходимости отражать врага, при всей необходимости вести войну до конца тем не менее мудро и разумно берегут свои войска, дабы к моменту заключения мира не быть окончательно обессиленными»[64]. В противном случае России придется недосчитаться многого из того, на что она имеет виды.

Особое беспокойство правых вызывала судьба соглашения с союзниками о Константинополе и проливах, соглашения, о котором говорил Милюков на заседании Думы 11 марта 1916 г., передавая его содержание «со слов» английского политического обозревателя доктора Диллона. Категорически отвергнув идею нейтрализации проливов, в том числе и «частичную нейтрализацию» (только Дарданелл), возможность которой будто бы до-

пускал лидер кадетов, Марков заявил, что такое соглашение никоим образом удовлетворить Россию не может. «Русскому народу нужно не обманное, не лицемерное частичное разрешение вопроса о проливах, ему нужен полный, безусловный, навсегда свободный выход в Средиземное море, и этот выход должен быть сделан без всяких экивоков и недоговорок»[65].

Во избежание возможных недоразумений в будущем при подведении итогов войны правые требовали предания огласке этого соглашения, коль скоро тайна о нем уже нарушена в Англии. «Патриоты» хотели доподлинно знать, что представляет собой это соглашение во всем его объеме, вполне ли оно отвечает великодержавным интересам России, и, если нет, воздействовать на правительство в соответствующем направлении. Кроме того, они хотели тем самым « застолбить» принятое на себя союзниками обязательство и максимально затруднить возможность уклонения от его выполнения. Требование было поддержано и представителями «Прогрессивного блока». Сазонову пришлось выступить с «разъяснением» по этому поводу и «самым категорическим образом» заявить, что никакого «неблагоприятного для России» соглашения по данному вопросу не существует[66].

О целях России в войне немало писалось тогда в различных органах консервативной печати, причем с тем же акцентом, что и в речах правых думских депутатов: как бы не оказаться обделенными в итоге всемирного столкновения. При этом чаще и больше всего кивали на Англию. Характерны в этом отношении статьи и заметки П. Ф. Булацеля и П. П. Мигулина. Изображая себя поборниками «правильно понятых» жизненных интересов России, оба они ратовали за реализацию широкой экспансионистской программы. Последний, в частности, писал в издаваемом им еженедельнике: «Великая война должна дать нам и великие завоевания; в ее результате должны быть выполнены наши важнейшие исторические задачи. Иначе немыслимо довести и силы страны до высочайшего напряжения, столь необходимого, однако, для сокрушения могущественного противника»[67]. Профессор Мигулин упрекал «некоторых деятелей на дипломатическом и экономическом поприще» в том, что они гораздо «охотнее» заботятся о чужих интересах и о «чужой свободе», чем об интересах своей страны. Конечно, замечал автор, освобождение малых стран и народов — задача благородная, но не следует забывать, что в прежние времена она осуществлялась Россией в ущерб экономическим интересам и нуждам собственного народа и что некогда освобожденные и спасенные ею народы Австрии, Пруссии и Болгарии ведут сейчас с Россией кровавую войну, а другие (как, например, Румыния и Греция) держат по отношению к ней далеко не дружественный нейтралитет[68].

Еще более откровенно изъяснялся по этому поводу Булацель. Солидаризуясь с Мигулиным, он писал, что «многие» политические и общественные деятели страны уделяют «слишком много внимания задаче освобождения угнетенных народов, считая

эту задачу чуть ли не главной целью нынешней кровопролитной войны»[69]. Из этих слов явствует, что даже пропагандистская риторика буржуазно-либеральных кругов об «освободительном» характере войны представлялась крайним консерваторам вредной и неуместной.

И Мигулин и Булацель, как, впрочем, и другие публицисты и газетчики правого толка, считали необходимым быть особенно осмотрительными в отношениях с Англией и уже в ходе войны твердо договориться с нею относительно предстоящего дележа добычи, четкого и строгого размежевания великодержавных интересов, дабы не оказаться потом в проигрыше. «Справедливость» такого дележа и соответствующей договоренности Булацель, например, видел в том, что ни Россия, ни Англия не в состоянии выиграть в одиночку схватку со среднеевропейским германо-австро-турецким союзом. «Как Россия, — отмечал он, — если бы она была в одиночестве, потерпела бы уже поражение (это надо прямо и откровенно признать), так и Англия без нашей помощи и без наших кавказских побед давно уже потеряла бы Индию и Египет...Только доблестное русское войско препятствует Германии двинуть мусульманские полчища к подножию Гималайских гор»[70].

Апеллировавший к «верхам» редактор «Российского гражданина» рекомендовал не упускать из виду данного обстоятельства и «ковать железо», пока оно горячо, памятуя об опыте истории. Теперь, писал Булацель, в Англии почти все государственные люди понимают, что Россия и Англия являются «естественными союзниками». Но ведь еще недавно в Англии не понимали, что для английского владычества в Индии гораздо страшнее Германия, чем Россия. Для наглядной иллюстрации автор ссылался на демарш двух «выдающихся» английских министров, Мареля и Бэриса, которые считали необходимым сохранять дружбу с Германией и потому вышли из состава правительства, когда было решено объявить войну Германии. Еще более убедительным подтверждением этой мысли представлялась Булацелю вся предшествующая антирусская политика Англии, в особенности с середины XIX в. Со времени Крымской войны, подчеркивал он, Англия всячески старалась ослабить Россию и всегда помогала всем ее недоброжелателям. Она даже уступала Германии некоторые свои колонии, остров Гельголанд, пустила Германию в Турцию, Месопотамию, Персию и все это делала прежде всего для того, чтобы создать противовес русскому влиянию[71].

Более подчеркнуто и прямолинейно, чем Мигулин, Булацель обращал внимание тех, кому это следовало хорошо знать, на характер англо-русских отношений в прошлом и настоящем, дабы сделать из этого соответствующие выводы. Теперь, замечал он, вся эта прежняя политика английских государственных людей осуждена общественным мнением и неумолимым ходом исторических событий текущей войны. Неизвестно, однако, «надолго ли удержится в Англии доверие и любовь к бескорыстной, само-

отверженной Российской державе» и не вернется ли она к своей традиционной антирусской политике.

Рассматривая далее вопрос о том, при каких условиях могли бы сохраняться добрые отношения между Англией и Россией после войны, Булацель безоговорочно присоединился к «блестяще доказанному» тезису профессора Мигулина о том, что «истинные интересы Англии вовсе не пострадают, если Россия прочно утвердится на берегах Босфора, в Константинополе и в Малой Азии». Русские дипломаты, прибавлял он к доводам Мигулина, должны направить все усилия к тому, чтобы убедить английское правительство: прочное занятие Россией Дарданелл, Александретты и Персидского залива нисколько не повредит морской торговле Великобритании. Напротив, это создаст такое положение, при котором Россия будет охранять пути к Индии и Египту от немецкого нашествия. «Мы не соперники с Англией на морях, — вещал архиправый публицист. — Теперь это англичане понимают, но будут ли они придерживаться этого же мнения и тогда, когда военная мощь Германии разобьется о русские штыки?» И снова настоятельный совет: не упускать удобного момента и заблаговременно договориться обо всем с английским правительством, ибо после разгрома Германии, когда Англия перестанет нуждаться в русской помощи, будет уже поздно начинать торговаться с британскими министрами[72].

Тут же следовала другая «полезная» рекомендация: разговаривать с союзниками по всем этим вопросам, и в первую очередь с Англией, более твердым и решительным тоном, чем до сих пор. Причем этот «залп» был нацелен прежде всего в Сазонова. «Обстоятельства складываются теперь так, — заключал издатель, — что при мало-мальски решительном и самостоятельном министре иностранных дел Россия могла бы теперь говорить твердым и властным языком. К сожалению, вместо того чтобы пользоваться благоприятным сочетанием политических отношений, г. Сазонов продолжает лишь расписываться в получении «английских ультиматумов» и ни разу еще не сумел говорить с Англией так, как этого требуют насущные, святые права русского народа»[73].

Прелюбопытное совпадение. Всего несколькими днями позже императрица Александра Федоровна писала в Ставку своему августейшему супругу в весьма сходной аранжировке: «Хотелось бы, чтобы ты нашел подходящего преемника Сазонову...Необходимо, чтобы он уже теперь познакомился с делами и был настороже, чтоб на нас не насела позднее Англия и чтоб мы могли быть твердыми при окончательном обсуждении вопроса о мире»[74]. Кстати, газета, в которой печатались приведенные выше откровения, регулярно получала правительственные субсидии, а ее издатель не без гордости заявлял, что его чтиво пользуется вниманием в «высоких сферах», да и составляет он свои «дневники» главным образом для них.

Свой «сверхпатриотизм» автор названных «дневников» демонстрировал и на отношении к военным правительственным займам

за границей, настаивая на том, чтобы и в ходе войны, и на будущем мирном конгрессе царское правительство создало «надлежащие условия для экономического расцвета России» и обеспечило стране мир на долгие годы. В заключение своего опуса ретивый редактор черносотенной газеты провозглашал: «Россия во что бы то ни стало должна быть материально вознаграждена за все убытки и разорения, причиненные ей этой войной. Наши государственные долги и внешние займы, сделанные для оплаты военных заказов, должны быть списаны со счетов российских долгов. Пусть Англия и Франция получают по этим нашим займам уплату от Германии какими угодно способами, но русский народ необходимо освободить от уплаты миллиардных процентов по этим займам. Иначе народ не поймет, за что он приносил кровавые жертвы, а в результате из одной немецкой кабалы попал в двойную американо-английскую»[75]. Аналогичные взгляды разделялись и другими приверженцами размашистого аннексионизма.

Тон, как видим, действительно весьма и весьма решительный. Только вряд ли подобные писания облегчали задачу царского министра финансов на биржах Парижа, Лондона и Нью-Йорка. Не могли не пугать союзников и столь обширные политические и территориальные запросы российских ультраконсерваторов при кабинете во главе со Штюрмером. Трудно, однако, предположить, что такие заявки попадали в печать без цензурного дозволения, если не благословения официальных кругов.

Серьезную обеспокоенность тем, что «ничего окончательно не сделано» в части обеспечения по окончании войны жизненных интересов России, и прежде всего в вопросе о приобретении «прав» на Константинополь и проливы, выражали националисты— деятели Всероссийского национального союза и его наиболее правые лидеры из состава фракции националистов Государственной думы. Весьма характерна в этом аспекте записка И. П. Балашева, изданная с ведома военной цензуры «на правах рукописи» в виде отдельного оттиска в мае 1916 г. и озаглавленная «Важнейшие очередные задачи нашей внешней и внутренней политики»[76]. В ней автор выражал опасения, что с союзниками еще не достигнуто твердой договоренности относительно Константинополя и проливов, как и по ряду других важных внешнеполитических вопросов.

В свое время, откровенничал автор записки, руководитель русской иностранной политики Сазонов лично ему говорил, что «вопрос о проливах решен дипломатически в нашу пользу». Однако последующие события, и в частности дезориентирующее заявление Грея в парламенте о том, что он «никогда не слыхал, чтобы Россия решилась завладеть Константинополем навсегда» (возможно, в целях успокоения парламентариев и сохранения соглашения в секрете), явились как бы опровержением приведенных слов Сазонова и породили серьезные сомнения в соответствии их действительности. Тем более что заявления министра иностранных дел в Государственной думе, сетовал Балашев, «настоль-

ко неопределенны», что нельзя не прийти к заключению, что до сих пор ничего окончательного по вопросу о проливах не сделано. Между тем, подчеркивал автор, «безусловная необходимость» для России обеспечить свои права и жизненные интересы именно и преимущественно в этом месте не может подлежать сомнению. В качестве обоснования этого права Балашев ссылался помимо всего прочего, на многочисленные жертвы, принесенные Россией во имя освобождения христианского населения Балкан от турецкого ига. В выигрыше от этого благодеяния оказались, пожалуй, некоторые другие европейские державы, которые больше даже препятствовали освобождению Балкан, чем помогали, за исключением лишь Греции в 20-х годах XIX в. Только Россия, не раз оказывавшая балканским народам немалые услуги, никаких выгод из этого «лично для себя...не извлекла», хотя на протяжении столетий оросила каждую пядь Балканского полуострова кровью своих сынов. «Пора наконец и нам, — категорически настаивали автор и К°, — особенно после настоящей войны, выговорить себе то сравнительно немногое, что нам нужно». Причем это будет не только в интересах России, но и в интересах самих балканских народов. Заодно это послужит вполне обоснованным наказанием для Турции за ее предательское нападение на Россию, в то время как последняя относилась к ней вполне миролюбиво[77].

Указав затем на существенные просчеты и упущения в балканской политике периода балканских войн, в результате чего России пришлось испытать «целый ряд дипломатических поражений в Лондоне»[78], Балашев предупреждал, что то же самое может повториться в будущем, если не принять заблаговременно «надлежащих мер», а именно создать неуязвимое для России положение на всей ее западной и южной границе. «Другого для нас способа обезопасить себя не существует, как только занять заблаговременно настолько сильную позицию, чтобы противники России не могли и помышлять о нападении когда-нибудь на нее, хотя бы в составе целой коалиции держав»[79]. Без проливов, настаивал Балашев, Россия будет постоянно находиться в зависимости от других государств, пока «ключи» от Босфора и Дарданелл не попадут в ее руки. Только тогда может быть устранена возможность вторжения врагов в Черное море и повторения «позорного для России появления под Севастополем и Одессой турецко-германских судов, когда она будет владеть этими проливами с прилегающей к ним с обеих сторон территорией, а также «сторожевыми островами, необходимыми для защиты Дарданелл извне». При этом составитель записки советовал «твердо помнить», что никогда западные государства не пойдут добровольно на такую сделку, а, наоборот, будут всемерно стремиться оставить вопрос о проливах по крайней мере открытым. Да и теперь, предупреждал Балашев, «главная, вековая наша соперница — Англия (расточающая перед нами всякие любезности и похвалы) — нисколько не скрывает, что не желает видеть нас не только

в Дарданеллах, но и на Босфоре»[80]. Поэтому он настойчиво рекомендовал безотлагательно заключить с Англией и Францией «крепкий письменный договор», «пока еще теперешние наши союзники в нас нуждаются и не успели сговориться с нашими врагами». А такое, по его мнению, вовсе не исключалось в перспективе на послевоенный период. Выдвигались и еще более обширные планы территориальных приращений с полным вытеснением турок из Европы[81].

При выполнении перечисленных автором требований Россия могла бы предложить союзным с нею державам поделить между собою по их усмотрению остальные земли, принадлежащие вражеским государствам в Европе и в других частях света. Единственным условием этих «компенсационных» начал предполагалось «упразднение Германской, Австрийской и Турецкой империй как таковых и расчленение двух первых на их составные части, с образованием по-прежнему нескольких самостоятельных государств, как-то: Ганновера, Касселя, Нассау, вольных городов и проч., упраздненных Пруссией в 1866 году и присоединенных ею к своим владениям»[82]. Несомненным представлялось автору и то, что военные силы Германии и Австро-Венгрии должны быть доведены до минимума, крепости срыты, Кильский канал засыпан, а их военный флот разделен между союзниками, равно как и их колонии.

Вместе с тем в записке И. П. Балашева подчеркивалась настоятельная необходимость решения польского вопроса «еще до заключения мира» путем провозглашения политической независимости Польши при неукоснительном соблюдении ею постоянного нейтралитета, гарантированного великими державами. Сам акт «учреждения» независимого польского государства должен был совершиться «по замирении Европы». Не исключалась также и «личная уния» России и Польши в лице российского императора. Но в любом случае она должна была образовать «самостоятельное государство», непременно нейтральное и отделенное от России таможенной чертой[83]. Следует заметить, что данное предначертание отнюдь не совпадало с собственными планами царского правительства.

Назывались в прожекте и такие «безобидные» вещи, как приобретение на путях России к Дальнему Востоку «необходимых угольных станций и защитных портов для ее военных судов»[84].

Побежденные должны были также уплатить денежную контрибуцию в возмещение всех нанесенных ими союзникам убытков, причем в размере «большем, чем та контрибуция, которую они сами намеревались наложить на нас в случае своей победы». Но так как эти суммы будут колоссальны и Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария будут не в состоянии выплатить их ранее нескольких десятилетий, то на этот срок войска держав Согласия по взаимному соглашению должны занимать некоторые пограничные области с отнесением расходов по их содержанию на побежденных.

Учитывая, что во время войны немцами были совершены «неслыханные преступления», державы Согласия, как признавалось в Записке, «нравственно обязаны наложить на виновных заслуженную ими кару». Поэтому после войны они (виновные) должны быть преданы суду особого трибунала, учрежденного победителями. В серии карательных мер за совершенные преступления значился также возврат всего награбленного немцами имущества, причем полагалось справедливым лишить их государственных художественных ценностей и распределить эти ценности между музеями союзных держав, «ибо опозорившие себя варвары не достойны владеть сокровищами искусства»[85].

Только при реализации всех этих предначертаний можно было бы, по мнению Балашева и его политических единомышленников, обеспечить длительный мир в Европе и во всем мире.

Позже, уже при Временном правительстве, И. П. Балашев и стоявшие за ним правонационалистические круги с той же настойчивостью защищали изложенную выше империалистическую программу. В записке, поданной им министру иностранных дел М. И. Терещенко 18 июня 1917 г. в связи с заявлением коалиционного правительства о его намерении добиваться „пересмотра" согласованных с союзниками целей войны, подчеркивалось, что заявление это «взволновало весь мир и более всего «мыслящую часть русского народа»», т. е. буржуазно-помещичьи круги. Никакое правительство, предупреждал податель записки, не вправе сокращать территорию страны, приобретенную предками, или отказываться от решения жизненно важных задач государства. Он снова твердил о повелительной необходимости завладеть «ключами от собственного дома» — «Царьградом с Босфором и Дарданеллами и землею, необходимой для их защиты»[86]. При этом ярый националист решительно высказывался против «пресловутой нейтрализации проливов», на которую будто бы соглашалось правительство Львова — Керенского и которая поставит Россию в еще более худшее положение, чем при оставлении их в руках слабой Турции[87]. Если Россия не покончит ныне же с больным вопросом о прочном обладании ею проливами, настаивал Балашев, она все равно не избавится от исторической необходимости добиваться этой цели в будущем. «Политика, — продолжал он, — зависит от экономики, и последняя будет у нас всегда страдать если не от непосредственной во всякую данную минуту опасности, то от неопределенной и постоянной угрозы нашим жизненным интересам, а при таких условиях мы будем принуждены принимать еще более усиленные, чем теперь, меры к предупреждению такой угрозы и при случае к ее устранению»[88]. Последнее приведет к необходимости содержать в Черном море сильный военный флот, многочисленную армию и дорогостоящие крепостные укрепления. А это, в свою очередь, принудит другие державы, имеющие в этом «углу Средиземного моря» первостепенные интересы, содержать в нем также большие силы. «Но, как показал опыт, в таких случаях равновесие

не может быть сохранено и каждая сторона будет норовить пересилить другую, а потому, чем более мы будем вооружаться, тем более вооружатся и наши противники. Результаты таких состязаний известны: расходы будут расти, народы разоряться, раздражаться столкновением непримиримых интересов и все это приведет снова к войне»[89].

Ход мысли предельно ясен: лучшей гарантией безопасности и мира является неприступная позиция, каковую можно обеспечить лишь при условии овладения соответствующим стратегическим плацдармом и оснащения его надлежащими боевыми средствами. В сочетании с тезисом о «естественных границах»[90], который развивал автор, это давало широкий простор для оправдания любой империалистической акции. Главным условием соблюдения будущего мира, поучал он молодого неопытного министра, является удовлетворение законных жизненных интересов великих держав. Исходя из этого, ближневосточный вопрос должен быть разрешен таким образом, «чтобы он не мог более подлежать спору и повести к новым недоразумениям. А это удастся только тогда, когда важнейшие интересы России на ее юго-западной окраине будут крепко и навсегда обеспечены»[91].

Тут автор записки снова указывал на крайне неблагоприятный для России режим черноморских проливов и вероломное поведение Турции в роковом 1914 г. В начале войны, писал он, Россия честно предложила Турции признать неприкосновенность ее территории, если она будет соблюдать нейтралитет. Последняя дала такое обещание, «но...обманула нас и вскоре предательски на нас напала. Следовательно, мы имеем безусловное право наказать ее за такое вероломство и наказание это должно иметь целью предотвратить в будущем повторение такого случая. Такое наше право признали и все наши союзники, а потому не нам теперь отказываться от него»[92]. Не резон также, по его мнению, отказываться и от согласованного с союзниками решения о ликвидации Османской империи. То же самое и в отношении контрибуций. Не может быть прощения врагам уже по той причине, писал он, что это явилось бы «наказанием» всем их жертвам, в том числе и России, наказанием за то, что, оказывая сопротивление насилию, они исполнили свой долг. Неприятельским же державам, напротив, это послужило бы только наградой за их разбой и поощрением к совершению новых злодеяний. Мир без контрибуций с Германии, подчеркивал автор «схематического проекта» мирных условий, означал бы «контрибуцию с России, ибо ей пришлось бы выплатить союзникам 60 млрд рублей долга, образовавшегося в результате навязанной ей войны. Фактически это было бы платежами «в пользу немцев, не задолжавших вне своей страны ни одного гроша»[93].

Итак, все буржуазные и помещичьи партии России — и крайние консерваторы, и либералы — ратовали за войну до победного конца. Однако достижение победы виделось им по-разному. Пра-

вые стояли на том, чтобы правительство проводило более жесткий курс во внутренней политике, беспощадно подавляя революционные и оппозиционные выступления, добиваясь неукоснительного повиновения властям. Либеральные буржуазно-помещичьи круги настаивали на необходимости проведения некоторых социально-политических реформ, на смягчении реакционного режима, дабы ослабить тем самым внутренний кризис и обеспечить более эффективную работу государственного механизма, рост военного производства, активное участие населения в войне. И те и другие видели свою задачу в том, чтобы не допустить мощных антиправительственных выступлений, использовать войну для предотвращения назревавшей революции. Каких-либо существенных разногласий в области внешней политики между правительственным лагерем и оппозицией не отмечалось. Правда, крайне правые круги выдвигали более широкие территориальные и иные притязания, чем либеральная буржуазия, настаивали на проведении более твердой линии в отношении союзников, прежде всего Англии, стремившейся переложить главную тяжесть войны на Россию и Францию.

На оборонческих позициях стояли мелкобуржуазные партии и группировки. Решительным и самоотверженным противником войны выступала ленинская партия.

[1] Е. П. Ковалевский являлся членом Чрезвычайной следственной комиссии по нарушению законов и обычаев войны австрийцами и германцами. В августе 1915 г., когда сформировался «Прогрессивный блок», его прочили в министры просвещения в кабинете общественного доверия, так называемом кабинете обороны во главе с А. И. Гучковым. См.: Утро России. 1915. 14 авг. № 223; *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л., 1967. С. 103.

[2] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая: Стенографические отчеты. Пг., 1916. Стб. 1427—1428.

[3] Там же. Стб. 1429; *Писарев Ю. А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968. С. 157—166.

[4] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия IV. Стб. 1429, 1430.

[5] Российский гражданин. 1916. 29 мая. № 21. С. 9.

[6] АВПР. Ф. Отдел печати и осведомления. 1916 г. Д. 524. Л. 60.

[7] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия IV. Стб. 1430.

[8] Там же. Стб. 1430.

[9] Там же. Стб. 1430—1431.

[10] Там же. Стб. 1431—1432.

[11] Там же. Стб. 1432. См.: *Нотович Ф. И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М., 1974. С. 699—714; *Писарев Ю. А.* Указ. соч. С. 131—137.

[12] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1434.

[13] Там же. Стб. 1434—1435.

[14] АВПР. Ф. Канцелярия. 1916 г.

[15] Португалия вступила в войну на стороне держав Согласия 9 февраля 1916 г.

[16] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Стб. 1436.

[17] Там же. Стб. 1436—1437.

[18] Там же. Стб. 1438.

[19] Там же. Стб. 3243—3260.

[20] Там же. Стб. 3257—3258, 3306.

[21] Там же. Стб. 3275, 3292.

[22] Там же. Стб. 3275—3276.

[23] АВПР. Ф. Канцелярия. 1916 г. Д. 552. Л. 11.

[24] Там же.

[25] Там же.

[26] Подразумевалось соглашение о Константинополе и проливах, слухи о котором просочились в думские кулуары.

[27] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 3275, 3282.
[28] Там же. Стб. 3274—3275.
[29] В марте, когда в Думе происходили эти дебаты, между Россией и Японией активизировались переговоры о заключении союзного договора на длительную перспективу.
[30] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия IV. Стб. 3276, 3282.
[31] См.: *Болдырев Б. Г.* Займы как орудие закабаления Китая империалистическими державами (1840—1948 гг.). М., 1962. *Григорцевич С. С.* Дальневосточная политика империалистических держав в 1906—1917 гг. Томск, 1965; *Зубок Л. И.* Экспансионистская политика США в начале XX века. М., 1969, *Леонтьев В. П.* Иностранная экспансия в Тибете в 1888—1919 гг. М., 1956; *Севостьянов П. П.* Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке. М., 1958; *Нарочницкий А. Л., Губер А. А., Сладковский М. И., Бурмингас И. Я.* Международные отношения на Дальнем Востоке М., 1973. Кн. 1: *Остриков П. И.* Империалистическая политика Англии в Китае в 1900—1914 гг. М., 1978; и др.
[32] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 3273, 3274, 3279.
[33] Там же. Стб. 3282—3284.
[34] Там же. Стб. 3294—3295.
[35] Там же. Стб. 3302.
[36] АВПР. Ф. Канцелярия. 1916 г. Оп. 470. Д. 144. Л. 6.
[37] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг. 1916. Стб. 3292, 3295—3297.
[38] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 323.
[39] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Стб. 3291—3292, 3297—3299.
[40] Российский гражданин. 1916. 6 марта. № 10. С. 11—12.
[41] Из Италии также поступали донесения о значительном распространении в этой стране немецкого засилья.
[42] Российский гражданин. 1916. 6 марта. № 10. С. 11—12.
[43] Там же. 1916. 10 июля. № 26/27. С. 12.
[44] Там же. 1916. 6 марта. № 10. С. 9.
[45] См.: Раннее утро. 1916. 28 июля. № 174.
[46] Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1916. Стб. 1156.
[47] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия IV. Пг., 1916. Стб. 3304—3305.
[48] «Левыми» в правых думских кругах и стенографической терминологии Думы называли кадетов и «прогрессистов». Фракции трудовиков и социал-демократов (меньшевиков) причислялись к «крайним левым».
[49] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая Пг., 1916. Стб. 3305—3307.
[50] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 329—330.
[51] АВПР. Ф. Канцелярия. 1916 г. Оп. 470, Д. 77. Т. 1. Л. 3.
[52] А. И. Савенко — один из молодых лидеров фракции «прогрессивных» националистов IV Думы.
[53] Барон Таубе — товарищ министра народного просвещения при Л. А. Кассо, затем с января 1915 г. управляющий этого министерства, смененный впоследствии графом П. Н. Игнатьевым.
[54] МОЭИ. Т. 8. С. 404.
[55] МОЭИ. Т. X. С. 404.
[56] АВПР. Ф. Отдел печати и осведомления. 1916 г. Д. 516. Л. 157.
[57] Там же. Л. 236.
[58] Там же.
[59] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 3285—3286. По вопросу о революционном пораженчестве см.: *Тютюкин С. В.* Война, мир, революция М., 1972, и др.
[60] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 3288—3289.
[61] Там же. Стб. 3289—3290.
[62] Там же. Стб. 3286.
[63] Там же. Стб. 3302.
[64] Там же. Стб. 3303.
[65] Там же. Стб. 3304.
[66] Там же. Стб. 3323—3324.
[67] Новый экономист. 1916. № 8.
[68] Там же.
[69] Российский гражданин. 1916. 6 марта. № 10. С. 15.
[70] Там же.
[71] Там же.
[72] Там же. С. 15—16.
[73] Там же. С. 16.
[74] Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1926. Т. 4. С. 159. Сходные мысли повторялись и в дру-

гих ее письмах Николаю II. См.: Там же. С. 289, 330, 331.

[75] Российский гражданин. 1916. № 10. С. 16.

[76] Сама Записка помечена апрелем 1916 г. и дозволена к печати военной цензурой 12 мая. Ее автор (влиятельный придворный) находился в близком родстве с П. Н. Балашевым, лидером партии националистов и фракции националистов IV Государственной думы, крупным подольским помещиком, на средства которого в основном и осуществляла свою деятельность названная партия. См.: *Дякин В. С.* Указ. соч. С. 28; *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума. 1912—1914 гг. М., 1981. С. 240—246.

[77] АВПР. Ф. Канцелярия. 1916 г. Оп. 470. Д. 144. Л. 5—5 об.

[78] Там же. Л. 5. об.—6.

[79] Там же. Л. 5.

[80] Там же.

[81] Там же. Л. 6.

[82] Там же. Л. 6. об.

[83] Там же. Л. 3., 3 об., 7 об.

[84] Там же. Л. 6 об.

[85] Там же. Л. 7.

[86] АВПР. Ф. Отдел печати и осведомления. 1917 г. Д. 749. Л. 1—2.

[87] Там же.

[88] Там же. Л. 4. об.—5.

[89] Там же. Л. 5.

[90] Согласно этому тезису, правительство имеет право и даже обязанность перед своим народом добиваться в определенных случаях («пользуясь благоприятными для этого обстоятельствами») расширения границ представляемого им государства до таких пределов, «без которых его безопасность не обеспечена». (Там же. Л. 3., 5 об.).

[91] АВПР. Ф. Отдел печати и осведомления. 1917 г. Д. 749. Л. 5 об.

[92] Там же. Л. 1 об., 7.

[93] Там же. Л. 6. об. — 7.

Глава третья

ОФОРМЛЕНИЕ РУССКО-ЯПОНСКОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА

Война с таким грозным противником, каким оказалась Германия в блоке с Австро-Венгрией и Турцией, вынудила царизм бросить на поля сражений все наличные силы, коими он располагал не только в европейской, но и в азиатской части страны, оголив тем самым ее дальневосточные рубежи. И хотя отношения с Японией были сравнительно отрегулированными и последняя являлась союзницей Англии, выступившей в одной коалиции с Россией, а вскоре и сама Япония стала участницей этой коалиции, проблема безопасности дальневосточного «тыла» не снималась с повестки дня. Это побуждало царское правительство к установлению с Японией более доверительных отношений, более тесного политического партнерства, используя новые линии связи между англо-японским союзом и Антантой, между Японией и Россией.

Еще до возникновения общеевропейского вооруженного конфликта Сазонов, учитывая «затруднения», которые Россия встречала со стороны Англии в Персии и которые, как считали в Петрограде, вызывались «исконным страхом англичан за безопасность их владений в Индии», предложил заключить двустороннее англо-русское соглашение, взаимно гарантирующее неприкосновенность азиатских владений Великобритании и России. Осведомленный об этом предложении Грей отнесся к нему, по словам Бьюкенена, «сочувственно». Однако к реализации его приступить не успели. Вспыхнувшая вскоре европейская война «навела» царского министра на мысль о тройственном соглашении между Россией, Англией и Японией с указанной целью — «взаимно гарантировать их владения в Азии»[1].

Намекнув об этом в одной из бесед английскому послу и не встретив с его стороны возражений, Сазонов уже в первые дни войны (25 июля) поручил Бенкендорфу конфиденциально переговорить с Греем по тому же предмету и выяснить его отношение к проекту соответствующей конвенции. Последняя, по словам Сазонова, должна была способствовать «укреплению и сохранению мира в Азии и обеспечению прав и особых интересов договаривающихся сторон в этой части мира» и содержать обязательство сторон: 1) «сговариваться о мерах, необходимых для защиты» означенных прав и интересов в случае, если они окажутся под угрозой, и 2) не заключать с другими державами никакого соглашения касательно вопросов, предусмотренных данной

конвенцией, не сговорившись предварительно с другими договаривающимися сторонами. При сложившихся политических обстоятельствах заключение такой конвенции представлялось Сазонову неотложным, причем английский посол разделял его мнение[2].

На другой день после отправки Бенкендорфу цитированной телеграммы Сазонов заявил английскому представителю в России Бучанану, что надо использовать наступивший момент для оформления тройственного англо-русско-японского соглашения. Помимо общеполитических соображений, к этому побуждают и соображения формального порядка: Англия и Япония являются союзниками по договору, а Англия и Россия — союзниками «де-факто». Положение же России по отношению к Японии остается до некоторой степени ненормальным и должно быть поставлено на основу, сходную с положением Англии[3]. Мнение Сазонова было поддержано присутствовавшим при разговоре Палеологом. Одновременно Сазонов предложил также и японскому правительству заключить с Россией соглашение об охране «постоянных интересов России и Японии» на Дальнем Востоке. При этом он настаивал на том, чтобы вступление Японии в войну, обусловленное англо-японским союзным договором, сопровождалось принятием Японией обязательств относительно ее целей в войне[4]. Возможность достижения такого соглашения казалась вполне реальной, тем более что уже 3(16) августа представитель японского военного министерства генерал Ахаси заявил русскому военному агенту в Токио генералу Самойлову о готовности Японии оказывать России всяческое содействие в борьбе против Германии, добавив, что русское правительство может быть спокойным за свою «сибирскую границу и за порядок в Китае»[5]. Несколькими днями ранее русский посол в Токио Малевский со слов Самойлова доносил о готовности японского военного ведомства «содействовать нам всеми способами включительно до продажи резервных артиллерийских орудий и снарядов»[6].

На основании полученных из Петрограда инструкций Малевским был подготовлен проект договора, целью которого объявлялось поддержание «постоянного мира» на Дальнем Востоке и охрана там взаимных интересов вступающих в союз сторон. Проект состоял из четырех статей. Первая из них подтверждала силу ранее заключенных между Россией и Японией договоров, конвенций и соглашений. Статья вторая гласила: если права и интересы, предусмотренные упомянутыми дипломатическими актами, окажутся под угрозой, оба правительства должны будут договориться между собой о тех мерах, которые необходимо принять для их ограждения; третья статья: если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению на Дальнем Востоке, другая сторона окажет ей поддержку или действиями своих армий, или сохранением самого строгого нейтралитета. Последняя, четвертая статья предусматривала порядок введения договора в силу и его продления и подчеркивала, что он не затрагивает

положений ни англо-японского союзного договора, ни франко-японского политического соглашения 1907 г.[7]

Тем временем и парижский кабинет предлагал японскому правительству «придать отношениям Франции и Японии бóльшую определенность» в смысле приближения франко-японского соглашения 1907 г. «к характеру англо-японского союзного договора». Это делало еще более актуальным установление между Японией и Россией договорных отношений, аналогичных отношениям Японии с Англией. Как отмечал в связи с этим Малевский, в случае подписания союзного договора между Францией и Японией для России возникла бы еще бóльшая настоятельность «заключить с Японией соглашение», проект которого был передан им в Петроград 23 июля 1914 г. В противном случае, полагал посол, «наше положение здесь сравнительно с французским может умалиться и оказаться еще менее обеспеченным, чем после заключения первого англо-японского союза».

Попытки России и Франции поднять свои отношения с Японией на «более высокий уровень» привели к мысли о создании Четверного англо-франко-русско-японского союза. Однако переговоры, происходившие по этому поводу в августе 1914 г., не завершились тогда практическим результатом. Японский буржуазный автор Т. Такеути отмечал, что идея заключения союзных договоров Японии с Россией и Францией встретила поддержку премьер-министра Окума и членов ГЭНРО; но вскоре выяснилось, что Япония не спешила брать на себя конкретных обязательств, рассчитывая воспользоваться занятостью европейских держав войной для установления своей гегемонии на Дальнем Востоке[8]. В известной мере этому помешало и скрытое, но весьма ощутимое противодействие со стороны Англии, считавшей, что оформление такого союза значительно принизит ее роль в дальневосточных делах, равно как и в антантовской коалиции в целом. Поэтому Грей занял в тот момент уклончивую позицию[9], сказавшуюся и на линии поведения японского министра иностранных для ярого англофила Като.

Предварительный зондаж и переговоры временно приостановились. Они снова возобновились примерно два месяца спустя. Тем временем на повестке дня оказался вопрос о привлечении японских войск на европейский театр военных действий. Это сделало достижение формального союза с Японией еще более актуальным, особенно для Франции. Вместе с тем этот вопрос в значительной мере затруднил и на какое-то время отодвинул оформление русско-японского союза. Идея привлечения японских войск в Европу принадлежала Сазонову, хотя с наибольшей горячностью за нее ухватилась французская дипломатия. Со стороны царского правительства этим преследовалась, очевидно, двоякая цель: во-первых, оказать экстренную помощь Франции, принявшей на себя в начале войны главный удар германской военной машины, и, во-вторых, обезопасить таким путем дальневосточные границы России. Кроме того, отвлечение японских сил на европейский театр войны позволило бы спокойнее перебро-

сить русские соединения из Сибири и с Дальнего Востока против Германии и Австро-Венгрии. Однако осуществление этого плана натолкнулось на упорное нежелание Японии пойти навстречу пожеланиям Франции и России, а отчасти и на противодействие Англии. Как информировал Бенкендорф, Грей видел в этом определенные «неудобства». В частности, он считал, что для доставки японских войск в Европу понадобилось бы «слишком много времени», и ограничился просьбой о присылке японской эскадры в Средиземное море[10].

Уловив, в чем состоял основной смысл стремления французского правительства к заключению четырехстороннего англо-франко-русско-японского союза с его прицелом на привлечение японских войск к участию в операциях против Германии на Западном фронте, и видя в этом «неудобное» для Японии обстоятельство, Малевский предпринимает попытку направить начавшийся диалог в русло русско-японских переговоров о подписании двусторонней политической конвенции. 8(21) ноября 1914 г. Малевский доносил Сазонову, что русские победы под Варшавой и в Галиции создают благоприятную обстановку для переговоров с Японией о заключении общеполитического соглашения. Момент представлялся послу благоприятным еще и тем, что в предстоявшую сессию парламента следовало ожидать обычного выступления оппозиционных партий против кабинета и особенно против японской дипломатии, «которую печатные органы этих партий упрекают в бездеятельности и угодливости англичанам». При этом Малевский высказал опасение, что промедление с этим делом может натолкнуть русскую дипломатию в Японии и Китае «на германскую интригу, вновь поднявшую голову после падения Циндао и прибытия сюда германских пленных»[11].

В сложившейся ситуации предложение Малевского не нашло тогда поддержки. В ответ ему была препровождена инструкция за подписью Сазонова, в которой говорилось, что русское правительство не оставляет мысли о заключении общеполитического соглашения с Японией на основе взаимной гарантии владений в Азии, однако считает, «что это должно явиться логическим последствием аналогичного соглашения нашего с Англией». Во всяком случае, подчеркивалось в инструкции, Россия не могла бы заключить его «без ведома английского правительства, которое в силу союзного договора с Японией должно быть осведомлено японским правительством о заключаемых им политических договорах. Между тем английское правительство предпочитает отложить обсуждение такого соглашения до конца войны, когда, очевидно, последует пересмотр англо-японского союзного договора, к которому мы могли бы в той или другой форме присоединиться»[12]. Тем не менее послу предписывалось более определенно выяснить, выражает ли японское правительство желание без промедления вступить в объяснения относительно общеполитического соглашения и как вообще смотрит оно на этот вопрос. При этом обращалось внимание на «деликатность» вопроса в связи с сущест-

вующими отношениями между Россией и Англией. Отвечая на полученный вопрос, Малевский сообщал, что он не вел разговоров на эту тему с министром иностранных дел Като, но со стороны японских общественных деятелей постоянно слышит намеки на желательность русско-японского союза. Следя за японской прессой, посол пришел к заключению, что стремление к союзу с Россией вызывается «некоторым разочарованием» в союзе с Англией[13].

Параллельно в этом направлении действовала, как уже отмечалось, и французская дипломатия, рассчитывавшая благодаря установлению более тесных политических отношений с Японией быстрее добиться привлечения ее войск к участию в операциях на Западном фронте. В последних числах ноября (ст. ст.) Извольский информировал Сазонова о том, что Делькассе несколько раз заговаривал с ним о желательности привлечь японские сухопутные силы к участию в войне на европейском театре. «...что дало бы в критическую минуту державам Согласия окончательный перевес над неприятелем». 27 ноября (10 декабря) Делькассе вновь напомнил об этом русскому послу и высказал мысль, что Россия, Франция и Англия могли бы совместно обратиться к японскому правительству с предложением в этом смысле. При этом руководитель французского внешнеполитического ведомства, как и солидарный с ним собеседник, полагал, «что подобная попытка могла бы увенчаться успехом, если Японии будет предложено войти в качестве равноправного члена в постоянный Четверной союз». Палеологу было поручено переговорить с Сазоновым по этому поводу[14].

Ознакомившись с этим сообщением, Николай II одобрил намечавшийся шаг союзнической дипломатии. В ответной телеграмме Сазонов указывал Извольскому, что «мысль о более тесном привлечении Японии к политическим связям нашим с Францией и Англией давно занимает нас». Отметив, что проект заключения тройственного англо-русско-японского соглашения в самом начале войны не получил поддержки Англии, предложившей отложить его реализацию до окончания войны, и учитывая, что вопрос о таком соглашении выдвигается и Делькассе в связи с желанием привлечь японские сухопутные силы на французский театр войны, Сазонов находил «естественным», чтобы французское правительство, генеральный штаб которого находится в постоянном тесном общении с английским, взяло на себя почин объяснений по этому поводу с лондонским кабинетом[15].

Делькассе принял это предложение и поручил своему послу в Лондоне Полю Камбону переговорить соответственно с главой Форин Оффис. Последний ответил, что он уже предпринял в Токио нужные шаги, но Като дал ответ в том смысле, что Япония, дескать, имеет на Востоке крупные интересы, нуждающиеся в защите. В силу этого, хотя японское правительство и сочувствует «более реальному сотрудничеству четырех держав», оно вынуждено тем не менее сохранять все свои военные силы на месте и не может взять на себя ответственность за снятие части войск со своего фронта[16]. Не считая для себя возможным повторно

обращаться к японскому правительству с тем же ходатайством, Грей предложил, чтобы русский и французский послы в Токио попытались «конфиденциально» переговорить с Като по интересующему их правительства предмету, посоветовав, однако, французскому послу воздержаться пока от такого шага[17]. Весьма доверительно Грей сказал Камбону, что среди мотивов, которые не позволяют Японии расстаться со своими войсками, один из самых важных имеет отношение к Соединенным Штатам. В Токио опасаются, говорил он, что, если японская армия будет удалена. «Калифорния» может воспользоваться этим моментом для введения некоторых антияпонских законов («их всегда следует опасаться, но их проведению мешает страх перед Японией»[18]). «Прогноз» Грея оказался обоснованным, хотя дело было, конечно, не в калифорнийских законах. Правящие круги Японии вынашивали иные планы.

В середине декабря Сазонов указывал Бенкендорфу, что «наступил благоприятный момент» для оформления политического соглашения между Россией, Францией, Англией и Японией: в пользу такого соглашения совершенно определенно высказывалось французское правительство, произошел сдвиг в этом вопросе и в позиции британского кабинета. Проект Делькассе, отмечал царский министр, помимо отправки японских войск на театр военных действий, имел в виду заключение политического соглашения, между державами Согласия и Японией. Высказавшись против новых шагов перед японским правительством, имеющих целью склонить его к посылке своих войск в Европу, сэр Грей, по-видимому, не нашел никаких возражений против заключения подобного соглашения и в «принципе относится к нему благоприятно»[19]. В то же время русский посол в Токио сообщал, что мысль о более тесном политическом соглашении между Россией и Японией «встречает в Японии поддержку в печати и в политических кругах». В свою очередь японский посол в Петрограде барон Мотоно в беседах с Сазоновым «несколько раз возвращался к этой теме, высказываясь за заключение политической конвенции между Россией, Англией и Японией»[20].

Развивая далее мысль о наступлении благоприятного момента, Сазонов отмечал, что, по его впечатлениям, в Японии озабочены возможностью германского реванша и уже теперь обсуждают политические комбинации, которые гарантировали бы от такой возможности. «По-видимому, — добавлял он, — там желают принять участие в комбинации, которая лишила бы Германию свободы действий»[21]. Именно такой комбинацией представлялся Сазонову Четверной союз в составе России, Франции, Англии и Японии. Министру иностранных дел казалось также вероятным, что японцы опасаются возможного расторжения их союза с Англией. Подобное развитие событий имело бы, по его мнению, пагубное влияние на их отношения с Соединенными Штатами, в особенности потому, что Германия могла воспользоваться этим для сближения с Вашингтоном, направленного против Японии, на что,

между прочим, обращали внимание министра и посол в Токио Малевский и посланник в Пекине Крупенский. Вместе с тем Сазонов указывал на преимущество Четверного союза перед двусторонним русско-японским политическим соглашением. Преимущество это виделось ему в том, что, позволив России сосредоточить все внимание на Европе, Четверной союз в отличие от двустороннего, «к которому, по-видимому, стремятся в Токио», устранял опасность «быть поставленными перед необходимостью поддерживать японскую политику, которая не согласовалась бы с французскими и английскими интересами»[22].

Предположение Сазонова относительно «благоприятного момента» не подтвердились. Неделей позже Бенкендорф сообщал, что в разговоре Грея с японским послом выяснилось: японское правительство «не считает настоящий момент подходящим для обсуждения вопроса о новых союзах»[23]. По мнению Грея, выяснение этого вопроса следовало бы поручить русскому послу в Токио Малевскому. В то же время Бьюкенен по поручению Грея заявил Сазонову, что он не настаивает на том, чтобы переговоры о политическом соглашении России, Англии и Японии были отложены до исхода войны, и полагает, что Сазонов мог бы взять на себя зондирование в этом направлении почвы у японского правительства через его посла в Петрограде барона Мотоно[24].

На большей активности союзной дипломатии в Токио настаивало французское правительство, по-прежнему акцентируя внимание на необходимости получения от Японии конкретной и более существенной военной помощи, и само пыталось действовать в этом направлении, не оставляя надежды на посылку японских войск на западный театр войны. Еще в первой декаде декабря (ст. ст.) французский посол в Токио получил задание выяснить частным образом возможность отправки в Европу японских экспедиционных сил. Ссылаясь на тяжелое положение на франко-бельгийском фронте, французский военный атташе Лапомареде в беседе с Малевским говорил, что для Жоффра было бы в высшей степени желательно, чтобы японцы послали в Европу 10—15 дивизий (численностью примерно в 150—200 тыс. человек) с полным снаряжением. Такая посылка представлялась Лапомареде практически осуществимой, тем более что Япония обладала весьма значительным торговым флотом и могла выделить на военные надобности «неограниченное количество транспортов»[25].

Вот почему, поддерживая идею заключения формального (Четверного) союза с Японией, французское правительство стремилось связать его прежде всего с возможностью получения от нее непосредственной военной помощи участием в боевых операциях и торопило петроградский и лондонский кабинеты с официальным выступлением в Токио по этому вопросу. 18 декабря Извольский сообщал Сазонову, что Делькассе вполне согласен с высказанными Сазоновым соображениями относительно предполагаемого союза. По его мнению, как японское правительство, так и японское общественное мнение постепенно склоняются к

мысли о военной кооперации с союзниками на европейском театре. Поэтому он считает желательным «ныне же обратиться от имени трех держав к японскому правительству с коллективным предложением о подобной кооперации»[26]. По этому вопросу французское правительство уже связалось с лондонским кабинетом; развивая те же доводы о происходящих переменах в настроении общественных и политических кругов Японии в пользу «военной кооперации», но не встретило поддержки с его стороны, так как подобных перемен в Форин Оффис не отмечали. К тому же англичане полагали, и замещавший Грея Холден прямо сказал об этом Бенкендорфу, что перевозка значительной армии морским путем «может натолкнуться на непреодолимые затруднения»[27].

Не встретив понимания в Лондоне, Делькассе адресуется в Петроград. 20 декабря (ст. ст.) Палеолог в присутствии Бьюкенена зачитал Сазонову телеграмму своего правительства, в которой также указывалось на «большую желательность» привлечения японских войск на французский театр. Разделяя озабоченность французского правительства, Сазонов тем не менее вынужден был констатировать, что на посылку японских войск в Европу трудно рассчитывать. К такому заключению он пришел в результате своих личных объяснений по этому предмету с бароном Мотоно и на основании сведений, полученных им от Малевского. Барон Мотоно дал ему ясно понять, «что о посылке японских войск на европейские театры войны не может быть и речи»[28]. Незадолго до этого и Малевский сообщал, что «почва (в Японии) для решения такого серьезного дела далеко еще не подготовлена»[29]. Возможно, резюмировал царский министр, это «могло бы устроиться, если бы союзники ныне же заключили формальный союз с Японией». Но такового пока нет. Поэтому было решено, что французское правительство через своего посла в Токио будет зондировать почву в Японии, чтобы определить, насколько предложение о посылке японских войск в Европу имеет шансы на успех. Натолкнуться же в этом случае на прямой отказ для союзников было бы тем более неудобно и невыгодно, что об этом, несомненно, стало бы известно германскому правительству[30], которое могло на этом основании заключить, что дела у держав Согласия складываются не лучшим образом.

Со своей стороны, Сазонов взялся переговорить с послом Мотоно относительно возможности общего политического соглашения России, Англии и Франции с Японией. Разговор этот состоялся в тот же день; Мотоно высказывался весьма сочувственно о расширении и укреплении политических связей Японии с державами Тройственного согласия и «сетовал на англичан за нежелание приступить ныне же к решению этого вопроса». На замечание Сазонова, что ныне Грей допускает возможность не ожидать для этого окончания войны, японский посол ответил, что для него это новый факт, облегчающий дело, но заметил, что союзы, не скрепленные общностью действий, остаются бумагой,

которую, как продемонстрировала Германия, можно легко разорвать. В этих словах явно сквозил намек на то, что одна из названных стран, а именно Англия, действует не совсем в духе такой «общности» и что Япония не может не претендовать на получение соответствующих компенсаций за свое участие в общем предприятии.

Кстати, примерно в это же время французский посол в Токио Реньо информировал свое правительство о том, что в Японии наблюдается «разочарование» в союзе с Англией, которая обвинялась «в предоставлении японцам служебной роли в настоящей войне». Просьба англичан о посылке японских войск в Европу, уведомлял Реньо, была отклонена токийским кабинетом, так как англичане не обещали за это японцам реальных выгод. Между тем последние считали себя вправе рассчитывать, что за военную помощь против Германии они получают определенные выгоды: равноправие Японии в деле промышленной эксплуатации Китая, финансовую помощь для японских промышленных предприятий и допуск японских эмигрантов в английские колонии. В Японии, добавлял Реньо, желают более тесного соглашения с Россией и думают, что Франция могла бы взять на себя улаживание отношений Японии и Англии[31].

Воспользовавшись замечанием японского посла о необходимости скрепления союзных договоров «общностью действий», Сазонов «ввиду желательности японской помощи французской армии» предложил дополнить предлагаемый Четверной союз военной конвенцией. Неделей позже (27 декабря) Мотоно известил Сазонова, что полученный им ответ из Токио приводит его к заключению: там «не дают себе отчета в серьезности политического момента в Европе» и заняты вопросом о сохранении или уходе кабинета графа Окума. Во всяком случае, зафиксировано со слов Мотоно в поденной записи, пока министром иностранных дел остается известный своими англофильскими тенденциями барон Като, «японское правительство будет держаться за союз с Англией. В одном все партии Японии согласны между собой: это — в желании установить более тесные отношения с Россией»[32]. Иными словами, идея Четверного союза была отклонена.

На этом, однако, не прекратилась дипломатическая канитель по поводу Четверного союза, отчетливо обнаружившая «игру в жмурки» английской дипломатии. В конце декабря (ст. ст.) по просьбе П. Камбона Грей провел совещание с французским и русским послами, на котором обсуждались условия более тесных политических отношений союзников с Японией и возможность ее участия в европейской войне[33]. Но и это не привело к практическим результатам, как ни старался французский представитель внушить, что «японское общественное мнение» и мнение влиятельных политических деятелей «становится значительно более благоприятным к проекту участия Японии в европейской войне».

Не высказывая категорических возражений против французского проекта, смущавшего англичан тем, что в одном из его

пунктов допускалась японская иммиграция в британские колонии, Грей пустился в рассуждения о том, что следует-де проводить различие между союзом только на время войны, который существует между Россией, Францией и Англией с момента подписания лондонского договора от 5 сентября 1914 г. и Четверным союзом, который должен быть постоянным после войны. Что касается первого, сказал Грей, то он немедленно осведомил японское правительство о подписании договора 5 сентября и в связи с этим поднял в Токио вопрос о постоянном Четверном союзе, к которому, как ему было известно, расположено русское правительство и в пользу которого он якобы высказался сам. Однако японский министр иностранных дел ответил тогда, что переговоры такого рода во время войны представляются ему затруднительными и что заключение мира явилось бы наиболее подходящим моментом, чтобы приступить к ним[34].

Ничего похожего, конечно, в связи с лондонской декларацией от 5 сентября английской дипломатией не предпринималось. Грей явно страдал слабостью памяти, как это не раз с ним случалось. Но на сей раз он заявил, что Великобритания придает самое большое значение свободе действий, которую приобрела бы Россия благодаря заключению державами Согласия союза с Японией на время войны. Однако поскольку Россия и Франция уже являются союзниками Англии на время войны, а последняя состоит в постоянном союзе с Японией, то оба этих договора, сопоставленные между собой, указывают на порядок вещей, который равносилен Четверному союзу на время войны и который предохраняет на это время Россию от опасности японской агрессии. Британский министр заявил также, что для него не составляет труда, если это представится желательным, выяснить совместно с Японией данный аспект, чего «было бы достаточно на время войны и позволило бы позаботиться впоследствии о заключении постоянного Четверного союза»[35]. На этом совещание было прервано.

Из сказанного можно было заключить, что в данный момент Грей «не сочувствовал» ни Четверному, ни русско-японскому союзу, дабы Англия по-прежнему оставалась «связующим звеном» между франко-русским и англо-японским союзами, извлекая из этого вполне очевидную политическую выгоду и занимая таким образом особую роль в антантовской коалиции: благодаря этому она имела возможность в случае необходимости оказывать определенное давление и на Россию, и на Японию, и на Францию.

Русский посол на указанном совещании, по существу, отмолчался, ограничившись заявлением о том, что он не имеет соответствующих инструкций и что присутствие японских войск на русском фронте, насколько ему известно, признается царским правительством нежелательным[36]. В тот же день в беседе с Бенкендорфом по тому же предмету, но уже без участия французского посла Грей на прямой вопрос, как он отнесся бы к заключению русско-японского союза, ответил, что он «не усматривает неудобств» в соглашении между Россией и Японией, но

отдает предпочтение Четверному союзу[37]. При этом британский министр заметил, что пока это только «самый предварительный ответ», так как он хотел бы еще подумать и, кроме того, считает более практичным обсудить данный вопрос совместно с Делькассе. «Как видите, — резюмировал Бенкендорф, — Грей долго распространялся о взаимоотношениях, которые создают оба договора для России и Японии (договор 5-го сентября 1914 г. и англо-японский союзный договор 1911 г. — *В. В.*). Лично он склоняется в пользу заключения после войны Тройственного союза. Так же благосклонно относится он и к Четверному союзу, но возможно, что он опасается, что трения между Японией и Соединенными Штатами не будут способствовать возобновлению англо-японского союза»[38].

Дело, таким образом, не только в Като и, может быть, не столько в нем. Приводные ремни находились в Лондоне, хотя в Токио далеко не всем приходилось это по вкусу. Грей не случайно уходил от прямого ответа, и не потому, что ему было «не до новых переговоров». Суть заключалась в том, что в данный момент он не хотел вносить каких-либо изменений в существовавшую систему союзов, дававшую Англии преимущественное положение перед своими партнерами и позволявшую ей в необходимых случаях поочередно противопоставлять одного другому, а главное, оказывать давление на Россию и в Европе и на Дальнем Востоке.

Тем настойчивее должна была действовать русская дипломатия, чтобы добиться изменения существующего положения. Помимо названных причин, а именно: более надежного обеспечения на время войны своего дальневосточного «тыла», получения более значительных поставок военных материалов и ослабления английского «посредничества» — к этому подталкивали и другие обстоятельства, о которых будет сказано ниже.

Поблагодарив Грея за его великодушное согласие выяснить позицию Японии по отношению к России и ее союзникам в настоящей войне, Сазонов вместе с тем подчеркивал: «Мы озабочены не столько этой позицией, сколько желанием узнать, можем ли мы рассчитывать на участие Японии в политической комбинации, которую мы считаем необходимым создать после войны в целях обезвреживания Германии. Вот почему, разделяя мысль о постоянном союзе в этих целях между Россией, Францией и Англией (выдвинутую и отстаиваемую русской дипломатией), мы считаем существенным, чтобы Япония вошла в него»[39]. Принимая «к сведению» заверение Грея в том, что он «не теряет из вида» мысль об образовании Четверного союза, и соглашаясь отложить «на более позднее время» переговоры о таком союзе, если французское правительство так же, как и английское, находит это целесообразным, Сазонов в то же время твердо заявил, что царское правительство будет продолжать, «если к этому представится случай», обмениваться взглядами с японским правительством относительно более тесного сближения между Россией

и Японией, держа союзников в курсе своих переговоров по этому поводу.

Сазонову, однако, тут же напомнили, что торопиться не следует. В памятной записке английского посольства, переданной министру 4 (17) января 1915 г., указывалось, что японский посол в Лондоне уведомил сэра Грея о том, что японский министр иностранных дел «согласен с тем, что нецелесообразно, пока продолжается война, вступать в переговоры об условиях постоянного союза, хотя он и придает большое значение сохранению солидарности четырех союзников»[40]. Как бы в подкрепление такой позиции в записке лишний раз обращалось внимание на взаимосвязь между англо-японским союзом и союзом, скрепленным Англией, Францией и Россией в Лондоне 5 сентября 1914 г. Поскольку Англия является в настоящее время участницей союза, подписанного 5 сентября (23 августа) прошлого года, не в первый раз говорилось в посольском документе, то и Япония, согласно 2-й статье англо-японского договора, находится в том же положении, что и Англия, в вопросе ведения войны и заключения общего мира, как если бы она (Япония) присоединилась к сентябрьскому договору.

Из цитированного текста памятной записки нетрудно заключить, кому с кем пришлось соглашаться относительно «нецелесообразности» затевать во время войны переговоры об условиях «постоянного союза»: Грею с японским министром Като или, наоборот, Като с Греем. Однако чинимые английской дипломатией помехи не могли приостановить определившуюся тенденцию в русско-японских отношениях. В первых числах января 1915 г. Малевский-Малевич информировал Сазонова о том, что среди политических и деловых кругов Японии наблюдается всевозрастающее стремление к сближению с Россией. «Раздававшиеся в японской прессе с начала нынешней войны голоса о необходимости русско-японского союза, — отмечал посол, — сделались в настоящее время столь „общим местом", что едва ли найдется во всей японской современной печати один орган, который не обсуждал бы этого вопроса от времени до времени. При полном молчании правительственных сфер японское общественное мнение составило себе вполне определенный взгляд на этот счет». Мысль о русско-японском союзе, продолжал Малевский, приобретает здесь все большее распространение. Весьма примечательно, что японское правительство, и в частности министерство иностранных дел, «ничем не поощряли до сих пор проявление такого взгляда ... Несмотря на это, сочувствие к тесному единению между обеими соседними державами сделалось чрезвычайно популярным»[41].

В качестве иллюстрации посол сослался на один из наиболее распространенных в Японии ежемесячных журналов — «Таймс», посвятивший почти весь свой политический отдел январского выпуска вопросу заключения русско-японского союза. Помещенные в этом разделе статьи принадлежали, по словам Малевского, выдающимся деятелям государственной и общественной жизни Японии. Среди них — бывший министр путей сообщения Нака-

сиодзи, аттестованный послом как «сотрудник» барона Симпэя Гото, одного из влиятельных членов японского кабинета; известный финансист Соеда, бывший одно время товарищем министра финансов и председателем Промышленного банка Японии; глава парламентской партии «кокуминто» и бессменный член нижней палаты Инукай, «на которого здесь смотрят как на вождя оппозиции и будущего премьера»; лидер правительственной партии «досикай» Симада, также бессменный член нижней палаты и автор многочисленных статей по истории и политике, и ряд других деятелей, в том числе предположительно и бывший военный министр Уехара. Все перечисленные статьи, комментировал Малевский, содержат весьма интересные соображения в пользу тесного сближения России с Японией[42].

Месяцем позже, 9(22 февраля) 1915 г., Малевский вновь сообщал в одном из своих донесений о том, что «Россия никогда не имела здесь (в Токио. — *В. В.*) такой хорошей прессы», и о весьма сочувственном отношении общественного мнения Японии к вопросу о русско-японском сближении, а также о «проявлении некоторого неудовольствия англо-японским союзом, что особенно стало заметно с начала японо-китайских переговоров» в связи с известным «21 требованием Японии к Китаю»[43]. Посол отмечал, что пресса «обвиняет английского посланника в Пекине в противодействии японской политике на упомянутых переговорах. Однако до их окончания «едва ли можно ожидать со стороны Японии какого-либо определенного шага в возникшем предварительном обмене мнений о заключении (с Россией. — *В. В.*) общеполитического соглашения»[44].

В русской прессе также стали появляться статьи о желательности установления союзных отношений между Россией и Японией. Правда, в политических кругах Петрограда раздавались отдельные голоса против форсирования оформления постоянного русско-японского союза, но они не имели особого резонанса и не повлияли на проведение правительственного курса. В феврале 1915 г. член Государственного совета бывший приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер в записке на имя председателя Совета министров Горемыкина предлагал «в интересах России уклониться от переговоров о союзе, если бы они были возбуждены Японией, впредь до возвращения новых войск на Дальний Восток и занятия нами там твердого положения в военном отношении»[45]. Унтербергер высказывал опасения, как бы Япония не воспользовалась в ущерб русским интересам европейской войной и отвлечением внимания России от восточной части Азиатского материка, где Страна восходящего солнца добивается постепенно намеченных ею политических и экономических целей с «настойчивостью и железной энергией».

Переданная на заключение в Министерство иностранных дел записка Унтербергера подверглась весьма критическому разбору: суждения ее автора были решительно отвергнуты как некомпетентные. В письме Горемыкину от 23 февраля 1915 г. Сазонов

подчеркивал: «Чтобы закрепить за собою результаты происходящей ныне войны, нам еще надолго потребуется обратить на запад наши силы и внимание. На Дальнем Востоке в ближайшие годы, а может быть и десятилетия, нам предстоит искать дружбы и мира с нашими соседями, и, конечно, прежде всего с сильнейшим из них — с Японией. Вот почему я полагаю, что нам не следует отталкивать эту державу и, если бы она пожелала войти с нами в более близкие отношения, пойти навстречу такому стремлению. Во что могло бы вылиться наше дальнейшее сближение, пока затруднительно сказать. Едва ли могла бы быть речь об оборонительном и наступательном русско-японском союзе»[46].

Между тем именно к этому были устремлены помыслы царского министра, надеявшегося благодаря такому союзу ограничить, насколько возможно, английское и иное «присутствие» в Восточной Азии и понадежнее «размежеваться» с динамичным тихоокеанским соседом. «Я не сомневаюсь, — заявил он в указанном письме, — что, если вопрос об установлении между Россией и Японией более тесных политических отношений будет перенесен в область сношений между правительствами, на что, однако, пока нет указаний, почвой для такого сближения могут быть только китайские дела». Разграничение же русско-японских интересов на Дальнем Востоке представлялось Сазонову вполне разрешимой задачей[47]. Однако вопрос об установлении между Россией и Японией более тесных политических отношений, как отмечалось в том же письме, обсуждался пока лишь на газетных столбцах и еще не был перенесен в область сношений между правительствами. Но подготовка к этому продолжалась.

В начале 1915 г. определенный сдвиг произошел и в позиции британского правительства в отношении русско-японского сближения. С английской точки зрения, телеграфировал Бенкендорф Сазонову 23 января (5 февраля) 1915 г., Грей «не видит в этом никакого неудобства, скорее наоборот»[48]. На фоне углублявшегося военно-политического сотрудничества держав Антанты (соглашений о будущих территориальных разделах и иных совместных решений) дальнейшие возражения британского правительства против поддерживаемого Францией русско-японского сближения до уровня формального союза, в том числе и Четверного, рассчитанного на длительную перспективу, находили все меньше объяснений и могли лишь осложнить англо-русские отношения, неблагоприятно сказавшись на совместных действиях против Германии, чего опасались в Лондоне не меньше, чем в Париже. Тем более что в русской прессе, как и в японской, все чаще и настойчивее становились выступления в пользу установления союзных отношений между Россией и Японией.

К этому подталкивали Россию, как, впрочем, и ее западных союзников, и другие обстоятельства, а именно попытки Германии привлечь Японию на свою сторону. Еще 11 января 1915 г. русский посланник в Пекине Крупенский уведомлял Сазонова о том, что прибывший туда на днях новый германский посланник

Гинце, «успевший, как уверяют, тайно приехать из Мексики в Германию для получения инструкций своего правительства», встретился с корреспондентом японской газеты «Асахи шимбун» и высказался в пользу заключения союза между Германией и Японией, заявив, что «Германия, которая, несомненно, выйдет из войны победительницей, будет затем исключительно занята установлением своей гегемонии в Европе и предоставит Японии полную свободу действий на Дальнем Востоке, особенно против России»[49]. Гинце, однако, был не первым эмиссаром, подбросившим японским политикам эту приманку. Еще до его приезда германский поверенный в делах в Китае «под предлогом личных дел» посетил японского посланника в Пекине Хиоки и высказался в том же смысле, хотя и менее определенно, давая при этом понять, что не излагает свое собственное мнение, а является «выразителем образа мыслей самого императора Вильгельма». «На мой вопрос, что он думает о таком выступлении немцев, — отмечал Крупенский, — японский посланник, сообщивший мне все вышеизложенное, ответил, что, по его мнению, шаг этот объясняется тем, что Германия весьма опасается отправления японских войск для действия против нее в Европе»[50].

И в последующие месяцы германская дипломатия пыталась соблазнить Японию обещанием предоставления ей по окончании войны свободы рук на Дальнем Востоке, втянув некоторых ее официальных представителей в интриги вокруг сепаратного мира. Так, в марте посланника Хиоки посетил представитель германского телеграфного агентства доктор Криге, развивавший перед собеседником уже знакомый тому «образ мыслей» кайзера[51]. Ту же приманку подбрасывал японцам через китайских «посредников» первый секретарь германской миссии в Пекине барон фон Мальтцан, уверяя, что после войны «Германия будет готова сблизиться с Японией, рассчитывая найти в ней союзника против России». Последнее, доносил Крупенский, представляется немцам тем более вероятным, что они убеждены в намерении Японии в ближайшем будущем порвать свои союзнические отношения с Англией, «не сочувствующей ее честолюбивым планам»[52]. Слова барона фон Мальтцана, заключал царский посланник, являются подтверждением того, что Германия «готова купить дружбу Японии ценой предоставления ей полной свободы действий на Дальнем Востоке, т. е. прежде всего в самом Китае». Это указывало так же «на двойную игру Германии и на лживость ее уверений в дружбе к Китаю», ибо здесь явственно обнаруживалось стремление германской дипломатии еще больше обострить японо-китайские отношения, подогреть противоречия держав Антанты на Дальнем Востоке.

И позже, наблюдая за развитием политической обстановки на Дальнем Востоке и указывая на бреши в англо-японском союзе, на отсутствие в нем «прочности и искренности», Крупенский считал необходимым не терять из виду этого обстоятельства, которое, по его мнению, легко могло привести по окончании

войны к сближению между Японией и Германией, «уже делающей в этом направлении недвусмысленные авансы»[53].

Другой заход с тем же прицелом германская дипломатия делала в Швеции. 4(17) марта 1915 г. японский посланник в Стокгольме Уцида информировал свое правительство, что Германия не питает особой вражды по отношению к Японии, о чем сообщил ему на днях тамошний турецкий посланник, и согласна в случае надлежащей компенсации за захваченный Японией Циндао предоставить ей по окончании войны капиталы «для осуществления различных предприятий, проектируемых Японией в Китае»[54]. Спустя три недели (25 марта) тот же Уцида телеграфировал японскому послу в Петрограде для передачи в Токио о том, что 5 апреля по приглашению австрийского посланника он имел с ним секретную встречу в турецкой миссии, где ему было заявлено о готовности Германии заключить сепаратный мир с Японией. При этом австрийский посланник сказал, что, если бы Япония пожелала теперь вступить в секретные переговоры о мире с германским правительством, он уведомил бы об этом, «кого следует»; если бы Япония начала мирные переговоры, то и остальные державы последовали бы этому примеру и был бы открыт путь для восстановления мира в Европе. Ответ Уцида сводился к тому, что его правительство, согласно англо-японскому договору, не может заключить сепаратного мира и что оно совместно с Англией начнет мирные переговоры лишь тогда, «когда и в Европе удастся побороть противника». «Я вынес впечатление, — заключал японский дипломат, — что австрийский посланник домогался свидания со мной по просьбе германского посланника»[55].

Опасаясь, что данной встречей официального лица с представителями вражеской коалиции «можно воспользоваться» во вред Японии, барон Като дал указание своим послам в Петрограде, Лондоне, Париже и Вашингтоне немедленно конфиденциальным образом сообщить в Министерство иностранных дел страны пребывания об этом факте и, кроме того, сделать заявление, что, хотя Уцида дал ответ на сделанное предложение «по собственному усмотрению», японское правительство «вполне одобряет его образ действия»[56]. Одновременно с этим указанием посол сообщал также полный текст телеграммы Уцида о его встрече с австрийским посланником[57]. 2 апреля японский посол в Петрограде барон Мотоно в соответствии с полученным предписанием конфиденциально сообщил Сазонову об австро-германском зондаже в Стокгольме и о реакции на него японского правительства. Поблагодарив посла за «любезное сообщение», Сазонов выразил надежду, что оно сделано отнюдь не с целью «дать знать о желании Германии заключить мир с Японией». Если бы речь шла о сепаратном мире союзников с Австрией, говорил Сазонов, русское правительство не стало бы особенно противиться. Однако при сложившейся ситуации трудно предположить, что Германия и Австро-Венгрия «заключат мир на тех условиях, которые им ставятся»[58].

Нельзя избавиться от впечатления, что, охотно соглашаясь на беседы относительно «сближения» с Германией, японские представители занимались скрытым шантажом союзников, вымогая у них различные уступки. Как бы то ни было, полученная из разных источников информация об активизации германской дипломатии с целью «обхаживания» Японии служила лишним указанием на необходимость «преобразования» русско-японской «солидарности» в войне против Германии в подлинно союзнические отношения, ориентированные и на послевоенный период. Союзный договор сулил, как представлялось, расширение военного сотрудничества, открывал бóльшие возможности для размещения в Японии заказов на вооружение и боеприпасы, получения необходимых кредитов на их оплату. С политической точки зрения он ограничивал бы стеснительную для России дирижерскую роль Англии в делах Дальневосточного региона, в том числе в непосредственных отношениях России с ее тихоокеанским соседом. Такой договор превращал бы Японию из союзника «на время войны» в союзника на более длительную перспективу, соответствовал бы и содействовал политике «дальнего прицела».

Ухудшение обстановки на русско-германском фронте весной и летом 1915 г. должно было усилить заботы царского правительства об укреплении безопасности дальневосточных границ страны путем достижения прочного политического соглашения с наиболее «своенравным» восточным соседом. Выступая на «юбилейной» сессии Государственной думы, открывшейся в годовщину начала войны, Сазонов, дав положительную оценку состоянию русско-японских отношений и отметив «весьма существенные услуги», которые Япония оказала России и ее партнерам по коалиции в борьбе с неприятелем, заявил: «Истекшие со времени Портсмутского договора 10 лет доказали, что мирное сожительство России и Японии вполне возможно и обоюдно для них выгодно. Нынешние наши фактически союзные отношения с Японией должны явиться преддверием еще более тесного единения»[59]. Депутаты Думы встретили это заявление бурными аплодисментами, адресованными также находившемуся в ложе дипломатического корпуса японскому послу барону Ичиро Мотоно. В последнее время, продолжал министр, японская печать обсуждает вопрос о желательности тесного политического единения между Россией и Японией. Эта мысль встретила сочувственный отклик и в русской прессе.

10(23) августа японский посол в Париже барон Исии, осведомленный уже о предстоящем назначении его министром иностранных дел, в беседе с Извольским говорил последнему о своем намерении всячески содействовать «тесному сближению» Японии с Россией. На встрече с Делькассе будущий руководитель японского внешнеполитического ведомства отмечал, что «как общественное мнение Японии, так и японские государственные люди желают самого тесного сближения с Россией»[60]. В первых числах сентября упоминавшийся уже барон Гото, находившийся

в близких отношениях с маршалом князем Ямагата, посетил Малевского, заявив ему, что по прибытии в Токио нового министра иностранных дел Исии правительство приступит к обсуждению вопроса о заключении русско-японского союзного договора[61]. Нельзя не отметить, что правительство молодого повелителя Японии императора Иосихито предпочитало в тот момент, чтобы инициатива заключения русско-японского союза исходила от петроградского кабинета. В беседе с английским послом Грином, а затем с послами Англии, Франции и России премьер-министр Японии граф Окума высказывался в том смысле, что русское императорское правительство может возбудить вопрос о заключении союзного договора с Японией в любое время[62].

Провал планов германского командования нанести России сокрушительное поражение и вывести ее из войны рассеял сомнения Токио относительно своевременности переговоров о заключении формального прямого союза с соседним колоссом. Японское императорское правительство и само стало обнаруживать стремление к достижению тесного политического соглашения с Россией. Этому содействовало также некоторое «похолодание» в англо-японских отношениях, вызванное «дипломатическим успехом» Японии в Китае, и обострение японо-американских отношений из-за угрозы со стороны Японии принципу «открытых дверей». В конце ноября 1915 г. Николай II принял решение о посылке в Японию великого князя Георгия Михайловича со специальной миссией поздравить молодого японского императора по случаю его коронации и поблагодарить японское правительство за оказанную России помощь в снабжении ее вооружением и боеприпасами[63]. Этим жестом рассчитывали оказать «знак особого внимания к Японии», содействуя тем самым установлению «еще лучших отношений с недавним врагом, а ныне союзником», и создать почву для более успешного ведения переговоров о поставках ею предметов военного снаряжения, вооружения и боеприпасов[64]. Оказалось, что и начальник штаба Ставки генерал Алексеев «давно мечтал о такой миссии» и еще раньше намекал об этом царю[65].

О принятом в Ставке решении Сазонову было сообщено директором дипломатической канцелярии при Ставке князем Кудашевым. Допуская возможность неудачного исхода означенной миссии в том, что касалось приобретения у японского правительства значительного количества оружия, Сазонов, со своей стороны, находил, что оказываемая японскому императорскому дому любезность, несомненно, усилит «сочувственные России течения в Японии», чем можно будет воспользоваться как в деле снабжения армии оружием, так и в политических вопросах, имея в виду и отношение японского правительства к борьбе с германским влиянием в Китае[66]. Со своей стороны, Малевский-Малевич в телеграмме Сазонову от 4 декабря подтверждал, что «приезд вел. князя будет, несомненно, приветствован здесь как радостное событие, закрепляющее дружественные между обеими державами отношения»[67].

В середине декабря 1915 г. великий князь Георгий Михайлович в сопровождении японского военного представителя при царской Ставке генерала Накасима и начальника дальневосточного отдела Министерства иностранных дел Г. А. Казакова отбыл в Японию[68]. Последний был прикомандирован к свите великого князя на случай ведения политических переговоров, но «без того, чтобы таковым был придан слишком официальный характер»[69]. Однако с самого начала пребывания миссии в Японии переговоры приобрели преимущественно политический характер, о чем свидетельствуют донесения и отчет Казакова. В этом духе писали о ней и токийские газеты. Из первых же своих бесед с представителем японского МИДа, отмечал Казаков, он вынес впечатление, что его приезду в Японию «придают значение политической миссии». Поэтому он сразу же, хотя и «вкратце», ввел своего собеседника в курс данного ему поручения, состоявшего в том, чтобы «ознакомить японских государственных людей» со взглядами русского правительства «на будущие отношения России и Японии и на необходимость для них солидарного действия, направленного против внедрения Германии в Китае»[70].

Русской миссии был оказан подчеркнуто торжественный прием. Для встречи и сопровождения царских посланцев в Корею прибыли бывший японский военный министр граф Тераути, занявший несколько позже пост премьер-министра, и представитель японского МИДа посланник в Мексике Адаци (с последним Казаков был близок в бытность его секретарем посольства в Токио). С ними и начался предварительный обмен мнениями об установлении между Россией и Японией более тесных политических контактов.

Обосновывая необходимость и целесообразность тесного политического сотрудничества двух стран, Казаков в откровенной и доверительной беседе «с глазу на глаз» с графом Тераути, в частности, заявил: «Как бы ни окончилась настоящая война, Европа будет долго разделена на два лагеря: в одном будут германские государства, в другом — прочие великие державы Европы. Мы хотели бы видеть Японию в нашем лагере и думаем, что это выгодно для нее, ибо Германия составляет и для Японии опасность в Китае»[71]. При этом Казаков, явно по рекомендации Сазонова, рассказал своему собеседнику, а затем и министру иностранных дел барону Исии о том, что еще в мае 1912 г., во время трехдневного свидания с Николаем II в Балтийском порте, Вильгельм II указывал Сазонову на Японию как на врага России и советовал русскому правительству совместно с Германией развивать и укреплять Китай в качестве противовеса Японии[72]. Этот рассказ должен был убедительнее показать японским государственным деятелям двуличие германской дипломатии, ее стремление не только вновь столкнуть Россию с Японией, переключив все внимание русской политики в Восточную Азию, но и подсказать возможность использовать в этом столкновении вооруженный Китай, избранный японским империализмом в качестве ближайшего объекта колонизации.

Казаков привел и другие факты, указывавшие «на преследуемую германским правительством на Дальнем Востоке цель сделать Китай орудием своей политики», подчеркнув, что противодействие замыслам кайзера столь же необходимо для Японии, как и для России, и для этого они должны объединить свои усилия. Став союзниками, Россия и Япония «могли бы рассчитывать и на некоторые взаимные услуги». Русское правительство, например, хотело бы получить от японского некоторые предметы военного снабжения. До сих пор, деликатно посетовал дипломат, японское правительство уступало России вооружение устаревших образцов или лишнее, но не трогало запасов, необходимых для мобилизации японской армии. Для союзников же (т. е. с подписанием союзного договора с Россией) оно могло бы передать и оружие, составляющее боевое оснащение его собственной армии, «утрата которого в данном случае была бы равнозначна израсходованию его на полях битв против общего врага». Делался намек и относительно «каких-либо компенсаций» японскому правительству, например, уступки ему ветки Китайско-Восточной железной дороги, находящейся в японской сфере влияния, или компенсаций в других областях, «не затрагивающих суверенных и территориальных прав России»[73].

Граф Тераути, отмечал в своем отчете царский дипломат, выразил полное сочувствие изложенным по поручению Сазонова соображениям и, со своей стороны, обещал «самую энергичную поддержку как перед старейшими государственными деятелями (генро), так и перед кабинетом». Вместе с тем он заметил, что в Японии имеются сторонники Англии, которые «боятся сближения с Россией»[74]. На это гость из Петрограда возразил: ему непонятны подобные опасения, так как «это сближение только укрепило бы англо-японский союз, ибо если бы Россия сделалась союзницей Англии и Японии, эти державы должны были бы держаться друг друга и искать разграничения там, где их интересы сталкиваются в Китае»[75].

Встретившись затем с бароном Исии, Казаков «развил перед ним те же мысли, что и в разговоре с графом Тераути», подчеркнув, что он повторяет лишь то, что уже неоднократно говорилось Сазоновым японскому послу в Петрограде. Японский министр иностранных дел сказал, что разделяет мнение царского министра и постарается дать ответ до отъезда посланцев русского монарха из Токио. Тем временем Исии пытался через Адаци выяснить, согласно ли русское правительство уступить Японии всю южную ветку Китайско-Восточной железной дороги или же только часть ее, лежащую в японской сфере влияния. Казаков уточнил, что в объяснениях с бароном Мотоно речь шла только о той части этой ветки, которая расположена к югу от Сунгари, «где ее присутствие...может представлять для японцев некоторые неудобства»[76].

Перед отъездом миссии из Токио, 7 января 1916 г., барон Исии пригласил к себе Казакова и еще раз подтвердил, что

разделяет мнение Сазонова о необходимости не допустить водворения Германии в Китае и будет действовать заодно с Россией[77]. Что же касается уступки России большого количества оружия, то и сам премьер, и барон Исии заверяли русских представителей, что они желают этого и работают в данном направлении, но встречают противодействие среди членов верховного совета, «которые думают лишь о боеготовности японской армии и не хотят считаться с интересами иностранной политики, не соблазняясь даже перспективой политических компенсаций».

Уже на обратном пути из Токио, в Сеуле, граф Тераути в присутствии Адаци сообщил Казакову, что в императорском дворце состоялся совет генро, одобривший идею русско-японского сближения и высказавшийся в том смысле, что никакая смена кабинета в Японии не должна помешать проведению этого курса[78]. Характерно, однако, что приняв это решение, японские официальные круги продолжали сверять свои шаги с позицией английского руководства. Последнее между тем не переставало внимательно приглядывать за тем, как продвигается столь важная политико-дипломатическая акция между Петроградом и Токио. 12(25) января 1916 г. посол Великобритании Грин телеграфировал Грею, что в разговоре с бароном Исии он спросил, затрагивал ли в беседах с ним Казаков «вопрос о возможности русско-японского союза, о котором много пишут в японских газетах». В ответ министр иностранных дел сказал, что отношения между обеими странами «носят теперь сердечный характер», но что мысль о таком союзе в настоящий момент не находилась в центре внимания. «Если бы этот союз действительно стал предметом обсуждения, — успокоил Исии своего собеседника, — то это никоим образом не противоречило бы англо-японскому союзу, который является основным рычагом японской политики». Кроме того, добавил министр, японское правительство не приступит «ни к каким действиям без предварительного обсуждения с правительством его величества»[79—80].

Заверения эти, к слову сказать, не много стоили. Поездка представителя дома Романовых ускорила начало переговоров о заключении русско-японского союзного договора. 1(14) февраля 1916 г. барон Исии телеграфировал своему послу в Петрограде о том, что японское императорское правительство, «принимая во внимание предложение русского правительства относительно сближения между Японией и Россией», подтвержденное во время миссии великого князя через представителя российского МИДа Казакова, подвергло обсуждению политику Японии, в том числе на послевоенный период, и пришло к выводу, что «назрел вопрос о заключении официального договора, которым могли бы быть выражены особенно дружественные отношения между этими двумя государствами»[81]. «Высочайшая санкция» японского императора для начала соответствующих переговоров должна была последовать днем позже, после чего Исии намеревался без промедления направить барону Мотоно подробные инструкции.

5 февраля 1916 г. Мотоно вручил Сазонову памятную записку, содержавшую официальное предложение японского кабинета вступить в переговоры о заключении русско-японского союзного договора, но предварявшую их рядом условий относительно некоторых нежелательных, с его точки зрения, моментов в русско-японских отношениях. (Речь шла о «некоторых мерах, принятых Россией в отношении таможенных пошлин на Дальнем Востоке», и «некоторых нововведениях ограничительного характера, касающихся режима рыболовства Японии в русских водах», мерах, нанесших якобы большой ущерб японским купцам и рыбопромышленникам).

Сославшись на дружественную по отношению к России политику, гарантировавшую безопасность ее дальневосточных границ и позволившую сконцентрировать все силы в Европе, на поставки ей оружия и боеприпасов «даже в ущерб своей национальной безопасности», а также финансовую помощь (выпуск на японском валютном рынке русских казначейских бон), японское правительство потребовало понижения таможенных пошлин, снятия ограничительных мер в отношении японского рыбного промысла в русских территориальных водах Дальнего Востока, уступки Японии участка КВЖД от Харбина до Чаньчуня «на подходящих условиях». Последнее мотивировалось тем, что большая часть этого участка находится в японской сфере влияния и потому сохранение его за компанией КВЖД «является, конечно, аномалией, которая должна рано или поздно исчезнуть»[82]. Если бы все это было урегулировано к обоюдному удовлетворению, «недоверие японского народа по отношению к России было бы совершенно рассеяно и... военные власти могли бы найти способ удовлетворить до некоторой степени желание России в вопросе о снабжении ее оружием». В заключение этого весьма своеобразного документа заявлялось, что, если царское правительство согласится на изложенные «просьбы», «императорское правительство Японии будет вполне расположено обсудить и заключить с Россией союзный договор, мысль о котором часто выдвигалась русским правительством»[83].

Приведенная памятная записка положила начало официальным переговорам между Японией и Россией о заключении союзного договора. Они велись параллельно в Петрограде и Токио и имели цель «вписать» проектируемый русско-японский союз в систему уже существовавших военно-политических союзов этих стран с Англией и Францией. В памятной записке российского Министерства иностранных дел, переданной японскому посольству 5 марта, по этому поводу заявлялось: «Намечая линии русско-японского союза, представляется совершенно необходимым приблизить их к политической системе, основанной на существующих договорах, и учесть группировку держав, которая должна создаться в результате теперешней войны»[84]. Из той же посылки исходило и японское правительство, хотя речь шла, разумеется, не только о том, как наилучшим

образом приспособить планируемый союз к системе существующих союзов, но и о том, как придать ему по возможности более самостоятельное значение.

8 марта барону Мотоно были вручены проекты двух конвенций — «явной», предназначенной для всеобщего сведения, и секретной, в которых отразились обе эти «линии»[85]. Проекты легли в основу союзного договора, подписанного 20 июня (3 июля) 1916 г., точнее, двух договоров — договора открытого, подлежавшего опубликованию, и секретного. Первый предусматривал (статья 1-я) взаимное обязательство не принимать участия ни в каких соглашениях или политических комбинациях, направленных против одной из договаривающихся сторон. Статья 2-я гласила: в случае если территориальные права или особые интересы одной из договаривающихся сторон на Дальнем Востоке, признанные другой стороной, окажутся в опасности, Россия и Япония будут совещаться между собой относительно мер, которые необходимо будет принять для взаимной поддержки и сотрудничества, а также для защиты этих прав и интересов[86].

Секретный договор, подписанный на пять лет[87], состоял из следующих основных статей: 1. Обе стороны признавали: их «жизненные интересы» требуют, чтобы Китай не подпадал под владычество какой-либо третьей державы, враждебной России или Японии; в случае возникновения подобной угрозы они обязывались принимать совместные меры противодействия. 2. Если вследствие мер, принятых по взаимному согласию в соответствии со статьей 1-й, одна из сторон окажется втянутой в войну, другая сторона по просьбе своей союзницы должна прийти ей на помощь и не заключать мира без предварительного соглашения с другой стороной. 3. Предусматривалось заключение между Россией и Японией военной конвенции. 4. Ни одна из договаривающихся сторон не обязана оказывать вооруженную помощь другой стороне, не обеспечив себе со стороны своих союзников помощи, соответствующей серьезности угрожающего конфликта[88]. Договор не допускал, однако, возможности нейтралитета одной из сторон, если бы другая сторона оказалась втянутой в конфликт. Симптоматично, что в нем не упоминалось об обязательствах Японии по договорам и соглашениям с Англией и Францией, которые содержались в проекте 1914 г. Правда, по взаимному соглашению содержание предусмотренной договором секретной военной конвенции Япония должна была сообщить Англии, а Россия — Франции [89].

В ходе переговоров представители России добивались включения в текст секретного договора статьи, которая обязывала обе стороны не заключать никаких политических соглашений («никакого договора, конвенции или политического соглашения») с другими государствами относительно внутреннего Китая без предварительного обмена мнений между собою. Однако японская сторона настояла на отклонении такой статьи под

предлогом, что аналогичного обязательства нет в англо-японском договоре [90].

Оценивая значение русско-японского союзного договора, следует признать, что он, несомненно, содействовал упрочению антантовской коалиции и служил интересам ее противоборства с германским блоком. Этот важный дипломатический и политический акт свидетельствовал о провале попыток Германии отколоть Японию от держав Согласия и вовлечь ее в союз, нацеленный прежде всего против России. В союзной прессе не без основания отмечалось, что договор России с Японией является связующим звеном между франко-русским и англо-японским союзами, укрепляющим антигерманскую коалицию. Благодаря этому договору Россия приобретала бóльшую уверенность за безопасность своих дальневосточных границ и получала возможность сосредоточить все свои наличные силы, за исключением незначительных контингентов, на австро-германском и турецком фронтах. По мнению лондонской «Таймс», новый договор устранял возможность сепаратного мира Германии с Россией и Японией [91]. Японский министр иностранных дел Исии приписывал себе заслугу заключения договора. По его словам, подписанием союзного договора с царской Россией Япония «не допустила» заключения ею сепаратного мира с Германией [92], хотя в Петрограде не меньше опасались, как бы Япония не пошла на сепаратный сговор с Германией и Австро-Венгрией.

Русская «патриотическая» пресса приветствовала заключение союза с «важным дальневосточным соседом». Сторонники буржуазно-помещичьей оппозиции видели в этом свидетельство поражения прогерманских сил. Несколько более сдержанными были отклики в среде крайних консерваторов. Не отвергая договора в принципе, они полагали вместе с тем, что было бы целесообразнее отложить его заключение на послевоенное время, когда Россия по достижении победы могла бы занять менее податливую по отношению к японским запросам позицию.

Разумеется, русско-японский союзный договор имел и другие аспекты, помимо «сиюминутных» выгод, поскольку был рассчитан на длительную перспективу, по крайней мере на ближайшие послевоенные годы. В этом разрезе он был направлен не только против Германии, но отчасти и против Англии, стремившейся утвердить свою гегемонию в Китае. Оценивая характер русско-японских отношений, В. И. Ленин писал: «...между Россией и Японией, в дополнение к их прежним договорам... заключен уже во время теперешней войны новый тайный договор, направленный не только против Китая, но до известной степени и против Англии. Это несомненно, хотя текст договора неизвестен. Япония при помощи Англии побила в 1904—1905 году Россию и теперь осторожно подготовляет возможность при помощи России побить Англию» [93]. Такой же шанс искала, очевидно, и царская Россия, дабы «при помощи Японии повернуть против Англии» [94].

Правящие круги Великобритании вполне сознавали, что Япония будет использовать союз с Россией для расширения своего влияния в Восточной Азии, в первую очередь в Китае, в ущерб интересам английского капитала, однако старались не обнаруживать своего беспокойства по этому поводу. Напротив, английская печать, не без запева официальных представителей, акцентировала внимание на том, что русско-японский договор будет содействовать успешному решению вопроса об увеличении Японией военных поставок русской армии. «Таймс» в этой связи указывала на «удовлетворительно развивавшиеся русско-японские отношения во время войны и лояльную кооперацию между Японией и ее союзниками в снабжении России оружием и аммуницией»[95]. Но вряд ли с большой радостью та же газета констатировала, что договор с Россией «вводит Японию на равных правах в мировую политику великих держав»[96], стремясь создать в Японии впечатление, что происходит это не без живейшего участия английского правительства и его многоопытной дипломатии. Еще сравнительно недавно Малевский сообщал в Петроград «о некотором охлаждении, которое замечается в последнее время в англо-японских отношениях». Необходимость пересмотра англо-японского союзного договора, отмечал посол, сделалась общим местом в повременной токийской печати и обсуждается почти ежедневно то в одном, то в другом органе. Наиболее обстоятельной представлялась ему статья профессора Суехиро, помещенная в журнале «Тайо». Отражая распространенные в Японии мнения по вопросам внешней политики, Суехиро предъявлял Англии три следующих требования: допущение японского влияния в долине Янцзы, признание за Японией права торговли и навигации в Индии и аннулирование антияпонских законов в Канаде, Австрии и Южной Африке [97]. Ясно, что подобные притязания отнюдь не создавали английским колонизаторам хорошего настроения.

Заключение русско-японского союзного договора, несомненно, ослабляло значение Англии как «связующего звена» между франко-русским и англо-японским союзами, и между ними устанавливалась не «опосредствованная» (через Англию), а прямая связь. Между Россией и Японией оформлялось, так сказать, более самостоятельное партнерство, и они могли обходиться в своих взаимоотношениях, как и в решении касающихся их дальневосточных проблем, без английского «посредничества». Ослаблялась, таким образом, и антирусская направленность англо-японского союза, наглядно проявившаяся в первые годы его существования, и особенно во время русско-японской войны 1904—1905 гг. Бóльшую «почтительность» предстояло проявлять Англии и к дальневосточной союзнице.

Сознавая все это, политические руководители Японии спешили заверить свою всемогущую «покровительницу» в том, что заключенный ими альянс с Россией не причинит Великобритании никаких осложнений. 8 июля глава японского кабинета граф Окума заявил токийскому корреспонденту газеты «Нью-

Йорк таймс», что цель русско-японского договора состоит в расширении англо-японского союза и что у японского правительства «имеется полное взаимопонимание с Великобританией, которая приветствует новую конвенцию, находящуюся внутри англо-японского союза» [98].

Не по нраву пришелся русско-японский союзный договор и республике доллара. Еще в ходе переговоров о подписании этого договора в американской прессе отмечалось, что, укрепляя свои политические отношения с Россией, Япония намеревается занять более жесткую линию по отношению к Соединенным Штатам.

Позже, в июле 1916 г., газета «Нью-Йорк таймс» писала, что точка зрения Японии на политику «открытых дверей» в Китае во многом направлена в ущерб американским торговым интересам и новое русско-японское соглашение требует особого внимания со стороны официального Вашингтона, в противном случае американские бизнесмены будут вытеснены с китайского рынка [99]. Значительная часть американской прессы, обслуживавшей интересы монополистического капитала, публиковала статьи, в которых прямо утверждалось, что русско-японский договор направлен против Соединенных Штатов [100]. Наиболее рьяные приверженцы откровенно экспансионистского курса требовали от правительства оградить права американских предпринимателей в Китае и предвещали неизбежность столкновения США с Японией и Россией [101].

Стремясь успокоить разбушевавшиеся за океаном страсти, Сазонов в интервью корреспонденту «Ассошиэйтед Пресс» доводил до сведения Соединенных Штатов, что заключенный Россией союзный договор с Японией «не знаменует начала политического курса, опасного для прав и интересов Америки» [102]. На официальный запрос Госдепартамента относительно состоявшегося русско-японского соглашения правительства России и Японии заверили вашингтонскую администрацию, что подписанный ими договор не посягает на принцип «открытых дверей» в Китае [103]. Эти и другие заявления внесли определенное успокоение в американское «общественное мнение», формируемое подчиненной монополиям прессой. Кроме того, в Соединенных Штатах больше опасались возможности союза Германии с Японией и Россией, слухи о котором не переставали циркулировать в Новом Свете, и поэтому русско-японское политическое сближение рассматривалось там как более терпимая комбинация.

Правительства Франции и Италии приветствовали русско-японское «политическое единение» и считали, что оно пойдет на пользу всем союзникам. Франко-итальянская пресса преподносила этот акт прежде всего как «лучшее доказательство» непреклонной решимости России довести войну до победного завершения [104]. Встречались и явно преувеличенные оценки с выражением нескрываемого опасения. Так, некто Л. Ратто пи-

сал в еженедельном римском журнале «Economisto dell'Italia Moderna», что создание этого исторического новообразования «должно перевернуть вверх дном иерархию великих мировых держав», следствием чего явится преобладание в мире «нарождающегося японо-русского блока»[104а].

Нельзя не признать, что наибольшие выгоды русско-японский союзный договор предоставлял Стране восходящего солнца. Не случайно Исии писал впоследствии: «...в этом соглашении была заинтересована прежде всего Япония»[105], хотя официальные представители Токио старательно подчеркивали, что заключен договор в интересах всех союзников. В политических и деловых кругах Японии подписание союзного договора с Россией расценивалось как крупное достижение японской политики и дипломатии. На обеде, устроенном 13 июля Союзом торговых палат Японии по случаю заключения договора, премьер Окума заявил: «Соглашение это является результатом усилий Японии поднять свой мировой престиж и занять исключительное положение на Дальнем Востоке». С большим упоением Окума говорил, что «территориальные права и особые интересы», приобретенные Японией за время войны, поставлены отныне «под охрану» этого договора [106]. Союзный договор с Россией открывал, таким образом, простор для наступательной политики Японии в Восточной Азии, и прежде всего в Китае, позволяя ей играть на империалистических противоречиях великих держав, в том числе своих союзниц — Англии и России.

Как уже отмечалось, одновременно с переговорами о заключении союзного договора между Японией и Россией велись переговоры относительно «взаимных услуг, которые союзники нашли бы возможным оказывать друг другу» [107]. Царское правительство с самого начала выразило желание получить у Японии значительную часть ее запасов вооружения, боеприпасов и снаряжения, прежде всего тяжелой артиллерии. Было условлено, что за соответствующие уступки со стороны царского правительства Япония поставит России в ближайшее время 120 тыс. винтовок и 80 млн патронов к ним [108]. Переговоры же о приобретении у Японии тяжелой артиллерии были длительными и отнюдь не легкими, причем военные ведомства Токио старались сбыть устаревшие образцы [109].

За поставки вооружения и предоставление кредитов на их оплату Япония добивалась не только отмены таможенных пошлин для японских товаров и изменения режима рыболовства в русских территориальных водах Дальнего Востока в пользу японских промысловиков, но и уступки ей всего южного участка КВЖД от Харбина до Чаньчуня протяженностью более 200 км, большая часть которого находилась в русской сфере влияния в Маньчжурии, а также предоставления права плавания японским судам по р. Сунгари, что шло вразрез с русско-японскими конвенциями 1907 и 1910 гг. [110] Встретив отпор со стороны царского правительства (в особенности в отношении

уступки КВЖД) [111] и выразив по сему поводу «крайнее сожаление», императорское правительство Японии решило несколько сократить свои притязания и стало добиваться: 1) приобретения железнодорожной ветки от Чаньчуня до р. Сунгари, расположенной в японской сфере влияния; 2) уступки «на подходящих условиях» управления и эксплуатации железнодорожного участка от р. Сунгари до Харбина, находившегося в ведении царской администрации, «в целях облегчения переездов и перевозок товаров» и 3) признания Россией права плавания японских судов по р. Сунгари [112].

Царское правительство согласилось удовлетворить «в подходящий момент» и на условиях, «подлежащих определению», первое из перечисленных требований. Второе отвергло как несоответствующее конвенции 1907 г. В отношении третьего было заявлено, что, хотя это и является «отклонением от принципов», положенных в основу русско-японских конвенций 1907 и 1910 гг., царское правительство готово отказаться от плавания русских судов в той части р. Сунгари, которая находится под японским контролем, и не будет поддерживать китайское правительство, если оно откажет японским судам в разрешении на плавание по этой части Сунгари [113].

14 сентября 1916 г. Совет министров под председательством Штюрмера постановил продать Японии участок КВЖД от станции Куанченцзы до разъезда Лаошагоу протяженностью в 96,5 версты (около 102 км) и предоставить японским торговым судам право плавания по р. Сунгари в русской зоне. (Данное решение было приурочено к приезду в Петроград японского принца Кан-Ина, посетившего Россию с ответным визитом, во время которого ему был оказан царской семьей весьма радушный и торжественный прием [114].) Стоимость участка, подлежавшего продаже, правление КВЖД оценило в 64 млн руб. Японское правительство согласилось с названной суммой, однако сделка тогда не состоялась[115]. Переговоры по этому поводу продолжались уже при Временном правительстве, главным образом при условии предоставления России кредита и поставки тяжелой артиллерии, и завершились лишь в августе 1917 г. Правительство Керенского пошло на уступку означенного участка железной дороги за 23 млн иен [116], т. е. фактически за бесценок.

В отношении отмены пошлин на японские товары, ввозившиеся во Владивосток, царское правительство отвергло домогательства токийского кабинета, но согласилось на льготный тариф для некоторых японских товаров, вывозившихся по русским железным дорогам в Европу [117]. В январе — феврале 1917 г. между Петроградом и Токио все еще продолжались переговоры относительно поставок японского оружия для нужд русской армии, но продвигались они весьма туго, хотя русские военные власти в своих обращениях в ведомство Покровского отмечали, что Япония зарекомендовала себя как самый аккуратный поставщик. Февральская революция в какой-то мере

притормозила процесс русско-японского сближения. Крах монархического режима в России вызвал в императорской Японии настороженность со стороны политических и деловых кругов. Правительство Токио позже всех других союзников официально признало Временное правительство, выжидая, пока его внешнеполитический курс и общая ориентация примут достаточно определенные очертания [118]

[1] Царская Россия в мировой войне. Л., 1926. С. 237.
[2] Там же.
[3] British Documents on the Origins of the War 1898—1914. L. 1927—1938. Vol. X. Part II. P. 821.
[4] *Григорцевич С. С.* Дальневосточная политика империалистических держав в 1906—1917 гг. Томск, 1965. С. 469; *Akagi H.* Japan's Foreign Relations 1542—1936. Tokio, 1936. P. 318. 26 июля (8 августа) 1914 г. японское правительство приняло решение о вступлении в войну против Германии, а 10/23 августа был опубликован рескрипт японского императора об объявлении ей войны (*Григорцевич С. С.* Указ. соч. С. 467, 475).
[5] Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архива царского и Временного правительства, 1878—1917 гг. Сер. 3. 1914—1917 гг. М.;Л., 1935. Т. VI, ч. 1. № 116. С. 113. (Далее: МОЭИ.)
[6] Там же. С. 113. Примеч. 1.
[7] Там же. С. 11—12, 99—100.
[8] *Takeuchi T.* War and Diplomacy in the Japanese Empire. L., 1935. P. 196; *Григорцевич С. С.* Указ. соч. С. 471.
[9] МОЭИ. Т. VI, ч. 1. № 102. С. 99—100.
[10] Там же. № 208. С. 202; № 211. С. 205. Примеч. 2.
[11] Там же. Ч. 2. С. 115—116. Примеч. 4.
[12] Там же. № 550. С. 115—116.
[13] Там же. С. 116. Примеч. 1.
[14] Там же. № 635. С. 204.
[15] Там же. С. 204—205. Примеч. 3.
[16] Там же. № 646. С. 213.
[17] Там же.
[18] Там же. С. 214.
[19] Там же. № 700. С. 279, 280.
[20] Там же. С. 279—280.
[21] Там же. С. 280.
[22] Там же.
[23] Там же. С. 280. Примеч. 2.
[24] Там же. № 745. С. 339. Поденная запись Министерства иностранных дел 20 декабря 1914 г.
[25] Там же. Ч. 2. № 693, 725. С. 266, 314—317.
[26] Там же. № 707. С. 291.
[27] Там же.
[28] Там же. С. 291. Примеч. 1.
[29] Там же. № 693. С. 266.
[30] Там же. № 745. С. 339. Поденная запись, 20 дек. 1914 г.
[31] Там же. С. 340. Поденная запись, 25 дек. 1914 г.
[32] Там же. С. 340; Поденная запись, 27 дек. 1914 г.
[33] Там же. № 746. С. 341—342.
[34] Там же. С. 342.
[35] Англо-японским союзным договором 1911 г. предусматривалось, что если обе державы будут находиться в войне с одной или несколькими другими державами, они не могут заключать мир независимо друг от друга.
[36] МОЭИ. Т.VI, ч. 2. № 746. С. 342.
[37] Там же. № 747. С. 344.
[38] Там же.
[39] Там же. Ч. 1. № 9. С. 14.
[40] Там же. № 26. С. 34—35.
[41] Там же. № 66. С. 86—87.
[42] Краткий перевод их был препровожден в Министерство иностранных дел (АВПР. Японский стол. Д. 923).
[43] См. История дипломатии. М., 1965. Т. III. С. 21—23.
[44] МОЭИ. Т. VII, ч. 1. С. 88. Примеч. 1.
[45] Там же. С. 469. Примеч. 2. Письмо Унтербергера на имя Горемыкина от 4(17) февраля 1915 г. Свою записку Унтербергер составил, по его словам, в связи с сочувственным отношением части русской прессы к появившимся в японской печати «суждениям политических деятелей о желательности теперь же закрепить установившиеся добрососедские отношения между Японией и Россией заключением союзного договора».

[46] МОЭИ. Т. VII, ч. 1. № 362. С. 472. Проект этого письма был подготовлен начальником дальневосточного отдела МИД д. с. с. Г. А. Казаковым (По документам он проходит и как Советник VI политического отдела Министерства иностранных дел.)

[47] Там же.

[48] Там же. № 136. С. 185.

[49] Там же. № 74. С. 94.

[50] Там же. С. 95. МОЭИ. Т. VI. ч. 1. С. 95; ч. 2. С. 153. Примеч. 3.

[51] МОЭИ. Т. VII ч. 2. № 353. С. 154.

[52] Там же. С. 155.

[53] Там же. № 746. С. 426.

[54] Там же. С. 105. Примеч. 3.

[55] Там же. № 495. С. 105—106; Уцида пытался выяснить не заключит ли Австрия раньше Германии сепаратного мира, на что получил ответ, что Германия на это не согласится.

[56] МОЭИ. Т. VII. ч. 2. № 500. С. 113—114.

[57] Уведомленный «для сведения» о разосланном Като» предписании, Уцида, со своей стороны, «во избежание недоразумений в будущем» поставил в известность о своем секретном свидании с австрийским представителем английского посланника. МОЭИ. Т. VII, ч. 2. С. 115. Примеч. 1.

[58] МОЭИ. Т. VII. ч. 2. № 540. С. 166.

[59] Государственная дума. Четвертый созыв.. Сессия четвертая. Пг., 1915 г. Стб. 25.

[60] МОЭИ. Т. VII, ч. 2. С. 124.

[61] Там же. С. 326—327.

[62] Там же. С. 413—414.

[63] По свидетельству директора Дипломатической канцелярии Н. А. Кудашева, мысль о посылке такой миссии была обронена японским представителем в русской ставке генералом Накасима за обедом у Николая II соседу по столу лейб-хирургу С. П. Федорову, Однако генерал Накасима в донесении своему начальству изобразил это несколько иначе: «...Конечно командировка исходит от государя императора, и я поражен неожиданностью предложения» (МОЭИ. Т. IX. С. 541. Примеч. 1).

[64] Красный архив. 1928. Т. 28. С. 19; МОЭИ., Т. IX. № 528. С. 541.

[65] Там же.

[66] МОЭИ. Т. IX. С. 541. В этот период царское правительство прилагало большие усилия к тому, чтобы вовлечь Китай в антигерманскую коалицию. См. об этом в следующей главе.

[67] Красный архив. 1928. Т. 6 (31). С. 46.

[68] МОЭИ. Т.X. С. 41. Примеч. 3. Г. А. Казаков работал в свое время секретарем русского посольства, в Токио.

[69] Красный архив. 1928. Т. 6(31). С. 46—47.

[70] МОЭИ. Т. X. № 245. С. 259.

[71] Там же.

[72] Подробности этого свидания Сазонов описал в «Воспоминаниях» (Париж, 1927). В них он рассказал о том, как Вильгельм II в течение полуторачасовой беседы с ним настойчиво пытался внушить необходимость для России сосредоточить особое внимание на дальневосточной политике, развивая известную концепцию о «желтой опасности» для России и Европы. При этом кайзер всячески настраивал своих гостеприимных хозяев против Англии, которая, говорил он, заключив в 1902 г. союз с Японией, дала ей возможность объявить России войну и выйти из нее победительницей. См.: *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 49—50.

[73] МОЭИ. Т. X С. 259—260.

[74] Там же. С. 260.

[75] Там же.

[76] Там же. С. 261.

[77] Там же. № 41. С. 41—42. 261.

[78] Там же. С. 261.

[79—80] Там же. С. 42.

[81] Там же. № 203. С. 206.

[82] Красный архив. 1929. Т. 1(32). С. 9—10; МОЭИ. Т. X. С. 221—222.

[83] Красный архив. 1929. Т. 1(32). С, 10—11; МОЭИ. Т. X. № 217. С. 222—223.

[84] МОЭИ. Т. X. № 380. С. 417—418.

[85] Там же. С. 420—423.

[86] *Гримм Э. Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1926). М., 1927. С. 191; Исии К. Указ. соч. С. 85—86.

[87] Договор автоматически продлевался на год, если ни одна из сторон не заявляла в установленный срок о его денонсации. Срок его истекал 1(14) июля. 1921 г.

[88] *Гримм Э. Д.* Указ. соч. С. 191; МОЭИ. Т. X. № 380. С. 420—423.
[89] АВПР. Японский стол. Д. 213. Л. 80.
[90] Там же; МОЭИ. Т. X. № 380. С. 422.
[91] *Григорцевич С. С.* Указ. соч. С. 526.
[92] *Исии К.* Указ. соч. С. 85.
[93] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 188.
[94] Там же. С. 189.
[95] The Times. 1916. 7 VII.
[96] Цит.: *Григорцевич С. С.* Указ. соч. С. 526.
[97] МОЭИ. Т. X. № 413. С. 451—452.
[98] Price E. The Russo-Japanese Treaties of 1906—1916, concerning Manchuria and Mongolia. Baltimore, 1933. P. 88—89.
[99] См.: *Григорцевич С. С.* Указ. соч. С. 527.
[100] *Kawakami K.* Japan in World Politics. N. Y., 1919. P. 295; *Григорцевич С. С.* Указ. соч. С. 527.
[101] АВПР. Ф. Канцелярия. 1916 г. Д. 53. Л. 287.
[102] Харбинский вестник. 1916. 6 июля.
[103] *Григорцевич С. С.* Указ. соч. С. 527.
[104] АВПР. Ф. Печати и осведомления. Д. 514. Л. 71, 79 и др.
[104а] Там же. Л. 199—200.
[105] *Исии К.* Указ. соч. С. 85.
[106] Вестник Азии. 1916. Кн. II—III. С. 259—260. Подписание союзного договора с Россией сопровождалось в Японии торжественными приемами и различными манифестациями. Для их подготовки была создана специальная комиссия, в которую вошли принц Токугава, председатели верхней и нижней палат парламента и ряд других высокопоставленных лиц.
[107] МОЭИ. Т. X. № 460. С. 567.
[108] АВПР. Японский стол. Д. 213. Л. 79.
[109] АВПР. Ф. Канцелярия. 1917 г. Д. 93. Л. 65, 71, 74, 86 и др.
[110] МОЭИ. Т. X. № 450, 460. С. 555, 568—569.
[111] Там же. № 275. С. 290. Как высказался Исии, японское правительство «с самого начала» считало железную дорогу между Харбином и Чаньчунем «неестественной ветвью» и полагало, что уступка только части ее не будет соответствовать его взглядам. Там же. С. 292.
[112] МОЭИ. Т. X. № 450. С. 555—556.
[113] Там же. № 460. С. 568—569.
[114] См.: Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1926. Т. 4. С. 412, 416, 429; М.; Л., 1927. Т. 5. С. 19, 20, 23, 24, 28—29.
[115] См.: *Григорцевич С. С.* Указ. соч. С. 529, 530.
[116] АВПР. Ф. Канцелярия. 1917 г. Д. 93. Л. 173, 180, 187, 191; Японский стол. Д. 925. Л. 238, 245; *Васюков В. С.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1966. С. 16, 53, 325—330.
[117] См.: *Григорцевич С. С.* Указ. соч. С. 528.
[118] См.: *Васюков В. С.* Внешняя политика Временного правительства. С. 37—73.

Глава четвертая

УСИЛИЯ ЦАРСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ В ВОЙНУ КИТАЯ

Параллельно с переговорами о заключении союзного договора с Японией царская дипломатия предпринимала активные шаги по вовлечению в войну Китая на стороне держав Согласия. Первые попытки были сделаны еще в 1914 г., но тогда к этому весьма прохладно отнеслась Англия и явно неодобрительно Япония, хотя китайское правительство изъявляло готовность примкнуть к антигерманской коалиции. Правительство Юань Шикая еще в сентябре—октябре 1914 г. предлагало Великобритании направить китайские воинские части в Киаочао для участия в осаде крепости Циндао совместно с японскими и английскими войсками. Однако против этого решительно выступила Япония, опасавшаяся, что вступление Китая в войну против Германии помешает осуществлению агрессивных замыслов японских милитаристов в отношении соседнего государства[1].

Тяжелое положение, в котором оказались союзники в 1915 г., заставило англичан несколько пересмотреть свою «дальневосточную дипломатию», внести в нее некоторые весьма существенные коррективы, в том числе в отношении вовлечения Китая в войну. Вопрос этот стал активно обсуждаться с осени 1915 г. Инициатива в его постановке принадлежала русскому посланнику в Пекине В. Н. Крупенскому. В секретной телеграмме от 25 октября (7 ноября) 1915г. Крупенский докладывал, что, по его наблюдениям, имеется возможность убедить китайское правительство открыто стать на сторону союзных держав и объявить войну Германии и Австро-Венгрии, хотя он и сознает, что на этом пути встретятся немалые трудности, исходящие прежде всего от Японии. Многие китайские деятели, отметил посланник, склоняются к такому шагу, но не решаются действовать в этом направлении, не будучи уверены, что подобного рода инициатива встретит с нашей стороны сочувственный прием. Сказывались опасения вновь натолкнуться на отказ, который в свое время последовал на предложение Пекина британской миссии присоединить китайские войска к японским и английским при действиях против Циндао[2].

Главные побудительные мотивы намерений китайского руководства Крупенский усматривал, во-первых, в стремлении принять участие в будущей мирной конференции, на которой, как полагали в Пекине, должен быть решен вопрос о судьбе Циндао, а во-вторых, в надежде, что, став в ряды союзных держав, Китай тем самым «обезопасит себя от замыслов Японии». Кроме того, для китайцев, по словам посланника, представлялась заманчивой пер-

спектива прекращения платежей по германской части боксерского вознаграждения и по германским займам, а также, возможно, и мысль «попробовать сделать брешь в экстерриториальных правах иностранцев (в Китае), лишив таковых германцев и австрийцев»[3].

Все эти и некоторые другие обстоятельства позволяли рассчитывать на вовлечение Китая в антигерманскую коалицию, что дало бы союзникам новый после присоединения к ним Италии морально-политический и дипломатический эффект, особенно после того, как союзная дипломатия потерпела фиаско на Балканах в результате потери Болгарии. Объявление Китаем войны Германии и Австрии, убежденно настаивал посланник, было бы для союзников в высшей степени желательно не только с моральной точки зрения, но и потому, что был бы положен конец всяким германским интригам в Восточной Азии путем изгнания из Китая всех германских и австрийских подданных и нанесен смертельный удар влиянию и торговле Германии на Дальнем Востоке. Кроме того, союзники, в первую очередь Россия, получили бы возможность широкого использования китайских арсеналов и оружейных заводов. Благоприятным представлялся Крупенскому и момент для проведения этой политико-дипломатической акции. Еще в конце апреля он отмечал, что «в настоящую минуту мы находимся с Китаем в более дружественных отношениях, чем когда бы то ни было со времени русско-японской войны»[4]. Разумеется, «дружба» эта выглядела несколько своеобразно. Китай являлся далеко не равноправным партнером, оставаясь по-прежнему объектом империалистической экспансии великих держав. Фактом, однако, являлось то, что русско-китайские отношения в рассматриваемый период были менее напряженными, чем прежде, особенно на фоне усиливавшегося натиска в Китай японского империализма.

Идея Крупенского «захватила» и французского посланника в Пекине Конти, выразившего полную солидарность в данном вопросе с русским коллегой и обратившегося к своему правительству с аналогичным предложением[5]. Менее темпераментно и не без явного скепсиса отнесся к этому английский посланник в Пекине Джон Джордан. При обмене мнениями с Крупенским по данному вопросу Джордан, «вполне сучувственно отнесясь к идее искоренения немцев и их влияния» в Китае, стал, однако, ссылаться на различные затруднения, связанные с проведением этой идеи в исполнение. Прежде всего, британский представитель указал на Японию, которая, как он считал, воспротивится присоединению Китая к союзным державам. Трудности, впрочем, виделись ему не только в этом. Он опасался как результата реализации выдвинутой идеи значительного усиления позиции Японии в Китае, что отнюдь не соответствовало видам британской политики. В случае отказа немцев добровольно выехать из Китая, говорил он, китайцы вряд ли решатся удалить их силой. Для этого придется прибегнуть к помощи японцев, что может быть сопряжено с опасными последствиями: японцы «захотят захватить как герман-

ские концессии в Тяньцзине и Ханькоу, так и все места, занимаемые ныне немцами на китайской службе»[6]. В депеше, отправленной несколькими днями раньше, Крупенский также отмечал, что в словах Джордана «явно сквозило опасение»: если бы союзникам удалось добиться удаления всех немцев из Китая, то их место в китайских таможнях и других правительственных учреждениях, а также в торговой и промышленной жизни страны «было бы занято японцами, что для англичан является в высшей степени неприятной перспективой»[7]. Сомневался Джордан и в готовности китайцев идти дальше предоставления в распоряжение союзников своих оружейных заводов; причем и это, по его мнению, повлекло бы за собой недовольство японцев, вызывать которое не в интересах союзных держав.

Посланники России и Франции, со своей стороны, полагали, что, хотя Японии и было бы неприятно присоединение Китая к союзникам, но открыто возражать против этого ей едва ли возможно. Остальные же опасения представителя Великобритании казались им преувеличенными. «Во всяком случае, мы думаем,— резюмировал Крупенский, имея в виду себя и Конти,— что выгода для нас от выступления Китая в указанном смысле значительно превысит связанные с ним вредные последствия»[8]. Крупенский запрашивал МИД, признается ли желательным, чтобы он и его французский и британский коллеги воздействовали на китайские власти в указанном смысле «с обещанием им гарантий против мести Германии». В случае утвердительного ответа посланник считал необходимым побудить английское правительство снабдить Джордана соответствующими инструкциями. В последних числах октября Крупенский поспешил уже сообщить, что вопрос о присоединении Китая к Антанте начинает принимать реальные очертания (хотя это было далеко не так)[9].

Идея Крупенского встретила в Петрограде самый благоприятный отклик. Доложив царю и получив от него соответствующее «соизволение», Сазонов без промедления поручил Извольскому и Бенкендорфу выяснить отношение французского и английского правительств к мысли Крупенского побудить китайцев объявить войну Германии и Австрии под предлогом постоянного нарушения ими китайского нейтралитета. В инструкции послам в Париже, Лондоне и Токио в связи с этим подчеркивалось, что объявление китайским правительством войны Германии и Австро-Венгрии повело бы к удалению из Китая германских и австрийских дипломатических и консульских агентов, которые «не оставляют попыток разрушить КВЖД». Это обезопасило бы сообщение европейской части России с Дальним Востоком[10]. Кроме того, пояснялось далее, выдворение Германии из открытых портов Китая было бы «тяжелым ударом германской торговле и влиянию в Китае», что, безусловно, в интересах всех союзников. Но уже тогда возникло сомнение относительно поддержки этого дипломатического начинания японским кабинетом, хотя и выражалось предположение, что против такого намерения вряд ли можно возражать открыто.

Тем не менее, сообщая Малевскому о намечаемом шаге, ему указали не посвящать пока в замыслы царского кабинета японское правительство, а лишь высказать свое личное мнение о его возможной реакции по этому поводу. Своими сомнениями Сазонов поделился и с Бьюкененом, рассчитывая, однако, что Англия по праву давней союзницы Японии окажет на нее соответствующее воздействие[11].

Французское правительство быстро и положительно откликнулось на предложение Петрограда (От своего посланника в Пекине оно уже имело информацию об инициативе Крупенского.) Через день после получения инструкции (30 октября) Извольский сообщил, что на его запрос Ж. Камбон высказал личное мнение: он разделяет соображения Сазонова, но полагает, что возражения могут последовать не только со стороны Японии, но и Англии; однако считает возможным устранить их[12].

Вопреки ожиданиям на этот раз английский кабинет весьма благосклонно отнесся к выдвинутому предложению. К удивлению Сазонова, Грей решил даже перехватить инициативу и взять на себя главную роль в проведении намеченной акции. Сознавая, что основным препятствием на пути вовлечения Китая в войну на стороне стран Согласия может оказаться негативная позиция Японии, английская дипломатия и начала заход с этой стороны, стремясь внушить своему давнему союзнику, что необходимость такого шага диктуется прежде всего военными, а не политическими соображениями.

Английский план вовлечения Китая в войну сводился к следующему: державы Согласия при поддержке Японии обращаются с просьбой к китайскому правительству, а точнее, рекомендуют ему ослабить свой нейтралитет в деле военных поставок и заключить с английским и русским правительствами сделку о продаже России оружия из имеющихся у него запасов, а также о расширении при финансовом и организационном содействии этих правительств производительности китайских заводов, с тем чтобы большая часть их продукции продавалась Англии и России. Эта сделка, как полагали, должна была вызвать «энергичный протест» со стороны Германии против нарушения Китаем нейтралитета, в результате чего пекинское правительство оказалось бы перед выбором: или порвать с державами Согласия, или присоединиться к ним. Предполагалось, и не без оснований, что наиболее вероятным будет второе — вступление Китая в антигерманскую коалицию. Тем более, что именно к такому варианту склонялось само китайское правительство. Как отмечалось в памятной записке британского посольства в Петрограде от 31 октября (13 ноября) 1915 г., английский посланник в Пекине несколько раз за последнее время «совещался» с китайским президентом Юань Шикаем и его ближайшим помощником Лянь Шии о поставке союзникам оружия и снаряжения. При этом пекинское правительство продолжало утверждать, что оно испытывает затруднения, действуя в этом деле секретно в нарушении провозглашенного им нейтралитета, и что

было бы лучше «сбросить маску и поставить данный вопрос в нормальные условия»[13].

Протест Германии против указанной сделки дал бы повод державам Согласия потребовать от китайского правительства выдворения из Китая (из концессий и договорных портов Китая) германских подданных. Последняя мера должна была, по мнению лондонского кабинета, «несомненно» втянуть Китай в войну с Германией, что оказало бы «большое влияние, как моральное, так и реальное, на общее ведение войны в Европе». «Не только ресурсы Китая станут доступны для союзников,— объясняли англичане своим партнерам,— но будет нанесен очень сильный удар германскому престижу на Востоке»[14]. Соответствующее «секретное сообщение» по этому поводу было сделано японскому послу в Лондоне Иноуэ 30 октября (12 ноября) еще до того, как об этом получили уведомление в Петрограде.

Ход сэра Грея не произвел на Сазонова благоприятного впечатления, так как был сделан без предварительной консультации с ним; между тем инициатива в этом вопросе исходила, как показано, от русской дипломатии. Поэтому, очевидно, царский министр и не торопился с ответом. И не только, конечно, по этой причине. Сазонов считал, что при обмене мнениями с японцами по рассматриваемому вопросу Грей акцентирует внимание Токио не на том, на чем следует. Ставя Крупенского в известность о предпринятом английской дипломатией шаге, Сазонов указывал: «Мы, со своей стороны, придаем большую цену разрыву Китая с Германией и Австрией, чем возможности пользоваться китайскими арсеналами», дабы не возбуждать подозрений экспансивной соседки, что ее хотят обойти в этом вопросе со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ввиду особых отношений японцев к главному из этих арсеналов — Ханьянскому, продолжал министр, мы предвидим, что выдача союзниками китайскому правительству аванса на оборудование арсеналов, несомненно, встретит возражение японского правительства «и план английского правительства потерпит неудачу»[15].

Исходя из этого, Сазонов предлагал поручить союзным представителям в Пекине «побудить китайское правительство к разрыву с Германией и Австрией и к удалению из Китая их подданных, постоянно нарушавших нейтралитет этой страны. Вопрос же об использовании китайских заводов для производства оружия можно будет обсудить позже, по вовлечении Китая в ряды союзников, и решить, исходя из обстоятельств. Эти соображения были переданы через Бьюкенена английскому правительству. Судя по поденной записи Министерства иностранных дел, царь одобрил выработанный министерством план «побуждения китайского правительства объявить войну Германии». Высочайшая санкция на это была получена во время посещения Сазоновым (в сопровождении директора канцелярии барона Шиллинга) Ставки 3(16) ноября 1915 г. с личным докладом царю по широкому кругу вопросов внешней политики[16].

Не дождавшись ответа на свою предыдущую памятную записку, английское посольство спустя пять дней препроводило Сазонову новую, в которой говорилось, что правительство его величества «очень желало бы», чтобы российское и французское правительства в возможно короткий срок пришли к соглашению о поддержке британского выступления в Токио. Главная цель, которую поставило перед собой правительство Великобритании, когда приступило к указанным переговорам, разъяснялось в записке, заключалась прежде всего в получении нового источника снабжения русской армии винтовками. «Что касается Великобритании, то ее главной целью было прекращение германских интриг, направленных против Индии». Тем не менее Грей «вполне разделяет» точку зрения, высказанную Сазоновым, относительно того, что при представлении дела японскому правительству следует особенно подчеркнуть преимущества, которые получит Япония от устранения германской торговли с китайского рынка[17]. Более того, английский министр иностранных дел «готов согласиться на любые представления, которые российское и французское правительства решат сделать в Токио», и даже подсказывает, на что еще можно было бы обратить внимание японского правительства убедить его в необходимости соответствующего демарша в Пекине. Возможно, говорилось в этой связи, что немцы будут стараться повторить при участии китайцев или без них свои прошлогодние попытки перерезать или иным путем преградить Сибирскую железную дорогу предстоящей зимой в целях прекращения доступа в европейскую часть России снаряжения, поставляемого из Соединенных Штатов и Японии. Поэтому было бы целесообразно использовать и это обстоятельство «как дополнительный аргумент при переговорах с японским правительством». Тем не менее, настаивал Грей, последующие представления китайскому правительству будут зависеть «от размера содействия, которое может оказать Япония». Это означало, что без согласия Японии английское правительство не намерено побуждать Китай к выступлению против Германии или, по крайней мере, такая акция будет нереальной и нецелесообразной.

Сазонову, однако, представлялось, что державам Согласия не следовало бы в этом вопросе ставить себя в такую зависимость от позиции японского кабинета и что английское правительство могло бы оказать на него более энергичный нажим или действовать без его благоволения. В тот же день Сазонов ответил встречной памятной запиской, переданной Палеологу и Бьюкенену, в которой давалось понять, что английская дипломатия действует не по тому сценарию, который считают предпочтительным в Петрограде. «Российское правительство,— говорилось в записке,— придает большое значение тому, чтобы Китай порвал с Германией и Австрией. С немецкими интригами в Китае может быть действительно покончено лишь путем высылки из этой страны германских и австрийских агентов и подданных». Подорвав таким образом германскую и австрийскую торговлю на Дальнем Востоке, державы

Согласия приобрели бы возможность занять их место на китайском рынке. Что же касается использования китайских арсеналов для производства оружия, то российское правительство, говорилось в записке, отдает себе отчет в щекотливости этого вопроса ввиду особых отношений Японии к самому важному из этих арсеналов — Ханьепинскому. Царское правительство полагало, что это связано с риском встретить «весьма серьезное противодействие со стороны японского правительства всякому выступлению, имеющему целью предоставить Китаю денежные средства для расширения его арсеналов»[18].

Как видно из этого документа, русское правительство выдвигало на первый план выдворение из Китая официальных представителей и подданных неприятельских государств, с тем чтобы ослабить последние и экономически и политически. Английское же правительство указывало японскому правительству в первую очередь на необходимость передачи в распоряжение союзников китайских военных заводов и увеличение их производственных мощностей, что особенно настораживало Японию и чего она, естественно, не хотела допустить. А это, по его мнению, могло привести к провалу задуманной дипломатической акции, рассчитанной на вовлечение Китая в войну, или по крайней мере затормозить ее осуществление. Поэтому, соглашаясь с мнением британского кабинета о том, что «лишь при поддержке Японии можно рассчитывать на успех проекта вызвать разрыв между Китаем и германскими государствами», и поручая Малевскому «сговориться» с английским и французским коллегами относительно предполагаемого совместного выступления в Токио для обеспечения содействия японскому правительству в деле осуществления означаемого проекта, царское правительство сочло необходимым предупредить Малевского: «... в нынешней стадии переговоров по этому вопросу с токийским кабинетом не должно быть и речи о китайских арсеналах»[19], о чем и были проинформированы английское и французское правительства. Извольскому вместе с тем предписывалось просить Бриана снабдить своего посла в Токио Реньо аналогичной иструкцией. Просьба была встречена с пониманием и надлежащая инструкция отправлена. Относясь «самым сочувственным образом» к мысли о побуждении Китая объявить войну Германии и Австро-Венгрии, правительство Франции тоже считало «опасным» связывать этот вопрос с вопросом о расширении Ханьепинского арсенала[20].

Однако данная «стадия переговоров» оказалась слишком скоротечной. Сутками позже Сазонов телеграфировал Малевскому: поскольку английский посол в разговоре с японским министром иностранных дел уже высказал соображения относительно использования китайских арсеналов для изготовления оружия для русской армии, он (Малевский) также может привести эти соображения в пользу присоединения Китая к союзникам. Министр просил посла не касаться лишь вопроса о финансировании союзниками Ханьепинского арсенала, опять-таки ввиду «особых отно-

шений» к этому арсеналу Японии[21]. Но тут снова вышла некоторая «накладка», главным образом из-за того, что в действиях союзной дипломатии, как случалось не единожды, не было должной согласованности.

Вразнобой действовали и представители союзников в Токио, будучи не в состоянии скоординировать получаемые ими инструкции от своих правительств. Да и Малевский не имел еще ясного представления, какой линии следует придерживаться; колебался, стоит ли добиваться выступления Китая, если это способно привести к охлаждению между союзниками и Японией. С одной стороны, он находил, что Япония «не имеет оснований» возражать против указанного выступления и едва ли выйдет из числа союзников, если таковое произойдет, ввиду присоединения ее к Лондонской декларации от 5 сентября 1914 г. Но в то же время не сомневался, что «вступление Китая в образовавшийся блок держав будет встречено несочувственно и может подать повод японцам более сдержанно относиться как к нашим, так и союзническим интересам». Лично ему, добавлял он, неоднократно приходилось слышать от японских государственных деятелей, что основным приемом китайской политики является стремление разъединить державы, имеющие интересы на Дальнем Востоке; и если такое мнение справедливо, то возникает вопрос, что в данном положении для России более существенно: сохранить ли в незыблемости те основы, которые установились между нею и Японией «или рисковать поколебать их ради приобретения слабой в военном отношении поддержки Китая»[22]. Другими словами, Малевский весьма скептически относился к идее привлечения Китая в ряды союзников. Такая позиция, как увидим позже, будет стоить ему должности посла «его императорского величества».

В одном из последующих донесений Малевский извещал: «Оба мои сотоварища (послы Англии и Франции.— *В.В.*) полагают, что японское правительство и японское общественное мнение не будут сочувствовать вступлению Китая в дальневосточный блок, так как здесь привыкли смотреть на Китай как на второклассную державу, требующую опеки со стороны соседей и еще неспособную иметь голос в решении вопросов мировой политики. Возможно также, что японцы, ревниво охраняющие свое положение в Китае, заподозрят в предпринимаемом шаге стремление держав обеспечить Китай от дальнейших попыток Японии подчинить его своему преобладающему влиянию»[23]. В то же время английский посол в Токио Грин сообщил Грею, что из своих бесед с бароном Исии он вынес впечатление, что последний «не относился неблагоприятно» к сделанному предложению, но не желает связывать себя до тех пор, пока не узнает побольше подробностей по этому вопросу и не посоветуется с кабинетом. Барон выразил «опасение»: не рискуют ли державы, как это произошло с Турцией, бросить Китай в объятия Германии, требуя от него выслать из страны германских и австрийских подданных.

Сообщение Грина о «не неблагоприятном» отношении барона Исии к проекту союзников в отношении Китая, переданное Греем в Петроград, в какой-то мере ввело в заблуждение Сазонова, хотя не исключено, что царский министр воспользовался им по соображениям иного порядка. Торопя события, Сазонов уже 7 ноября дал указание Крупенскому довести до сведения Юань Шикая: от него ожидают, «ценя высказываемое им дружеское расположение», что он положит конец германским интригам против союзников на китайской территории, порвав дипломатические сношения с Германией и Австрией и удалив из Китая правительственных агентов и подданных этих государств»[24]. Одновременно Сазонов поручил Извольскому и Бенкендорфу настоять перед французским и английским правительствами на посылке аналогичных инструкций их посланникам в Пекин[25].

В Форин Оффис заявили, однако, что английское правительство было бы удовлетворено фактом объявления Китаем войны Германии, но оно все же сочло нужным запросить мнение Японии и до получения ответа предпочитает воздержаться от каких-либо официальных представлений в Пекине по этому поводу[26]. Днем позже английское посольство в Петрограде препроводило Сазонову очередную памятную записку, в которой, в частности, отмечалось: три союзных посланника в Пекине пришли к «общему выводу», что успех в деле достижения разрыва сношений между Китаем и Германией «всецело зависит от совместного выступления, которое должно быть предпринято без промедления», так как план этот уже подвергся огласке «благодаря нескромности китайцев и некоторых иностранцев», в результате чего немцы будут иметь время принять ответные меры для противодействия намерениям союзных держав, их выступлению в Пекине[27]. Однако британский посланник Джордан предупреждал, что, если японское правительство откажется действовать заодно с правительствами Англии, Франции и России, он «предвидит большие затруднения в Китае». Поэтому англичане не решались действовать «в обход союзницы».

Такая информация, казалось бы, лишь оправдывала спешку Сазонова. Согласившись с высказанными в памятной записке соображениями, он сообщил Бьюкенену, что соответствующие инструкции уже посланы им русскому посланнику в Пекине[28]. Кстати, о разглашении «тайны» вашингтонским корреспондентом «Ассошиэйтед Пресс» Сазонов получил уведомление в тот же день и от Крупенского. Сообщая об этом «крайне прискорбном факте», посланник отмечал, что преждевременное разглашение этого известия грозит скомпрометировать успех замысла союзников, «дав германцам возможность принять меры противодействия, пользуясь для этого значительным влиянием, которое они имеют в здешних военных кругах»[29].

Данное обстоятельство побудило Сазонова проявить еще большую настойчивость в осуществлении столь важной, как было признано, политико-дипломатической и экономической акции против Центральных империй. На следующий же день он обратился

к английскому и французскому кабинетам с предложением действовать независимо от японского правительства или даже вопреки ему. Поручая Извольскому и Бенкендорфу переговорить по этому поводу с министрами иностранных дел Франции и Англии, Сазонов указывал, что лучшим средством побудить Японию присоединиться к шагам трех держав перед китайским правительством было бы, по его мнению, чтобы английский и французский посланники в Пекине присоединились к Крупенскому, «не ожидая формального ответа японского правительства». Одновременно Малевскому было предписано «поспешить поддержкой шага», предпринятого английским послом перед японским министром иностранных дел[30].

Однако предложение царского министра не встретило поддержки союзных кабинетов. Бенкендорф в тот же день сообщил Сазонову мнение заместителя Грея Никольсона о желательности сделать заявление в Китае только после выступления держав в Токио. При этом Никольсон выразил надежду, что Крупенский не выступит раньше получения его коллегами соответствующих инструкций[31]. Тогда же и от Крупенского поступило уведомление о том, что английский и французский посланники еще не получили инструкций, «настоять» на которых перед Брианом и Греем Сазонов поручил Извольскому и Бенкендорфу двумя днями раньше, и что, по мнению всех трех посланников, для успеха представлений держав Согласия в Пекине «существенно необходимо, чтобы к ним присоединилась Япония», ибо «выступление без нее было бы сложным»[32]. Все это, несомненно, указывало на явную несогласованность в действиях союзников, как и на наличие между ними противоположных интересов в данном вопросе и их политике в Восточной Азии вообще.

Лишь 9 (22) ноября 1915 г. послы Англии, Франции и России в Токио договорились о совместном заявлении барону Исии и от имени своих правительств официально предложили японскому правительству присоединиться «к предпринимаемым тремя державами шагам в Пекине» с целью побудить Китай разорвать отношения с Германией и Австро-Венгрией, следствием чего должно было явиться вступление его в войну на стороне держав Согласия. Заявление это было встречено по меньшей мере прохладно.

Как и следовало ожидать, барон Исии уклонился от прямого ответа под предлогом болезни премьера и военного министра, а также отсутствия министров внутренних дел и юстиции, хотя и заверил, что приложит все старания к тому, чтобы как можно скорее выяснить отношение японского правительства к предложению держав Согласия. Свое же личное мнение по существу вопроса руководитель японской внешней политики сообщить отказался, несмотря на просьбу послов, сославшись на то, что это дело требует всестороннего обсуждения с членами кабинета и премьером, «который еще в постели». Однако японские руководители не собирались поторапливаться. Напротив, они старались всячески затянуть с

ответом. «Я вынес впечатление,— резюмировал Малевский итог совместного выступления трех послов,— что наше обращение к министру не вызвало в нем особенно сочувственного отклика. Он с видимой неприязненностью отнесся к вопросу о китайских арсеналах и возвращался к нему в нашем разговоре несколько раз. Равным образом, он, как кажется, не сочувствует открытому разрыву дипломатических сношений между Китаем и Австро-Венгрией и Германией»[33]. «Непонятным» показалось барону Исии и то, почему в предварительных объяснениях с ним английского посла Грина вопрос о китайских арсеналах фигурировал в качестве главной цели планируемого выступления союзных держав в Пекине, а теперь первоочередной целью объясняется выдворение неприятельских подданных из Китая и разрыв Китаем отношений с германским блоком. Поинтересовался он даже и тем, осведомлено ли правительство США о намерении держав Согласия привлечь Китай к войне против Германии.

Обрадовать свое начальство союзным послам в Токио и впрямь было нечем. Ранее чем через неделю, уведомлял Малевский, ответа от японского министра ожидать не приходится. Но и неделя оказалась излишне обнадеживающим сроком. Через день он уже корректировал, что в связи с отсутствием императора и болезнью премьера получить скорый ответ Японии на предложение союзных держав нельзя. Вместе с тем, отнюдь не ободряюще добавлял он, выступление держав в Пекине до ответа японского правительства произвело бы в Токио неблагоприятное впечатление[34].

Тем временем японская дипломатия исподволь подготавливала союзников к более неприятному сюрпризу. 10 ноября Бенкендорф сообщал Сазонову на основании полученной им информации от французского посла Поля Камбона, что советник японского посольства в Лондоне выразил желание повидать первого секретаря французского посольства Пико, с тем чтобы передать ему «частным образом»: японское правительство находится под весьма тягостным впечатлением от намерения союзников принять Китай в союз. Это впечатление столь сильно, заявлял японский дипломат, что он опасается, как бы Япония не вышла из союза в случае осуществления данного проекта, усматривая в нем малодружественный акт. К Японии, жаловался собеседник Пико, с момента ее присоединения к союзу никогда не относились как к настоящему союзнику; ее всегда держали в стороне от договоров, никогда ни о чем не информировали, что является плохим признанием оказанных ею услуг. Между тем без помощи Японии Германия могла бы захватить Гонконг и Кохинхину, «а ее запасы оружия были в широких размерах предоставлены в распоряжение России»[35]. П.Камбон не сомневался, что визит японского советника состоялся по прямому указанию посла Иноуэ.

Бенкендорф обращал также внимание на то, что японское посольство в Лондоне распространяло эту точку зрения и в английской печати. Придавая этой информации немаловажное значение, П.Камбон в присутствии Бенкендорфа передал ее Грею,

который тем не менее настаивал на необходимости разрыва Китая с Германией, не предпринимая, однако, в Пекине ничего до соглашения с Японией и ответа на совместное заявление трех послов барону Исии. Английский министр заявил при этом, что Япония, конечно, будет возражать против присоединения Китая к союзу, так как это дало бы ему права союзника, но что Грей «никогда не ставил вопроса таким образом, никогда не говорил о союзе», т.е. не собирался уравнивать Китай в правах с партнерами по коалиции. Речь идет, уточнял он, о высылке германцев и австрийцев, «что почти равносильно разрыву». Грей повторил предостережения Никольсона, чтобы Крупенский не предпринимал соответствующего выступления перед китайским правительством до получения ответа Японии и без своих коллег[36].

В несравненно бóльших масштабах, чем зарубежную прессу, японская дипломатия сумела мобилизовать себе на подмогу свою отечественную. Еще 7 (20) ноября токийское телеграфное агентство «Кокусай» разослало местным газетам телеграмму, в которой передавалось исходившее из Вашингтона через «Ассошиэйтед Пресс» сообщение о плане держав Согласия привлечь Китай к участию в войне. Это известие, сообщал Малевский, тотчас же было подхвачено всей прессой, которая принялась обсуждать его на все лады, причем несочувственное отношение японцев к плану держав стало обнаруживаться все более отчетливо[37]. В короткий срок эта кампания приняла довольно широкий размах. Наблюдательным иностранным дипломатам бросилось в глаза, что японское правительство, которое «легко могло бы задержать или смягчить вашингтонскую телеграмму», не только ничего не предприняло в этом направлении, но, напротив, «постаралось поощрить газетную кампанию». Правда, информировал Малевский, японское министерство иностранных дел официально не вмешивалось в нее и хранило молчание. Однако в официозных органах «Japan Times» и «Japan Advertiser» появились заметки, свидетельствовавшие о том, что они были или сообщены этим газетам, или, по крайней мере, внушены из официального источника. «Хотя и сдержанные по тону,— комментировал посол,— упомянутые заметки не оставляют сомнений относительно неблагоприятной оценки, которую встретил здесь план держав Согласия».

Основной чертой выступлений прессы на указанную тему, отмечалось в том же комментарии, являлось более или менее открыто выраженное притязание японцев на роль «хозяина Дальнего Востока» и «опекуна Китая». А посему, дескать, надлежит согласовывать действия союзников в Китае с мнением Японии, которой по праву принадлежит решающее слово. Вместе с тем в печати высказывались сомнения относительно практической пользы, которую державам Согласия удалось бы извлечь из открытого выступления Китая на их стороне, и подчеркивалось, что те же результаты можно достигнуть, не прибегая к этому «крайнему средству». Некоторые органы печати высказывали предположение, что предпринимаемый державами Антанты шаг объясняется не-

удачами их политики на Балканах и стремлением компенсировать эти неудачи успехом в Китае. Посол отмечал, что сообщаемые им отзывы прессы, «несомненно, отражают настроение японского общества и взгляд правящих сфер на сделанное Японии державами Согласия предложение присоединиться к совместным действиям в Пекине»[38].

В свете этих фактов можно было бы не сомневаться, каким будет официальный ответ японского правительства на совместное представление союзных послов «по китайскому вопросу». И действительно, 23 ноября (6 декабря) 1915 г., т. е. через две недели после памятной встречи, барон Исии пригласил к себе послов Англии, Франции и России и вручил им меморандум[39], по существу полностью перечеркивавший англо-русский проект. В меморандуме заявлялось, что японское правительство подвергло тщательному изучению предложение трех держав и пришло к следующему заключению по трем основным пунктам этого предложения.

Солидаризировавшись с союзниками по поводу получения от Китая необходимых запасов оружия и увеличения производительности его арсеналов, с тем чтобы «сделать их полезными для союзников», японское правительство изъявило готовность «рассмотреть» совместно с ними вопрос о том, какие меры можно было бы принять в Китае, чтобы удовлетворить подобные пожелания без риска для последнего подвергнуться обвинению в явном нарушении нейтралитета. Пояснялось, что союзникам известно о желании Японии [40] помочь Китаю в деле реконструкции его арсеналов. Однако пожелание это было признано китайской стороной неприемлемым во время недавних переговоров в Пекине между представителями японского и китайского правительств, и вопрос об этом был отложен до последующего обсуждения. Япония же «во всякое время готова к сотрудничеству с Китаем в деле сохранения в должном порядке и усовершенствования китайских арсеналов»[41], используя таким образом предложение держав Согласия для обоснования своих притязаний на установление контроля над китайскими военными заводами.

В отношении германских интриг на Дальнем Востоке японское правительство заявляло, что оно не меньше союзников «обеспокоено немецкими происками в Китае, наносящими ущерб общим интересам союзных держав», и полно решимости принять участие в усилиях держав Антанты, направленных на пресечение «злоупотреблений» со стороны германцев и австро-венгерцев, «пытающихся использовать китайскую территорию в качестве базы для своих интриг против союзников». Оно готово даже сделать китайскому правительству «совместное представление» в целях высылки из страны австрийских и германских подданных, но только тех из них, «которые будут уличены в интригах или заговорах», т. е. будет рассматривать каждый случай в отдельности, чтобы установить действительную виновность того или иного лица, прежде чем поддержать требование о его высылке[42].

И наконец, по основному пункту проекта — о разрыве отношений Китая с Германией и Австро-Венгрией, японское правительство, сообщалось в меморандуме, «не может разделить мнения, что было бы целесообразным принять меры, могущие втянуть Китай в нынешнюю войну». Проявляя верх лицемерия, японское императорское правительство заявляло: «Поддерживать мир и порядок в Китае и спасти четыреста миллионов его населения от ужасов войны — таков был руководящий и неизменный принцип японской политики. Именно в этих целях японское правительство стремилось ограничить зону военных действий в его последних войнах на китайской территории».

В соответствующем ключе была выдержана и заключительная часть меморандума, в которой японское правительство сочло себя «вынужденным откровенно признать, что оно не может согласиться на предложенные меры» в целях достижения открытого разрыва между Китаем и Центральными державами. А посему «позволяет себе настойчиво просить союзные правительства... пересмотреть этот вопрос»[43].

Препровождая этот документ в Петроград, Малевский отмечал, что из объяснений с бароном Исии он и его английский и французский коллеги вынесли впечатление: ответ Японии относительно открытого разрыва Китая с Германией и Австро-Венгрией и общего выдворения из его пределов подданных этих держав «имеет окончательный характер». Правда, в отношении использования китайских арсеналов и расширения их производственной мощности в интересах всех союзников, а также применения изложенных в меморандуме «начал» в отношении высылки из Китая австро-германских подданных Исии заметил: и то и другое может еще быть предметом дальнейших переговоров с японским правительством. В целом же это было серьезным поражением дипломатии союзников на Дальнем Востоке, вызванным противоречиями с Японией, причем без какого-либо видимого участия в этой дипломатии вражеской коалиции. Сказались также и собственные империалистические противоречия между Англией, Францией и Россией, равно как и японо-американское соперничество на китайской почве.

Занятая Японией позиция вызвала резкое недовольство стран Антанты. Хотя последние и допускали, что разговор с нею будет не из легких, они тем не менее не предполагали встретить в Токио столь решительное возражение. Особенно были шокированы в столице давней союзницы Японии — Лондоне. Пригласив к себе посла Иноуэ, Грей заявил: ответ японского правительства вызвал «крайнее разочарование» у правительства его величества, которое было убеждено, что быстрое принятие мер в деле высылки из Китая вражеских агентов и использования китайских арсеналов имело бы плодотворные результаты для общего блага. Выдвинутое же японским правительством предложение относительно высылки лиц, замешанных против союзников, отнюдь не обнимает всего вопроса[44]. «Англия,— акцентировал Грей,— гораздо более других союзных

держав страдает от германских интриг в Китае ввиду тех последствий, которые они могут иметь в Индии»[45]. В то же время глава Форин Оффис счел необходимым успокоить правительство Окума в отношении того, что за участие в войне Китай потребует после ее окончания «чрезмерной компенсации». Нет оснований беспокоиться на этот счет, заверил британский министр, «коль скоро от самих союзников будет зависеть предоставить Китаю те компенсации, которые они сочтут подходящими»[46]. (Речь шла об использовании союзниками китайских арсеналов, в связи с чем Иноуэ не преминул заметить, что японское правительство «имеет на них более ранние притязания, которые — оно надеется — не безызвестны союзникам».) При этом посол выразил надежду, что державы Согласия пересмотрят предложенный ими образ действий в отношении арсеналов. К тому же расхождения в точках зрения сторон (японского правительства и союзников) в этом вопросе «касаются скорее срока и способа действия, нежели принципиальной стороны, относительно которой они между собой согласны».

Нескрываемое раздражение позиция кабинета Окума вызвала в Петрограде. В телеграмме Малевскому, переданной также в Париж, Лондон и Пекин, Сазонов метал громы и молнии: «Само собой понятно,— писал он,— что ответ японского правительства не может удовлетворить нас. Он явно продиктован эгоистическими, недальновидными соображениями и может явиться причиной охлаждения союзников к Японии, которая стремится помешать их плану нанести Германии удар на Дальнем Востоке под предлогом человеколюбивого желания оградить четыреста миллионов китайцев от ужасов войны». Совершенно очевидно, продолжал министр, что военные действия германской армии на китайской территории невозможны и, следовательно, разрыв дипломатических сношений между Китаем и Германией повел бы лишь к экономической борьбе, но никак не к вооруженным столкновениям, подобно тому как объявление войны Японии Австрией не привело к военным операциям между этими державами[47].

Углубляясь в дальнейший анализ японского ответа, Сазонов отмечал: цель России и ее западных союзников состоит в том, чтобы разрушить германскую торговлю на Дальнем Востоке и лишить правительство кайзера возможности подготавливать на китайской территории покушения на их азиатские владения и сообщения. Если же пойти по пути, предлагаемому японским правительством, то не удастся достичь ни того, ни другого. Германские банкиры будут по-прежнему получать выплачиваемые им китайским правительством крупные суммы по займам и из других тамошних источников (от торговли и концессий), используя эти суммы на нужды войны, а высылка отдельных лиц из числа австро-германских подданных в порядке, предлагаемом Японией,— на основании установления союзниками их виновности путем рассмотрения каждого конкретного акта диверсионно-подрывной деятельности — повела бы лишь к тому, что высылались бы только те лица, вредные

последствия пребывания которых в Китае стали уже непоправимыми, в то время как другие подрывные элементы продолжали бы действовать. Царского министра возмущало, что японцы не хотят понять — основной и бесспорный выигрыш от этого получат они сами. «Мы не желаем в настоящем деле наносить ущерба японским правам и интересам в Китае или создавать препятствия их дальнейшему развитию»,— подчеркивал он. План выдворения германцев и австрийцев из Китая с последующим нарушением их политического влияния и торговли отвечает прежде всего «широко понятым японским интересам», ибо ни одна держава не воспользуется этим более, чем Япония. Именно ей «в большей своей части» достанется то, что будет утрачено Германией в Китае.

Что касается производства оружия для русской армии, отмечалось далее, то в Петрограде «с самого начала не придавали этому первостепенного значения». «Но на необходимости нанести удар Германии на Дальнем Востоке,— вновь повторял министр,— мы настаиваем, ибо видим большое политическое значение такого удара для успеха нашей борьбы с германскими державами»[48].

Сазонов поручил Малевскому высказаться перед японским министром иностранных дел в указанном смысле и одновременно обратился к французскому и английскому правительствам с просьбой снабдить своих послов в Токио аналогичными инструкциями. Однако Малевский не смог сразу выполнить данного ему поручения. Барон Исии поначалу попросту уклонился от встречи с ним, как, впрочем, и с другими союзными послами, под предлогом своей занятости в парламенте. По прошествии нескольких дней с момента получения инструкции, 1 декабря, Малевский сообщал, что японский министр иностранных дел, «задержанный заседаниями парламента», просил его переговорить со своим заместителем, которому посол передал содержание полученной телеграммы. Заместитель Исии ограничился обещанием передать сделанное ему сообщение министру[49].

Ознакомившись с этим донесением, Сазонов пришел в ярость. За свою нерасторопность Малевский получил приличный нагоняй. «Обращаю ваше серьезное внимание,— выговаривал министр,— на крупное политическое значение дела борьбы с Германией на китайской почве и на невозможность ограничиться объяснениями в указанных вами рамках с товарищем министра иностранных дел на четвертый день по получении вами инструкций. Я не могу предположить, чтобы японский министр в течение четырех дней не нашел времени для разговора с русским послом по важному и спешному политическому вопросу»[50]. Послу было предложено н е м е д л е н н о видеться с бароном Исии и «подробно и настоятельно» развить перед ним аргументы, содержащиеся в упомянутой выше инструкции от 26 ноября. Однако и на этот раз Малевский оказался в весьма затруднительном положении. Дело в том, что вскоре после вручения союзникам упомянутого меморандума японское правительство через своего посла в Лондоне обратилось к Англии

с просьбой об отсрочке переговоров в Токио о привлечении Китая к выступлению против Германии, мотивируя это необходимостью «дать успокоиться японскому общественному мнению». Грей согласился пойти навстречу и адресовался с соответствующим предложением к правительствам Франции и России, о чем поставил в известность своего посла Грина. Японцы, таким образом, вновь внесли неопределенность в действия союзной дипломатии.

Имея эту информацию и не зная еще о том, как отнесутся к этому предложению в Париже и Петрограде, послы держав Согласия в Токио условились между собой «не предпринимать решительных шагов» для получения дальнейших указаний от своих правительств[51]. Тогда же Малевский обратился в Министерство иностранных дел за разъяснениями, как ему вести себя при сложившейся ситуации: должен ли он в ходе дальнейших переговоров действовать по-прежнему совместно с французским и английским послами или независимо от них[52]. Но ответа на этот вопрос он к тому времени еще не получил. Ни английский посол, ни французский также не имели сведений, состоялось ли соглашение между тремя державами относительно временной отсрочки переговоров. Со своей стороны, Малевский считал «крайне нежелательным» выступать перед японским правительством по китайскому вопросу отдельно от представителей союзных держав по двум соображениям. Во-первых, это дало бы повод думать, что между союзниками не достигнуто полного согласия по данному вопросу, а во-вторых, было бы «очень невыигрышным» для создавшегося в Японии «исключительно благоприятного» для России политического положения, так как могло бы вызвать подозрение, что руководит этим делом Россия, «а не Англия, против которой в настоящую минуту так возбуждено здешнее общественное мнение»[53], тем более что, «совещаясь по этому делу ежедневно», послы союзных держав вновь констатировали «явное нежелание» японского правительства поддержать мысль об открытом разрыве Китая с Германией и Австро-Венгрией. Японское общественное мнение, по словам Малевского, продолжало негодовать, обвиняя Англию «в попытке воздействовать на Китай без ведома и за спиной Японии»[54].

Доводы Малевского не были, однако, приняты во внимание. Сазонов требовал, чтобы посол незамедлительно выполнил данное ему предписание. «Я не могу согласиться с вашими соображениями,— настаивал министр. — Конечно, мы не предполагаем вести переговоры по китайскому вопросу независимо от французского и английского правительств. Но из этого не следует, что все наши шаги и объяснения должны вестись совместно нашими представителями. Это, может быть, нужно лишь при передаче конкретных предложений. Между тем в данном случае японское правительство уже осведомлено через своих послов в Петрограде и Лондоне о том, что его ответ не удовлетворил императорского и английского правительств»[55]. Министр выразил надежду, что с получением этих разъяснений посол «не будет медлить».

После столь выразительного внушения посол уже не посмел «ориентироваться по обстановке», хотя и счел необходимым дать дополнительные объяснения по этому поводу. Когда выступление трех послов получило огласку в Пекине, оправдывался он, в здешней прессе против Англии поднялся такой шум, который не утих до сих пор. «Англию обвиняют в предательстве, и серьезные органы печати обсуждают вопрос, не следует ли порвать с ней союзные отношения»[56]. Россию сия чаша миновала. Как уже отмечалось, японская пресса была в это время весьма для нее благоприятной, и посол счел чрезвычайно выигрышным, что царское правительство «осталось в стороне от подобных нареканий» в тот момент, когда оно так нуждается в японской помощи[57]. Вот почему, получив инструкцию, но узнав вслед за тем от британского посла, что Англия согласна повременить с переговорами, чтобы дать успокоиться японскому общественному мнению, Малевский, по его словам, «не решился» выступить независимо от своих сотоварищей без «подтвердительных указаний» из Петрограда[58].

Сазонов намеревался действовать, конечно, не изолированно от своих западных партнеров, но более самостоятельно и с большей настойчивостью и не по сценарию английской дипломатии, как было вначале. Поэтому он решил как можно скорее разъяснить японскому руководству «истинную цель и выгодность для самой Японии» предлагаемого союзниками выступления в Китае. Давая Малевскому соответствующее поручение, Сазонов писал: «...чем скорее японское правительство будет знать истинную цель нашего выступления, тем легче ему будет успокоить общественное мнение. Я не боюсь поэтому взять на себя инициативу успокоительных по своему характеру заявлений»[59]. Послу предписывалось «поспешить» с исполнением данного поручения[60].

Одновременно Сазонов обратился к лондонскому и парижскому кабинетам с предложением использовать ответ японского правительства на заявление трех союзных послов в качестве «отправной точки» для дальнейших переговоров, с тем чтобы Япония сама указала те меры, с помощью которых можно было бы достичь цели, преследуемой Тройственным согласием в Китае. Имелось в виду не устраивать никакой паузы в этом дипломатическом предприятии. Царский министр все еще рассчитывал убедить японское правительство в необходимости открытого разрыва Китая с Германией и Австро-Венгрией и выгодности для Японии именно такого решения. Однако его «успокоительные заявления» не возымели в Токио должного действия.

Учитывая сложившуюся ситуацию, прежде всего рост антибританских настроений в Японии, английское руководство решило пойти на отсрочку переговоров на неопределенное время. Со своей стороны, и французское правительство дало задний ход, хотя и не отказавшись от основной идеи. В пространном телеграфном донесении Реньо рекомендовал Бриану более осторожный образ действий, полагаясь, по существу, на усмотрение кабинета Окума как в отношении выдворения из Китая должностных лиц

Германии и Австро-Венгрии, так и в отношении китайских арсеналов. Влияние Германии на Дальнем Востоке, предостерегал французский посол, возросло бы к большому ущербу союзников и к потере последними престижа, если бы они ответили отказом на японское предложение пересмотреть вопрос об открытом разрыве Китая с Центральными империями[61].

В такой ситуации и русская дипломатия оказалась в значительной мере скованной. 8 декабря Малевский телеграфировал Сазонову, что во исполнение данного ему предписания он подробно изложил барону Исии все вопросы, содержавшиеся в полученных из Петрограда инструкциях, «и с особенной настойчивостью» остановился на соображениях о том, «что разрыв Китая с Германией и Австрией будет наиболее выгодным для торговых интересов самой Японии, могущей успешно заменить Германию на китайских рынках»[62—63]. Но и этот столь соблазнительный аргумент не произвел впечатления на руководителя японского внешнеполитического ведомства. Он сухо заметил, что выгодность для Японии выступления Китая не окупится риском волнений и других осложнений, которые считает неизбежными в Китае в случае вовлечения его в европейскую борьбу, хотя бы таковая и не выразилась в вооруженном столкновении с противником[64].

Неделю спустя после этой встречи, 16(29) декабря, Исии передал ответ, из которого явствовало: «...японское правительство относится совершенно отрицательно к мысли вовлечения Китая в открытую борьбу с Германией и Австрией»[65]. Характерно, что в этом ответе не упоминалось даже и о частичной индивидуальной высылке уличенных в интригах и антисоюзнических замыслах австро-германцев. На вопрос Малевского, чем объяснить это обстоятельство, Исии дал следующее своеобразное объяснение: если державы Антанты и Япония признают за китайскими властями право применять принудительную высылку к германцам и австрийцам, то такую же меру они смогут впоследствии практиковать и в отношении подданных союзных держав[66].

Обсудив указанный ответ в частном совещании, английский, французский и русский послы также пришли «к совершенно определенному заключению» о том, что японское правительство, «по-видимому, бесповоротно решило не поддерживать выступления держав в Пекине с целью вовлечения Китая в открытую борьбу с германцами» и что предлагаемые им меры негласного наблюдения за австро-германцами в разных частях Китая являются не чем иным, как скрытой попыткой осуществить обходным путем одно из японских пожеланий, перечисленных в пятой группе японских требований, отвергнутых китайским правительством. Это «наблюдение», по мнению союзных послов, должно привести «к установлению за счет союзников японской полиции на китайской территории»[67]. Ничего реального для союзников не сулило и обещание барона Исии «изолировать» германские концессии в Тяньцзине и Ханькоу[68].

Не трудно представить, какие эмоции вызвало у Сазонова чтение препровожденной ему Малевским записки-ответа Исии, начинавшейся с заявления о том, что «японскому правительству небезызвестно» использование Германией Китая в ущерб политическим и экономическим интересам держав Согласия, как и то, что от вытеснения Германии из Китая «выиграет главным образом Япония», которая займет место последней на торговом и промышленном поприще. «Однако эти соображения не дают основания для оправдания мер, присоединиться к которым приглашают японское правительство для побуждения Китая выйти из нейтралитета и стать на сторону союзников в настоящей войне»[69]. Соглашаясь с тем, что «перемена фронта» Китаем не обязательно повлечет за собой его прямое участие в активных военных действиях, японское правительство ссылалось на то, что это вызовет у китайцев «сильное беспокойство и опасения», а главное — «создаст благоприятные возможности для недовольных и революционных элементов, об активности которых уже поступают донесения». В силу этого Япония «не может связать себя никакой акцией, способной повергнуть Китай в состояние беспорядка и опустошения»[70].

Занятая кабинетом Окума позиция вызвала в российском Министерстве иностранных дел явное недовольство. «Мы вынесли крайне неудовлетворительное впечатление от ответа»,— сетовал Сазонов в переписке с представителями России в Лондоне, Париже, Токио и Пекине. Даже оставаясь на усвоенной японцами узкой точке зрения недопущения непосредственного вмешательства Китая в мировой конфликт, заявлял он, нельзя не признать, что предлагаемые Японией меры являются «совершенно недостигающими цели»[71].

В какой-то момент у Сазонова даже зародилась мысль: не отказаться ли от дальнейших настояний перед японским правительством и оставить вопрос в прежнем положении, но эту «минутную» слабость удалось побороть[72]. Возникло желание побудить англичан к «более энергичному воздействию» на их дальневосточную союзницу. Однако надежды на это были весьма слабы ввиду заметного охлаждения отношений между Японией и Великобританией. Поэтому и просить приходилось не об энергичном воздействии, а лишь о том, чтобы Англия «не выходила из игры» и не устранялась от дальнейших шагов в предпринятом направлении, так как полный отказ от возвещенного намерения означал бы, как полагали, поражение союзников и победу Германии на дальневосточных рубежах дипломатической борьбы. Поручая Бенкендорфу переговорить с Греем по поводу полученного из Токио последнего ответа, Сазонов осторожно предлагал выяснить, не возьмет ли на себя британское правительство как союзник Японии почин дальнейших объяснений с токийским кабинетом, как оно предлагало ранее[73]. Для начала нового дипломатического раунда Сазонов находил целесообразным поручить посланникам союзных держав в Пекине обсудить японский проект с целью

«доказательства его несостоятельности» и выработки более действенных мер борьбы с Германией, «хотя бы оставаясь на почве китайского нейтралитета»[74]. В Лондоне, как и в Париже, отнеслись к этому с пониманием[75].

Докладывая о выполнении соответствующего поручения, Крупенский сообщал: он и его английский и французский коллеги пришли к единодушному заключению о полной неприменимости предлагаемых Японией мер борьбы с германскими происками в Китае, не обещающих «никаких благих результатов». Решительно никакого смысла не видели посланники и в изолировании германских концессий в Тяньцзине и Ханькоу. К тому же и на практике это было невыполнимо. Главные центры германских интриг, пояснял Крупенский, находились в Пекине, Шанхае и Мукдене, где никаких германских концессий не было[76]. Проблема, однако, заключалась не только в этом. Крупенский обращал внимание на то обстоятельство, что отношение китайского правительства к принятию мер против германцев будет при таком повороте дела «совершенно иным», нежели то, о котором он говорил в своем первом донесении по этому вопросу в октябре месяце, «когда китайцы надеялись стать в ряды союзников и воспользоваться всеми связанными с этим выгодами». Вследствие изменения постановки вопроса они уже не будут иметь ни малейшего желания восстанавливать против себя Германию и Австрию. К тому же им стало известно, что все дело затормозилось из-за противодействия Японии. Поэтому они не могут не опасаться, что присоединение последней к предложениям союзников будет куплено ценой уступок за счет Китая, и отнесутся с чрезвычайной подозрительностью к любым требованиям. Чтобы заставить их принять эти требования, пришлось бы прибегнуть к «весьма серьезным мерам давления»[77]. Такой поворот был бы сопряжен с большим риском: Германия могла склонить Китай на свою сторону. Ознакомившись с этими соображениями, Малевский, между прочим, телеграфировал Крупенскому и в Петроград, что ввиду бесповоротного отрицательного отношения кабинета Окума к вопросу о вовлечении Китая в открытую борьбу с Австро-Германией союзные державы вряд ли без содействия Японии выступят в Пекине в указанном направлении, дабы не вызвать серьезных осложнений на Дальнем Востоке[78].

Не испробованной оставалась возможность предложить японскому правительству соответствующие компенсации за его согласие на поддержку проекта союзников по вовлечению Китая в войну. Однако последний ответ Японии указывал, по мнению Сазонова, на такое «коренное разногласие» с нею по этому вопросу, которое если и могло бы быть устранено, то только лишь жертвами, далеко непропорциональными «уступке» с японской стороны[79].

Мысль о «компенсациях» Японии за поддержку плана вовлечения Китая в войну была высказана французским правительством. Еще до получения японского меморандума, 16 ноября, Палеолог передал Сазонову пространную ноту, в которой, в частно-

сти, говорилось, что, если бы Япония открыто присоединилась к предполагаемому выступлению держав в Пекине, вероятность разрыва сношений между Китаем и австро-германцами значительно увеличилась бы. Но, поскольку китайское правительство надеется со вступлением в антигерманскую коалицию выйти из-под влияния Японии и планируемое соглашение с Китаем «со всех точек зрения имеет острие, направленное против Японии», необходимо не только не оставлять у Японии никакого сомнения в лояльных по отношению к ней англо-франко-русских намерениях, но и заинтересовать ее в результатах такого соглашения «определенными для нее выгодами, которые служили бы противовесом ее опасениям»[80].

По этим соображениям правительство Бриана рекомендовало воздержаться от какого-либо выступления в Пекине без участия японского правительства и «оставить всякую мысль» о принятии предложения Китая предоставить в распоряжение Согласия его арсеналы, на которые Япония, как отмечалось во французской ноте, уже имеет некоторые права. Парижский кабинет находил «неудобным» для Японии присоединиться к коллективному выступлению союзных держав в Пекине не только в связи с вопросом о японских «правах» на китайские арсеналы, но и в связи с выказанной ею с самого начала оппозицией проекту президента Юань Шикая восстановить монархию, а также из-за щепетильного отношения общественного мнения Японии к вопросу об обращении с Китаем как с равным и как с союзником держав, притом настолько близким, что он будет иметь возможность участвовать на мирной конференции и поднять по окончании войны вопрос о Шаньдуне и т. д.

Французское республиканское правительство, разбавленное правыми социалистами, ничуть не смущало то обстоятельство, что Япония руководствовалась при этом сугубо корыстными соображениями: помешать Китаю укрепить свое внутреннее и международное положение. Напротив, именно поэтому Франция считала необходимым оплатить ее поддержку (разумеется, за чужой счет). «Противодействие японского правительства созданию в Китае преемственной и сильной власти...— отмечалось в указанной ноте,— может быть объяснено лишь задней мыслью эгоистического характера: или желанием помешать Китаю укрепиться или стремлением воспользоваться обстоятельствами, чтобы получить от него оставшиеся неприобретенными преимущества, которые ускользнули от Японии при недавних переговорах. Речь шла о пятой группе японских требований, предъявленных Китаю в январе 1915 г. специальной нотой, содержавшей „21 требование". В конце апреля того же года Япония вручила Китаю новую ноту, в которой значились уже 24 требования (пункта). Поэтому, чтобы побудить японское правительство присоединиться к взглядам союзных держав, необходимо купить его содействие, поддержав его притязания хотя бы частично»[81]. В качестве откупного должны были служить китайские арсеналы, вопрос о коих предлагалось отложить на будущее время, заверить Японию в том, что за нею бу-

дут признаны «уже приобретенные ею права». Эта мысль повторялась особенно настойчиво. Что касается вступления Китая в войну на стороне союзников, то это рекомендовалось провести «с достаточным тактом», дабы не задеть самолюбия его агрессивной соседки.

Высказывался и еще ряд аналогичных советов и пожеланий, прежде всего относительно использования зависимости Китая от империалистических держав, его экономических и политических трудностей. «Воздействие союзников на Китай,— спешили напомнить колонизаторы со стажем,— будет тем легче, что его правительство в данный момент придает чрезвычайное значение восстановлению монархии и готово всем пожертвовать, дабы получить на это согласие держав». Не менее естественным считалось воспользоваться «крайней нуждой» китайского правительства в деньгах, что могло заставить его «согласиться на все». А коли так, то и Япония может быть щедро вознаграждена. Это сделает ее более благосклонной к замыслам союзников. Важным признавалось еще и то, чтобы «умело преподнести» японским заправилам получаемые ими выгоды от намечаемой сделки.

Исходя из изложенного, французское правительство предлагало поочередное выступление союзников в Токио с соответствующими авансами, дабы «побороть сопротивление Японии, неосторожно вызванное первыми выступлениями», а затем уже в Пекине при непременном участии японского посланника. «Было бы в самом деле недопустимо, чтобы Китай мог поссорить нас с Японией»[82]. Знакомая логика колонизаторов. В ноте сообщалось, что французскому послу в Токио уже даны соответствующие инструкции в указанном смысле, и содержалась просьба снабдить таковыми и Малевского.

Разделяя «в общем» взгляд французского правительства о необходимости «заплатить» Японии за ее присоединение к выступлению держав Тройственного согласия в Пекине (с целью побудить китайское правительство к разрыву с Германией и Австро-Венгрией) «поддержкой всех или части тех домогательств, от которых она отказалась при недавних переговорах с Китаем», Сазонов находил «неосторожным» брать на себя инициативу предложить Японии какие-либо выгоды, пока неизвестно, как она отнесется к этому предложению, т.е. к предложению о поддержке ею плана союзников в отношении Китая. Вместо этого Сазонов предложил поручить послам держав Согласия в Токио выяснить путем «частных объяснений» с японским министром иностранных дел, при каких условиях Япония согласилась бы выступить совместно с ними в Китае и какие выгоды она желала бы получить за свое согласие[83]. Давая Малевскому соответствующее поручение, Сазонов просил иметь в виду, что неосуществленные при последних переговорах с Китаем требования, представляющие важность для японского правительства, против которых, между прочим, особенно возражало в свое время царское правительство, существенным образом затрагивают интересы других союзных держав, и в част-

ности Англии [84]. С другой стороны, указывал министр, японское правительство всегда предпочитало вести переговоры непосредственно с китайским правительством, не посвящая в них другие державы. Поэтому предлагать японцам поддержку для осуществления их домогательств было бы неосторожно, не говоря уже о том, что оказывать давление на Китай для побуждения его принять японские требования значило бы нанести Юань Шикаю «тяжелое оскорбление»[85].

Предупреждая, таким образом, о необходимости более расчетливого подхода к вопросу о «вознаграждении» Японии за ее предполагаемую поддержку союзников в Пекине, Сазонов не в первый раз напоминал: главная причина колебаний японского правительства в деле привлечения Китая в число участников антигерманской коалиции кроется в нежелании видеть Китай в положении известного равноправия с Японией и другими державами, что позволило бы ему «требовать изменения своего международного положения»[86]. Сложность крылась в чрезмерных аппетитах японского империализма. В середине декабря Малевский просил дать ему конкретные указания для бесед с Исии, какие имеются в виду компенсации: те, которые были обозначены в пятой группе японских требований к Китаю, или какие-либо другие. Посол сообщал, что не только в японской печати, но даже в парламенте высказывались такие пожелания, как, например, предоставление права жительства для японцев в Австралии и Ост-Индии, что было далеко не безразлично для Великобритании. Выставлялось также требование о предоставлении Японии торговых преимуществ, не исключая территориальных уступок, в Тонкине (прежнее название Северной части Вьетнама). Это затрагивало по преимуществу французские интересы. России довольно откровенно намекали на уступку Северного Сахалина и продление рыболовной конвенции 1907 г. на новый срок на более льготных для японских рыбопромышленников условиях[87].

Ясно, что торговаться за чужой счет было намного проще. Совсем иные эмоции вызывали притязания к самим «распорядителям» чужого добра. «Мы, как и французское правительство,— разъяснял Сазонов Малевскому,— не допускали мысли, чтобы японское правительство в вопросе, не связанном для него никакими реальными жертвами, а, напротив того, во многих отношениях обещающем ей укрепление ее положения в Китае, могло выставить притязания на территориальные или крупные политические уступки со стороны держав Согласия»[88]. Послу напоминалось, что в ранее посланных ему инструкциях, касавшихся переговоров с Японией по затронутому вопросу, речь шла не об изыскании ей компенсаций, а лишь об осторожном выяснении того, не могут ли ее колебания быть устранены предоставлением известных выгод лишь «на почве китайских интересов». Вскоре и Малевский отписал: ответ барона Исии на упомянутые выше сазоновские «успокоительные» заявления «был настолько категорическим, что исключал всякую возможность навести разговор на вопрос о

компенсациях»[89]. Не собирались выделять компенсаций для Японии из своего собственного пирога ни Англия, ни Франция.

В стремлении добиться разрыва Китая с Центральными державами и вовлечь его в войну Сазонов пытался также прибегнуть к содействию правительства Соединенных Штатов, что весьма симптоматично в плане развития русско-американских политических контактов в рассматриваемый период. В переданной Палеологу по этому поводу памятной записке от 7 декабря 1915 г. говорилось: царский министр иностранных дел «имеет некоторые основания полагать, что американское правительство могло бы с пользой выступить в Токио, дабы побудить японское правительство принять предложения держав Согласия относительно разрыва между Китаем и Германией». Поэтому предлагалось союзным правительствам провести в Вашингтоне «официальным образом» соответствующий зондаж на предмет выяснения возможности подобного вмешательства[90].

Этим «основанием» послужило, очевидно, сообщение Крупенского о том, что американский посланник в Пекине Рейнш, пользовавшийся особым расположением президента Вильсона, «весьма сочувственно» относился к мысли о присоединении Китая к союзникам, усматривая в этом намерении «способ избегнуть японской опасности»[91]. Сообщая в Париж, Лондон и Вашингтон содержание указанной памятной записки, Сазонов предписывал Извольскому и Бенкендорфу просить французское и английское правительства поручить их послам в Соединенных Штатах выяснить, не согласится ли американское правительство оказать такую поддержку. Расчет строился, видимо, на том, чтобы заинтересовать заокеанских бизнесменов перспективой занять место высланных из Китая германских и австрийских подданных. Но этот заход оказался безрезультатным.

В связи с началом переговоров о заключении русско-японского союзного договора Сазонов пытался вновь поднять вопрос о привлечении Китая в антигерманскую коалицию. В памятной записке Министерства иностранных дел, переданной английскому и французскому послам в Петрограде 19 февраля 1916 г., заявлялось: «Между петроградским и токийским кабинетами был начат обмен мнениями относительно более тесного союза в целях воспрепятствовать Германии играть доминирующую роль в Китае. Это обстоятельство создает предлог для того, чтобы более настоятельно добиваться от японского правительства его участия в проектируемых мерах, имеющих целью нанести удар Германии на китайской территории»[92]. В беседах с Мотоно, говорилось далее, Сазонов уже высказался в указанном смысле, объяснив, что такой удар может быть нанесен только во время войны, так как в мирное время союзники уже не располагают средствами, которыми могут пользоваться в течение военных действий. Бриану и Грею была адресована просьба «объясниться» в том же смысле с японским правительством, чтобы дать ему понять — союзники единодушны в своем требовании участия Японии в осуществлении

этого проекта ввиду значения, которое они ему придают[93]. Однако эта новая инициатива царского министра не получила в тот момент поддержки. Политическое руководство Великобритании явно пасовало перед ощетинившейся восточной союзницей. По сообщению Бенкендорфа, английский министр иностранных дел считал, что при переговорах с Японией не следует даже возвращаться к вопросу о допущении Китая в союз; нужно ограничить общие усилия союзников получением согласия Японии сотрудничать в борьбе против германских происков в Китае. Обосновывая эту позицию, Грей говорил: «надо серьезно принять во внимание особое положение Японии и потребность в экспансии для страны, для которой закрыты Америка и английские колонии и в силу обстоятельств весь Запад; для нее тем самым остается один Китай»[94].

В свою очередь, Мотоно еще в феврале 1916 г. заявил Сазонову, что японское правительство «уже выяснило свое отношение к вопросу о привлечении Китая», о чем в свое время было сообщено Англии, Франции и России. По его мнению, «весьма затруднительно изменить это решение», и было бы лучше всего отделить этот вопрос от вопроса о заключении союзного договора. Сазонов не возражал тогда против ведения переговоров по двум вопросам раздельно, но выразил пожелание заключить союз, как только Россия и Япония придут к соглашению относительно выдвинутого державами Согласия плана привлечения на их сторону Китая. Пожелание это так и осталось нереализованным. Основное внимание царской дипломатии было сосредоточено после этого на заключении русско-японского союзного договора, размещении в Японии военных заказов и получении кредитов на их оплату.

В вопросе о вовлечении Китая в антигерманскую коалицию японский империализм, по существу, диктовал союзникам свою волю, используя благоприятно сложившуюся для него обстановку. Заслуживает внимания представленный Малевским в Министерство иностранных дел обстоятельный анализ тех перемен, которые произошли в расстановке и соотношении сил на Дальнем Востоке с начала мировой войны и которые предопределили позицию японского правительства в отношении намеченной антантовским триумвиратом военно-политической и экономической акции в Китае. «Современное политическое положение Японии,— отмечал посол,— значительно разнится от того, каким оно было перед войной. За прошедшие 18 месяцев международные условия настолько изменились, что ныне Японию надо признать не только великой дальневосточной, но и мировой державой»[95].

Как и Соединенные Штаты, Япония баснословно наживалась на войне; японский империализм «мужал», возрастали его военно-политические амбиции и экспансионистские устремления. «Война, столь разорительная для государств Европы,— писал Малевский,— отразилась чрезвычайно благоприятно на финансах и торговле Японии». Числясь в состоянии войны «лишь номинально», Япония после легкой победы в Циндао не теряла больше

ни одного солдата и не тратила на войну ни одной иены. Напротив, констатировал посол, золотой запас ее почти удвоился, торговое пароходство расцвело, внешняя торговля оживилась и побила рекорд по вывозу за весь период приобщения Страны восходящего солнца к цивилизации. Вывоз оружия, боеприпасов и различных видов снаряжения и экипировки армий не только обогащал казну но и содействовал быстрому развитию японской промышленности[96].

Но еще большими, чем финансовые и торгово-экономические выгоды, подчеркивал посол, были выгоды политические. «Если до войны Япония могла считаться наиболее влиятельной силой на Дальнем Востоке, то ныне она сделалась полновластной хозяйкой здешнего положения: ни мы, ни Англия, ни другая европейская держава, не имея в своем распоряжении на Дальнем Востоке ни сухопутной армии, ни флота, не в состоянии противодействовать Японии в достижении ее целей»[97]. С таким положением нельзя было не считаться не только во время ожесточенной схватки с германским империализмом, но и в послевоенной политике в Восточной Азии. Японцы, говорилось в том же донесении, вполне сознают исключительность условий, в которые они поставлены благодаря войне и, несомненно, постараются использовать это к своей выгоде. «В то время как европейские державы истощаются физически и морально в титанической борьбе, Япония с каждым днем крепнет, богатеет и запасает силы на будущее. Этим объясняется и то обстоятельство, что Япония решительно отклонила все попытки втянуть ее активно в европейскую войну посылкой на западный фронт своих войск»[98].

Уже тогда Япония интенсивно готовилась к широкой агрессии против Китая, к его покорению и угнетению, что означало одновременно и полное вытеснение оттуда всех ее конкурентов. Правящие круги Японии отлично сознавали, что в этой нелегкой борьбе им придется схлестнуться с таким сильным соперником, как американские монополии, жаждавшие захвата китайского рынка и немало преуспевшие в этом в предвоенные и военные годы. Не заинтересованная в окончательном крушении Германии, Япония, писал Малевский, пользовалась войной для накопления финансов и боевых сил, готовясь «к тому моменту, когда начнется ликвидация войны и когда державы приступят к новой ориентации взаимных политических интересов. Главным объектом японской политики является Китай, куда и направлены ее конечные цели»[99]. В этом, между прочим, крылась одна из причин, что Япония очень скупо откликалась на просьбы царского правительства о поставке русской армии вооружения, стараясь сбыть по преимуществу устарелые образцы стрелкового оружия и артиллерии.

Конечные цели японского империализма простирались, разумеется, еще дальше, и ближайшие годы наглядно это подтвердили: Япония билась за гегемонию в Азии и на Тихом океане. В рассматриваемый же период первоочередной задачей японской политики являлось покорение Китая, задачей, продиктованной не

«жизненной потребностью», как о том твердит обычно пропаганда захватчика, а корыстными интересами господствующих кругов. Зарясь на богатства Китая, на обилие в нем дешевой рабочей силы, японский империализм стремился к внутреннему и внешнеполитическому ослаблению своей жертвы, дабы облегчить себе ее покорение. «Усиливать Китай политически и содействовать его централизации совершенно не отвечает интересам японской политики. Для Японии, наоборот, выгодно теперешнее хаотическое состояние соседа и шаткое положение его правителя»[100].

Тем же объясняется, продолжал посол, и несочувствие японского правительства привлечению Китая к открытому разрыву с Австро-Германией. Вступление Китая в число союзных государств дало бы Китаю выигрышное положение среди других государств, подняло бы его престиж и обеспечило бы ему, «помимо финансовой поддержки, самостоятельное и равноправное положение на будущей мирной конференции. С подобным привлечением Китая в „концерт" союзных держав Япония едва ли примирится, а тем не менее можно ожидать, чтобы она допустила возвысить Китай в ранг великой державы при помощи европейских государств с их ближайшей поддержкой, с явным ущербом для японского влияния». Дипломат, конечно, явно переоценивал перспективы, открывавшиеся перед Китаем в случае его вступления в ряды союзников, и дальнейшие события наглядно это подтвердили. Но в тот момент в политических и деловых кругах Японии определенные опасения в связи с этим имели место, хотя ни Англия, ни Франция, ни царская Россия, как и заокеанские «демократы», и не помышляли возводить Китай в ранг великой державы. Такие изменения могли произойти лишь в результате победы китайской народной революции, путь которой осветила Великая Октябрьская социалистическая революция.

Общий вывод Малевского по существу рассматриваемого вопроса сводился к повторению ранее высказанных, и не только им одним, соображений, а именно: как ни желательно вовлечение Китая в открытую борьбу с Австро-Германией и как ни существенно устранение там германской интриги, поддерживаемой германскими банками, торговыми домами, газетами и официальными германскими агентами в Пекине, «возникает первостепенный вопрос: какие компенсации потребует Япония за содействие этому плану? Идти же на него без согласия Японии, чтобы поставить ее перед совершившимся фактом», значило бы рисковать взаимоотношениями с нею и вызвать ее безусловное противодействие союзникам. «Да и Китай едва ли решился бы на такой шаг без одобрения из Токио»[101]. Что касается «компенсаций», таких, как уступка Северного Сахалина или всего участка КВЖД от Чаньчуня до Харбина, то это было бы, мягко выражался посол, «явным домогательством» по пересмотру Портсмутского договора и последующих русско-японских соглашений 1907, 1910 и 1912 гг. Это нанесло бы «непоправимый ущерб» политическому престижу России и ее жизненным интересам на Тихоокеанском

побережье. «Даже заключение формального союза с Японией не оправдывало бы с нашей стороны таких уступок»[102].

Этим, собственно, пока и закончилось «выяснение отношений» с Японией в китайском вопросе, тактика сазоновских «успокоительных заявлений». Из-за негативной позиции японского правительства замысел держав Согласия претерпел такие превращения, что от их первоначального проекта ничего не осталось: вместо крупной и действенной политической акции — всего лишь дипломатический суррогат, каких было немало за годы войны. Правда, данный почин имел свое продолжение.

С конца 1916 г. переговоры о привлечении Китая на сторону Антанты возобновились. На этот раз Япония обнаружила бóльшую предрасположенность к достижению взаимоприемлемого решения. 26 января (8 февраля) 1917 г. новый министр иностранных дел Японии барон Мотоно заявил русскому послу в Токио Крупенскому, что японское правительство не противостоит намерениям держав Согласия видеть Китай в рядах антигерманской коалиции, но до вступления его в войну Япония должна заручиться обязательством союзных держав поддержать на будущей мирной конференции ее притязания на Шаньдунь и тихоокеанские острова Германии, расположенные к северу от экватора: Маршалловы, Марианские и Каролинские [103]. Союзники с готовностью выдали такое обязательство. Сначала это сделали Англия и Франция, а затем Россия[104]. В свою очередь, японское правительство согласилось поддержать притязания Англии на германские островные владения в Тихом океане к югу от экватора. Эта империалистическая сделка была признана также Россией, Францией и Италией[105]. Вместе с тем правительство Токио обещало оказать помощь Антанте в перевозке военных грузов на японских транспортных судах и выделить часть военных кораблей для несения конвойной службы в Средиземном море и в Атлантическом океане[106].

Следует сказать, что изменение позиции Японии в вопросе о вовлечении Китая в войну произошло не без влияния Соединенных Штатов. Разорвав дипломатические отношения с Германией формально из-за объявления ею неограниченной подводной войны, правительство США обратилось к нейтральным странам (в том числе и к Китаю) с приглашением последовать его примеру. Американский посланник в Пекине по указанию Вильсона обещал китайскому правительству «существенную финансовую помощь» при условии, если оно прекратит отношения с Германией. На сей раз японское правительство не только не возражало против разрыва Китая с Германией, а, напротив, поддержало предложение Вашингтона. Министр иностранных дел Японии Мотоно, советуя китайскому правительству последовать примеру США, рекомендовал ему порвать с Германией «как можно скорее»[107].

27 января (9 февраля) 1917 г. пекинское правительство передало германскому посланнику ноту с выражением протеста против объявленной Германией неограниченной подводной войны и

предупреждением, что в случае, если это решение будет приведено в исполнение, Китай сочтет себя вынужденным расторгнуть с Германией дипломатические отношения. С этого момента не только Россия и западные державы, но и Япония активно выступает за вовлечение Китая в войну и ликвидацию расположенных на его территории германских торговых и промышленных предприятий[108]. Аналогичные шаги были предприняты в Сиаме[109]. В середине февраля (ст. ст.) правительство Токио предложило кабинету Ллойд Джорджа выступить с совместными рекомендациями правительству Дуань Цижуя объявить войну Германии, гарантируя удовлетворение заявленных Китаем требований[110]. Согласовав между собой это предложение, державы Антанты сделали в Пекине соответствующее заявление. 1(14) марта 1917 г. правительство Дуань Цижуя разорвало дипломатические отношения с Германией и Австро-Венгрией. Но лишь через пять месяцев, 1(14) августа 1917 г., китайское правительство объявило войну Центральным державам.

Участие Китая в войне выразилось в конфискации и передаче в распоряжение союзников германских и австрийских кораблей, находившихся в китайских портах, и в отправке 175 тыс. рабочих, которых использовали на строительстве укреплений в Европе и на Среднем Востоке. Со своей стороны, союзники согласились освободить Китай на пять лет от уплаты «боксерского вознаграждения», а ту часть этого вознаграждения, которая причиталась Германии и Австро-Венгрии, полностью аннулировать. Кроме того, союзники согласились на повышение таможенных пошлин до 5% от фактической стоимости ввозимых в Китай товаров[111]. Империалистические державы, увы, не ввели Китай в «концерт» великих и равноправных ни во время войны, ни после нее и продолжали грабить и угнетать его многострадальный народ, не прекращая драчки между собой за его колонизацию. В 1931 г. Япония захватила Маньчжурию и начала дальнейшее вторжение в пределы Китая [112].

Итак Китай еще в августе-сентябре 1914 г. изъявил желание выступить совместно с Англией и Японией в операции против Циндао и в Шандуне; однако и Англия и Япония, в особенности последняя, отклонили предложенные им Пекином услуги. Осенью 1915 г. китайское правительство совершенно определенно заявило державам Согласия о своей готовности выступить против блока Центральных империй. Франция, Англия и Россия весьма одобрительно отнеслись к этой инициативе, стремясь подорвать политическое и экономическое влияние Германии в Восточной и Юго-Восточной Азии, вытеснить ее с дальневосточных рынков, прикрыть один из важных источников получения неприятелем средств на войну, положить конец германским интригам против союзников в этом регионе.

Успех предпринятой тогда дипломатической акции по вовлечению Китая в войну был очень важен для всех держав Антанты, дабы ослабить, помимо всего прочего, крайне неблагоприятное

впечатление от провалов их политики на Балканах, особенно от измены правящих кругов Болгарии во главе с Фердинандом, отказа Греции от выступления в поддержку Сербии и колебаний румынского правительства. Франция, кроме того, рассчитывала получить в Китае необходимую для ее военного производства рабочую силу [113]. Из-за обструкционистской позиции японского правительства эта акция не имела тогда успеха. Переговоры возобновились с конца 1916 г. и завершились разрывом Китаем дипломатических отношений с Германией и Австро-Венгрией, а позже, в августе 1917 г., и его вступлением в войну.

[1] См.: *Григорцевич С. С.* Указ. соч. С. 567. В операциях в Шаньдуньской провинции в (районе бухты Киао-Чао и крепости Циндао) участвовало 30 тыс. японских солдат и 1350 английских. Крепость Циндао оборонялась немецким гарнизоном численностью в 5 тыс. человек (Там же. С. 477—478).
[2] МОЭИ. Т. IX. № 184. С. 186.
[3] Там же.
[4] Там же. Т. VII, ч. 2 № 746. С. 427.
[5] МОЭИ. Т. IX. № 184. С. 286; С. 200. Примеч. 2.
[6] Там же, С. 187.
[7] Там же, № 144. С. 142.
[8] Там же. С. 187.
[9] Там же. № 209. С. 209; Красный архив. 1928. Т. 6 (31). С. 38.
[10] МОЭИ. Т. IX. № 199. С. 200.
[11] Там же.
[12] Там же. Примеч. 2.
[13] Там же. № 229. С. 235.
[14] Там же, № 241. С. 251.
[15] Там же. № 261. С. 268.
[16] Красный архив. 1928. Т. 6 (31). С. 38.
[17] МОЭИ. Т. IX. № 283. С. 287.
[18] Там же. № 284. С. 288.
[19] Там же. С. 288—289.
[20] Там же. С. 289.
[21] Там же.
[22] Там же. № 249. С. 256.
[23] Там же. С. 290.
[24] Там же. № 285. С. 292—293, 296.
[25] Там же. С. 296. Примеч. 2.
[26] Там же. С. 308—309.
[27] Там же. № 293. С. 301.
[28] Там же.
[29] Там же. № 298. С. 305.
[30] Там же. № 302. С. 309.
[31] Там же. С. 296.
[32] Там же. С. 301.
[33] Там же. № 316. С. 322—323.
[34] Там же. С. 323.
[35] Там же. № 324. С. 331—332.
[36] Там же. С. 332.
[37] Там же. № 398. С. 411.
[38] Там же. С. 411—412.
[39] Там же. № 452. С. 467—470.
[40] Об этом, в частности, упоминалось в английском меморандуме, врученном японскому послу в Лондоне 30 октября (12 ноября) 1915 г. См.: МОЭИ. Т. IX. № 241. С. 247—249.
[41] МОЭИ. Т. IX. С. 468.
[42] Там же. С. 466—467.
[43] Там же. С. 468—469.
[44] В особенности ввиду заявления Исии о рассмотрении каждого такого дела в отдельности.
[45] МОЭИ. Т. IX. № 539. С. 552.
[46] Там же. С. 553.
[47] Там же. № 473. С. 486—487.
[48] Там же. С. 488. Несколько ранее Сазонов поручал Малевскому указать японскому правительству, насколько опасно оставлять на свободе в указанный период бежавших из русского плена германских и австрийских солдат и офицеров не только в Китае, но и в Японии, имеющей организованную и бдительную полицию. «Тем более опасны они в Китае, где пользуются внеземельностью и живут на собственных и международных концессиях». Именно из Китая как представлялось, направлялась деятельность германской агентуры на Дальнем Востоке. 21 ноября Малевскому были посланы сведения о сосредоточении в Тяньцзине большого числа бежавших из русского плена германских и австрийских офицеров и о намерении Германии распространить на китайские воды действия своих подводных лодок для угрозы сообщению между Японией и Владивостоком и создать для них базу на Чусанских островах. МОЭИ. Т. IX. С. 487.

[49] МОЭИ. Т. IX. С. 562; № 558, С. 579.
[50] Там же. № 543. С 582.
[51] Там же. № 559. С. 579.
[52] Там же.
[53] Там же. № 575. С. 599—600.
[54] Там же. № 558. С. 579.
[55] Там же. № 587. С. 611—612.
[56] Там же. С. 612.
[57] Там же.
[58] Проявленная Малевским «осторожность» кончилась для него печально и несколько неожиданно. Вскоре после этого он получит уведомление о предстоящем отозвании, на его место будет назначен посланник в Пекине В. Крупенский, а вместо Крупенского в Пекин направят директора дипломатической канцелярии при ставке Н. А. Кудашева. См.: МОЭИ. Т. X. С. 219, 220.
[59] Там же. Т. IX. № 564. С. 584—585.
[60] Там же. № 559. С. 580.
[61] Там же. № 539. С. 555.
[62—63] Там же. № 673. С. 707.
[64] Там же. № 600. С. 623.
[65] Там же. № 673. С. 708.
[66] Там же. С. 709.
[67] Там же. С. 709—710. Речь идет о «21 требовании» Японии к Китаю, предъявленном ему в ноте от 8(21) января 1915 г. См.: МОЭИ. Т. VII, ч. 2. № 249. С. 324, 327, История дипломатии М., 1965. Т. 3. С. 21—24.
[68] МОЭИ. Т. IX. С. 710.
[69] Там же. С. 712—713.
[70] Там же. С. 713.
[71] Там же. № 676. С. 718.
[72] Там же. С. 719. Примеч. 1.
[73] Там же. С. 719.
[74] Там же. Давая Крупенскому соответствующее поручение. Сазонов просил его развить, особенно с точки зрения местных практических условий, критику предлагаемых японцами мер и наметить ряд более эффективных средств борьбы с германцами. Там же. Примеч. 4.
[75] Там же. № 596. С. 619—620.
[76] Там же. № 702. С. 737—738.
[77] Там же. С. 739.
[78] Там же. С. 739. Примеч. 2.
[79] Там же. № 676. С. 719.
[80] Там же. № 375. С. 384.
[81] Там же. С. 384. См.: МОЭИ. Т. VII, ч. 2. № 746. С. 423—428, 434—435, 436; Т. X. № 463. С. 573; *Хвостов В. И.* История дипломатии, Т. 3. М., 1965. С. 21—23.
[82] МОЭИ. Т. IX. С. 384, 385.
[83] Там же. С. 428.
[84] Там же. С. 427—428; Т. X. С. 573.
[85] Там же. Т. IX. С. 428.
[86] Там же. С. 428—429.
[87] Там же. С. 674. Примеч. 2; Т. X. № 463. С. 574.
[88] Там же. Т. IX. № 646. С. 674.
[89] Там же. № 698. С. 735.
[90] Там же. № 583. С. 609.
[91] Там же. № 184. С. 187.
[92] Там же. Т. X. № 295. С. 316.
[93] Там же. С. 317.
[94] Там же. № 378. С. 415—416.
[95] Там же. № 463. С. 571.
[96] Там же. С. 571—572.
[97] Там же. С. 572.
[98] Там же.
[99] Там же.
[100] Там же. С. 573.
[101] Там же. С. 574.
[102] Там же.
[103] АВПР. Миссия в Пекине. Д. 34. Л. 221—222.
[104] *Гримм Э. Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927. С. 192.
[105] Там же. С. 193—194; *Григорцевич С. С.* Указ. соч. С. 572.
[106] *Григорцевич С. С.* Указ. соч. С., 572.
[107] АВПР. Миссия в Пекине. Д. 34. Л. 249.
[108] АВПР. Ф. Канцелярия. 1917 г. Д. 96. Л. 291, 335.
[109] Там же. Л. 336.
[110] АВПР. Миссия в Пекине. Д. 34. Л. 361.
[111] *Григорцевич С. С.* Указ. соч. С. 575.
[112] История дипломатии. Т. 3. С. 433—442, 538—550.
[113] МОЭИ. Т. IX. № 74. С. 66—67; № 115. С. 105—106; Т. X. № 420. С. 420, 482.

Глава пятая

РУССКО-АМЕРИКАНСКОЕ «СБЛИЖЕНИЕ» В ПРЕДФЕВРАЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Тенденция к сближению торгово-промышленных кругов России и США отчетливо обозначилась к началу второго года войны и даже несколько ранее. Инициатива в этом направлении исходила от буржуазии. Вскоре она получила поддержку и со стороны самого царского правительства, хотя последнее проявляло в этом вопросе известную сдержанность вплоть до последних дней своего существования. Царь сторонился «демократии бизнеса», а та не хотела «компрометировать» себя связью с одним из наиболее реакционных политических режимов, хотя все это отступало на второй план перед соображениями практического порядка. Острая нужда в вооружении и финансах, нарушение традиционных торговых связей с европейскими государствами и многое другое заставили правящие круги России повернуться в сторону тяготевшей к союзникам империи доллара. Этому способствовало то обстоятельство, что связь с США была значительно менее стеснена военными обстоятельствами, если не считать ограниченность торгового флота и слабость дальневосточных портов, хотя и скрытых от военных операций. К тому же американский капитал и сам настойчиво пробивал себе дорогу к русским рынкам.

Соединенные Штаты с каждым днем богатели на войне. Их промышленность, получавшая огромные военные заказы, бурно развивалась, создавая все большие и большие накопления. Широкий сбыт получила и продукция сельского хозяйства в захваченные военным пожаром страны. Американские банкиры и бизнесмены становились «симпатичными» партнерами, с которыми русская торгово-промышленная буржуазия была не прочь «водить дружбу». Еще в мае 1913 г. с высочайшего позволения императора, в Москве была учреждена Русско-американская торговая палата (РАТП) [1], ставившая своей целью содействовать притоку американских капиталов в Россию и развитию русско-американских торговых отношений. С января 1915 г. Палата начала издавать свой печатный ежемесячный орган «Вестник русско-американской торговой палаты», в котором из номера в номер настойчиво пропагандировалась идея взаимного экономического сближения [2]. В передовой статье первого номера «Вестника» прямо подчеркивалось, что представляемая им организация ставит перед собой две основные задачи: освобождение русско-американской торговли от по-

среднических услуг третьих стран и привлечение американского капитала к развитию производительных сил России.

Необходимость решения первой задачи объяснялась в передовой тем, что «посреднические услуги» сильно удорожают продукты обмена и мешают непосредственным сношениям производителей и покупателей. Важность второй задачи обосновывалась тем, что без широкого прилива иностранных капиталов «совершенно немыслим... дальнейший экономический рост страны и расцвет таившихся в ней великих возможностей». Раскрывая этот тезис и соблазняя своих будущих контрагентов блестящими перспективами, издатели «Вестника» писали: «До сих пор в Россию широкой струей вливался главным образом французский, бельгийский и германский капитал, отчасти и английский. После войны обстоятельства коренным образом изменятся, спрос на иностранные капиталы сильно возрастет. Французский и английский капиталы будут в значительной мере отвлечены нуждами собственных стран, и для американского капитала откроется широкое поле деятельности в России»[3].

Такие же мысли развивал в своей статье товарищ председателя Палаты, член Государственного совета профессор И. Х. Озеров, советовавший американским бизнесменам не упускать удобного момента, пока другие заняты войной, и уже теперь смелее внедряться в русскую экономику.

Высокопоставленный царский чиновник настойчиво рекомендовал американцам «понять переживаемое время» и подсказывал, какие отрасли являются наиболее перспективными для извлечения солидных прибылей. Он советовал им обратить особое внимание на эксплуатацию в России нефтяных, медных и других месторождений, убеждая, что легче всего внедриться в эти отрасли именно сейчас двумя путями: скупать понизившиеся русские бумажные ценности этих категорий и создавать новые предприятия[4]. Автор статьи предложил образовать специальный русско-американский кредитный банк, который не только содействовал бы расширению взаимной торговли, но и помогал бы американским предпринимателям приобретать в России концессии на постройку железных дорог (на севере европейской части России, на Кавказе и главным образом в Сибири), возведение оросительных систем (особенно в районах хлопководства) и т. д. Этот банк, по идее царского советника, должен был играть роль «очей и ушей» для американского экспортера товаров и капитала[5].

Оценивая сложившуюся международную экономическую и политическую ситуацию, профессор Озеров «предсказывал», что европейская война будет содействовать росту американских капиталов и что в недалеком будущем США превратятся в экспортера капитала. В связи с этим он снова и снова возвращался к мысли о благоприятном для американцев моменте и выгоде для них «освоить» русский рынок. «Но сближение с

Россией не менее важно и для Соединенных Штатов: им нужны прежде всего рынки, им становится тесно у себя, и в будущем будет еще теснее, а между тем они встречали до сих пор все растущую немецкую конкуренцию, которая оказалась весьма чувствительной для американцев в Южной Америке. Можно думать, что после войны немцы выбросят большие количества товара по пониженным ценам на рынки, и следовательно, Соединенным Штатам нужно иметь в виду эту перспективу и заранее к ней подготовиться» [6].

Можно сказать, Палата разворачивала свою деятельность под девизом «Америка на смену Германии». Кстати, в заметке под таким именно заголовком отмечалось, что прекращение торговых сношений с Германией и Австро-Венгрией вызвало в торгово-промышленных кругах других государств стремление воспользоваться данным обстоятельством и увеличить торговые сношения с русским рынком. При этом подчеркивалось, что американская промышленность готова вполне заменить на русском рынке все те товары, которые до сих пор поступали главным образом из Германии, и что правительство Соединенных Штатов уже обратилось к своему генеральному консулу в Москве с запросом относительно состояния гидроэлектрического дела в России, а точнее, относительно возможности сбыта в Россию продукции американской электротехнической промышленности [7].

Эта идея усиленно протаскивалась и в последующий период. В заметке «Роль Америки», помещенной в четвертом номере «Вестника», снова подчеркивалось: «В настоящее время было бы очень желательно, чтобы Америка воспользовалась создавшимися условиями, вошла в более тесные сношения с нами и заняла прочно те позиции, которые раньше с такой невыгодой для нас занимала Германия» [8]. То же самое говорилось и в корреспонденции «Вольная Гавань». В ней отмечалось, что устройство в Либаве вольного порта должно сильно способствовать освобождению России от посреднических услуг Германии, которая почти монополизировала доставку большинства продуктов из-за границы и стояла на пути развития непосредственных торговых сношений России с Америкой и другими странами. В будущем такое положение должно быть исправлено, причем торговые сношения с Америкой должны получить особое развитие[9]. Русско-американская торговая палата и «Общество сближения» становились, таким образом, орудием экономической экспансии США в России.

Особый упор сторонники экономического сближения с США делали на том, что американский капитал якобы «аполитичен» и в отличие от германского, английского и французского капитала в России не ставит перед собой каких-либо политических целей, а руководствуется сугубо экономическими соображениями,— соображениями коммерческой выгоды. На это, в частности, обращали внимание своего начальства агент российско-

го Министерства торговли и промышленности в Вашингтоне К. Ю. Медзыховский и представитель Центрального военно-промышленного комитета в США профессор Б. А. Бахметев. Последний, например, в донесении А. И. Гучкову от 18 декабря 1915 г. отмечал: «Из всех иностранных капиталов американский единственный, который не ищет и никогда не будет искать и иметь политических интересов в России» [10].

Трудно сказать, что здесь преобладает: добросовестное заблуждение или желание ускорить реализацию заманчивой идеи? Во всяком случае, эта точка зрения получила широкое распространение как в правительственных сферах, так и в торгово-промышленных кругах России [11].

Помимо непосредственной заинтересованности русской буржуазии в установлении прочных деловых связей с американскими капиталистами, в этом чувствовалось также стремление предупредить возможность присоединения США к Германскому блоку. Опасения на сей счет вызывались тем обстоятельством, что в США с самого начала войны наметилось сильное прогерманское течение (в США проживало в то время 20 млн человек германского происхождения). Некоторые влиятельные американские торгово-промышленные и финансовые круги, главным образом германского происхождения, выступали за более тесное сотрудничество и союз США с Германией. Следует отметить также, что эти круги при посредничестве нейтральных стран поддерживали связь с немецкими фирмами и вели с ними деловые операции даже после вступления США в войну на стороне Антанты.

Пользоваться благоприятным моментом советовал американским бизнесменам и орган финансово-промышленных кругов России «Вестник финансов, промышленности и торговли». В феврале 1916 г. в нем была помещена большая статья, весь смысл которой, казалось, в том и состоял, чтобы подстегнуть американских монополистов к ускоренному «освоению» мировых рынков, в том числе и русского. В статье анализировалось положение, создавшееся в мире, и показывалось, почему именно настоящий момент являлся исключительно благоприятным для укрепления позиций американского капитала во всем мире. Высказывалось мнение, что при сложившейся ситуации, когда в Европе бушует война, в которую вовлечены все крупнейшие державы, Соединенные Штаты имеют реальные возможности захватить рынки Центральной и Южной Америки, а также дальневосточные рынки. Резюмируя приведенные соображения, автор статьи писал, что у Северной Америки, благодаря необычайно выгодной для нее политической и экономической обстановке, появились большие шансы сделаться новым мировым центром финансового капитала и торгового оборота, что необычайный прилив денег в эту страну позволяет ей расплатиться со своей внешней задолженностью и расширить свое производство, равно как и отвоевать рынки Централь-

ной и Южной Америки и Дальнего Востока. При этом указывалось на тенденцию к непрерывному возрастанию европейской задолженности США и на то, что финансирование торговли с другими странами будет приносить им крупные дополнительные прибыли [12].

Чтобы стать новым мировым финансовым и торговым центром, Штатам важно было завладеть не только перечисленными рынками, но и таким богатейшим рынком, какой представляла собой Россия, к чему и были направлены устремления американского капитала и к чему его поощряла сама русская буржуазия. «Борьба за мировые рынки,— подчеркивал автор,— несомненно, будет очень сильной после войны» [13]. Поэтому, дескать, торопитесь, господа добрые, не мешкайте, вам все карты в руки. США более, чем Германия, имеют основание рассчитывать на создание у себя нового мирового финансового и торгового центра [14]. В статье рассматривался вопрос о борьбе между Англией и Германией за преобладание в мире и перспективах американской конкуренции. Отмечалось, что США имеют в данный момент наибольшие шансы на обогащение по сравнению с другими странами. Не принимая участия в мировой войне и получая громадные заказы от воюющих государств, Штаты получили небывалую в истории возможность крупнейшего увеличения национального богатства, не принося никаких людских и материальных жертв. Положение Америки исключительно выгодно еще и потому, что и по окончании войны она явится в течение ближайших лет крупнейшим поставщиком для Европы различного сырья и товаров[15]. Автор даже подсказывал, в чем состоят «слабые места» американского империализма, которые могут послужить препятствием к достижению указанной цели, и не скрывал удовлетворения по поводу того, что американские монополисты успешно работают над устранением этих «недостатков», в частности усиленно наращивают мощность торгового флота.

Сторонники русско-американского сближения из торговой палаты и других буржуазных учреждений соблазняли американских капиталистов перспективой получения в России высоких прибылей, что являлось и является главным в их миссии «продвижения экономического прогресса» в экономически слабые страны. Товарищ председателя РАТП А. В. Бер в своем выступлении на международной торговой конференции в Нью-Йорке (декабрь 1915 г.) разъяснял американским бизнесменам, что при наличии в России несметных запасов сырья, топлива, водной энергии и дешевой рабочей силы (по его мнению, в четыре раза более дешевой, чем в США) американцам гарантирован «несомненный успех», если они пожелают поместить свой капитал в какую-нибудь отрасль русской экономики. Бер рекомендовал вкладывать доллары в русскую горнорудную промышленность, в железнодорожное строительство, сельское хозяйство, торговлю (в том числе и внешнюю) и т. д. Так же,

как и его предыдущий собрат по Палате, он дружески советовал не упускать благоприятного момента и смелее направляться в «страну неисчерпаемых возможностей». «Условия настоящего момента,— писал он,— делают работу каждого американского доллара, помещенного в России, значительно более легкой, чем когда-либо раньше [16]. Не забывал напомнить и о «дешевой» рабочей силе. Все эти призывы и наставления совпали по времени с непрекращавшейся кампанией против немецкого засилья в русской экономике [17].

Таким образом, РАТП становилась активным контрагентом американского монополистического капитала в России, рупором американских фирм и монополий, проводником их «созидательных идей». Деятельность ее непрерывно расширялась. В августе 1915 г. она открыла свое отделение в Петрограде, а в мае следующего года — такое же отделение в Киеве. К концу 1916 г. Палата насчитывала уже 566 индивидуальных и коллективных членов [18]. В нее входили не только представители крупной буржуазии, но и некоторые видные чиновники государственного аппарата — тайные государственные советники и даже отдельные министры, как, например, последний министр иностранных дел царского правительства Покровский. В 1917 г. Палата разрасталась еще быстрее, и на 1 декабря 1917 г. в ее списках зарегистрировано уже 870 лиц и учреждений, т. е. членский состав возрос более чем в полтора раза [19]. Предполагалось также открыть отделения Палаты (и в этом направлении уже велась активная организационная подготовка) в Архангельске, Нижнем Новгороде, Одессе, Саратове, на Кавказе, в Туркестане, а также в ряде городов Сибири: Омске, Томске, Иркутске, Новониколаевске и во Владивостоке. В Адресе, преподнесенном американскому генеральному консулу Снодграссу как «инициатору и пионеру Русско-американской торговой палаты» и ее первому почетному члену в связи с его отъездом из Москвы 18 августа 1916 г., отмечалось, что «не пройдет и года, как все почти крупные центры Российской империи будут иметь очаги русско-американского сближения», т. е. отделения РАТП[20].

В том же направлении, что и Русско-американская торговая палата, развивало свою деятельность так называемое «Общество сближения между Россией и Америкой», основанное в Петрограде в 1915 г., которое также имело свой печатный орган[21]. Согласно уставу, Общество создавалось с целью содействия дружественному сближению обеих стран, установлению научных и культурных связей между ними, а также деловых контактов в области торгово-промышленной деятельности. В уставе Общества было записано, что оно будет организовывать музеи и выставки, проводить вечера и съезды, устраивать лекции, выпускать периодические и непериодические издания, содействовать установлению деловых сношений в области торговли и промышленности, науки и литературы. Обществу пре-

доставлялось право открывать свои отделения в различных городах России. Как и торговая Палата, Общество объединяло крупных финансистов и промышленников, высокопоставленных чиновников государственного аппарата, представителей правых партий. Во главе Общества стоял барон Розен, бывший русский посол в Соединенных Штатах Америки с 1905 по 1911 гг.

Непрерывный рост военных расходов, острая нужда в материальных и денежных средствах заставили царское правительство придать идее экономического сближения с Америкой характер государственной политики, перейти от молчаливого одобрения этой идеи к непосредственному претворению ее в жизнь. Еще предшественник Горемыкина на посту премьер-министра В. Н. Коковцов командировал в США профессора И. М. Гольдштейна для изучения вопроса о развитии русско-американских торговых сношений [22]. 9 февраля 1916 г. Сазонов выступил на заседании Государственной думы с пространной речью, в которой заявил, что усилия русского правительства будут направлены на установление тесных экономических связей с Соединенными Штатами. «Замечающийся интерес американской промышленности к нашему рынку,— сказал он,— позволяет надеяться, что при существующих между Россией и Америкой дружественных политических отношениях экономическому сближению между ними предстоит широкое развитие на пользу обеих стран. К этому, во всяком случае, будут направлены усилия русского правительства» [23].

Выступление царского министра было подхвачено правительственной и буржуазной печатью. Близкая к правительственным и финансовым кругам газета «Новое время» в одной из своих передовых статей писала, что США, располагая огромным запасом денежных средств, могли бы часть из них весьма выгодно разместить в России. Газета указывала на такие сферы приложения капитала, как промышленность, железнодорожное строительство, сооружение морских портов и кораблей, речных каналов, проведение мелиоративных работ и возведение оросительных систем и т. д.

Именинниками почувствовали себя руководители Русско-американской торговой палаты. Пользуясь случаем, они направили царскому министру специальную телеграмму с выражением ему «глубочайшей благодарности» за выступления, «чрезвычайно содействовавшие установлению дружеских отношений между американскими и русскими деловыми кругами и оказанию поддержки делу, которому служит Палата» [24]. В ответ на эти излияния Сазонов писал: «...всегда рад содействовать Русско-американской торговой палате в ее стремлении к сближению между русскими и американскими деловыми кругами, каковому сближению очень сочувствую и придаю важное значение» [25]. Еще в самом начале войны Сазонов заявлял поверенному в делах США в Петрограде, что перед Аме-

рикой открылась возможность заменить прекращенный германский экспорт в Россию американским. Германия же, как известно, занимала до войны первое место по ввозу своих товаров в Россию. По данным русской статистики, в 1912 г., например, ввоз из Германии в Россию составил свыше 500 млн руб., из Англии — 142, из США — 87 млн руб. [26]

Заявление Сазонова вызвало восторженный отклик и в США. Американо-русская торговая палата выразила русскому министру «глубокую благодарность за чувства, высказанные им в Думе» относительно экономического сближения двух стран. Эти чувства, говорилось в присланной ею телеграмме, вызвали большой интерес финансовых и промышленных кругов Америки [27]. В ответе Сазонов снова подчеркнул, что он «глубоко сочувствует» установлению между Россией и США «прочного экономического сближения» [28].

Министр иностранных дел не составлял исключения. В пользу сближения с торгово-промышленными и финансовыми кругами США высказались и другие царские министры во главе с премьер-министром Горемыкиным. Министр торговли и промышленности князь Шаховский считал деятельность Палаты полезной, помогал ей «во всех ее начинаниях» и оказывал содействие в деле открытия Американо-русской торговой палаты в Нью-Йорке, желая этим «родственным учреждениям» полных успехов [29]. За развитие торговых отношений с Америкой и сближение между двумя государствами выступал также министр финансов П. Л. Барк. Он тоже считал «высокополезной» деятельность Палаты, оказывал ей «солидную финансовую поддержку» путем выдачи субсидий и желал дальнейших успехов[30]. Поддерживал Палату и министр земледелия А. Н. Наумов, предпринявший «практические шаги по сближению России с Америкой» [31].

Много внимания выказали царские министры открытию Американо-русской торговой палаты в Нью-Йорке. Министры иностранных дел, торговли и промышленности, земледелия, финансов, военный министр генерал А. А Поливанов, председатель императорского государственного Совета А. Н. Куломзин и другие направили приветственные телеграммы, в которых они подчеркнули стремление к установлению прочных связей с деловыми кругами Соединенных Штатов [32]. Министр финансов Барк выразил твердую уверенность в том, что учреждение этой Палаты «будет содействовать экономическому единению двух стран» и что в недалеком будущем «торговые сношения с великой заатлантической республикой достигнут полного развития» [33]. Приветствие с пожеланиями всяческих успехов послал и сам премьер царского правительства Горемыкин [34]. Столь обильный поток официальных приветствий был не лишен, разумеется, и определенного политического значения.

Все это свидетельствовало о том, что царское правительство понемногу начинало кланяться господину доллару, полагаясь

на его будущую «поддержку», прежде всего в области военного снабжения и финансов. Отражая интересы буржуазии, царское правительство изъявляло готовность широко ракрыть двери для проникновения в Россию американских ростовщиков и бизнесменов. Упоминавшийся уже товарищ председателя Русско-американской торговой палаты Бер в середине декабря 1916 г. подал в Министерство иностранных дел специальную записку, в которой обосновывалась необходимость более широкого привлечения американских капиталов в русскую экономику. В записке обращалось внимание на тот факт, что в США скопилось огромное количество золота, в силу чего они рано или поздно окажутся перед необходимостью поисков новых рынков и, вполне естественно, захотят использовать русский рынок. Учитывая это обстоятельство, автор записки рекомендовал теперь же предпринять дальнейшие шаги для русско-американского сближения.

Записка Бера была встречена в МИДе весьма благожелательно. Новый министр иностранных дел Н. Н. Покровский, который, как уже отмечалось, сам являлся членом Русско-американской торговой палаты, написал: «Мысль, положенная в основу этой записки, заслуживает очень большого внимания»[35]. Вскоре после этого (2 января 1917 г.) Покровский направил послу в Вашингтоне телеграмму, в которой рекомендовал «всеми доступными средствами поддерживать в американских заинтересованных кругах обнаруживающиеся стремления вкладывать американские капиталы в русские ценности и предприятия»[36]. При поддержке Министерства финансов Покровский в январе 1917 г. выступил с предложением о посылке в США специальной финансово-экономической миссии, возглавляемой каким-либо «особо авторитетным» лицом, с участием представителей правительства, всесторонне осведомленных в финансовых и экономических вопросах[37]. В Министерстве иностранных дел задумывались уже не только о торговле, но и о политике. В январе 1917 г. была подготовлена записка, в которой отстаивалась идея установления тесных связей с США «ввиду решающей роли, которую правительство Соединенных Штатов, несомненно, призвано сыграть при ликвидации войны»[38].

Поворот царизма в сторону заокеанской республики, хотя и был медленным и осторожным, объяснялся тремя основными причинами. Одна из причин состояла в том, что царское правительство испытывало острую нужду в деньгах и военных материалах. Расходы на войну непрерывно возрастали, а конца ее не было видно. США могли стать важным кредитором. Опираясь на русскую буржуазию, царское правительство стремилось расположить к себе американских толстосумов, надеясь получить от них дополнительные займы и увеличить военные заказы. Кроме того, с помощью американского капитала царское правительство хотело несколько поправить положение

хотя бы в тех ведущих отраслях хозяйства, без которых невозможно было обеспечить военную мощь страны, поддержать ее на должном уровне. Другая причина политики «сближения» заключалась в необходимости стимулировать тяготение к Антанте мощной промышленной державы, придерживавшейся формального нейтралитета, предотвратить возможность изменения ею своей позиции в мировом конфликте. И наконец, таким путем надеялись в какой-то мере использовать США в качестве противовеса Англии и Японии при проведении дальневосточной политики.

Хотя Англия и Франция продолжали кредитовать Россию, их средств было явно недостаточно на покрытие возросших нужд в заграничных военных заказах. К тому же кредиторы, особенно Англия, проводили все более жесткую линию в отношении своей союзницы, и не только в финансовых вопросах. Стремление избавиться от чрезмерной англо-французской финансовой опеки также содействовало русско-американскому торгово-экономическому сближению. При этом учитывалось и еще одно обстоятельство. Англия, являвшаяся главным кредитором России, предоставляла займы почти исключительно на военные нужды. От США рассчитывали получить и на нужды гражданской экономики.

Дальнейшее развитие политика экономического и политического сближения России и США получит при Временном правительстве[39].

Политика царского правительства как нельзя более соответствовала экспансионистским устремлениям монополистических кругов США. Интерес к русскому рынку американские капиталисты начали проявлять еще до первой мировой войны. Уже в начале XX в. американские предприниматели добиваются от царского правительства получения концессий на разработку природных богатств[40]. По восходящей развивалась и русско-американская торговля с преобладанием американского сбыта. Согласно данным русской статистики, по объему экспорта в Россию США уже в 1912 г. опередили некоторые другие страны и вышли на третье место после Германии и Англии, а по сведениям американского генерального консула в Москве Снодграсса, США обошли и Англию, выйдя, таким образом, на второе место[41].

В годы войны интерес в США к русскому рынку заметно возрос, а главное, значительно расширились возможности для проникновения американского бизнеса в Россию. Прежде всего потому, что основные конкуренты, великие европейские державы, всецело поглощенные войной, ослабили контроль не только над мировыми рынками, но и над своими собственными, сделав их сравнительно легко доступными для американских экспортеров. Еще в большей мере это относилось к России, промышленность которой была развита значительно слабее, чем ее конкурентов. Произошли и другие существенные изменения. Для

монополистов США первая мировая война явилась источником стремительного обогащения. Чистые военные прибыли американских монополий и отдельных фирм составили: в 1914 г.— 3940 млн долларов, в 1915 г.— 5310, в 1916 г.— 8766, а в самом прибыльном, 1917 г.— 10 730 млн долларов [42].

Резко возросла американская внешняя торговля. Соединенные Штаты сделались основным поставщиком вооружения, боеприпасов, промышленных и сельскохозяйственных товаров воюющим странам. Их активное торговое сальдо, в 1913 г. немногим превышавшее 50 млн долларов, 1916 г. достигло 2135,6 млн долларов, а за все время войны превратилось в кругленькую сумму —10 305 млн долларов [43]. Американские коммерсанты и промышленники богатели буквально с каждым днем войны. Орган американского финансового капитала газета «Уолл-стрит джорнэл» с циничной откровенностью писала: «Война для нас — дойная корова, она принесла нам прибыли и сверхприбыли» [44].

Накануне войны США сами числились в должниках: на 1 июля 1914 г. их долг достигал почти 4 млрд долларов, а стоимость американских ценных бумаг, принадлежавших иностранцам, равнялась 5 млрд долларов [45]. В ходе же войны США из должника превращаются в кредитора, а их бывшие кредиторы сами оказываются должниками. В. И. Ленин отмечал, что на войне американские капиталисты «нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые страны. Они награбили сотни миллиардов долларов» [46]. К началу марта 1917 г. вклады Национального банка США превысили 16 млрд долларов, что оказалось больше содержимого государственных банков Англии, Франции, Германии, Японии, Испании, Дании, Норвегии, Швеции и Швейцарии, вместе взятых. За время войны США предоставили своим союзникам займов на общую сумму 8839,6 млн долларов (из них 7319 млн долларов приходилось на правительственные и 1520,1 млн долларов на частные займы) [47]. К исходу войны страны Антанты задолжали США более 11 млрд долларов [48]. Помимо этого, США имели к тому времени за границей 13 млрд долларов капиталовложений [49]. «Только Америка,— указывал Ленин,— оказалась в финансовом положении абсолютно самостоятельной. Она была должником до войны, теперь она только кредитор. Все остальные державы мира в долгу»[50].

Давно известно, что алчность и жажда наживы возрастают прямо пропорционально росту богатства. Непомерно разбогатевшие на войне американские миллионеры не довольствуются приобретенным. Они хотят, чтобы золотой дождь, начавший литься на них с 1914 г., не прекращался. Война же, как она ни доходна, не бесконечна. А поэтому надо спешить, надо не только сейчас солидно подзаработать, но и обеспечить себя на будущее обильным золотым урожаем. А для этого надо прочно обосноваться на мировых и национальных рынках. На своем же им и те-

перь уже стало тесно. Они пытаются проникнуть всюду, где только возможно. Под видом финансово-экономической «помощи» США постепенно опутывают сетью финансово-экономической зависимости не только малые, но и большие страны с недостаточно развитой экономикой. Золото и доллары служат для американских империалистов мощным тараном, с помощью которого они взламывают стоящие на пути преграды и прокладывают дорогу к чужим рынкам и источникам сырья — национальному богатству других стран.

Россия оказалась одним из наиболее открытых и привлекательных районов для иностранного капитала. Интерес американского монополистического капитала к ней в годы войны заметно возрос. В годовом отчете Департамента торговли США, подводившем итоги внешнеторговых операций за первые 12 месяцев войны, подчеркивалось, что США уже теперь должны серьезно подумать о будущем и прочно закрепиться на внешних рынках. Откровенно признавая, что достигнутые успехи американской внешней торговли прямо зависят от военных действий в Европе, документ указывал на необходимость обеспечения интересов бизнеса в будущем. Великая Европейская война, говорилось в нем, поставила перед американской деловой средой вопрос об иностранной торговле. В отчете содержались рекомендации смелее использовать коммерческий кредит и наряду с экспортом товаров увеличивать экспорт капиталов: «Мы никогда не извлечем всей выгоды из внешней торговли, если не решимся снабжать капиталами другие нации и иностранные предприятия... Та страна, которая дает капитал, обыкновенно также поставляет и материал и производит работы»[51].

Иными словами, доллары возвращаются к своим хозяевам с солидным приращением. Американским капиталистам советовали внедряться в важнейшие отрасли хозяйства других стран. Именно США являются родоначальником неоколониализма, который своими корнями уходит в первые десятилетия XX в. Опоздав в силу ряда исторических причин к разделу мира, США стремились наверстать упущенное. Не имея еще мощной военной машины и не осмеливаясь пока идти на открытые военные столкновения с крупными колониальными державами из-за передела мира, они прибегли к иному способу колонизации и эксплуатации — финансово-экономической экспансии.

В начале 1916 г. официальный представитель Департамента торговли США д-р Пратт, являвшийся одним из вдохновителей американской экономической экспансии, выступил с речью (опубликованной газетами под заголовком «Наша экспортная политика»), в которой прямо поставил вопрос о необходимости теперь же подготовить почву к прочному приобретению таких богатых рынков, как Южная Америка, Южная Африка, Австралия, Индия, Дальний Восток, Россия. Касаясь последней, Пратт сказал: «Это рынок, заслуживающий особенного и серьезного внимания со стороны каждого промышленника и экспортера. Импорт

в Россию в последние годы достиг суммы 500 млн долларов, и это — громадный рынок, открытый (!) американцами, по крайней мере, наравне со всеми другими странами» [52]. Пратт обращал внимание американских бизнесменов на огромные природные богатства России. «Не надо забывать,— подчеркивал он,— что Россия — страна с огромными естественными богатствами, страна, во многих отношениях еще не развитая. Железные дороги, порты, разные общественные предприятия — все это необходимо России, все это должно только строиться»[53]. Пратт развивал далеко идущие планы. «Я думаю,— говорил он,— что ближайшие 50 лет для России будут таким же блестящим периодом промышленного развития, какой недавно пережили и Соединенные Штаты» [54]. Пратт призывал американских капиталистов смелее идти на вывоз капитала и на предоставление кредита тем странам, в которых они намериваются прочно обосноваться в области промышленного и торгового бизнеса. Всякий промышленник, поучал он, серьезно думающий о завоевании внешних рынков, должен быть готовым оказывать своим покупателям кредит по крайней мере на 90 дней. Тогда же Русско-американская торговая палата получила от своего представителя в Нью-Йорке сведения о том, что американские финансовые круги озабочены вопросом о наиболее выгодном размещении тех колоссальных финансовых средств, которые им удалось накопить за истекшие месяцы войны, о чем Палата и оповестила своих клиентов [55].

В Нью-Йорке еще в конце 1915 г. при участии крупнейшего финансового центра США National City Bank была создана мощная экспортно-импортная организация «Американская международная корпорация», цель которой состояла в том, чтобы содействовать размещению американских капиталов за границей.

С первых дней своего существования эта организация проявляла повышенный интерес к России. Агент русского Министерства торговли и промышленности сообщал из Вашингтона, что «основная деятельность корпорации будет направлена главным образом к завоеванию русского рынка»[56]. Несколько позже, весной 1916 г., в Чикаго была учреждена так называемая Международная компания фабрикантов и заводчиков (МКФЗ), руководители которой откровенно заявляли, что представляемая ими компания имеет цель увеличить роль США во внешней торговле России. В создании МКФЗ активное участие приняли Министерство торговли США, различные торговые палаты, а также орган крупнейших монополий США Национальная ассоциация промышленников. МКФЗ имела свои конторы во многих странах мира, в том числе и в Москве. Как отмечалось в цитированной выше статье «Вестника финансов...», американские торгово-промышленные и финансовые круги «мечтают о том, что страна их сделается новым мировым средоточием денежного рынка, что к доллару перейдет монопольное положение фунта стерлинга, и крайне интересуются вопросом

о расширении своих рынков»[57], все больше отвоевывая их у конкурентов. Заметных успехов они достигли в завоевании рынков Центральной и Южной Америки и постепенно продвигаются на дальневосточные рынки. National City Bank уже открыл свои филиалы в Буэнос-Айресе, Рио-де-Жанейро, Сантьяго, на Кубе и в Пуэрто-Рико. Предполагалось открыть новый банк (United States Bank) в Буэнос-Айресе. Отмечалось, что по инициативе бизнесменов США устраиваются панамериканские конгрессы, на которых обсуждается вопрос об установлении более тесных связей между обеими частями Нового Света.

Для достижения заветной цели — стать новым мировым финансовым и торговым центром — Соединенным Штатам важно было завладеть и таким богатейшим рынком, каким являлась Россия. К этому и были направлены усилия американского капитала. Проводниками американского влияния в России служили упоминавшиеся выше Русско-американская торговая палата и Общество сближения между Россией и Америкой. Обе эти организации, по существу, являлись активными контрагентами американского капитала в России, рупором американских фирм и монополий. С их помощью заокеанские бизнесмены усиленно изучали русский рынок, пропагандировали среди русского населения, в первую очередь среди буржуазии, идею привлечения в страну иноземных «благодетелей». Через названные организации американский посол Френсис установил тесную связь с лидером кадетов П. Н. Милюковым и лидером октябристов А. И. Гучковым. Известный американский историк Вильямс в работе о русско-американских отношениях признает, что «в Русско-американской торговой палате в Москве и Петрограде господствовали люди Моргана»[58]. Известно, что одним из учредителей ее был генеральный консул США в Москве Снодграсс.

В начале 1916 г. в Нью-Йорке создается Американо-русская торговая палата, в которую входят представители крупнейших американских фирм и монополий, стремившихся к захвату русского рынка. Президентом Палаты стал известный бизнесмен Чарльз Бойнтон. В состав совета Палаты вошли виднейшие представители промышленных и финансовых кругов Соединенных Штатов: первый вице-президент National City Bank С. Мак-Робертс, президент New York Life Insurence C° Д. Кингсли, президент Guaranty Trust C° Ч. Сабин, председатель правления Chase National Bank Б. Гелбэрн, президент First National Bank of Boston Д. Уинг, от фирмы Lee, Higginson and C° Ф. Аллен, от фирмы Kidder, Peabody and C° Ч. Сэрджент, от Harris Forbes and C° Г. Гаррис, от Hayden, Stone and C° Ч. Гайден, Дж. Мак-Йадден, из Филадельфии, В. Чальмерс из Чикаго и др.[59]

В телеграмме русского коммерческого агента в Вашингтоне К. Ю. Медзыховского, присланной на имя главы царского кабинета, отмечалось, что члены правления и совета Аме-

рикано-русской палаты представляют «крупнейшие банковские и торгово-промышленные классы Соединенных Штатов» [60].

Вновь назначенный коммерческим атташе при американском посольстве в Петрограде доктор Б. Гэнтингтон в интервью сотруднику «Финансовой газеты» подчеркнул, что в Америке, особенно в восточных штатах, проявляется большой интерес «ко всему русскому». Представитель американских монополий откровенно поведал, что его богатые соотечественники хотят свободно эксплуатировать российские богатства. «По моему глубокому убеждению,— заявил Гэнтингтон,— Соединенным Штатам необходимо использовать нынешнюю мировую войну, чтобы оставить свой „провинциализм" и постепенно отвоевать подобающее этой стране крупное место на мировом рынке. Мы были „провинциалами", несмотря на все мощное развитие нашей промышленности, так как преимущественно, если не исключительно, работали на внутренний рынок. Ныне военные обстоятельства создали исключительно благоприятные условия для развития и внешней торговли» [61]. Вслед за этим Гэнтингтон выступил в русской прессе со статьей, в которой еще раз и столь же откровенно изложил планы американских монополистов в отношении завоевания русского рынка. Торговый мир Америки считает, подчеркнул он, что «из всех внешних рынков, которые теперь для нас открыты, мы рассматриваем русский рынок как величайший в мире и полагаем, что имеем возможность особенно хорошо удовлетворить все запросы этого рынка» [62]. «Настоящий момент полон трудностей и не может считаться нормальным, но мы имеем в виду будущее и уже готовимся к нему. Многие первоклассные американские фирмы уже послали и посылают своих представителей в Россию» [63].

Само правительство Соединенных Штатов считает развитие торговых отношений с Россией делом «первостепенной важности». Об этом свидетельствует следующий факт, отмечал Гэнтингтон: «...в добавление к многочисленному штату опытных и знающих консулов, разбросанных по всей территории империи», оно назначило специального коммерческого агента, в задачи которого входит непосредственное и более детальное ознакомление с торгово-промышленной жизнью России путем постоянных разъездов и изучения дела на местах. Гэнтингтон сообщал, что он будет внимательно следить за всеми наиболее важными явлениями финансовой, торговой и промышленной жизни Российской империи и информировать о них свое правительство. В 1916—1917 гг. США занимались изучением внешних рынков с целью выяснения возможностей сбыта американских товаров и помещения американских капиталов за границей. Изучению подверглись Южная и Центральная Америка, Африка, Индия, Китай и некоторые другие страны Востока. Россия оказалась одним из наиболее важных объектов изучения. Помимо того что этим занимались возглавляемое коммерческим агентом специальное бюро при посольстве США в

Петрограде и американские консулы с их аппаратом, в Россию приезжали многочисленные представители различных американских торгово-промышленных и финансовых заведений [64]. Кстати, в последней статье Гэнтингтон вновь затронул вопрос и о вывозе американского капитала в Россию. Коммерческий атташе, писал он о своей персоне, будет всеми мерами содействовать привлечению американского капитала в русские предприятия и стремиться к тому, чтобы американцы не только продавали готовые изделия на русском рынке, но и строили здесь фабрики и заводы [65].

О планах американского империализма в отношении России немало поведал американский посол в России Д. Френсис, назначенный на этот пост в марте 1916 г. [66] В одном из донесений в Госдепартамент осенью того же года он писал: «Американские компании уже смотрят жадными глазами на имеющиеся в России залежи ископаемых, запасы водной энергии, возможности железнодорожного строительства... все считают, что на земле нет другого поля деятельности, подобного этому» [67]. Сам Френсис изрядно похлопотал во имя осуществления этих планов. Он настойчиво рекомендовал деловому миру США подчинить себе необъятный русский рынок и старался помешать Англии и Франции овладеть торговлей России, заняв место Германии. «Весьма желательно, чтобы американские торговцы прочно обосновались в России, пока для этого представляется возможность»[68].

Заодно с официальными представителями США действовали и бизнесмены. Вернувшийся из России в октябре 1916 г. вице-президент National City Bank Самуэль Мак-Робертс, являвшийся, как его характеризовала Русско-американская палата, «одним из самых выдающихся людей в финансовом мире Соединенных Штатов», выступил с рядом докладов, в которых призывал американских дельцов «пользоваться каждым представляющимся случаем» для проникновения на русский рынок, установления непосредственных отношений с русскими фирмами, и советовал «серьезно подумать о возможности помещения американского капитала в России»: это, безусловно, «в интересах американского делового мира» [69]. Американская предприимчивость дала свои результаты. За предреволюционный период войны американские экспортеры резко увеличили вывоз своих товаров в Россию. Согласно статистическим данным, экспорт США в Россию (в млн долларов) составил: в 1914 г.— 31,3; в 1915—60,8; в 1916—309,8 [70].

Таким образом, всего за два года, с 1914 по 1916 г., американский экспорт в Россию возрос почти в 10 раз, а если сравнивать с 1913 г., то эта пропорция будет еще большей. Соединенные Штаты начинают занимать преобладающее место в русской торговле. Вплоть до первой мировой войны господствующее положение во врешней торговле России сохранялось за Германией. В 1909—1913 гг. на ее долю приходилось 43,6% всего им-

порта России (в 1913 г.—47%), тогда как на долю Англии 13,2%, а Соединенных Штатов — всего 7%. В 1916 г. картина резко изменилась в пользу США. Их удельный вес в импорте России составлял уже более 60% [71]. Важное значение имело то обстоятельство, что уже в 1916 г. Соединенные Штаты становятся главным поставщиком России военных материалов. К сентябрю 1916 г. в США было размещено русских заказов на общую сумму 1215 млн руб., в том числе трехдюймовых снарядов заказано на сумму 519 млн руб., пороха — на 208 млн руб., винтовок — на 195 млн руб. и патронов — на 98 млн руб. [72]. В то же время русские заказы в Англии к концу 1916 г. составляли 377 млн руб., во Франции —297 млн руб. [73] А к исходу 1917 г. объем русских заказов в США в стоимостном выражении увеличился (по данным начальника Главного артиллерийского управления генерала Маниковского) более чем вдвое и достиг суммы 2570 млн руб. [74]

В американских банках открылись специальные русские отделения [75]. В то же время 2 января 1917 г. в Петрограде было создано Отделение крупнейшего американского банка The National City Bank of New York, тесно связанного с Американской международной корпорацией [76]. Предполагалось открыть такие же отделения в ряде других городов России. Банкиры Уолл-стрита не теряли даром времени. Представитель Американо-русской торговой палаты Портер перед своей поездкой в Россию в январе 1917 г. заявил: «Совершенно необходимо, чтобы американские фирмы приложили все усилия к завоеванию русского рынка» еще до окончания мировой войны [77]. Этот призыв звучал не впервые. Американский капитал неуклонно наращивал темпы проникновения в Россию.

Об активности американских предпринимателей в России служит и следующий факт. К середине 1916 г. в США насчитывалось уже свыше 2560 промышленных и торговых фирм (предприятий), «ищущих связей с русским рынком», причем многие из них уже сбывали товары в Россию» [78]. Даже официальные представители американских правящих кругов не скрывали своих намерений, подчас шокируя откровенностью.

2(15) февраля 1916 г. в Нью-Йорке состоялось первое общее собрание Американо-русской торговой палаты. Агентство «Ассошиэйтед Пресс» отмечало (было разослано 800 телеграмм во все крупнейшие центры США): эта новая организация приложит все старания к тому, чтобы помочь американским деловым людям завязать прочные торговые и промышленные связи в России. Подчеркивалось, что «американский капитал идет в Россию, движимый исключительно деловыми побуждениями, без всяких политических целей» [79]. Такое же впечатление пытался произвести своими выступлениями упоминавшийся выше коммерческий атташе американского посольства в Петрограде Гэнтингтон. «Наш метод работы в России,— писал он,— будет совершенно иной, нежели практиковавшийся германцами: за-

вязывая сношения с Россией, мы являемся в эту страну не с целью образования здесь экономической колонии, не с намерением экономически поработить, поглотить ее — одним словом, не в видах засилья, а для осуществления идеи правильного товарообмена» [80]. Мы явимся в Россию коммерсантами-джентльменами, джентльменами должны и остаться при использовании русского рынка, при предоставлении тех или иных форм кредита и т. д. и т. п.» [81]

Жизнь показала, какими «джентльменами» являются заокеанские и все прочие монополисты. Как известно, американское правительство немедленно аннулировало кредит России и приостановило поставку уже оплаченных ею товаров, как только было свергнуто антинародное Временное правительство и власть перешла к Советам. Убедительнее всего «аполитичность» американского капитала была продемонстрирована в борьбе против Советской власти на протяжении 1917—1920 гг. и в последующие годы, когда США оставались единственной крупной державой, не признававшей СССР в течение 16 лет, вплоть до 1933 г.

Что касается дипломатических контактов между Россией и США накануне Февральской революции, то нужно сказать, что они не отличались особой интенсивностью. Прежде всего они касались политики на Дальнем Востоке, о чем уже говорилось в предыдущих главах, а также попыток «мирного посредничества» президента Вильсона, «посредничества», вызывавшего острое недовольство держав Антанты, в том числе и России.

С падением царского режима начался новый этап в «освоении» американцами русского рынка, в области экономического и политического сближения между двумя странами. Правительство Вильсона поспешило первым признать буржуазное Временное правительство, опередив в этом даже союзников, дабы подкрепить его позиции и извлечь из этого все возможные выгоды [82].

Борьба союзников за русский рынок и сферы приложения капиталов заметно обострилась в 1916 г. Уже тогда английская и французская буржуазия начала откровенно высказывать беспокойство в связи с быстрым укреплением позиций американского капитала в России. Так, в январе 1916 г. в одной из лондонских газет была опубликована статья крупнейшего английского фабриканта Джеймса Амстронга, в которой автор, обращая внимание на создание в США специального синдиката для финансирования торговли с Россией, не без тревоги писал: «Для нас подобный синдикат является дружественной угрозой»[83].

Подобные высказывания были не единичны в английской прессе. Не реже встречались они и на страницах французской печати. Правящие круги Франции с беспокойством следили за чрезвычайно быстрыми темпами американской экономической

экспансии в Россию и другие страны. Само собой разумеется, что английская и французская буржуазия не собирались ограничиваться одними риторическими восклицаниями и пассивным созерцанием того, как американские бизнесмены, пользуясь военной обстановкой, все более решительно «осваивают» русские и другие европейские рынки, по существу даже «не работая локтями». Правящие круги Англии и Франции пытались воспрепятствовать дальнейшему продвижению американского капитала. Важной вехой на этом пути явилась Парижская экономическая конференция, состоявшаяся в первых числах июня 1916 г., в которой участвовали страны антантовской коалиции: Англия, Франция, Россия, Италия, Бельгия, Сербия и Япония. Решения Парижской экономической конференции были направлены не только против Германии, но и против монополистов США. Союзные державы считали необходимым принять меры к обеспечению взаимных экономических интересов: предоставлять друг другу преимущественные права в использовании своих природных богатств и рынков сбыта, оказывать на «льготных» условиях помощь в восстановлении хозяйства и т. п. Как бы комментируя смысл этих решений, французский официоз «Журналь де деба» писал по окончании конференции, что в послевоенный период «повсюду, на всех рынках надо будет считаться с конкуренцией Соединенных Штатов, которая будет по меньшей мере столь же опасной, как и германская конкуренция» [84].

Американские дельцы сразу поняли, в какую сторону дуют ветры, и забили тревогу. Во время прений в американском сенате в июле 1916 г. сенатор Уильям Стоун открыто заявил, что решения Парижской конференции идут вразрез с интересами США. Он подчеркнул, что объявленная Антантой экономическая война будет направлена не только против враждебного ей лагеря, «но и против всего мира, стоящего вне держав Антанты» [85]. А это значит, в первую очередь против Соединенных Штатов, так как среди государств, стоявших «за» пределами двух борющихся блоков, только они представляли собой опасного конкурента. Магнаты Уолл-стрита не собирались отступать. Американская монополистическая машина набирала все больший разгон на пути к позиции № 1, ее водители готовы были прибегнуть в случае необходимости к помощи стальных мускулов. Верный страж интересов американских монополий Френсис, информируя вашингтонское правительство о решениях Парижской экономической конференции, советовал «подтолкнуть американский капитал и предприимчивость, с тем чтобы они могли противостоять (если не более) выполнению широко задуманного Англией, а возможно и Францией, плана по захвату послевоенной торговли с Россией» [86]. В Белом доме и Госдепартаменте, на американских биржах и в правлениях банков мыслили и действовали, не теряя даром времени, не обращая внимания на антантовские проскрипты. Уже в августе того

же года английская газета «Фейрплей» сокрушенно писала: «Соединенные Штаты напрягают все силы для того, чтобы как можно шире развить товарообмен с Россией».

Решения Парижской экономической конференции лишь подстегнули американские монополии к расширению экономической экспансии в отношении России, привели к усилению борьбы между США и державами Антанты за русский и другие европейские рынки. Экономическое ослабление России в годы войны облегчало проникновение иностранного капитала на ее внутренний рынок. Лучшие перспективы в этом отношении, в том числе и на послевоенный период, были у США. Наиболее острая борьба предстояла между ними и Англией. Так, по крайней мере, считали сами англичане и американцы. Что касается Франции, то в ней Англия и США уже не видели серьезного конкурента, будучи уверенными, что в результате войны она значительно утратит свою конкурентоспособность. «Каков бы ни был исход войны,— не без удовлетворения предрекал Ллойд Джорж в октябре 1917 г.,— Франция выйдет из нее второстепенной державой» [87]. Такого же мнения придерживались и американские политики.

Одним из средств овладения русским рынком являлись все те же военные кредиты и поставки. Весьма ценные в этом отношении признания оставил в своих воспоминаниях французский премьер Рибо. Рассказывая о переговорах с царским министром финансов Барком, состоявшихся в 1916 г., Рибо, бывший в тот период министром финансов Франции, писал: когда Барк прибыл в 1916 г. во Францию с целью возобновления кредитов, предоставленных России в 1916 г., в Париже потребовали, чтобы поставки хлеба и леса, которые не могли производиться во время войны, были отложены до открытия черноморских проливов. Барк отклонил это требование, ссылаясь на то, что после войны русское правительство само будет нуждаться во всех своих ресурсах. Это послужило, по словам Рибо, «предметом очень острой дискуссии», в ходе которой он счел себя «вынужденным дать русскому министру почувствовать», что после войны Франция не сможет продолжать поставлять России миллиарды франков, не получая за это компенсаций путем расширения экономических связей. «Россия занимала у нас деньги,— писал министр,— а большую часть закупок производила в Германии. Это не могло продолжаться после войны, и нужно было, чтобы Россия уже теперь была предупреждена об этом» [88].

Франция пыталась диктовать России, с кем она должна торговать, что продавать и покупать. Она хотела, чтобы Россия служила не только рынком сбыта французских товаров, но и рынком сырья для ее промышленности. Еще более настойчиво Рибо будет добиваться этого после падения самодержавия, когда он сам станет премьером и министром иностранных дел французской республики. Информируя о ходе финансовых переговоров с французским правительством, русский посол в Па-

риже Извольский сообщал, что Барк с первых же шагов «натолкнулся на крайне узкое и эгоистическое отношение» к пожеланиям русского правительства, что французская сторона выдвинула совершенно неприемлемое для России требование, которое «не отвечало ни нашему достоинству... ни нашим финансовым и экономическим интересам» [89]. С большим трудом удалось тогда добиться от французов предоставления кредитов.

Переговоры с Англией по аналогичному вопросу оказались еще более тяжелыми. Об этом говорил сам Барк на одном из заседаний в военном министерстве в декабре того же года [90]: так же, как и французы, англичане стремились использовать кредиты и военные поставки, чтобы крепче овладеть русским рынком, ухитряясь уже в ходе войны перекачивать русское золото в подвалы британского казначейства. В рапорте председателя комиссии по распределению валюты генерала А. А. Михельсона военному министру Д. С. Шуваеву о ходе финансовых переговоров в Париже и Лондоне от 9 августа 1916 г. подчеркивалось, что английский министр финансов Маккена, а за ним и большая партия финансистов во главе с директором Английского банка, а также торгово-промышленные круги, «признавая необходимость помогать нам ради победы Англии над Германией, хотят ограничиться крайним минимумом помощи и воспользоваться нашим тяжелым положением, чтобы одновременно обеспечить себе наибольшие экономические выгоды на русском рынке как теперь, так и в будущем, поставить Россию в экономическую и финансовую зависимость от Англии» [91]. Маккена даже не считал нужным скрывать намерения английских финансовых кругов идти дальше по пути усиления экономического влияния в России. Участвовавшие в финансовых переговорах Барк и начальник русского генерального штаба генерал Беляев вынуждены были прибегнуть к последнему средству (намекнуть на возможность «изменения стратегических планов» русского командования), чтобы заставить британского министра финансов пойти на некоторые уступки своему русскому союзнику [92]. Барк даже собирался пригрозить Англии сепаратным миром, если она сделает невозможным получение русским правительством английского кредита из-за его непомерно обременительных для русской казны условий [93]. Таким образом, «помощь» не только предоставлялась России в обмен на пушечное мясо, а имела еще одно весьма существенное назначение: подчинение русского рынка.

В борьбу за русский рынок, в первую очередь эксплуатацию природных богатств России, все больше втягивалась и ее восточная союзница, Япония. Она не хотела отставать от западных партнеров. Как «ближайшие соседи и давние соискатели» японские предприниматели претендовали даже на получение преимущественных прав по сравнению с другими в деле приобретения концессий для разработки недр Сибири и Дальнего Востока. В особенности забеспокоились они, когда почувствовали, что

такая возможность открывается перед их ближайшими конкурентами — американскими монополистами. Перспектива русско-американского сближения вызвала тревогу и среди японских правящих кругов, опасавшихся, что это станет серьезной помехой японской политике на Дальнем Востоке, прежде всего в отношении Китая. Реальной представлялась возможность совместной политики России и США, «ущемляющей» в этом регионе «жизненные интересы» островного государства. В ходе переговоров об уступке царским правительством южной части КВЖД летом 1916 г. Мотоно поднимал вопрос о создании японских и смешанных русско-японских компаний для разработки недр земли в Приамурской области и на Сахалине. В ответ было заявлено, что русский закон исключает участие иностранцев в горнопромышленных предприятиях в указанных местах [94]. Позже, при Временном правительстве, эти домогательства возобновятся [95]. Только Октябрьская революция позволила надежно оградить нашу страну от поползновений монополистического капитала.

[1] Проект устава Палаты был утвержден Николаем II 24 мая 1913 г. См.: «Вестник русско-американской торговой палаты» (далее: Вестник РАТП). 1915. № 1. С. 10; Экономическое положение России..., ч. 2. С. 578. (Примечания).

[2] Кроме «Вестника», Палата ежедневно выпускала «Бюллетени», предназначенные исключительно для членов Палаты, хотя они получали более широкое распространение, а также специальный «Ежегодник». См.: Вестник РАТП. 1915. № 1. С. 11; 1916. № 10. С. 300.

[3] Вестник РАТП. 1915. № 1. С. 2.

[4] Там же. С. 5.

[5] Там же. С. 4.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 12.

[8] Там же. № 4. С. 118.

[9] Там же. С. 120.

[10] АВПР. Ф. Экономического департамента, 1914—1917 гг. Д. 130. Л. 143.

[11] См.: *Ганелин Р. Ш.* Россия и США, 1914—1917 гг. Л., 1969. С. 46—49.

[12] См.: Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 7. С. 247—248.

[13] Там же. № 6. С. 198.

[14] Там же. № 7. С. 247.

[15] Там же. № 6. С. 198.

[16] Вестник РАТП. № 1. С. 4, 5.

[17] См.: *Дякин В. С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война, 1914—1918. М., 1968. С. 227—228.

[18] Вестник РАТП. 1917. № 6/12. С. 243.

[19] См.: Там же.

[20] Там же. 1916. № 8. С. 226, 232.

[21] Известия Общества сближения между Россией и Америкой.

[22] О результатах своей поездки Гольдштейн сделал доклад на собрании членов РАТП 26 марта 1916 г. См.: Вестник РАТП. 1916. № 4. С. 104—107; № 5. С. 132—134.

[23] Русские ведомости. 1916. 10 февр.; Речь. 1916. 10 февр.; Вестник РАТП. 1916. № 2. С. 47.

[24] Вестник РАТП. 1916. № 3. С. 85.

[25] Там же.

[26] См.: *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 9—10.

[27] См.: Вестник РАТП. 1916. № 2. С. 48.

[28] См.: Там же. № 3. С. 85. (Н. Гучков передал Сазонову копию телеграммы Американо-русской торговой палаты 23 февраля, сопроводив ее своим письмом).

[29] См.: Там же. С. 85.

[30] См.: Там же. С. 85—86.

[31] См.: Там же. С. 86.

[32] См.: Там же. С. 88—89.

[33] См.: Там же. С. 89.

[34] См.: Там же.

[35] См.: АВПР. Ф. II Департамента, 1—5, р. III. 1916 г. Д. 9. Л. 3—4;

Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1927. Т. 2. С. 408; *Селезнев Г. К.* Тень доллара над Россией. М., 1957. С. 17—18.

[36] АВПР. Ф. Канцелярия. 1917 г. Д. 96. Т. 1. Л. 10.

[37] См.: Экономическое положение России... ч. 2. С. 453.

[38] АВПР. Ф. Политархива 1917 г. Д. 356. Записка И. Я. Коростовца от 26 января 1917 г. Цит. по: Очерки по истории Октябрьской революции. Т. 2. С. 409.

[39] См.: *Васюков В. С.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1966. С. 48, 199—241; *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 154—318.

[40] См.: *Гефтер М. Я.* Из истории проникновения американского капитала в царскую Россию до первой мировой войны// Ист. зап. 1950. Т. 35; *Лебедев В. В.* Русско-американские экономические отношения (1900—1917 гг.). М., 1964. С. 18—71.

[41] Согласно русской статистике, в 1912 г. ввоз из Германии в Россию составил свыше 500 млн руб., из Англии —142, из США—87 млн руб. В 1914 г. импорт из США равнялся 82 млн. руб. По данным же Снодграсса, экспорт американских товаров в Россию в предвоенный период достигал более 10 млн долларов в год (См.: *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 9).

[42] См.: Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. С. 75.

[43] Statistical Abstrackts of the United States. 1921. Department of Commerce. Washington, 1922, P. 445.

[44] Цит. по: *Темкин Я., Черняк Е.* Разбойничий путь американских агрессоров. М., 1952. С. 51.

[45] См.: Lewis C. America's Stake in International Investments. Washington, 1938. P. 445; *Dunn R. W.* American Foreign Investments. N. Y., 1926. P. 3.

[46] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 50.

[47] Current History. 1919. Apr. P. 47; *Dunn R. W.* Op. cit. P. 5.

[48] *Фикс Г.* Финансовое положение Европы и Америки после войны. М., 1926. С. 5, 9.

[49] *Фостер У.* Октябрьская революция и Соединенные Штаты Америки. М., 1958. С. 12.

[50] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 220.

[51] Вестник РАТП. 1916. № 4. С. 107—108.

[52] Там же. № 1. С. 11. Пратт возглавлял Бюро внешней и внутренней торговли Департамента торговли США. Он же являлся ответственным составителем упомянутого выше отчета.

[53] Там же.

[54] Там же.

[55] Там же.

[56] АВПР. Ф. II Департамента, 1—5, р. III. 1916 г. Д. 5. Л. 3; Вестник РАТП. 1916. № 1. С. 11—12; *Селезнев Г. К.* Указ. соч. С. 20—21. (Президентом корпорации был назначен Чарльз Стоун, председателем правления — представитель National City Bank Франк Вандерлит, директором корпорации — Эдвин Вебстер.)

[57] Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 7. С. 247.

[58] *Williams W. A.* American — Russian Relations, 1781—1947. N. Y., 1952. P. 85.

[59] Вестник РАТП. 1916. № 2. С. 55; № 3. С. 90—93.

[60] См.: Там же. № 3. С. 88.

[61] Финансовая газета. 1916. 16 июля; Вестник РАТП. 1916. № 7. С. 195—196. До назначения коммерческим атташе в Россию Гэнтингтон был заведующим отделением Бюро для внешней и внутренней торговли при Министерстве торговли США в Чикаго, а до этого в течение четырех лет состоял на службе в Стальном тресте United States Steel Corporation, где ознакомился с производством, испытанием и продажей стальных изделий. См.: Вестник РАТП. 1916. № 7. С. 193.

[62] Там же. № 8. С. 220. Вестник любезно предоставил Гэнтингтону свои страницы, тем более что он являлся почетным членом Совета и правления Русско-американской торговой палаты.

[63] Вестник РАТП. 1916. № 8. С. 220.

[64] Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 7. С. 248; Вестник РАТП. 1916. № 7. С. 195—196; № 8. С. 221; 1917. № 2. С. 37; Великая Россия и дружественные страны. 1917. 1(14) марта. № 1. С. 11.

[65] Вестник РАТП. 1916. № 8. С. 221.

[66] МОЭИ. Т. X. № 270. С. 286—287.

24 марта (6 апреля) 1916 г. Фрэнсис отбыл к месту назначения. Представляя его кандидатуру Сазонову, русский посол в Вашингтоне Ю. А. Бахметев сообщал, что Фрэнсис принадлежит к категории разбогатевших провинциальных дельцов с хорошим состоянием и большой самоуверенностью. В течение пяти лет Фрэнсис был губернатором штата Миссури, а затем министром внутрених дел в составе федерального правительства при президенте Кливленде (1893—1897) и «своим положением и прошлой деятельностью стоит несравненно выше» своего предшественника Дж. Мари. По словам Лансинга, добавлял посол, Фрэнсис горячо сочувствовал России и ее союзникам и задался целью во что бы то ни стало заключить торговый договор с Россией (МОЭИ. Т. X. № 468. С. 583).

[67] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lancing Papers 1914—1920. Vol. II. Washington, 1940. P. 319.

[68] *Francis D. Russia from the American Embassy* (April 1916— November 1918). N. Y., 1921. P. 28—29.

[69] Вестник РАТП. 1916. № 10. С. 285—286.

[70] См. официальный статистический отчет: 65 Congress. 2 ses. 1917—1918. Foreign Commerce and navigation of the United States for the year ending June, 1917. P. XII—XIII.

[71] АВПР, Ф. Дипломатическая канцелярия при штабе верховного главнокомандующего (Ставка). Оп. 617. Д. 42. Л. 66; *Селезнев Г. К.* Указ. соч. С. 24.

[72] ЦГВИА. Ф. 369/с. Оп. 3. Д. 253. С. 34—37.

[73] Там же. Д. 230. Л. 1—2.

[74] *Маниковский А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 3-е изд. М., 1937. Т. II. С. 247. В документах ЦГВИА на осень 1917 г. дается иная цифра стоимости русских заказов в США — 3 млрд руб. (ЦГВИА. Ф. 369/с. Оп. 3. Д. 230. Л. 2).

[75] См.: Вестник РАТП. 1917. № 2. С. 36.

[76] См.: Там же. № 1. С. 15; № 2. С. 36—37.

[77] Там же. № 1. С. 10.

[78] См.: Там же. 1916. № 7. С. 189; 1917. № 6—12. С. 240; Промышленная Америка. Нью-Йорк, 1917. Портер отправился в Россию в январе 1917 г. на два месяца для переговоров по наиболее важным вопросам, связанным с развитием русско-американской торговли. Одна из задач поездки — организация «широкой и надежной» информации членов Американо-русской торговой палаты «о русских экономических условиях и возможностях». Он намеревался посетить главные промышленные центры России: Петроград, Москву, Киев, Харьков, Одессу и Тифлис.

[79] Вестник РАТП. 1916. № 3. С. 88.

[80] Финансовая газета. 1916. 16 июля; Вестник РАТП. 1916. № 7. С. 195, 196.

[81] Там же.

[82] Ministère des Affaires Etrangères. Europe. 1918—1929. Russie. D. 666. P. 15, 17—17 об. (Архив Министерства иностранных дел Франции).

[83] Цит. по: *Селезнев Г. К.* Тень доллара над Россией. С. 32.

[84] Journal des Debats. 1916. 6 juin.

[85] Congressional Records. Vol. 53. Part II. P. 10678.

[86] The Lancing Papers, Vol. 2. Washington, 1940. P. 319.

[87] Известия 1962. 4 нояб.

[88] *Ribot A.* Letteres à un ami. P. 88.

[89] АВПР. Ф. II Департамента, 1—6, «Война», 1914—1917 гг. Д. 193. Л. 228.

[90] *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960. С. 555.

[91] Там же. С. 547. Конференция министров финансов Англии, Франции, России, Италии, о которой здесь упоминается, состоялась в Лондоне 1(14) июля 1916. Подробно о ней см.: Там же. С. 342—378.

[92] *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны. С. 551.

[93] Там же. С. 551—552.

[94] АВПР. Ф. Канцелярии. 1917 г. Д. 93. Л. 162—163.

[95] Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Документы и материалы. М.; Л., 1967. Ч. 2. С. 463; Борьба классов. 1931. № 5. С. 87.

Глава шестая

ОТСТАВКА САЗОНОВА И НАЗНАЧЕНИЕ ШТЮРМЕРА МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ. УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА ВЕРХОВ

Оформление русско-японского военно-политического союза явилось финальной крупной акцией сазоновской дипломатии. 7 июля Сазонов был уволен в отставку, а его портфель передан Штюрмеру. Последний стал совмещать пост председателя совета министров с обязанностями министра иностранных дел, как до этого он совмещал его с обязанностями министра внутренних дел.

Известие об отставке Сазонова и назначении вместо него Штюрмера оказалось совершенно неожиданным как для правомонархических, так и для либеральных кругов. Однако реакция на эту перемену в правительственном и оппозиционном лагере была диаметрально противоположной. В то время как для ультраконсерваторов отставка Сазонова явилась весьма отрадной неожиданностью и была встречена с нескрываемым восторгом, в лагере либералов она вызвала тревогу и осуждение. Эти настроения были усилены тем, что почти одновременно с увольнением Сазонова в составе правительства произошли и другие немаловажные изменения: А. А. Хвостов, занимавший до этого пост министра юстиции, был поставлен во главе Министерства внутренних дел, а на его место назначен известный реакционер А. А. Макаров, входивший в состав правительства в 1911—1912 гг. в качестве министра внутренних дел и прославившийся своей печально-знаменитой фразой «Так было, так будет!», брошенной в Думе в ответ на запрос относительно расстрела рабочих на Ленских приисках и облетевшей всю русскую и иностранную печать. Чуть позже к названной троице (Штюрмер, Хвостов, Макаров) присоединился и лидер правых в Государственном совете, крупнейший помещик и сахарозаводчик граф А. А. Бобринский, назначенный министром земледелия вместо А. Н. Наумова.

Таким образом, все важнейшие посты в царском кабинете оказались замещенными ультраконсерваторами [1]. Следует иметь в виду, что в системе государственного управления самодержавной России ведомства внутренних дел и земледелия занимали особое положение Ведомство же иностранных дел также приобрело исключительно важное значение в условиях небывалой по своим масштабам войны. Все это накладывало отпечаток на сложившуюся в стране политическую ситуацию.

Сколоченный Штюрмером «однородный кабинет» с «одинаковым пониманием» стоящих перед ним задач, на чем давно настаивали крайне правые, стал фактором и не мог не вызывать тревогу буржуазно-либеральной оппозиции. Это явилось своеобразным вызовом «Прогрессивному блоку» и стоявшим за ним силам, не переставшим настаивать на сформировании «министерства доверия». Воспользовавшись благоприятной обстановкой на фронте, прежде всего яркими победами брусиловских армий, царь решил преподнести «инакомыслящим патриотам» характерный для него сюрприз. Между прочим, еще в апреле 1916 г., когда граф А. А. Бобринский был назначен товарищем министра внутренних дел, он заявил в беседе с журналистами, что его назначение доказывает: «высшие правительственные сферы желают работать заодно с кругами, во главе которых стоит граф, т. е. с крайними правыми» [2].

Подобное «обновление» не сулило ничего отрадного в деле нормализации внутриполитической обстановки, как и оздоровления хозяйственной жизни страны, всеобъемлющего «упорядочения тыла». Напротив, не трудно было предугадать, что, пользуясь благоприятной конъюнктурой на фронтах, однородно-консервативный кабинет пойдет по пути усиления административного давления на думскую и внедумскую оппозицию, на буржуазные общественные организации, не говоря уже о подавлении любых выступлений рабочих и крестьянских волнений. Не случайно поэтому последние царские указы и рескрипты вызвали столь высокий накал общественного мнения. Перемены в личном составе совета министров, констатировала синодская газета «Колокол», вызывают самый живой обмен мнений столичной печати. Для «Речи», «Биржевых ведомостей», «Дня» и даже для правых газет «Земщины» и «Голоса Руси» эти перемены явились неожиданными. Причем «представители прогрессивной печати выражают печаль и недоумение по поводу ухода Сазонова и назначения Макарова, представители печати реакционной выражают по этому поводу радость» [3]. По признанию черносотенца П. Ф. Булацеля, сообщение об уходе Сазонова доставило ему, как впрочем, и его единомышленникам, «огромное нравственное удовольствие» [4]. Газеты сообщали, что находящиеся в Петрограде представители правой группы Государственного совета решили устроить банкет в честь Макарова с приглашением Штюрмера, Хвостова, Трепова и лидера правых в Госсовете графа Бобринского [5].

В другом стане, в лагере «парламентского большинства», царило смятение, вызванное прежде всего отставкой Сазонова и передачей портфеля министра иностранных дел Штюрмеру. Отражая тревожные настроения, оппозиционная печать не находила вначале этому ни оправдания, ни объяснения. Газета Рябушинского «Утро России», выражавшая интересы московских промышленников и коммерсантов и стоявшая в оппозиции к правительству, писала в статье, озаглавленной «Объеди-

нение кабинета»: «Смена министра иностранных дел сама по себе уже представляет событие высокого политического значения. Когда же уход главы дипломатического ведомства... случайно или не случайно совпадает с моментом назревания великих и ответственных решений, тогда подобная внезапная, не оправдываемая никакими явными, всем понятными побуждениями перемена в составе правительства встречается общественностью с невольной тревогой»[6]. Позже рябушинцы усвоят более успокоительный тон, а пока они громче многих других били в набат: эти перемены несвоевременны и не на пользу патриотическому настрою. Первейшая забота в данный момент — сохранение внутреннего мира, а не возбуждение общественного сознания. Газета выражала опасение, «как бы новые мероприятия или новые люди не внесли нежелательного элемента раздражения во взаимоотношения между обществом и правительством, которые именно теперь должны развиваться в сторону наибольшего объединения перед лицом врага»[7].

Пытаясь докопаться до истинного смысла происшедших перемен, орган деловых кругов многозначительно предупреждал: «...политика России не есть политика тех или иных министерских группировок». В общественных кругах известно, что сперва определяется то или иное направление политики, а потом уже для ее исполнения призываются монархом в министры те или иные лица. Исходя из этого, газета считала вправе задать вопрос от имени «русского общества»: какую именно политику призваны осуществлять Штюрмер и Макаров, ставшие во главе двух важнейших ведомств — первый на посту министра иностранных дел, второй — на посту министра юстиции?

Назначение А. А. Хвостова министром внутренних дел никаких треволнений у авторов статьи не вызывало: бывший министр юстиции, отмечали они, «человек известного такта, который вряд ли внесет в тактику своего нового ведомства нежелательный, в особенности в данный момент, элемент агрессивности». А вот с новыми полномочиями Штюрмера и возвращением к власти Макарова приходилось считаться, по ее мнению, как с фактом «крупного политического значения». Появление активного деятеля реакционных монархических организаций во главе ведомства юстиции — «факт, говорящий сам за себя», ибо за Макаровым давно укрепилась «слишком определенная репутация, чтобы сомневаться в истинном значении этого действительно сенсационного назначения»[8].

Не сомневались и другие органы печати, добавляя к «выразительному» портрету некоторые весьма важные штрихи. При Столыпине, сообщала одна из кадетских газет, Макаров ведал в качестве товарища министра полицией, и именно тогда процветала система, получившая название азефовщина. Будучи же министром внутренних дел, он держался в управлении «старых традиционных методов». Припомнили ему и ленский расстрел («Так было, так будет!»), и то, что в Госсовете Макаров

являлся активным членом группы правых, соратником известных охранителей самодержавного режима П. Н. Дурново, А. С. Стишинского, Н. А. Макланова и др. [9]

И все же на первый план с самого начала выдвинулась первая сенсация, вернее, сверхсенсация — отставка Сазонова и передача полномочий министра иностранных дел председателю совета министров Штюрмеру. «Наибольшее значение,— подчеркивало «Утро России»,— придается, разумеется, назначению Б. В. Штюрмера» [10]. Трудно, однако, предположить, гадала газета, чтобы это назначение было вызвано разрешившимся в пользу премьера разногласием его с Сазоновым во взглядах на какой-либо из частных вопросов, входящих в компетенцию руководителя дипломатического ведомства, и что одержавшему верх в этом предполагаемом конфликте главе правительства было предложено самому провести в жизнь отстаивавшиеся им начала государственной меры. Но еще труднее понять мотивы, побудившие «практически совершенно неосведомленного в вопросах международной политики председателя Совета министров» взять в свои руки исключительно важный портфель министра иностранных дел.

Упрек в полной неосведомленности в вопросах международных отношений повторялся многими другими органами печати. По всем данным, рассуждали в либеральных кругах, Сазонов был на своем месте, превосходно знал дело, вполне с ним справлялся и пользовался заслуженным авторитетом не только в собственной стране, но и (что очень важно) среди союзников. Штюрмер же всегда стоял далеко от работы иностранного ведомства с его спецификой, неведомой чиновнику внутренней бюрократической службы. И если уж возникла необходимость менять руководителя названного ведомства, что весьма и весьма сомнительно (особенно по причине, указанной в официальной версии: «по расстроенному здоровью»), то выбор преемника сделан явно неудачно, а точнее — крайне опрометчиво. Во всяком случае, нельзя допускать и мысли, чтобы внешнеполитический курс страны претерпел какие-либо изменения. Это просто невозможно в силу сложившейся расстановки сил на международной арене. Таков был общий настрой либеральной прессы, отражавшей широкую гамму политических сил и настроений.

То же самое свидетельствовало и кадетское «Современное слово». Судя по отзывам печати и по толкам в обществе, отмечала газета, происшедшие в составе совета министров перемены «произвели сильное впечатление» — на одних крайне тягостное, на других самое благостное; кое-кто впал в уныние, а некоторые даже в отчаяние. «Наибольший интерес вызывает отставка Сазонова и особенно назначение министром иностранных дел Штюрмера» [11]. И кадетов занимал вопрос о том, какие последствия для дальнейшего хода внешней российской политики будет иметь передача портфеля руководителя дипломатического ведомства в руки председателя совета министров.

К сожалению, заявлялось в газете, никакого ответа на этот вопрос не могут дать даже «самые осведомленные знатоки наших бюрократических кругов». Не могут потому, что до сих пор Штюрмер слишком далеко стоял от внешней политики. Он известен как губернатор, как член правой фракции Госсовета. В последнее время широкая общественность имела возможность познакомиться с ним как с руководителем общего курса внутренней политики. Но каких-либо данных, на основании которых можно было бы судить о его взглядах на внешнюю политику, не имеется. На этой почве, отмечалось далее, естественно, возникают разного рода предположения о том, какое значение может иметь отставка Сазонова в такой важный политический момент. Вполне закономерно, что все предположения исходят из оценки Штюрмера как представителя определенного политического курса, «как бывшего члена группы правых», и являются, так сказать, теоретическими построениями; но они свидетельствуют о том «чрезвычайном интересе», какой вызвала смена министра иностранных дел, «стоявшего так долго на своем посту и приобретшего в последние годы широкую известность и в России и в союзных странах своей последовательной политикой» [12]. Не выходило пока за пределы «теоретических построений» и само «Современное слово», полагавшее вначале, в отличие от «Утра России», что назначение Макарова произвело не менее сильное, но уже вполне определенное впечатление, чем замена Сазонова Штюрмером. Но обе газеты — и петроградская и московская — одинаково считали премьера не тем деятелем, которому можно было доверить пост министра иностранных дел.

И ведущий орган кадетской партии «Речь», и орган «прогрессистов» «День» также подчеркнуто акцентировали внимание на том обстоятельстве, что до последнего времени Штюрмер стоял слишком далеко от деятельности дипломатического ведомства с его спецификой и совсем иными задачами, чем у Министерства внутренних дел. У кадетов был, конечно, и другой резон говорить о полной неподготовленности Штюрмера. Не составляло секрета, что поклонники буржуазной конституции давно хотели видеть на этом посту своего главного лидера, считавшегося признанным знатоком в области международных отношений. Еще год назад с образованием «Прогрессивного блока» и включением в его программу требования о создании «министерства доверия» в либеральной прессе появились списки такого министерства, нареченного «кабинетом обороны», в одном из списков на пост министра иностранных дел прочили именно П. Н. Милюкова [13].

В общем, все фракции «Прогрессивного блока» от кадетов до правых октябристов, в том числе и умеренные националисты, держались в напряжении той «неопределенностью», которая скрывалась за передачей портфеля министра иностранных дел незнакомому с дипломатической службой председателю

Совета министров. Всех пугала «неизвестность» в отношении курса, который намерен проводить Штюрмер, оказавшись у руля русской дипломатии: не подвергнется ли этот курс каким-либо отклонениям по сравнению с курсом Сазонова, учитывая несовпадение их политических воззрений? Поэтому они хором принялись декларировать невозможность и недопустимость какого-либо отхода от прежней линии.

Одним из первых взял на себя эту миссию председатель Государственной думы Родзянко. 11 июля он посетил Штюрмера и имел с ним продолжительную беседу по поводу будущей внешней политики. По окончании беседы Родзянко принял представителей прессы и категорически заявил им, что русская внешняя политика и при новом министре не претерпит никаких изменений и что «важные шаги нашего дипломатического ведомства будут приниматься, как это было раньше, с ведома представителей держав Согласия и во имя общих интересов союзников» [14]. В передаче правых газет Родзянко сказал также, что ни о каких переменах не может быть и речи. В этом он лично убежден, а беседа с новым министром иностранных дел еще более укрепила его в том, «что в области внешней политики все остается по-старому и наши союзники могут быть на этот счет совершенно спокойны» [15]. Родзянко специально заострил внимание на отношениях с союзниками, указав на «крепнущее единство» между участниками антигерманской коалиции и подчеркнув, «что всякие разговоры о сепаратном мире являются вздорными слухами» [16].

Характерно, что, помещая это интервью, «Речь» почему-то опустила слова о вздорности слухов относительно сепаратного мира, но зато постаралась деликатно выпятить заслуги своего шефа (не называя, правда его имени) в укреплении союзнических уз между державами Согласия. «Поездка русских парламентариев за границу,— передавала «Речь» слова Родзянко,— помогла выяснить те недоразумения между союзниками, которые, может быть, существовали раньше, и устранила их раз и навсегда. Теперь уже не может быть речи о том, что тяготы войны ложатся на какую-либо из держав Согласия в бóльшей степени, чем на другую» [17]. Несколько иначе был изложен «Речью» и второй тезис интервью председателя Думы. «В ответ на вопрос, можно ли говорить в настоящее время о каких-либо переменах в направлении нашей внешней политики, М. В. Родзянко категорически заявил: „Ни о каких переменах речи быть не может. В этом я абсолютно убежден, и беседа по этому поводу с Б. В. Штюрмером еще более укрепила мою уверенность в том, что в вопросах внешней политики все останется по-старому»[18].

«Речь» и сама спешила поделиться с читателями своими сведениями, почерпнутыми из «авторитетного источника», о том, что «направление нашей внешней политики останется прежним». Для большей убедительности газета добавляла, что

«в вопросах внешней политики между бывшим министром иностранных дел и премьер-министром никаких разногласий не было» [19]. Спустя несколько дней «Речь» строго предупреждала тех, кого это касалось в первую очередь, что внешняя политика действительно не должна претерпеть каких-либо изменений, так как это противоречило бы самым насущным жизненным интересам страны, и что «независимо от личных настроений государственные интересы России почти стихийно предопределяют необходимость продолжать линию внешней политики, столь последовательно и искренне осуществившуюся в последние годы при С. Д. Сазонове» [20]. Эта мысль, подкрепляла «Речь» свою позицию, звучит и во всех отзывах союзной печати, столь единодушных в оценке заслуг Сазонова.

Несколько иначе реагировала газета «Утро России». Ратуя за сохранение прежнего курса, она в то же время отмежевывалась от тех, «кто с заведомой предвзятостью относится к перспективам, которые сулит» новый министр иностранных дел. «Повторяем: от смены министров не изменяется направление международной политики государства, где, как у нас, направление этой политики, согласно Основным Законам, является единоличной прерогативой монарха». У нас отношение верховной власти к главенствующему в данный момент вопросу борьбы с Германией неоднократно определялось «категорическими волеизъявлениями монарха». Россия памятует, что государь, «объявляющий войну и заключающий мир, а равно договоры с иностранными государствами», торжественно подтвердил свою непоколебимую волю довести войну до победоносного конца и не слагать оружия, доколе последний неприятельский воин не будет изгнан из пределов России» [21].

Прерогативы монарха и его неоднократные заявления о стремлении к победе над врагом служили для рупора московских деловых кругов самым веским аргументом. Приведенных слов императора «достаточно для того, чтобы страна спокойно относилась к сменам так называемых руководителей нашей внешней политики». При наличии ясно выраженной воли монарха безразлично, кто стоит во главе дипломатического ведомства. Судьбы борьбы с Германией «не зависят от воли того или иного министра». Они зависят от твердо выраженной воли монарха к конечной победе, от воли и выносливости народных армий. Министры всего лишь исполнители воли императора. «Только в этом смысле и позволительно обсуждать замену одного министра другим». Газета выражала надежду, что и новый министр иностранных дел будет если не с тем же знанием дела, то по крайней мере с неменьшим патриотическим рвением «стремиться к осуществлению высочайших указаний — довести Россию в незыблемом единении с союзниками до заветной цели — окончательной победы над общим врагом» [22].

В последующих номерах газета Рябушинского и стоявших за ней представителей финансового капитала старалась утвер-

дить ту же точку зрения. «Даже при наличности «оттенков», индивидуально отличающих преемника от предшественника, вряд ли г. Штюрмеру удалось бы заметно отклонить курс наших международных отношений от курса, которого придерживался С. Д. Сазонов. Отношения России к союзным державам закреплены незыблемо. В этой области никаких изменений допущено быть не может». К тому же союзные правительства уже «предуведомлены» через своих представителей в Петрограде о том, «что и при новом министре все в вопросах внешней политики России останется по-старому» [23]. Однако, чтобы не ошибиться в прогнозах, корреспонденты Рябушинского рекомендовали подождать откликов союзной прессы, в частности английской и французской, «более свободной в оценке уходящих русских министров». Из этих откликов можно будет узнать, какое впечатление произвела на союзников неожиданная отставка «руководителя внешней политики России». (Последние слова были взяты в кавычки.) В этом замечании опять-таки содержался совет: не подменять одного вопроса другим, видеть разницу между истинным руководителем внешней политики — самодержавным монархом — и исполнителем его воли — министром иностранных дел.

Аналогичную позицию заняла газета петроградских деловых кругов «Биржевые ведомости, стоявшая по вопросам внешней политики в большинстве случаев на стыке правоконсервативного и либерального лагерей. В отличие от «Речи» и других органов либерального направления «Биржевка» не перечеркивала в такой степени беседу-интервью Штюрмера, а, напротив, считала возможным судить по ней более конкретно о внешнеполитических воззрениях нового руководителя дипломатического ведомства. В посвященной «программе Штюрмера» передовой статье газета писала: «Прежде всего он остановился на нашей традиционной преданности общесоюзному делу и нашей неизменной верности коалиции. В этом смысле заявление Б. В. Штюрмера носит вполне категорический характер и совершенно исключает возможность каких-либо сомнений» [24]. Далее в статье подчеркивалось, что основной вопрос о преемственности политики Сазонова и Штюрмера, «волновавший европейскую мысль, разрешен твердо и прямолинейно». Это «особенно важно теперь, когда Германия прилагает все усилия к тому, чтобы добиться скорого заключения мира, и рассылает со специальной миссией по нейтральным столицам председателя «Национального комитета» кн. Веделя с целью зондировать почву. Лозунг «войны до конца», ставший общей для всех союзников «чеканной формулой», тоже высказан новым руководителем русской дипломатии твердо и ясно, поэтому, несомненно, будет импонировать за рубежом».

Не вызывало у газеты никакой озабоченности и понимание премьером задач войны. Сославшись на заявление Штюрмера о том, что на Германию должны обрушиться все вытекающие

из развязанного ею мирового пожара тяжелые последствия, она писала: «Можно небезосновательно предположить, что руководитель нашей дипломатии имеет в данном случае в виду последствия как политические, так и экономические. Австро-Германия, по его представлению, не может не выйти урезанной после войны в части примыкающих к Царству Польскому австро-германских владений. В данном случае формулированные Бетман-Гольвегом „цели войны", заключающиеся в объединении всей расчлененной Польши под германским скипетром, должны осуществиться в диаметрально-противоположном порядке: объединенное с Познанью и Галицией Царство Польское должно войти в сферу неразделенного русского влияния» [25].

Газета поясняла: война до конца в устах Штюрмера «включает полностью всю гамму общеевропейских чаяний: прусский милитаризм или система вооруженного мира, давившие непосильным бременем на культурные и мирные народы Европы, должны отойти в область невозвратного прошлого». Не вызывало сомнений у ведущего буржуазного органа и отношение Штюрмера в проблеме черноморских проливов. От себя газета добавляла, что экономические последствия войны должны выражаться прежде всего в неуклонном следовании предначертаниям Парижской экономической конференции, причем «интересы отдельных стран не могут быть поглощены общим потоком интересов отдельных членов союзной коалиции» [26]. Лишь слегка ругнула «Биржевка» премьера за некоторую «туманность мысли» в его историческом экскурсе, но и в последнем она находила рациональные зерна, которые рекомендовала использовать на будущей мирной конференции. Если представители русской дипломатии будут осуществлять на этой конференции свои полномочия с таким чувством любви к родине, которое питало настойчивость Ордин-Нащокина, то против туманной мысли премьера возразить нельзя. «Напоминания о прошлом в данном случае служат ценным руководящим указанием для будущего» [27]. В противовес этому газета ссылалась на печальные результаты Берлинского конгресса 1878 г.

Раздраженно реагировали на смену Сазонова столичные «прогрессисты». Газета «День», отражавшая чаще настроения их левого крыла, писала, что новое назначение приветствуется только крайней правой печатью, и даже «Новое время», при всей своей вражде к Сазонову, поначалу не нашло ничего сказать, кроме двусмысленного комплимента об отсутствии у Штюрмера дипломатической рутины: «Рутины специально дипломатической не может быть там, где нет и соответствующего опыта дипломатической службы». Нисколько не сомневаясь в невозможности резкого поворота внешнеполитического курса «даже для министра, не склонного считаться с общественными настроениями», редакторы «Дня» вместе с тем не исключали возможности появления в иностранной политике некоторых нюансов, хотя и находили, что во время войны дипломатия распола-

гает гораздо меньшей свободой действий, чем в мирное время, гораздо меньшим простором «для игры нюансов». В заключение газета подчеркивала, что политика России, как и прежде, должна быть строго согласована с политикой союзников. Трудно, однако, предположить, что политическая идеология Штюрмера окажется ближе к взглядам французского и английского правительств, чем политика Сазонова [28]. В очередном номере газета снова подчеркивала: «Перетасовать мировые отношения не так просто. Это — всегда, в настоящее время — в особенности» [29].

Общий смысл совершившихся в правительственной верхушке перемен «прогрессисты» усматривали в стремлении консервативных сил отстоять «самобытность» России против «натиска мировой истории», в попытке прикрыть один из важных каналов (Министерство иностранных дел), по которому идет проникновение в страну внешних влияний, поставив во главе этого ведомства министра внутренних дел, сохранить и впредь «внутренний фронт» в полной неподвижности, произведя перетасовку в верхнем звене аппарата власти к выгоде правых.

Заметно отличался от либеральной печати тон и общий настрой правоконсервативной и черносотенной прессы. Газета «Московские ведомости», державшаяся, как уже отмечалось, крайне правой ориентации, выступила по этому поводу с передовой статьей под характерным заголовком: «На пути к сильной власти» [30]. Вопреки широко распространенному мнению газета утверждала, что перемены, происшедшие в совете министров, «отнюдь не являются неожиданностью». По ее оценке, эти перемены «уже давно носились в воздухе», о них шли разговоры в правительственных и общественных кругах «и если эти толки находили лишь смутное и бедное отражение на газетных столбцах», то только в силу обстоятельств «чисто внешнего порядка». Перспектива же увольнения Сазонова наметилась еще с осени минувшего года, когда царь начал постепенно увольнять «объявивших забастовку» министров [31]. Так что этой стороне события не следует, дескать придавать особого значения. Кстати, крайние консерваторы действительно с нетерпением ожидали этих перемен. Булацель, например, не случайно похвалялся, что он уже в течение полугода вел целенаправленную кампанию против Сазонова [32].

И все-таки, констатировала реакционная газета, несмотря на давнюю подготовленность к возможности перемещений и новых назначений, известие о них «было принято в обществе с большим интересом», а в некоторых партийных сферах — с настороженностью. Но не следует усматривать в этом «катастрофу», тем более что Сазонов делал свою работу «бледно, вяло и бесталанно», не возвышаясь над уровнем посредственности и допуская целый ряд ошибок и промахов. Лишь однажды, в начале войны, он сумел должным образом провести в жизнь предначертания самодержца. Во все же остальное время

своей службы на посту министра, и до войны и во время нее, «был тусклым и не всегда дальновидным дипломатом, внося в свою деятельность колебания, нерешимость, некоторую слабохарактерность и, главное, неумение сказать вовремя авторитетное и властное слово». Газета старательно перечисляла служебные изъяны отставного министра, словно на фоне этакой «дипломатической бесталанности» могла возрасти внешнеполитическая репутация назначенного на его место бюрократа.

Дело, однако, вовсе не в дипломатических достоинствах или отсутствии оных у Сазонова. Сущность случившегося газета видела «в неуклонно продолжающемся объединении совета министров», о чем так выразительно свидетельствовали новые назначения. Это «объединение» — давно назревшая необходимость военного времени, необходимость в «однородности» состава правительственной власти, в «идеально слаженной машине». Процесс этот идет постепенно и ведет «к одному лишь благу для страны, жаждущей победы» [33].

Передовица противопоставляла эту однородную по составу власть, обретавшую якобы «особую силу и авторитетность», опасным по своим последствиям «фикциям» вроде министерства общественного доверия, которого домогались «в минуты общественной растерянности». В дни опасности, настаивала газета, стране необходимо не министерство, облеченное доверием снизу, а министерство, обладающее всей полнотой власти, т. е. неограниченное самодержавие, как откровенно писали и говорили об этом крайне правые. «Настоящие перемены в совете министров — это ступени к такой власти. Теперь важно использовать до конца эти благоприятные данные», чтобы привести народ и страну к победе над врагом. Что же касается внешней политики, то газеты, сосредоточивающие все свое внимание на уходе Сазонова, «впадают в крупную ошибку», ибо отставка министра иностранных дел — это «второстепенный эпизод» в происшедшей перемене и отсутствие Сазонова не может ничего изменить в курсе внешней политики, «неизменным руководителем которой является государь император». Без Сазонова общее направление в деятельности МИДа «должно будет улучшиться» [34].

В отличие от прессы либерального толка печать правых поистине торжествовала в эти дни, словно она выиграла генеральное сражение, в котором ей принадлежала решающая заслуга. Это выглядело тем рельефнее, что ее торжество совпало по времени с новыми блестящими успехами войск Брусилова [35]. Правонационалистическая газета «Свет» писала по этому поводу, что неожиданная отставка Сазонова вызвала различные отзывы в печати. В то время как газеты «Речь», «Биржевые ведомости» и «День» до небес превозносят ушедшего министра, признавая его дипломатическое искусство чуть ли не отражением гения, другая часть печати с «Новым временем» во главе относится к нему «с заметным скептицизмом» [36—37].

Последние слова были, однако, слишком слабым отражением того злорадства, какое имело место со стороны правой печати по случаю отставки Сазонова. Черносотенные газетчики старались ужалить как можно больнее. Штюрмеру, «сокрушались» консерваторы, досталось «тяжелое наследство», которое ему придется «исправлять» [38]. Но делать это будет несравненно легче, обладая более широкими полномочиями, коими и наделялся он как председатель Совета министров. Исправлять же рекомендовалось прежде всего ошибки на Балканах [39] Подробно им поведут счет чуть позже, а пока правым надо было успокоить растревоженное общество относительно общего направления внешнеполитического курса, поскольку именно «свой человек» находился отныне у штурвала дипломатии. Один из ведущих органов реакции, «Голос Руси», констатировал в эти дни, что газеты переполнены статьями по поводу отставки Сазонова, назначения вместо него Штюрмера и последующих перестановок в Совете министров. Все эти статьи рассматривают происшедшие перемены с одной точки зрения: каковы будут изменения в курсе русской внешней политики? Отвечая на этот настойчивый вопрос, газета писала, что при существующих условиях «ни о каких переменах не может быть речи», так как Россия находится «в теснейших отношениях с Англией и Францией» [40]. Авторам этих строк казалось «странным», что, увлекшись вопросами внешней политики, газеты все еще не отметили более важный, по их мнению, факт, а именно: все новые назначения в Совете министров выдвигают людей из одной и той же политической группы. Штюрмер, граф Бобринский, Трепов, Хвостов, Макаров составляют в Государственном совете «весьма сплоченную группу», и те, кто так настойчиво хлопотал об объединенном правительстве, «должны радоваться, а они предпочитают обходить этот факт молчанием».

Одновременно издатели «Голоса Руси» поместили редакционную по характеру статью известного публициста правого толка С. Норовского, рассчитанную не столько на внутреннего, сколько на зарубежного читателя, в которой исключалась всякая двусмысленность относительно дальнейшего направления русской внешней политики. «Для нас,— подчеркивалось в статье,— не представляет никакого сомнения, что общее направление нашей внешней политики, продиктованное самыми насущными интересами России, останется, во всяком случае, без изменений». Уверенность эта покоится на стремлении всего народа во главе с монархом закончить войну «не иначе, как полной и решительной победой» [41].

Учитывая рост антисоюзнических, прежде всего антианглийских, настроений, вызванных пассивностью британских войск [42] на западно-европейском театре, автор акцентировал внимание на необходимости дальнейшей консолидации держав Согласия. «Едва ли у нас возможны и голоса против теснейшего единения с нашими доблестными и верными союзниками. Ко-

ординация военных и дипломатических выступлений союзных держав, особенно строго проводившаяся за последние месяцы, привела нас к тем успехам, которые заставили даже расположенных к Германии нейтральных публицистов говорить о переломе войны в нашу пользу». «В тесном единении с союзниками — залог наших дальнейших успехов, а вместе с тем и смертный приговор Германии, с жадностью ловившей каждый вздорный слух о мнимых разногласиях между союзными державами. ...не может быть места сомнениям и тревогам. Могли измениться приемы и методы, но не общее направление, единственно возможное и приемлемое» [43].

«Голос Руси» отверг всякую мысль о сепаратном мире, предупреждая об этом как союзников, так и в особенности врагов, которые могли неверно истолковать поступившие из Петрограда известия: «В Германии могли сделать ложный вывод, узнав об отставке одного из создателей Четверного Согласия, так же, как, разумеется, и в нейтральных странах, в особенности же в облюбованных германскими агентами». Это тем более вероятно, что «изверившиеся в успехах германцы жадно ловят каждый намек на возможность заключения сепаратного мира с одним из союзников, каждую весть о переломе настроения», какой бы вздорной она ни являлась.

Резюмируя свое повествование, Норовский еще раз подчеркнул, что и союзники, и враги теперь убедятся, «что прежний политический курс остается без изменений, что Россия по-прежнему преисполнена решимостью идти по пути осуществления своих национальных стремлений и бороться до конца, рука об руку с союзниками, с общим врагом» [44]. Одновременно с этим некоторым правым газетам «из высокоавторитетного источника» было сообщено, что направление внешней политики «остается прежним».

Не сомневался в неизменности курса внешней политики и синодский «Колокол», отражавший мнение «патриотически» настроенного духовенства. Преемник Сазонова, писала газета, впервые вступает на дипломатическое поприще. Разумеется, и при нем направление русской внешней политики «останется таким же, каким оно было при его предшественнике. Преемственность — это традиция ведомства иностранных дел... Никакого выбора новой дороги, никаких колебаний быть не может. У нас только один путь, совершенно ясный и исчерпывающий, одно задание — окончательная изоляция и полный разгром Германии» [45]. Не хулили «святые отцы» и пострадавшего, как это делали черносотенные борзописцы. Напротив, в их отзыве о нем чувствовалось скорее скрытое неодобрение царского выбора. Оценивая перестановки и новые назначения в правительстве, орган церковников признавал, что уход Сазонова, являвшегося в течение долгого времени бессменным руководителем русской внешней политики, не может не быть весьма чувствительным. Россия, отмечала газета, многим обязана Сазонову

и такие его заслуги, как само образование «могучей антинемецкой коалиции, изолировавшей центральные империи и обеспечивающей конечную победу союзных армий, как бы долго ни продолжалась война, такие заслуги перейдут в историю». Русское общество, продолжал автор, подписавшийся инициалами А. Б. В., верит Сазонову, «этому безупречному деятелю широкого размаха взглядов, который пользуется заслуженным авторитетом и уважением в Европе» [46]. И уж совсем недвусмысленным укором в адрес «сфер» звучало выражение надежды снова увидеть Сазонова в составе кабинета «на ответственном посту», а также в качестве представителя России на будущей мирной конференции, с пожеланием скорейшего восстановления сил и здоровья «верному, бескорыстному, независимому, идейному слуге царя и Родины». Вместе с тем придание правительству крайне правой однородности вполне импонировало синодскому органу [47].

Не менее определенный ответ на вопрос о дальнейшем направлении внешнеполитического курса преобразованного царского кабинета предложила своим читателям близкая к официальным кругам «Петроградская газета». Не ожидая намеченной встречи нового главы дипломатического ведомства с представителями печати, перед которыми ему предстояло выступить с заявлением по проблемам внешней политики, она воспроизвела высказывания Штюрмера о войне и мире, содержавшиеся в его выступлениях при назначении на пост председателя совета министров — в интервью от 20 января 1916 г. и в правительственной декларации, оглашенной им в Думе и Госсовете 9 февраля, из которых было совершенно очевидно, что царский премьер, совмещавший отныне и пост министра иностранных дел, является сторонником войны до победного конца в тесном единении с союзниками [48]. Среди этих «патриотических» речений, отражавших его политическое кредо, значились прежде всего следующие: основная задача, стоящая перед страной и правительством, заключается в достижении во что бы то ни стало победоносного завершения «не нами начатой войны»; война должна быть выиграна «какой угодно ценой»; недопустимо заключение мира отдельно от союзников, он может быть заключен лишь в полной солидарности с ними; никакие даже самые заманчивые и «выгодные» предложения сепаратного мира не могут разрешить тех проблем, которые поставлены перед народами этой титанической войной; премьер твердо убежден, что это будет достойный великой России мир, обеспечивающий ей на долгие годы полное благоденствие; достичь такого мира можно лишь «соединенными силами всего народа от его верхов до низов»; глава кабинета верит в торжество держав Согласия, и т. п.

14 июля по возвращении Штюрмера из Ставки, куда он выехал сразу же по получении нового назначения, в крупнейших столичных газетах появилась его «беседа» с безымянным пред-

ставителем печати, в которой подтверждалась неизменность внешнеполитического курса страны, основных направлений русской внешней политики [49]. В первую очередь в этой «беседе» формулировалось, естественно, его отношение к войне: он вступает в управление Министерством иностранных дел в момент, «когда все труды и помыслы русского народа обращены на одоление упорного врага», и выражает «непреклонную веру» в победу России и ее верных союзников. Что касается целей войны, то о них было сказано в самой общей форме: «Германия создала войну. Пускай же на нее обрушатся все вытекающие отсюда тяжелые последствия. Нашими же мыслями, чувствами и действиями должен руководить один властный призыв: „война до конца"». При этом глава кабинета выразил уверенность, что вверенное ему ведомство сделает все от него зависящее, чтобы «твердо и ясно» идти по указанному пути. О каких-либо конкретных вопросах внешней политики, в том числе и «славянском», который был назван им «первоочередным», он предпочел не распространяться, сославшись на то, что «теперь не время говорить, а время действовать».

Признав, что он новичок в дипломатическом мире, Штюрмер принялся рекламировать свою преданность империи Романовых, избрав в качестве примера для подражания деятельность известного дипломата XVII в. боярина Ордин-Нащокина, ведавшего посольским и другими приказами в царствование Алексея Михайловича. Комментируя этот исторический экскурс, «Новое время» сообщало, что ближайшая задача гофмейстера Штюрмера состоит в том, чтобы «организовать наше дипломатическое ведомство ближе к русским началам и сделать работу нашей дипломатии европейской по форме и русской по духу» [50]. Другие органы печати полагали, что данное сообщение является официальным заявлением, сделанным с ведома главы кабинета [51].

«Беседа» и официозный комментарий к ней «Нового времени» еще больше обострили полемические страсти вокруг отставки Сазонова и назначения Штюрмера. В значительной мере этому содействовали и другие перетасовки в составе кабинета. Очень скоро, однако, «публичные прения» сосредоточились главным образом на увольнении Сазонова и перспективах иностранной политики. По этому поводу развернулась форменная газетная война, в которой на стороне премьера дружно выступала крайне правая и черносотенная печать, а на стороне Сазонова — органы либеральной печати, в том числе умеренно правые.

Наиболее «методично» повела атаки кадетская «Речь», хотя в решительности выступлений на столь острую тему ей не уступали, а иногда и превосходили ее газета Рябушинского «Утро России» и прогрессистский «День», как и некоторые другие органы либерального толка. И делалось это несмотря на то, что все они признали аксиоматичным для Штюрмера неизменность

основных направлений русской внешней политики. Об этом свидетельствовали хотя бы те официальные телеграммы, которыми Штюрмер обменялся с министрами иностранных дел союзных стран по случаю вступления в новую должность. Не оставляла сомнений на сей счет и широко распубликованная печатью, в том числе и зарубежной, упомянутая «беседа». Последняя, однако, явно неудовлетворила оппозиционно настроенные круги. Уже на следующий за опубликованием день эта «беседа» подверглась весьма нелестной критике. «Речь» выражала недовольство даже тем, что в «Биржевых ведомостях» и «Новом времени» не было указано, с кем эта «беседа» велась. Не понравилась «Речи» и сама форма данного подтверждения неизменности внешней политики России. Форма, по мнению газеты, не соответствовала значительности цели, которая преследовалась помещением беседы в прессе.

Но еще большее недовольство кадетского органа вызвало то, что, кроме «действительно реального» заявления о неизменности внешнеполитического курса, в «беседе» не содержалось «ничего, что могло бы выяснить особенности политики Штюрмера, ее индивидуальные черты». Прежде всего смущало своей неопределенностью обещанное «сочетание европейских форм и русского духа», как и вообще весь этот экскурс в далекое прошлое русской истории и апелляция к мнению Ордин-Нащокина о значении польского приказа. Ничто, повторялись кадетские публицисты, не дает ясного представления о программе нового министра иностранных дел, и публика все еще остается «в полном неведении относительно особенностей и индивидуального характера» его внешней политики. Орган кадетской партии настаивал на «наиболее авторитетной форме» официального подтверждения полной преемственности во внешней политике Сазонова и Штюрмера, находя это необходимым как для России, так и для ее союзников и врагов. «Опубликованная агентством (ответная) телеграмма г. Бриана,— наседали кадеты,— является первым и пока единственным официальным заявлением, подтверждающим неизменность основных начал нашей внешней политики. Что же касается осведомления отечественной печати и общества о программе Б. В. Штюрмера, то здесь мы пока официальных сообщений не имеем» [52].

Двумя днями позже в информации о первом посещении Штюрмером здания у Певческого моста «Речь» снова выражала недовольство тем, что глава дипломатического ведомства не воспользовался благоприятным случаем для изложения своей внешнеполитической программы и по этому поводу, кроме упоминавшейся уже «беседы» — «неизвестно с кем и когда»,— ничего другого им не сказано. Имя Сазонова, как, в свою очередь, имена лорда Грея в Англии, Вивиани и Бриана во Франции, является своего рода символом определенной программы национальной и международной политики, а в известной мере и ее гарантией. Имя же гофмейстера Штюрмера в международ-

ной политике «ничего не символизирует и не гарантирует, и вполне понятно, что и русское общественное мнение и наши союзники с нетерпением ждут его программных заявлений об его отношении к дипломатическим „заданиям" великой войны»[53].

В другой заметке от того же числа, в обзоре русской печати вокруг смены министра иностранных дел, «Речь» снова жаловалась, что все усилия выяснить «грядущие особенности» внешней политики Штюрмера на основании его беседы «фатально должны остаться бесплодными».

В самом тоне этих выступлений чувствовалась явная тенденциозность, поскольку и Сазонов не выступал еще с развернутыми программными заявлениями, в которых конкретизировались бы захватнические планы союзников. Высказываясь не только от имени всего русского общества, но и от лица союзников, кадетский орган явно превышал свои «полномочия», не ведая, заинтересован ли, скажем, Грей или Бриан в широкой огласке царских планов. Но международников милюковской школы это как бы не касалось. Они продолжали настаивать на своем. И в последующих номерах «Речь» все еще выражала недовольство тем, что Штюрмер «воздержался от более основательных заявлений по существу своей внешней политики»[54], хотя и была уже вполне убеждена, что «основные линии русской и союзной политики, предопределенные существующей группировкой мировых сил, по-прежнему незыблемы»[55], о чем газета судила на основании официальных телеграмм, которыми Штюрмер обменялся со своими западными коллегами Брианом и Греем.

Аналогичные претензии высказывала и московская газета «Раннее утро», издававшаяся на средства Рябушинского. «Главное основание нашей нынешней политики, по заявлению гофмейстера Б. В. Штюрмера, остается незыблемым,— писала газета.— Для нового главы иностранного ведомства, как и для его предшественника, осью нынешней иностранной политики является лозунг: „Война до конца". Однако при всем том задачи нашей иностранной политики одним только этим лозунгом не могут быть исчерпаны». В конечном счете это только средство для достижения определенных целей. Но каковы же цели, во имя которых страна ведет долгую и упорную борьбу, как их представляет себе новый руководитель дипломатического ведомства? Этот вопрос остается открытым, конкретно о них не сказано. К тому же лозунг войны до конца является осью не одной русской, «но и всей европейской политики», лозунгом всех союзников, с которыми Россия связана неразрывными узами. С ним вынуждены считаться не только вовлеченные в войну государства, но и те, что стоят в стороне от борьбы. Газета требовала четкого и ясного ответа на вопрос, будут ли защищены в полной мере жизненные интересы собственной страны в соответствии с теми колоссальными жертвами, которые она несет в общем деле, настаивая на «вполне официальном» заявлении по

этому поводу [56]. «Раннее утро» упрекало премьера в том, что указание на задачи русской внешней политики он черпает из хартий, покрытых пылью веков, «устремляя взоры к былым смутным и довольно темным временам», а не в событиях последнего времени. Политические обозреватели и комментаторы подмечали, что своей «загодочной беседой» со ссылкой на XVII в. Штюрмер дал повод и благодатный материал «для всякого рода остроумных и неостроумных гипотез, догадок и сопоставлений» [57].

То же недовольство раздавалось со страниц другой московской либеральной газеты — «Русские ведомости», отражавшей взгляды правых кадетов. Штюрмер повторил давно известные лозунги о войне до победного конца и единении с союзниками, писала газета, вместо изложения основных задач, стоящих перед правительством в области международных отношений в переживаемый момент. Правда, новый министр иностранных дел призывает к войне до конца и упоминает об отношениях, связывающих нас с нашими союзниками. Но эти лозунги, получившие признание страны задолго до призвания Штюрмера на пост министра иностранных дел, «именно в силу своей общности и общепризнанности не могут служить материалом для ближайшей характеристики его будущей политики», ибо «они устанавливают не столько специальные задачи министерства иностранных дел, сколько задачи всего правительства», а также страны в целом. «Принятие их не может зависеть от личных воззрений министра иностранных дел, а потому и не определяет этих воззрений». К тому же все эти положения были уже высказаны Штюрмером, причем в более определенной форме, еще полгода назад при вступлении его в должность председателя совета министров. Поэтому, дескать, естественно было ожидать, «что в качестве министра иностранных дел он дополнит их более определенными указаниями». Пока же взгляды нового руководителя дипломатического ведомства на очередные задачи этого ведомства остаются «не вполне выясненными», и умолчание о конкретных вопросах внешней политики носит не случайный, а преднамеренный характер [58].

О том, какие «новшества» предполагает ввести Штюрмер в деятельность иностранного ведомства, ставила вопрос еще одна газета либерального толка — «Современное слово». Беседа Штюрмера, говорилось в передовой, представляет собой первое публичное выступление нового руководителя внешней политики, предназначенное для осведомления общественности о характере его предстоящей деятельности в качестве министра иностранных дел. При существующих международных отношениях такое заявление является совершенно необходимым, как необходимо и заявление о том, «что Россия останется неизменно верна союзам и будет вести борьбу до конца». Но, кроме этого заявления, беседа не дает ничего, что позволило бы составить представление о предполагаемых нововведениях в области дип-

ломатии. Мы знаем, подчеркивалось далее, какой смысл придается «русским началам», когда о них говорится применительно к внутренней политике, «но что они обозначают во внешней — это остается неясным, и открывается только широкое поле для всякого рода догадок и предположений» [59].

Большей ясности и конкретности хотели также видеть в декларациях Штюрмера прогрессистский «День» и газета московских промышленников «Утро России», поместившие по этому поводу соответствующие опусы под броскими саркастическими заголовками [60].

19 июля 1916 г. по случаю второй годовщины с начала войны Штюрмер выступил от имени правительства с ура-патриотическим заявлением, в котором говорилось, что вступая в третий год войны, царское правительство, как и его верные союзники, «больше чем когда-либо» полно непоколебимой решимости вести войну до полной и окончательной победы, что истекшие два года совместной героической борьбы «еще сильнее сковали державы Согласия в их стремлении освободить Европу от угрожавшего ей гнета германской гегемонии», и он «убежден, что с помощью всевышнего удастся сломить врага и достичь торжества нашего правого дела» [61].

Однако придирчивая «Речь» и в этом случае увидела возможность сделать выговор начинающему дипломату. Но на этот раз за то, что данное заявление было передано вначале для опубликования в иностранной печати, а не у себя дома [62], хотя «Русское слово» и «Свет», принадлежавшие к либеральному лагерю, успели своевременно опубликовать это «важное правительственное заявление». Дело в том, что с момента последних перемен в составе кабинета кадеты, группировавшиеся вокруг «Речи», повели систематическую целенаправленную кампанию против зловредного премьера, перетащившего за собой в правительство архиконсервативные элементы из правого «ядра» Государственного совета.

Тем временем черносотенная пресса наращивала удары по Сазонову, а заодно и по «Прогрессивному блоку», буржуазным общественным организациям и их лидерам. Наибольшей воинственностью отличались, как всегда, марковская «Земщина», суворинское «Новое время», «Московские ведомости». Не скрывая переполнявшей их радости по поводу «мудрого» решения самодержца, они буквально изничтожали разжалованного министра. В их изображении Сазонов представал не просто посредственным, но совершенно бездарным и негодным дипломатом. Именно этими и подобными эпитетами награждали его марковцы, нововременцы и другие черносотенные борзописцы. Вся его деятельность на посту министра с самого начала и до дня отставки представляла собой, в их интерпретации, сплошную цепь грубых просчетов. Причем обличители из консервативного лагеря стремились показать, что Сазонов причинил немалый вред не только внешней, но и внутренней политике.

Одновременно, конечно, поднимался на щит Штюрмер, хотя было хорошо известно, насколько далеко стоял он от дипломатического поприща в течение своей долгой карьеры.

Еще 12 июля редактор «Земщины» С. Глинка, посвятивший злободневной теме ряд статей, сообщал, что он искренне радуется нездоровью ушедшего министра и «благословляет судьбу», избавившую Россию от такого бездарного исполнителя воли монарха. «Не следует радоваться чужой беде. Но расстроенному здоровью г. Сазонова позволительно порадоваться. Ведь этим путем Россия избавилась от очень плохого дипломата и крайне вредного члена Совета министров»[63]. Чуть позже тот же Глинка, восторгаясь «беседой» Штюрмера с представителями прессы и противопоставляя его внешнеполитические воззрения взглядам его предшественника, с холопским восторгом восклицал: «Вот это совсем иная точка зрения. Тут слышится голос не рутинной дипломатии, искавшей в Европе центр тяжести интересов России... Одной этой беседы достаточно, чтобы не сожалеть об удалении г. Сазонова»[64]. Сподвижник Маркова специально употребил слово «удаление», дабы подчеркнуть, что речь идет не об обычной отставке и тем более не по причине болезни.

«Новое время», недовольное тем, что увольнение Сазонова «было встречено русской печатью с чувством глубокого сожаления», считало более уместным «скорбеть не о том, что он ушел, а о том, что он не ушел много раньше, хотя бы на другой день после своего дебюта в Потсдаме» [65]. Претендуя на глубину и беспристрастность, суворинская газета выступила с развернутой критикой деятельности Сазонова «за все время пребывания его у власти до войны и во время войны». Международники «Нового времени» находили, что уже сам «дебют» Сазонова в качестве министра был крайне неудачным. Молодой министр получил тогда задание добиться прекращения или по крайней мере ослабления враждебной России деятельности Германии, выступавшей против нее всюду — в Китае, в Турции, на Балканах. «Задача, бесспорно, трудная, ибо к этому времени широкие планы Германии вполне созрели и нимало не скрывались. Она решила завладеть Малой Азией и путями в эту обетованную землю, проходящими через Сербию, Болгарию и Турцию».

Для успешной реализации указанной задачи (пресечения германских поползновений) требовался «крупный дипломатический талант», а главное — отчетливое понимание создавшегося положения. Сазонову же, как следовало из дальнейших рассуждений критиков, не доставало ни того ни другого, и потому с лежавшей на нем задачей он не справился. «Вместо замедления победоносного шествия Германии на Восток, во фланг России, молодой русский министр всемерно облегчил и ускорил его» тем, что открыл Германии возможность сооружения Багдадской железной дороги, которая явилась «главным путем и орудием немецкого внедрения в тело Турции». Завершение

этого строительства грозило превратить всю Анатолию «в прусскую имперскую землю» со многими вытекающими из этого последствиями, плачевными прежде всего для России. Такая перспектива была ясна для Извольского, а также для французской и английской дипломатии. Сазонов же упустил ее из виду, что было его крупным просчетом. Не на высоте, конечно, оказалась в тот момент и англо-французская дипломатия, но главный грех лежит все же на Сазонове, отказавшемся от всякого противодействия дальнейшему сооружению Багдадской линии. «Потсдамские беседы» русского министра в пять слов устранили для Германии все препятствия», причем произошло это не без советов и рекомендаций «прогермански настроенных» ответственных чиновников российского МИДа фон Клемма, Таубе и Нольде [66].

С тех пор сооружение обходящей Россию железнодорожной линии пошло «ускоренным темпом». Теперь эта дорога превосходно служит нашим врагам, подвозящим по ней вооружение, снаряжение и боеприпасы, используемые против русской Кавказской армии. Но не только в этом, подчеркивалось в статье, сказался просчет Сазонова. Открытие для германской Багдадской дороги французского и английского денежного рынков дало возможность Германии расширить свои металлургические и машиностроительные заводы, которые производили теперь военную продукцию для германской армии и ее союзников. На тех же потсдамских беседах Сазонов преподнес Германии еще один щедрый подарок — открыл для нее русскую сферу влияния в Персии. Сверх того, он «обязал Россию» соорудить для немецкой торговли железную дорогу для связи Багдадского пути с Тегераном (от Хенекена до Тегерана) [67]. Орган московской реакции газета «Московские ведомости» также укоряла Сазонова в том, что предпринятые им в свое время попытки сближения с Германией едва не стоили России потери персидского рынка [68]. Любопытно знать, издевались нововременцы, чего еще мог бы потребовать для Германии Сазонов, будь он не русским, а германским министром?

Как ни странно, критики справа обвиняли Сазонова не только в попустительстве по отношению к германскому экспансионизму, но и в недооценке значения для России союза с Францией. После неудач франко-русского союза в марокканском и боснийском кризисах, писало «Новое время», «у нас, видимо, потеряли веру в его реальную для нас цену. Поэтому вместо сопротивления германскому натиску решили перейти к системе умилостивления Германии», полагая, очевидно, что, идя навстречу самым отдаленным целям Германии, какими бы опасностями осуществление их ни угрожало России в будущем, можно устранить поводы для столкновения с ней по крайней мере в ближайшее время. Несостоятельность такой политики, «о которой более дальновидные люди неустанно, но тщетно твердили, обнаружилась очень скоро». «Ничем реально не вызванные ус-

тупки наши утвердили германскую дипломатию в убеждении, что мы чувствуем себя бесконечно слабыми. Они не умилостивили ее, а лишь обнадежили на дальнейший натиск. И новые выступления, обращенные острием своим против России, к которым она только что обязалась не прибегать, посыпались как из мешка». В этой связи упоминалась, в частности, и миссия генерала Лимана фон Сандерса, значительная доля ответственности за которую опять-таки возлагалась на Сазонова и русскую дипломатию. Критика велась без учета конкретной предвоенной ситуации [69].

В той же чрезмерной уступчивости обвинял Сазонова С. Глинка. По его словам, и в войну Россия была втянута главным образом по вине Сазонова, так как его дипломатия оказалась никудышной. Искусство дипломатии заключается в поддержании мира. А коль скоро «такая мирная страна, как Россия», вынуждена воевать, значит, «дипломатия никуда негодна: экзамена не выдержала, провалилась» потому, что была негибкой и недостаточно решительной. Глинка обвинял Сазонова, в частности, в том, что он не отдавал себе отчета, с кем имеет дело, — «не понимал Вильгельма» и, не сознавая его тщеславия и великодержавной амбициозности, не знал, как вести себя с ним, «шел ощупью», «бродил в потемках». «От дипломатии,— назидал поклонник макиавеллизма,— требуется не героизм, а тонкое искусство, змеиный ум... Этих-то талантов у г. Сазонова и не оказалось» [70].

Но больше всего крайне правые осуждали Сазонова за «балканскую трагедию», за провал балканского союза и балканские войны, закончившиеся печальным для русской политики Бухарестским миром 1913 г., в результате чего-де престиж России в глазах народов этого региона сильно пострадал и Сазонов очутился «в положении курицы, высидевшей утенка» [71].

Явно «сплоховал» Сазонов и в дни июльского кризиса 1914 г., не сумев убедить английское правительство сделать заявление о том, что если Германия нападет на Россию и Францию, то Англия выступит на стороне последних. Такое заявление охладило бы воинственный пыл Вильгельма. Но, увы, этого не произошло. Лишь однажды, в самом начале войны, Сазонов сумел достойно выполнить волю монарха (скорее всего имелась в виду его настойчивость в деле объявления всеобщей мобилизации). «К несчастью, деятельность Сазонова на этом не остановилась» [72], и очень жаль, что с ним не распростились значительно раньше.

Откровенно сожалела об этом марковская «Земщина». В то же время ее редактор решительно отметал выдвинутое против него обвинение в том, что осуждением предвоенной политики Сазонова он лишь обеляет Вильгельма, обнаруживает свое германофильское нутро. «Ничего подобного! — возмущался Глинка.— Все это гнусная клевета!» «Органы общественных мародеров», вроде «Утра России», обвиняют его в обелении Виль-

гельма. Обвиняют на том основании, что он укоряет Сазонова в близорукости за то, что тот не сумел вовремя распознать и оценить коварные замыслы кайзера, и потому, следовательно, редактор «Земщины» считает виновником войны не Вильгельма, а Сазонова («Глинка получил инструкцию обелить Вильгельма»). Ничего подобного! Не Глинка, а его политические противники служат германскому императору и служат «не за страх, а за совесть».

Редактор «Земщины» старательно разъяснял, что «не в интересах правительства и правых выгораживать кровожадного, самонадеянного человека, набросившегося на Россию». И правительство и правые «предостерегали» от опасности, требуя увеличения ассигнований на усиление армии и вооружений. «Друзья же г. Сазонова — Милюковы со всеми „прогрессивными" партиями отклоняли кредиты, доверяя, видимо, его заверениям о равновесии Европы и невозможности войны» [73]. Правые в лице Н. Е. Маркова, уверял Глинка,«предвидя» замыслы Вильгельма, указывали и на опасность хранения громадных сумм золота в берлинских банках. «Друзья» же Сазонова и тут не видели никакой опасности и поддерживали политику Коковцова, «снабжавшего» русским золотом врага, «готовившегося уже к нападению на Россию и Францию». Таким образом, ясно: содействие Вильгельму либеральных приверженцев Сазонова «было самым осязательным, самым серьезным. У нас урезывались кредиты на вооружения, на постройку дорог и товарных вагонов, Германия же снабжалась нашим золотом! А теперь эти же друзья набрасываются на меня за признание неспособности нашей дипломатии, не предупреждавшей нас об опасности» [74].

Так повторялись аргументы Замысловского, Маркова и К°, с которыми они выступали в Думе еще в феврале—марте того же года, возлагая ответственность за неподготовленность России к войне на оппозицию и «крайние» левые партии. Кайзер, обагривший кровью все Европу, распалялся Глинка, ответит за свои злодеяния «перед богом, а может быть, и перед людьми. Но его преступления не умаляют неспособности г. Сазонова, как неспособность последнего не умаляет кровожадности Вильгельма» [75]. «Плохих дипломатов надо убирать, а кайзера, учиняющего разбои, надо проучить силою оружия» [76].

Консервативные ультра резко порицали Сазонова также за «податливость перед союзниками». Сазонов, писал Глинка, «потому уже негоден, что он не сумел поставить дружбу всецело на взаимном уважении и, очевидно, слишком подделывался под взгляды Европы» [77]. Не нравился он редактору «Земщины» и тем, что был якобы сторонником преимущественно европейской политики и только в Европе видел «центр тяжести интересов России». А это свидетельствовало, по мнению Глинки и его черносотенной братии, о «полной негодности Сазонова как русского министра». Россия нуждается в таком руководителе дипломатии, который видел бы центр тяжести внешней политики в

защите интересов собственной страны, а не «всего человечества».

Издатель черносотенного листка Булацель прямо назвал опального министра «приказчиком из Лондона», похваляясь тем, что в своих так называемых «дневниках» он уже в течение полугода систематически нападал на политику Сазонова и «первым» приклеил ему этот ярлык. А его «дневники» «читались там, где решаются важнейшие государственные вопросы»[78]. Суть всех этих нападок и «разоблачений» сводилась к следующему: при Сазонове «вмешательство иностранцев в русские дела достигло таких размеров, что самые смирные русские люди, давно привыкшие к иностранному засилью во всех областях нашей государственной жизни, стали беспокоиться за будущность России»[79]. Примером поразительной доверчивости и уступчивости представлялся Булацелю и только что заключенный русско-японский союзный договор. Полемизируя с московской газетой «Русское слово», которая «до небес превозносила» ушедшего министра, подчеркивая, что за последние шесть лет русская внешняя политика находилась в его «твердых и искусных руках» и отмечая его большую заслугу в заключении политического союза с Японией, Булацель саркастически замечал: «Хороша твердость русского министра, которая проявляется в широких осязательных уступках, создающих могущество соседней державы в обмен на обещания „вечной" дружбы — в будущем!?. Ведь это та же самая политика, которая в течение ста лет созидала могущество Германии в ущерб России».

Между прочим, в недостаточной твердости по отношению к союзникам Сазонова обвиняли и либералы, в том числе лидер кадетов Милюков, хотя это касалось предвоенных лет и непосредственно июльского кризиса 1914 г. Позже, однако, Милюков признал, что его упреки в адрес Сазонова были необоснованными: «...общее направление сазоновской политики,— объяснял он в ЧСК Временного правительства,— я поддерживал, а не одобрял лишь его политику излишних уступок, которую объясняю недостаточным знакомством с положением, но его политику по отношению к союзникам я обвинять не стану, хотя тогда осуждал резко», «я был не прав... Сазонова обвинять не в чем»[80].

Так складывалась психологическая обстановка в связи с передачей Штюрмеру портфеля министра иностранных дел. Положение премьера действительно становилось весьма щекотливым. В то время как крайне правые не прекращали на всех перекрестках трубить о необходимости усиления борьбы с немецким засильем, их ставленник, подозреваемый в тайных симпатиях к Германии и в склонности к сговору с нею, «прибирал к рукам» один из важнейших во время войны постов в империи и обретал таким образом еще бóльшую полноту власти. Эту ситуацию откровенно раскрыл позже один из видных лидеров кадетской партии — ветеран либерального движения Ф. И. Ро-

дичев, заявивший на ноябрьской сессии Думы, что недопустимо было в такой момент иметь на посту министра иностранных дел человека с немецкой фамилией [81].

Николай II, видимо, сознавал известный риск, связанный с назначением Штюрмера. Однако его властолюбивая супруга еще в первых числах января настойчиво советовала ему «рискнуть немецкой фамилией, так как известно, какой он верный человек». Тогда же распространились слухи, будто Штюрмер намерен сменить фамилию и взять девичью фамилию матери, урожденной Паниной [82]. И «слабохарактерность» Сазонова в отношении союзников, и другие его «прегрешения» в глазах крайних консерваторов были только предлогом. Главное, за что он предавался анафеме,— это его «близкие» отношения с лидерами «Прогрессивного блока», симпатии, которыми он пользовался у буржуазной общественности. Марковские и дубровинские клевреты радовались тому, что Россия избавилась, наконец, от «крайне вредного» члена Совета министров, ибо он «был в числе покровителей желтого блока и приятель...Милюкова» [83]. Сазонов, дескать, «присоединился» к участникам «Прогрессивного блока», первый пункт программы которого направлен к подрыву единовластия, являющегося одним из основных условий мощи России.

Перечисляя «ошибки» разжалованного министра, «Московские ведомости» также присовокупляли к ним то, что он сделал «тайным и явным своим советником» Милюкова. «Горе иметь защитником, а еще более советником такого господина, как вожак желтого блока, а конституционные демократы готовят его даже в министры иностранных дел» [84]. А недавнему соратнику Дубровина Булацелю предосудительным и вредным казалось еще и то, что другом Сазонова был не только Милюков, но и английский посол сэр Бьюкенен, олицетворявший в глазах издателя «Российского гражданина» идеи глубоко ненавистного консерваторам парламентаризма [85].

Утратив всякое чувство меры и такта, правые газеты писали: бурная кампания вокруг имени Сазонова, развернутая либеральной прессой, многочисленные телеграммы и приветствия в его адрес от видных политических деятелей и буржуазных общественных организаций с выражением сочувствия и «соболезнования», с признанием его больших заслуг перед Россией и союзниками, «лишний раз свидетельствуют», что ему не место в правительстве. «Сазонову давно уже не следовало быть в числе членов правительства,— твердил Глинка.— Его присутствие в Совете министров могло только умалять мощь России, ибо оно поддерживало разных Милюковых, Львовых, Керенских и тому подобной честной компании, работающей... на кайзера» [86]. Сазонов «плохой дипломат и потому не только ничего не видел во внешней жизни, но вредил России во внутренней политике» [87]. Во имя мощи и влияния России, доказывали приспешники Маркова, необходимо, чтобы в составе правительства было

как можно больше людей, сознающих, что эта мощь зиждется, на самодержавии и беззаветной преданности народа царю. «Кто этого не понимает, тот не должен быть русским министром»[88].

Таким образом, главная подоплека ожесточенной газетной перепалки между представителями консервативного и либерального лагерей свидетельствовала о неуклонном нарастании кризиса верхов. Указывая на «ущерб», который причинял Сазонов внутренней политике, редактор «Земщины» находил для него лишь одно смягчающее обстоятельство: делал он это «не из злых побуждений, а от непонимания злодейских замыслов» оппозиции. «Плохих дипломатов надо убирать», как и плохих полицейских, не способных отличить правых от левых.

Восхваление Сазонова либеральной прессой раздражало черносотенцев еще и потому, что как раз в это время распространились слухи о сплочении какой-то влиятельной группы, поставившей себе цель восстановить «прогрессивный» кабинет, ядро которого должны составить Кривошеин, Сазонов и граф Игнатьев. «Не дай бог, — заклинала „Земщина“, — чтобы осуществился план князя Львова и всех Милюковых, замышляющих восстановление «прогрессивного кабинета»... Русский народ особого доверия к г. Сазонову иметь не может, хотя самозванные авантюристы, как князь Львов, и выражают ему от имени земской России (!) свое „искреннее соболезнование“»[89]. В той же «неблагонадежности» обвинял отстраненного министра и рупор московских консерваторов газета «Московские ведомости»[90].

В принципе судьба Сазонова была предрешена еще в августе 1915 г. участием его в известной «забастовке» царских министров[91], выступивших против решения Николая II принять на себя верховное командование русской армией и выразивших нежелание работать вместе с Горемыкиным. Николай II, как известно, не посчитался тогда с доводами своих министров. С тех пор «забастовщики», как их в гневе назвал царь, постепенно почти все были уволены из состава правительства. Наступил черед и Сазонова. Непосредственным поводом к его отставке послужили его разногласия со Штюрмером и рядом других министров по польскому вопросу[92]. В действительности же причины были более общего порядка, о которых с такой откровенностью высказывались в печати крайние консерваторы и черносотенцы.

Занимаясь подысканием человека, который мог бы «достойно» и уверенно представлять Россию на будущем мирном конгрессе, Александра Федоровна еще в марте 1916 г. писала Николаю в Ставку: «Хотелось бы, чтобы ты нашел подходящего преемника Сазонову... Необходимо, чтобы он уже теперь познакомился с делами и был настороже, чтобы на нас не насела позднее Англия и чтобы мы могли быть твердыми при окончательном обсуждении вопроса о мире. Старик Горемыкин и Штюрмер всегда его не одобряли, так как он такой трус перед Европой и

парламентарист, а это было бы гибелью для России. Ради Бэби (наследника Алексея. — *В. В.*) мы должны быть твердыми, иначе его наследие будет ужасным»[93]. Мысль эта не впервые посещала императрицу. В ноябре 1915 г. она уже напоминала об этом Николаю: «Я предвижу ужасные осложнения по окончании войны, когда надо будет решать вопрос о Балканских государствах, и опасаюсь, что эгоистическая политика Англии резко столкнется с нашей»[94]. Те же опасения высказывались в Царскосельском дворце в июне 1916 г.[95]. Для отпора «английскому эгоизму» требовался, по мнению императрицы, более твердый, более напористый, чем Сазонов, политик. Именно такой твердости и неукоснительного послушания самодержавной воле ожидали августейшие особы от исправного бюрократа Штюрмера. Сам Штюрмер, домогавшийся портфеля министра иностранных дел, говорил Пуришкевичу, по свидетельству последнего, что «нужно несколько сократить аппетиты союзников, потому что они слишком много от нас требуют»[96].

В лице Штюрмера консерваторы надеялись встретить дипломата «иной школы», твердо стоящего на страже великодержавных интересов царизма. И союзные послы, Бьюкенен и Палеолог, не смогут уже так запросто ежедневно наведываться к нему, как было заведено при Сазонове: министр-премьер сможет держать их на определенном расстоянии. Вполне удовлетворило правых и то, как высказался Штюрмер об очередных задачах дипломатии, и в частности его заявление о том, что теперь не время говорить, а время действовать. «Новое время» писало, что время дипломатических разговоров действительно прошло, и разрешение главнейших международных задач находится теперь всецело в руках не дипломатов, а военачальников и многомиллионных армий. Первые месяцы европейского столкновения поставили для дипломатии ответственнейшие задачи привлечения на свою сторону держав, «жизненные интересы которых требуют освобождения Европы от немецкого гнета». То был срок, данный событиями именно для разговоров. Но время миновало, и для дипломатической деятельности «осталось весьма мало места. Она вращается в области второстепенных текущих дел, ожидая наступления того срока, когда почва для нее вновь будет очищена соединенными усилиями союзных армий».

Только полное непонимание всей сложности международной ситуации и отношений внутри коалиции или нарочитое упрощенство могли приводить к подобным заключениям. Получалось, будто для дипломатии наступил «мертвый сезон», никаких серьезных дел у нее нет и можно работать в полсилы, занимаясь лишь той самой «повседневной ведомственной рутиной», против которой раздавалось столько нареканий.

С большим всплеском радости ожидали нововременцы обещанного Штюрмером «восстановления национального характера и состава иностранного ведомства», которое, по их мнению, «болезненно ощущалось» уже с давних пор. «Не так далек тот

момент, когда обессиленный неприятель будет вынужден просить мира». К этому часу дипломатическое ведомство должно оказаться во всеоружии нравственной силы, государственного разумения и технической подготовленности. Сие означало, что руководитель этого ведомства должен быть окружен «знающими и талантливыми сотрудниками, национальное одушевление которых не вызывает сомнений. Около него должна быть собрана к этому историческому моменту плеяда национальных талантов, лучшие силы, которые только есть в русском политическом обществе» [97]. Иного значения, добавляла газета, исторические ссылки председателя совета министров на лучшую эпоху нашей национальной дипломатии иметь не могут. Под плеядой национальных талантов подразумевались, конечно, деятели крайне правых убеждений в противовес ближайшим советникам Сазонова, многие из которых «заражены» западничеством, как и сам бывший министр [98]. (Об ином представительстве России на будущем мирном конгрессе мечтали либералы. По их формуле, в числе русских делегатов на нем должны быть политические деятели, пользующиеся доверием страны, в первую очередь ставленники «Прогрессивного блока» и буржуазной общественности. Не случайно уже с лета 1915 г. они заявляли, что данному составу правительства нельзя доверять ни ведение войны, ни заключение мира.)

Разжигая шовинистические страсти, нововременцы зло ругали «варягов», призванных в свое время на службу в Россию и причинивших ей немало вреда: «Иностранцы, заполнившие наше иностранное ведомство при преемниках Петра Великого, исказили весь характер русской внешней деятельности, обращая Россию в орудие для служения чуждым ей целям и интересам» [99]. Поэтому не случайно председатель совета министров, поставленный во главе внешнеполитического ведомства, «обратился за вдохновением» в своей предстоящей деятельности на посту министра иностранных дел к «эпохе нашей национальной дипломатии». Пропитанные националистическим духом, газетчики выражали надежду, что высказанное Штюрмером пожелание не останется в области одних слов. «Новое время» бранило Милюкова за то, что он «всегда благожелательно относился к немецкому засилью» в том ведомстве, которое только что покинул его «протеже». Строгий выговор делался и прогрессистской газете «День», которая «легкомысленно поручилась за баронов Шиллингов, Розенов и прочих и резко устремлялась в защиту «онемеченной дипломатии нового периода русской истории». Одновременно воздавалась хвала Штюрмеру, «вознамерившемуся» вернуть ей подлинно русский дух[100].

Заговорили о том же и некоторые другие правые органы, да так, что рисковали оказаться под подозрением со стороны своих же единомышленников, рьяных охранителей режима. «По сообщению «Нового времени», — информировал своих читателей «Колокол», — министр иностранных дел Штюрмер решил пре-

образовать внутренний уклад иностранного ведомства, внеся в него русский дух и русские настроения»[101]. Приветствуя это «намерение», синодская газета отмечала, что служба в Министерстве иностранных дел до сих пор принадлежит к «разряду особо привилегированных». Личный состав этого министерства «оставляет желать многого». В списке его чиновников значится наибольшее число лиц с «домашним» образованием, в подавляющей массе бывшие лицеисты, «отличающиеся прекрасными манерами, но малым знанием политико-экономической жизни». Причем до последнего времени старания руководителей ведомства «были направлены к ограничению прилива в министерство демократических элементов (разумеется, не из среды трудового народа. — *В. В.*), к попытке сделать из русской дипломатии замкнутый кружок породнившихся между собою богатых знатных фамилий, прошедших хорошую школу в гостиных или на европейских курортах, нередко третирующих родину за нашу «отсталость» и «некультурность». Они сторонятся всего русского, боятся пустить новых людей в свою среду, окружают себя церемонной толпой черствых чиновников, для которых служебный покой выше всего на свете»[102].

Немало нареканий было высказано в адрес заграничного аппарата русской дипломатической службы, приведены поразительные примеры крайне нерадивого отношения некоторых царских послов к своему служебному долгу. Отмечалось, что русские дипломатические миссии за границей жили слишком замкнуто, обособленно от русских колоний, недостаточно энергично отстаивали интересы российских подданных, «придавали решающее значение мертвящей формалистике», иногда в прямой ущерб своей стране. Обращалось внимание на «неподготовленность» русского консульского состава в дружественных и нейтральных странах, что отрицательно сказывалось на развитии русской внешней торговли.

В общем оценка далеко не из похвальных, в особенности если учесть, что вышла она из-под пера церковников. Еще более крамольным мог показаться в глазах охранителей режима призыв «влить новые русские силы в ведомство, обновить его состав путем привлечения трудолюбивых скромных работников, не обращая внимания на дворянские гербы». Таких тружеников, уверяла газета, достаточно и среди бюрократии и в общественности (буржуазной и разночинной). Именно в них нуждается русская дипломатия. «Много энергии придется приложить гофмейстеру Штюрмеру, дабы встряхнуть и оздоровить ее»[103], — резюмировал орган духовников.

Штюрмер, разумеется, и не помышлял о каком-либо реформаторстве, позволявшем «встряхнуть и оздоровить» дворянски-элитарное ведомство. К такого рода начинаниям он был просто непригоден. Как он объяснял потом на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, портфель Сазонова попал в его руки только потому, что работа в МИДе ка-

залась ему «намного легче», чем управление Министерством внутренних дел, когда на него совершенно неожиданно были возложены «диктаторские полномочия» — координация деятельности различных ведомств (в частности, особых совещаний по обороне, транспорту и продовольствию) [104].

Объяснение, конечно, презабавное. Тем не менее оно показывает, до какой степени узко и ограниченно представлял себе премьер-гофмейстер задачи внешнеполитического ведомства в столь ответственный исторический момент. Правда, в кадровом составе МИДа, в его верхнем эшелоне, произошли некоторые перемены: был уволен в отставку (с назначением сенатором) товарищ министра В. А. Арцимович и вместо него назначен А. А. Половцев [105]. А в заграничном аппарате с выступлением Румынии на стороне держав Согласия посланником в Бухарест вместо гражданского лица С. А. Поклевского-Козелл был направлен по рекомендации Ставки генерал Мосолов [106]. Отставка Арцимовича, по словам Штюрмера, была вызвана тем, что в свое время он служил в Берлине, и поэтому «существовало опасение, что он может быть расположен к Германии более, чем желательно». Сменивший же его Половцев, занимавший до этого должность чиновника особых поручений при Сазонове, был известен своими проанглийскими симпатиями, часто посещал британское посольство в Петрограде и поддерживал с его обитателями весьма дружеские отношения. Долгое время жил в Лондоне, несколько лет провел в Индии. Штюрмер считал его умным человеком, «полезным для будущего» [107].

Небесполезно познакомиться с реакцией на смену в руководстве русским внешнеполитическим ведомством в союзных странах, а также в стане неприятеля. Вначале о союзниках. Известие об этом произвело на них весьма тягостное впечатление, особенно в первый момент. Как и в России, решение Николая II оказалось для них не только совершенно неожиданным, но и трудно объяснимым. В самом деле, Сазонов давно зарекомендовал себя в их глазах твердым и последовательным приверженцем Антанты, активным проводником курса на доведение войны до решительной победы над противником. Никаких видимых, сколько-нибудь основательных причин к неодобрению деятельности Сазонова со стороны императора не отмечалось даже для бдительного ока ответственных представителей союзников в России и их политических и иных наблюдателей. И вдруг — как гром среди ясного неба (в прямом и переносном смысле) в погожий июльский день. В таком случае резонно было предположить, что в принятом царем решении кроется нечто неблагоприятное для союзных держав. Тем более что Штюрмера, при всей его демонстративной приверженности антигерманскому блоку, в некоторых политических кругах Запада считали «германофилом в душе». Поводом к этому служила, как уже отмечалось, его немецкая фамилия и принадлежность к крайним правым группировкам Государственного совета, которых подозревали за

рубежом в принадлежности к некоей «немецкой партии» при царском дворе.

Первым забил тревогу английский посол в Петрограде Джордж Бьюкенен, являвшийся старейшиной дипломатического корпуса. Прослышав «случайно» о предстоящей отставке своего давнего «друга», он изо всех сил пытался предотвратить ее. С этой целью сэр Джордж отправил царю 6 июля срочную телеграмму (хранимую им в «глубокой тайне»), в которой просил императора отказаться от его намерения, решительно настаивая на оставлении Сазонова на своем посту. Документ этот почти уникален в отношениях великих держав и заслуживает того, чтобы остановиться на нем несколько подробнее.

Сознавая всю деликатность предпринимаемого шага, противоречащего, как признал сам посол, «всякому дипломатическому этикету», Бьюкенен счел необходимым оговориться, что он действует «совершенно по собственной инициативе и на свою личную ответственность», будучи уверенным, конечно, что в Лондоне его поймут. Сославшись затем на то, что Николай II «всегда разрешал» аккредитованному при нем британскому представителю откровенно говорить российскому властелину «обо всех делах, которые могли бы прямо или косвенно содействовать успешному исходу войны и заключению мирного договора, имеющего явиться гарантией против возникновения войны в будущем», посол и осмелился почтительно обратиться к его величеству с этим необычным посланием по вопросу, который, как он опасается, «может серьезно увеличить затруднения союзных правительств».

После такой драматизированной увертюры, обещавшей не менее драматическое либретто, Бьюкенен перешел к изложению существа своего столь необычного обращения, для которого у него уже не оставалось времени, если бы он действовал в обычном порядке, испросив для подобного разговора аудиенцию у императора. «До меня дошли упорные слухи,— телеграфировал посол,— что ваше величество возымели намерение освободить г. Сазонова от его обязанностей министра иностранных дел вашего величества». И поскольку это намерение, как следовало по смыслу телеграммы, идет вразрез с пожеланиями партнеров по коалиции, посол просит, прежде чем будет принято окончательное решение, «взвесить серьезные последствия, которые может иметь отставка г. Сазонова на важные дипломатические переговоры, которые ведутся сейчас, и на еще более важные переговоры, которые не замедлят возникнуть по мере продолжения войны» [108].

Это звучало чем-то вроде предупреждения о возможности принятия «ответных мер» в случае игнорирования мнения партнеров по коалиции, предупреждения о том, что переговоры не дадут тех результатов, на которые могла бы рассчитывать русская сторона. Только «важностью момента» и вызванной обстоятельствами горячностью можно было объяснить, но не оправ-

дать поведение посла. «Сазонов и я», пояснял далее Бьюкенен, в течение почти шести лет трудились над созданием между Россией и Англией тесных контактов, и он, Бьюкенен, всегда рассчитывал на поддержку русского министра, чтобы превратить союз, закрепленный происходящей войной, «в союз постоянный». Невозможно также переоценить «услуг», оказанных Сазоновым делу союзных правительств во время «чрезвычайно трудных переговоров», которые велись ими с начала войны и которые пришли к благополучному завершению в значительной мере благодаря «такту и способностям» русского министра иностранных дел.

Изложенные мотивы и побудили британского посла обратиться к носителю верховной власти со столь настойчивой просьбой [109]. Однако царь не нашел возможным внять «доброму совету и предостережению», усмотрев в них слишком откровенное вмешательство во внутренние русские дела и, более того, непосредственно в прерогативы самого российского монарха. Так что настроение в британском посольстве было более чем пасмурным. Не лучше чувствовали себя и во французском представительстве. Рано утром 8 июля Бьюкенен телеграфировал своему правительству о том, что накануне, 7 июля, последовал рескрипт об отставке Сазонова, находившегося в это время на кратковременном отдыхе в Финляндии.

С нелегким сердцем было встречено это известие и в правительственных кругах Лондона. «Дорогой сэр Джордж,— писал в ответ Бьюкенену заместитель Грея статс-секретарь лорд Гардинг.— Ваша частная телеграмма от сегодняшнего утра, сообщающая об отставке Сазонова, производит тяжелое впечатление. Воистину печально, что в Петрограде происходит такая серьезная перемена как раз в такой момент, когда переговоры о вступлении Румынии в войну протекают успешно и, вероятно, будут иметь благополучный исход[110]. Дело, конечно, не только в переговорах с Румынией. Вызывали озабоченность вся сумма взаимоотношений по вопросам ведения войны и перспектива послевоенного мирного урегулирования. Не случайно Гардинг раздраженно заметил: «Какую скверную роль играют всегда русские реакционеры!». Вместе с тем он одобрил посылку Бьюкененом телеграммы царю, выразив надежду, что она «возымеет свое действие»[111]. На какое действие рассчитывал лорд Гардинг, трудно сказать. Скорее всего, имелось в виду поддержание союзнических отношений на прежнем уровне.

Не вызывала бодрости и во французской столице соответствующая информация Палеолога, хотя уже 9 июля А. А. Нератов, по личному указанию царя, заверил английского и французского послов в том, что, несмотря на происшедшую смену в руководстве Министерства иностранных дел, политика России останется прежней. В секретной телеграмме Извольскому и Бенкендорфу от 11 июля Нератов сообщал: «...По высочайшему повелению я заявил в субботу, 9 июля, послам Франции и Анг-

лии, что перемена в лице министра иностранных дел не отразится на политике России, которая останется неизменной»[112].

Днем позже (10 июля) Штюрмер направил телеграммы министрам иностранных дел Франции, Англии и Италии, в которых уведомлял своих новых «коллег» о том, что высочайшим повелением на него возложено руководство Министерством иностранных дел и что на этом посту он будет стремиться к укреплению союзнических уз, связывающих Россию с их странами. Наибольшей теплотой и сердечностью отличалась телеграмма главе французского дипломатического ведомства (он же и премьер) Бриану. Штюрмер заверял последнего, что он счастлив сотрудничать с его превосходительством в деле дальнейшего укрепления давних уз дружбы и союза, которые нерасторжимо объединяют обе страны, и продолжать совместно решать великую задачу, стоящую перед ними в сложившихся серьезных обстоятельствах[113]. В несколько более сдержанных выражениях была составлена телеграмма Грею. Штюрмер обещал свое сотрудничество в деле укрепления отношений дружбы и союза, столь счастливо установившихся между Англией и Россией[114]. Барону Соннино еще скромнее: сотрудничество в развитии добрых отношений между двумя странами[115]. В тот же день была разослана циркулярная телеграмма всем русским посольствам и миссиям, уведомлявшая о принятии Штюрмером на себя полномочий министра иностранных дел по высочайшему повелению. Сазонов, говорилось в этих телеграммах, был освобожден от своих обязанностей по его личной просьбе, вызванной состоянием здоровья[116].

Несколько позже (14 июля) состоялся обмен соответствующими телеграммами между Штюрмером и японским министром иностранных дел Исии. В данном случае оба адресата все еще находились под свежим впечатлением недавно заключенного союзного договора. Петроградский корреспондент «спешил» выразить японскому министру свое искреннее удовлетворение совместно работать в тот момент, когда дружественные отношения между обеими странами «окончательно скреплены только что подписанным политическим соглашением». Исии тоже «спешил» поблагодарить новоиспеченного дипломата за любезную телеграмму и выразить «чувства высочайшего удовольствия» по поводу сотрудничества с ним с целью развития дружественных отношений и солидарности между обоими государствами, «столь неразрывно скрепленными последним соглашением»[117].

Отставка Сазонова произвела весьма удручающее впечатление не только на официальные круги, но и общественное мнение союзных стран, в особенности в Англии и Франции. Демонстрируя свое негативное отношение к «заботе» царя о здоровье Сазонова, Бриан и Грей направили последнему приветствия с выражением сочувствия и сожаления об оставлении им своего поста, на котором он столь плодотворно трудился во благо России и обще-

союзнического дела. Бьюкенен выехал даже в Финляндию, где находился на отдыхе отставной министр, и передал ему послание Грея, принятое адресатом с глубокой признательностью. Кроме того, английский король Георг V, по представлению своего правительства, удостоил Сазонова Знаком Большого Креста ордена Бани, одной из высших наград Британской империи[118], что служило прямым укором его кузену Николаю II, ограничившемуся «благодарственным» рескриптом Сазонову за его верную службу царю и отечеству. Возвратившись в Петроград, Сазонов сердечно благодарил и главу французского кабинета за его любезную телеграмму, переданную через французское посольство, с признанием его заслуг перед союзниками и сожалением по поводу оставления им своего поста[119].

Всяческое внимание выказывала Сазонову союзническая пресса, выражая искреннее сожаление по поводу его устранения от больших и исключительно важных для держав Согласия дел с непременным признанием его неоспоримых заслуг перед союзниками. Известие об отставке Сазонова, констатировало «Русское слово», встречено в Англии с чувством искреннего сожаления. Хотя о пошатнувшемся здоровье русского министра иностранных дел было известно ранее, в английском обществе не было данных предполагать, чтобы это нездоровье заставило его покинуть тот пост, на котором он оказал общему делу союзников столько услуг[120]. Комментируя высочайший рескрипт на имя Сазонова, консервативная «Таймс» замечала, что лестная оценка царем трудов ушедшего в отставку министра является вполне заслуженной. Все, кому приходилось знать бывшего министра иностранных дел за время его «блестящей карьеры», всегда поражались его безграничной преданности долгу и глубоко верным пониманием интересов России, подразумевая при этом в первую очередь достигнутое при нем сближение между Англией и Россией. «В нашей стране,— писала лондонская газета,— Сазонов имел много друзей, к Англии он относился всегда благожелательно, и весть о его отставке будет встречена с большой печалью. Его примирительный образ действий в 1904 г., когда эскадра адмирала Рожественского обстреляла на Даггербанке наши рыбачьи суда и когда г. Сазонов состоял русским поверенным в делах в Лондоне, его преданность англо-русскому соглашению уже одни достаточны для того, чтобы выразить ему нашу благодарность, если даже не принимать во внимание многих других доказательств его лояльности по отношению к союзникам во время нынешней войны. Мы встречаем известие о его отставке с искренним сожалением»[121].

Другая английская газета — «Пэл Мэл газет» отмечала, что известие об отставке Сазонова «будет встречено с сожалением всеми союзными народами»[122]. Реакционная, близкая к консерваторам «Дейли телеграф» также нашла весьма лестные выражения: «Отставка Сазонова вызовет искреннее сожаление. Он был чрезвычайно талантливым министром. Его авторитет и

влияние были весьма полезны в деле упрочения дружественных отношений между Петроградом и Лондоном» [123].

Столь же опечалена была уходом Сазонова и французская пресса. Парижский корреспондент «Русских ведомостей» сообщал 11 июля, что отставка Сазонова встречена там с искренним сожалением. Французская печать, информировал этот корреспондент, отмечает его искренний пацифизм, глубокое понимание интересов России, верность и лояльность по отношению к союзникам. Если русская дипломатия все же не смогла предотвратить распада балканского союза и возникновения мировой войны, то это вина не Сазонова, а общего хода событий и тех иллюзий, которые питала вся дипломатия Тройственного согласия [124].

В другой корреспонденции из Парижа, от 12 июля, сообщалось, что отставка Сазонова вызвала там «общее сожаление и все газеты оценивают ее единодушно». Газета «Журналь» писала в этой связи, как бы полемизируя с черносотенными публицистами Петрограда и Москвы: во время крайне напряженного положения с ноября 1912 г. по август 1913 г., когда можно было думать, что Германия и Австрия хотят ускорить нынешнюю великую авантюру, терпение и миролюбивое упорство России немало способствовали тому, чтобы на время буря рассеялась. Теперь, после событий двух последних лет, можно, конечно, задать себе вопрос: не лучше ли бы державы Согласия обеспечили мир, показав зубы тогда, когда Австрия воспротивилась законным планам расширения Сербии, и поддержав балканский союз, который являлся барьером на пути шествия Германии на Восток и был необходим не только для мира на Востоке, но и для спокойствия Европы? Державы пошли по другому пути, но Сазонов ответственен за это не один. Он следовал той политике, которая была одобрена в Лондоне и Париже. И каковы бы ни были последствия этой политики, нужно громко сказать, что она питалась самыми благородными иллюзиями. После сараевского убийства миролюбивая политика Сазонова, «доведенная до возможной крайности», сняла с России всякую ответственность за нынешнюю войну. Если и был сделан ложный шаг, то он был сделан коллективно. Когда же драма началась, то известно, с какой энергией Россия начала играть свою роль. Она без всяких оговорок присоединилась к Лондонскому соглашению, она при всяких испытаниях проявляла необычайное хладнокровие и с презрением относилась ко всем попыткам заключить преждевременный мир. Сазонов являлся во всем этом для министров держав Согласия прямым и искренним сотрудником [125]. Наибольших похвал удостоила Сазонова официозная парижская «Тан», что вызвало открытое недовольство марковской «Земщины», которая расценила их как «не вполне удачные» и свидетельствующие о том, что Сазонов был не русским, а европейским дипломатом [126].

Сожалея об уходе Сазонова, английская и французская пресса выражала убеждение, что с приходом Штюрмера к руковод-

ству дипломатическим ведомством внешняя политика России останется в прежнем русле. Так, «Таймс» в заключительной части упомянутой обширной статьи писала, что перемены в личном составе царского кабинета не повлекут за собой изменения курса русской политики. Усилия Штюрмера будут направлены исключительно к достижению решительной победы и к подготовке таких условий мира, которые могли бы обеспечить Европе «продолжительное и прочное спокойствие» [127], т. е. согласованной между союзниками империалистической программы мирного урегулирования. Едва ли есть основания бояться, замечала «Таймс», чтобы Штюрмеру оказалось не по силам справиться с очередными задачами русской и союзной политики. В качестве премьер-министра он имел достаточно времени и возможности освоиться с данными и перспективами общего дипломатического положения. И хотя он и принадлежит к более консервативному лагерю русских правящих кругов, «его преданность общему делу союзников вне сомнения» [128].

Аналогичными прогнозами пестрела и французская печать. «Журналь» писала: «Сам глава правительства берет на себя управление иностранными делами. Это решение доказывает важность, придаваемую теперь дипломатической части, и служит выражением непрерывности политики, которая ставит себе единственной целью — достижение победы... Энергия г. Штюрмера проявилась в тех молчаливых усилиях, значение которых подтверждается победами генерала Брусилова. Мы теряем испытанного сотрудника, но мы приобретаем непоколебимую поддержку другого министра. Остальное интересует только внутреннюю русскую политику» [129]. В том же ключе комментировала происшедшую в Петрограде смену другая парижская газета «Эхо дё Пари». По всей вероятности, император руководствовался в своем выборе качествами, обнаруженными Штюрмером «в его руководящей деятельности, проявленной при преобразовании (?!) страны, которая дала возможность обновить армию и одержать нынешние победы». Штюрмер, добавляла реакционная буржуазная газета, может рассчитывать «встретить во Франции чувства искренней и глубокой дружбы, которых он заслуживает» [130]. Еще одна бойкая буржуазная газета, «Пти журналь», заявляла своим читателям, что отставка Сазонова «ничего не меняет в положении, занятом Россией. Б. В. Штюрмер твердо намерен продолжать борьбу до полной победы» [131]. А претенциозная «Либерте», имея в виду определенный скептицизм некоторых кругов в отношении царского решения, не без раздражения заявила: «Уж, конечно, не французам жаловаться на соединение в одних руках постов председателя совета министров и министра иностранных дел, ибо мы и сами признали целесообразность этого слияния в военное время» [132]. (Несколько позже ведущие французские газеты поместили на видных местах упомянутое выше заявление Штюрмера от 19 июля по случаю второй годовщины начала войны.)

Все это дало «Земщине» повод заявить, что в огромном большинстве французских изданий высказываются комплименты по адресу Сазонова, но вместе с тем «вполне одобряется» передача заведования дипломатией главе правительства. Итак, господа Милюковы и Львовы могут не усердствовать в запугивании нас впечатлением, какое производит отставка Сазонова на «земскую Россию», на провинцию и союзные державы [133]. Тот же довод пыталось использовать и «Новое время», сославшееся, в частности, на мнение проантантовски настроенной бухарестской газеты «Журналь де Балкан», которая писала: «Даже если предположить, что Штюрмер начнет новую политику, то эта политика будет логическим последствием прежней; она будет политикой, соответствующей новейшему времени, опирающейся... на единение царя с народом, что и обеспечит в ближайшем будущем полную победу России» [134].

С меньшим огорчением, чем в Англии и Франции, была встречена отставка Сазонова в Италии, хотя и там отдельные органы печати выражали искреннее сожаление об окончании его министерской карьеры, отдавая должное его заслугам перед союзниками, в том числе перед Италией в деле ее сближения с Россией. Корреспондент «Русского слова» Александр Амфитеатров сообщал из Генуи 13 июля: «На долю министра, уходящего в отставку, редко выпадает столь единодушный хор похвал, какие выпали в Италии на долю С. Д. Сазонова. Все органы политической печати без различия направлений говорят о нем как о верном друге и союзнике Италии, как о создателе ее сближения с Россией, начало которому было положено свиданием в Раккониджи» [135].

Не задерживая долго внимания на причинах происшедших в Петрограде перестановок, итальянская пресса с самого начала сконцентрировала свое внимание на том, в какой мере смена министра иностранных дел отразится на общем направлении русской внешней политики, как поведет себя ее новый руководитель с немецкой фамилией, тем более что и в Италии остро стояла проблема борьбы с германским засильем [136]. Тот же Амфитеатров уведомлял: «Выражая свои сожаления об отставке С. Д. Сазонова, печать в то же время выражает надежду и даже уверенность, что преемник уходящего министра неуклонно пойдет его дорогой и что никаких сюрпризов с этой стороны ждать не приходится. В подтверждение тому приводят речь Б. В. Штюрмера в Думе, когда он категорически заявил, что единственной целью России в настоящее время является объединение всех сил для достижения решительной и полной победы» [137].

Отвергнув официальную версию о причине отставки Сазонова (пошатнувшееся здоровье), итальянская печать с удовлетворением констатировала, что причины эти лежат не в каких-либо разногласиях в верхах по вопросам внешней политики и союзнических отношений, а в характере внутриполитической

ситуации в России. Поэтому, дескать, и нет оснований для особых волнений. Уход русского министра иностранных дел не был неожиданным, успокаивала 12 июля болонская «Ресто дель Кармино». Уже дважды заходила речь об отставке Сазонова, но в обоих случаях он оставался на своем посту благодаря ясно выраженной воле монарха. И теперь, когда это произошло, нет поводов пессимистически смотреть на вещи. Политика России останется в прежнем, благоприятном для союзников русле. «Преемник Сазонова, несмотря на свою немецкую фамилию, не только обнаружил себя сторонником ярко антигерманской политики, но и выказал чувство такта и мягкость, совершенно несовместимые с теми намерениями, которые ему приписываются». Единственное «но»: Штюрмер «является величиной, совершенно неизвестной для европейского общества». Тем не менее оно «с доверием ожидает его первых шагов» [138].

В свою очередь, близкая к правительству газета «Трибуна», помещая сообщение из Парижа о том, что в тамошних политических кругах уход Сазонова вызвал «большое огорчение», так как его политика за все время вооруженного конфликта «отличалась величайшей прямолинейностью и твердостью», и что он был «одним из наиболее деятельных орудий» этой политики, нацеленной на ведение войны до победного конца, «лучшим доказательством» чему служит его последний акт — союзный договор с Японией, вместе с тем подчеркивала: «Штюрмер, вступивший на пост министра иностранных дел, является человеком большой энергии. Он принадлежит к консервативным элементам, которые стремятся к возможно бóльшему сосредоточению в руках правительства всей деятельности государства и всей ответственности за нее. Если это обстоятельство и может беспокоить русскую демократию, то для союзников оно является только гарантией наиболее энергичного ведения войны» [139].

Туринская «Газет дель Пополо» писала об этом несколько иначе: «Штюрмер — бюрократ, тогда как Сазонов был дипломатом и имел более широкие и подходящие к моменту взгляды». Но и она уверенно заявляла, что новый министр иностранных дел не сможет изменить внешней политики России, коль скоро он сам является председателем кабинета, членом которого состоял Сазонов. Пользуясь информацией из Рима, та же газета днем позже (13 июля) сообщала, что в столичных дипломатических кругах полагают: причины ухода Сазонова следует искать в условиях внутренней политики; Сазонов «отличался излишним либерализмом и поддерживал в совете министров крайне демократические планы по отношению к подвластным России народам». Штюрмер же, происходящий из бюрократической среды, «отличается чисто военной дисциплиной, придерживается по отношению к этим народам точки зрения русской консервативной партии. Это и явилось причиной его назначения на место Сазонова» [140]. Миланская «Аванти» (15 июля), отнюдь не жалуя Сазонова или Штюрмера лестными отзывами (не слу-

чайно она вышла с немалыми купюрами), констатировала, что царь нашел нового исполнителя своей воли, «который будет продолжать прежнюю комедию». Поэтому «благомыслящая» итальянская печать шлет новому министру сердечный привет и называет его «другом Италии», радуясь тому, что курс на войну останется неизменным [141]. Генуэзская «Каффаро» объясняла отставку не только плохим состоянием здоровья, но также «известными условиями внешней политики», а именно тем, что он занимал непримиримую позицию по отношению к притязаниям Румынии [142].

Наблюдательнее и осведомленнее оказалась «Карриере делла Сера», правда спустя десять дней после отставки. Со слов своего петроградского корреспондента Р. Ларко, газета информировала: относительно «министерского кризиса» русская пресса хранит полное молчание. Из всех местных газет только «Русское слово» сообщило, что причиной ухода Сазонова явилось его разногласие с Штюрмером в польском вопросе. Из «достоверного источника» названному корреспонденту стало известно, что в ближайшее время должен быть обнародован указ, определяющий основы будущего строя Польши. Проектируемый акт предусматривал, со слов того же корреспондента, введение польской автономии и содержал в себе развитие идей, возвещенных в манифесте бывшего верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и в заявлении Горемыкина, сделанном на заседании Думы 19 июля 1915 г. О предстоящем опубликовании этого «величайшей важности» акта велись разговоры еще до отставки Сазонова [143]. Однако предсказания «достоверных источников» так и не подтвердились [144].

В общем в официальных и деловых кругах Италии вполне уверовали в неизменность внешнеполитического курса России. Можно даже сказать, что происшедшая в Петрограде перемена на посту министра иностранных дел послужила Риму в известной мере поводом напомнить о возможности и необходимости дальнейшего сближения между двумя странами. В донесении от 13 июля Гирс информировал МИД о «все более определяющемся стремлении итальянцев установить с Россией прочные экономические связи» [145]. Спустя полмесяца (1 августа), сообщая о настроениях тамошних правящих кругов, он снова обращал внимание на их стремление к установлению более тесных контактов с восточной союзницей и, со своей стороны, считал «в высшей степени желательным» привлечение симпатий Италии к России. «Прибытие в Италию минувшей весной делегаций Государственного совета и Думы, — отмечал в этой связи посол,— было сочтено итальянцами за событие исключительной важности» [146]. Этим обстоятельством, по мнению Гирса, следовало воспользоваться. В Петрограде к соображениям посла отнеслись положительно. На протяжении последующих месяцев тенденция к сближению между Италией и Россией получит дальнейшее развитие, прежде всего по политической линии. В част-

ности, это найдет выражение в посылке в Россию со специальной миссией князя С. Боргезе, которому предстояло нащупать возможность установления более тесных контактов между римским и петроградским кабинетами в политике на Балканах и в Восточном Средиземноморье [147].

Итак, вся иностранная печать, подытоживала 16 июля «Биржевка», имея в виду, конечно, прессу союзников, уделяет первостепенное внимание переменам, происшедшим в управлении нашей внешней политикой и, не скрывая своей озадаченности по поводу неожиданного ухода Сазонова, единодушно предсказывает, что политика нового главы иностранного ведомства в России в отношениях с союзниками не будет отличаться от прежней политики и что она «будет протекать по тому руслу Тройственного соглашения, прорытию которого отдал так много энергии ушедший министр». Основной вопрос о преемственности политики Сазонова и Штюрмера, «волновавший европейскую мысль, разрешен твердо и прямолинейно». И это не только констатация союзных держав, но и настойчивое требование.

И все же, как бы ни уверовали союзники в неизменность внешнеполитического курса Николая II, смутные подозрения в отношении Штюрмера давали о себе знать, в особенности в Англии. Еще 13 июля Бенкендорф телеграфировал из Лондона: «Ни одна газета не выразила сомнений относительно сохранения связей, существующих ныне между двумя нашими империями, и не выразила опасений насчет какого-либо изменения в этом отношении. Тем не менее во избежание всяких колебаний на сей счет в общественном мнении я полагаю, что какое-то официальное публичное заявление по этому поводу — будь то через прессу или каким-либо иным путем — обязательно должно быть сделано как можно скорее» [148].

Учитывая это и другие соображения, такое заявление сделали в союзной и нейтральной прессе 19 июля по случаю второй годовщины с начала войны (о чем уже говорилось выше). Недовольство «Речи» и других органов либеральной печати тем, что это важное заявление официально опубликовано только за границей (хотя это было не совсем так), а также укоры за умолчание в нем о задачах и целях войны заставили Штюрмера найти подходящий момент, чтобы еще раз высказаться по этому поводу «со всей определенностью». Такой момент вскоре представился. Примерно спустя неделю, во время приема находившегося в Петрограде московского городского головы М. В. Челнокова [149], Штюрмер неожиданно спросил посетителя, верно ли, что его назначение министром иностранных дел истолковывается в Москве как перемена в направлении внешней политики правительства «и как симптом возможности переговоров о сепаратном мире». Челноков ответил, что слухи такого рода действительно циркулируют в Москве. Председатель Совета министров не без волнения сказал: «Я не знаю, как я мог бы определеннее высказать свою точку зрения. Я уже излагал однажды

в интервью и сослался на исторический пример Ордин-Нащокина. Я могу вести дела министерства согласно верховных указаний лишь в полном согласии с нашими союзниками. Я неизменно считаю, что война должна быть доведена до полной победы и Германия должна понести справедивое возмездие за все совершенные ею жестокости. В этом отношении я вполне разделяю английскую точку зрения». Штюрмер просил Челнокова огласить данное мнение в печати и заранее выражал свою «радость», если население Москвы поймет его «так ясно и определенно», как он это излагает. Польщенный доверительностью премьера, городской голова первопрестольной заверил, что сделанное заявление «будет встречено в Москве с особым удовольствием» [150]. В комментарии к сообщению Челнокова «Раннее утро» писало: председатель Совета министров воспользовался беседой с московским городским головой «для категорического опровержения всяких слухов о возможности заключения сепаратного мира». И после нынешних заявлений главы кабинета, продолжала газета, ближайшие причины ухода Сазонова остаются неосвещенными, «но неизменность нашего нынешнего курса в международной политике подтверждена с определенностью, не допускающей никаких превратных толкований». Ценность последнего заявления Штюрмера не только в том, что оно подчеркивает «неизменность политического курса и нерушимость прочной связи с союзниками», но и в том, что «приподнимает завесу» над теми задачами, «которые встанут перед союзниками в момент ликвидации войны». Солидарность России с Англией распространяется и на те мероприятия, которые намечены англичанами по отношению к Германии: «Речь идет, очевидно, не только о том экономическом бойкоте, который по инициативе Великобритании будет осуществлен после войны, но и о других мероприятиях, направленных к обезвреженню германского милитаризма». Такое полное согласование как в вопросах текущей политики, так и в осуществлении конечных задач, выдвигаемых мировой войной, исключает возможность каких-либо предположений о том или ином уклоне в направлении русской политики. Это заявление премьер-министра, сообщалось в газете, «сделанное притом в столь категорической форме, в значительной мере рассеет недоумения, вызванные в общественных кругах состоявшейся сменой в Министерстве иностранных дел» [151].

В сходных выражениях комментировало заявление Штюрмера во время встречи с Челноковым и «Утро России». «Никто, понятно, не допускает возможности встретить в нынешнем главе правительства убежденного сторонника переговоров с Германией о сепаратном мире. Тем не менее в высокой степени отрадно узреть в Б. В. Штюрмере убежденного англомана, вполне разделяющего английскую точку зрения на задачи нашей внешней политики» [152].

На кадетские органы «Речь», «Современное слово» и другие беседа Штюрмера с Челноковым (одним из лидеров правых ка-

детов) не произвела такого обворожительного впечатления. Многое показалось им «непонятным» и «неожиданным» [153]. Не в восторге от нее был и прогрессистский «День», сообщавший, что Штюрмеру так и не удалось «избавить общество от заблуждений насчет намерения премьера во внешней политике»; ничем не помог ему в этом отношении и Челноков [154]. Тенденциозность такой оценки бросалась в глаза.

Газеты крайне правых оценили ее, конечно, иначе. «Голос Руси» старался дополнить и уточнить сделанное заявление. Председатель Совета министров, сообщала газета, заверил московского городского голову, что наши условия соглашения и договоры с союзниками остаются неизменными. Более того, Россия пойдет еще дальше: она считает своим долгом выполнить все мероприятия, которые намечены Англией по отношению к Германии. И он, Штюрмер, как исполнитель воли императора приложит все силы, чтобы совместно с доблестными союзниками «и впредь работать рука об руку над укреплением русско-англо-французской дружбы» [155]. В другой заметке говорилось: «Слухи, как туман, подымаются неизвестно откуда и заползают во все щели. Среди этой неразберихи прозвучали на всю Россию два голоса, не верить которым нельзя: председателя Совета министров и начальника штаба верховного главнокомандующего. В коротких и ясных словах они сказали все, что всего важнее и нужнее России». Штюрмер, отмечалось далее, категорически опроверг возможность какого-либо поворота в русской политике по отношению к союзникам. По его заявлению, русское правительство не только твердо держится решения довести войну до победного конца. Оно разделяет еще мнение союзников о необходимости возложить на Германию ответственность за все совершенные ею жестокости [156].

Высказывания генерала Алексеева были «не менее определенны и решительны». Причем он не ограничился выражением своей уверенности в победоносном для союзников исходе войны, а привел и те данные, на которых основывалась эта уверенность. «Германцы,— сказал генерал,— израсходовали свои резервы, и разговоры, будто у них спрятана внутри страны крупная резервная армия, оказались чистым блефом. Для сформирования новых частей у них нет ни людей, ни материалов. Вместе с тем внутреннее положение Германии становится окончательно критическим». Эти слова, писали «истинные патриоты», звучат погребальным звоном для Германии [157]. О положении же в собственной стране они явно забывали или имели о нем крайне превратное представление. А оно все больше приближалось к критической отметке.

Несомненный интерес представляют также и отклики неприятельской прессы на смещение Сазонова и передачу портфеля министра иностранных дел в руки главы правительства. Эти отклики проливают дополнительный свет как на характер взаимоотношений России с партнерами по коалиции, так и на ориен-

тацию ее внешнеполитического курса. Базельский корреспондент «Биржевых ведомостей» Г. Кирдецов сообщал 12 июля, что берлинские газеты ввиду небольших размеров своих послевоскресных выпусков поместили лишь краткие комментарии по поводу оставления Сазоновым поста министра иностранных дел. Однако уже тогда берлинская «Локаль анцайгер» советовала своим соотечественникам не придавать преувеличенного значения этому факту и ограничиться принятием к сведению происшедшей перемены в руководстве русской внешней политикой. Не следует ожидать, писала газета, что Штюрмер в качестве председателя Совета министров и министра иностранных дел поведет политику России иным путем, чем Сазонов [158].

Другая немецкая газета — «Кёльнише цайтунг», охарактеризовав Сазонова как непримиримого врага Германии и выразив, естественно, удовлетворение по поводу его устранения, категорически заявляла: «Нельзя делать себе никаких иллюзий относительно политического облика Штюрмера, вся деятельность которого за последние месяцы на посту председателя Совета министров служит достаточно ярким доказательством, что русские правящие сферы твердо решили продолжать борьбу до последней крайности» [159]. Правда, в другом опусе «Кёльнише цайтунг», памятуя о том, каким ненавистным для Германии был некогда симпатичный кайзеру его потсдамский собеседник, высказала удовлетворение назначением Штюрмера, который, по словам этой газеты, «лишен шовинизма и военного бряцания», что должно облегчить пробуждение мирных тенденций в русском обществе. Однако раздавались и другие голоса. Так, известный националист граф Ревентлов (публицист и политический деятель) решительно высказался в «Деутше Тагес цайтунг» против распространения в Германии подобных «вредоносных иллюзий», поскольку опыт премьерства Штюрмера наглядно показал, что он не уступает другим самым ярым приверженцам войны из числа крайне правых. Чуть позже упомянутая кёльнская газета исподволь занялась распространением слухов о склонности Штюрмера к сепаратному миру с Германией, преследуя при этом вполне определенные цели.

Орган крупных германских биржевиков — газета «Франкфуртер цайтунг», хорошо информированная о настроениях правительственных кругов (ее берлинский корреспондент «часто получал инспирации» от самого Бетман-Гольвега), также писала в те дни: «Было бы величайшей ошибкой надеяться, что назначение Штюрмера сколько-нибудь существенно изменит направление русской внешней политики, которая в настоящий момент имеет шансы на вовлечение Румынии в орбиту Четверного Согласия». В данном случае газета могла утешить читателей лишь тем, что «дальнейшая позиция Румынии меньше зависит от искусных действий дипломатии обеих воюющих групп, чем от стратегических талантов генералов, командующих армиями на Восточном фронте» [160]. В свою очередь, влиятельная «Пост» в

помещенном ею обзоре русской периодической печати с огорчением констатировала, что все русские консервативные газеты, рьяно поддерживавшие Штюрмера, «сходятся в ярой ненависти ко всему немецкому» [161].

Согласно информации копенгагенского спецкора «Биржевых ведомостей» А. Троповского, многие германские газеты весьма сдержанно высказывались вначале по поводу отставки Сазонова, признавая неясными мотивы его смены и воздерживаясь вообще от прогнозов относительно дальнейшего направления русской иностранной политики [162]. Корреспондент «Утра России» сообщал из того же Копенгагена, что немецкая печать не слишком многословна относительно ухода Сазонова, так как не ожидает перемены курса внешней политики России с назначением Штюрмера [163].

Аналогичными были и отклики австро-венгерской прессы. Упоминавшийся выше Кирдецов сообщал 11 июля, что, согласно сведениям венской газеты «Неуе фрайе прессе», руководящие венские круги считают до известной степени знаменательным уход от дел государственного деятеля, столь тесно связавшего свое имя с дипломатической историей войны. Однако эти круги далеки от мысли, что оставление поста Сазоновым и назначение вместо него Штюрмера способны каким-либо образом повлиять на дальнейшее направление русской внешней политики. Другие венские газеты, сообщал тот же корреспондент, следуя, по-видимому, директивам Министерства иностранных дел, высказывались в том смысле, что Штюрмер будет, несомненно, продолжать политику своего предшественника. «Неуе фрайе прессе», как и «Франкфуртер цайтунг», добавляла к этому, что дипломатия должна молчать в настоящий момент, когда войска разрешают на полях сражений великие проблемы будущего политического устройства Европы [164]. Беда, правда, в том, что и австрийская печать никак не могла пока сослаться на какие-либо реальные успехи своего воинства. Напротив, австрийские армии все еще терпели серьезные поражения, с трудом сдерживая натиск армии Брусилова.

Орган австрийской военной партии — «Рейхспост» полагал, в свою очередь, что появление Штюрмера в здании у Певческого моста не окажет ни малейшего влияния на дальнейшие отношения России к ее западным союзникам, так как «пути внешней политики России, по-видимому, окончательно предопределены на многие годы» [165]. Выражая ту же мысль, руководящий орган австрийской социал-демократии «Форвертс» напоминал, что отставка графа Берхтольда и назначение на пост австро-венгерского министра иностранных дел барона Буриана «также нисколько не повлияли на позицию габсбургской монархии в мировой войне» [166]. Несколько позже столичная «Цайт» свидетельствовала: после ухода Сазонова все узнали, что Родзянко сообщил представителям печати от имени Штюрмера: курс внешней политики России не изменится. Уточняя, каков этот курс и

давно ли он существует, «Цайт» заявляла, что он существует уже десять лет, ибо начался при Извольском и продолжался при Сазонове [167].

И в другой части двуединой монархии также не тешили себя надеждами на какие-либо перемены в ориентации русской внешней политики. Будапештский официоз газета «Пештер Ллойд» заявляла 16 июля: «При нынешнем положении вещей в Лондоне, Париже, Риме и Токио, вероятно, больше интересуются личностью руководителя внешней политикой России, чем в Берлине, Вене, Будапеште, Софии и Константинополе. На стороне г. Штюрмера то преимущество, что не на его душе грех за возникновение мировой войны. Что же касается перемены в русской политике, то само собой разумеется, что ее не будет. В такой момент, когда в России рассчитывают на коренную перемену в положении дел на театрах военных действий, ни один русский государственный деятель не покажет, что он не верит в победу России» [168]. Обругав Сазонова «мелкой личностью» в области дипломатии и политики, венгерская газета вместе с тем подчеркнула, что заявления, с которыми Штюрмер вступил в руководство внешней политикой России, являются все-таки «сюрпризом, если вспомнить, что народы Европы напрягают все свои силы в борьбе за свое будущее и за устройство Европы в течение ближайших столетий». Другими словами, газета сожалела, что в заявлениях нового русского министра иностранных дел нет и намека на стремление к миру, на близкое окончание войны. Стремление переложить ответственность на противную сторону было характерной чертой пропаганды обеих воюющих группировок. Отчетливо проявилось оно и в данном случае. Однако в марксистской историографии давно и со всей убедительностью раскрыто, как возникла война и на ком лежит ответственность за ее развязывание.

Рассмотренный материал достаточно отчетливо показывает, что произведенные в июле 1916 г. перестановки в правительстве с передачей портфеля министра иностранных дел Штюрмеру как попытка создания более «однородного» кабинета из лиц правомонархического толка повлекли за собой острейшую схватку на страницах прессы между крайними консерваторами и либеральной оппозицией. Развернувшаяся вслед за тем полемическая баталия между различными группировками господствующих классов свидетельствовала о дальнейшем обострении и углублении кризиса верхов как одном из проявлений разраставшейся революционной ситуации. Разумеется, в основе этого кризиса лежали общие, более глубокие социально-экономические и политические причины, отражением которых служила и министерская чехарда. Но непосредственным поводом, толчком к новым столкновениям в буржуазно-помещичьих кругах, в правительственном и оппозиционном лагере послужила смена руководства внешнеполитическим ведомством.

Нельзя не отметить, что основными среди разногласий между различными группировками по-прежнему оставались разногласия внутриполитические. В области же внешней политики как правые, наиболее реакционные силы, так и либералы выступали против «преждевременного», особенно сепаратного, мира, за продолжение войны до победного конца. Крайне правые выдвигали более широкие империалистические притязания [169]. Они настаивали на проведении более твердой линии в отношении союзников, прежде всего Англии, подозревая ее в стремлении переложить на Россию основную тяжесть борьбы с вражеской коалицией, максимально экономя собственные силы, дабы выйти из войны менее истощенной, чем ее союзники, и навязывать им свою волю в делах послевоенного мирного урегулирования. Такие настроения были также распространены в правительственных кругах, при дворе и в Ставке, что приводило к определенному напряжению в англо-русских отношениях. Открытым проявлением этой напряженности явился известный инцидент Булацеля[170]. Но в основном союзникам удавалось сглаживать возникавшие между ними подчас довольно острые разногласия.

[1] Единственной «белой вороной» в кабинете Штюрмера оставался либеральствующий министр народного просвещения граф Игнатьев, против которого черносотенная печать не прекращала разнузданную кампанию.
[2] АВПР. Ф. 140. Д. 516. Л. 87.
[3] Вечернее время. 1916. 11 июля; Колокол. 1916. 12 июля.
[4] Российский гражданин. 1916. 17 июля. № 28.
[5] Колокол. 1916. 12 июля; Вечернее время. 1916. 11 июля.
[6] Утро России. 1916. 12 июля.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Современное слово. 1916. 12 июля.
[10] Утро России. 1916. 12 июля.
[11] Современное слово. 1916. 12 июля.
[12] Там же.
[13] Утро России. 1915. 13, 14 авг.; *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967. С. 102—103.
[14] Голос Руси. 1916. 12 июля.
[15] Там же. 13 июля.
[16] Там же.
[17] Речь. 1916. 12 июля.
[18] Там же.
[19] Там же.
[20] Там же. 15 июля.
[21] Утро России. 1916. 12 июля.
[22] Там же.
[23] Там же. 13 июля.
[24] Биржевые ведомости. 1916. 16 июля. В статье, между прочим, говорилось, что беседа эта велась «с некоторыми представителями русской и иностранной прессы».
[25] Биржевые ведомости. 1916. 16 июля.
[26] Там же.
[27] Там же.
[28] День. 1916. 12 июля.
[29] Там же. 13 июля.
[30] Московские ведомости. 1916. 12 июля.
[31] Речь идет о коллективной просьбе министров об отставке в связи с намерением царя принять на себя верховное командование армией и нежеланием их работать под председательством Горемыкина.
[32] Российский гражданин. 1916. 16 июля.
[33] Московские ведомости. 1916. 12 июля.
[34] Там же.
[35] См.: История первой мировой войны, 1914—1918. М., 1975. Т. 2. С. 202—204.
[36—37] Свет. 1916. 12 июля.
[38] Московские ведомости. 1916. 13 июля.
[39] Голос Руси. 1916. 13 июля.
[40] Там же.

[41] Там же.
[42] Ожидавшееся мощное англо-французское наступление на р. Сомме, в котором английским войскам отводилась решающая роль, готовилось целых пять месяцев и началось лишь 1 июля (н. ст.). Однако развивалось оно в силу ряда причин крайне медленно. За первые 17 дней операции, не считая недельной артподготовки, союзники смогли лишь вклиниться в германскую оборону; при этом французы продвинулись на 5—7 км, англичане—всего от 2 до 5 км. См.: Первая мировая война, 1914—1918. Т. 2. С. 165—178.
[43] Голос Руси. 1916. 13 июля.
[44] Там же.
[45] Колокол. 1916. 13 июля.
[46] Там же.
[47] Там же. 12, 13 июля.
[48] Петроградская газета. 1916. 13 июля.
[49] Новое время. 1916. 14 июля; Биржевые ведомости. 1916. 14 июля.
[50] Там же.
[51] Русское слово. 1916. 14 июля.
[52] Речь. 1916. 15 июля.
[53] Там же. 17 июля.
[54] Там же. 18 июля.
[55] Там же. 17 июля.
[56] Раннее утро. 1916. 15 июля.
[57] Речь. 1916. 18 июля.
[58] Русские ведомости. 1916. 16 июля.
[59] Современное слово. 1916. 16 июля.
[60] День. 1916. 15 июля; Утро России. 1916. 15 июля.
[61] Русское слово. 1916. 19 июля; Свет. 1916. 20 июля.
[62] Речь. 1916. 20 июля.
[63] Земщина. 1916. 12 июля.
[64] Там же. 15 июля.
[65] Новое время. 1916. 16 июля.
[66] Там же. В. О. Клемм — начальник Политического отдела Средней Азии, Б. Э. Нольде и М. А. Таубе — юридические советники МИДа.
[67] Новое время. 1916. 16 июля.
[68] Московские ведомости. 1916. 14 июля.
[69] См.: *Тэйлор А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе, 1848—1918. М., 1958. С. 395—396, 419—421, 506—514.
[70] Земщина. 1916. 12, 16, 17 июля.
[71] Новое время. 1916. 20 июля.
[72] Там же.
[73] Земщина. 1916. 17 июля.
[74] Там же.
[75] Там же. 16 июля.
[76] Там же. 17 июля.
[77] Там же. 16 июля.
[78] Российский гражданин. 1916. 17 июля.
[79] Там же.
[80] Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. VI. С. 367. В некоторых работах данное признание Милюкова получило неверное истолкование, в результате чего как политика Сазонова по отношению к союзникам, так и оценка ее лидером кадетов, в том числе отношение последнего к заключенным царским правительством с союзными державами соглашениям, предстают в искаженном виде. См.: *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974, С. 116—117.
[81] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия пятая: Стенографический отчет. Пг., 1916—1917. Стб. 209.
[82] Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1926. Т. 4. С. 16; Падение царского режима. М.; Л., 1927. Т. VII. С. 134.
[83] Земщина. 1916. 12 июля.
[84] Московские ведомости. 1916. 14 июля.
[85] Российский гражданин. 1916. № 28. 17 июля.
[86] Земщина. 1916. 14 июля.
[87] Там же. 16 июля.
[88] Там же. 14 июля.
[89] Там же. 14, 16 июля.
[90] Московские ведомости. 1916. 13 июля.
[91] Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 314.
[92] Согласившись вначале с доводами Сазонова о необходимости как можно скорее даровать полякам обещанную автономию, царь под влиянием Александры Федоровны и Штюрмера склонился, в конце концов, к мнению последнего, предлагавшего отложить этот акт до возвращения русских войск в Польшу. Неприемлемой оказалась и предлагавшаяся Сазоновым «широкая автономия». См.: Монархия перед крушением. М.; Л., 1927. С. 183—187, 190—194.
[93] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 159.
[94] Там же. Т. 3. С. 424.
[95] Там же. Т. 4. С. 289.
[96] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия пятая. Стб. 285.
[97] Новое время. 1916. 15 июля.
[98] Так, в числе юридических советчиков министерства состоял кадет Б. Э. Нольде. Он же являлся глав-

ным редактором журнала «Известия Министерства иностранных дел», в котором выступали со статьями профессора либерального образа мыслей В. Э. Грабарь, Л. А. Комаровский, А. Н. Мандельштам и др.

[99] Новое время. 1916. 15 июля.

[100] Там же. 16 июля.

[101] Колокол. 1916. 15 июля.

[102] Там же.

[103] Там же.

[104] Падение царского режима. Л., 1924. Т. I. С. 225—226, 242—244.

[105] Там же. Т. 1. С. 283; М., Л., 1926. Т. V. С. 188.

[106] Там же. Т. 6. С. 211.

[107] Там же. Т. 1. С. 282—283; Т. 6. С. 213.

[108] Монархия перед крушением. С. 13, 14.

[109] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. С. 154—155. «Я старался держать в совершенной тайне свою телеграмму к императору»,— писал позже посол в указанных мемуарах. Но одно непредвиденное обстоятельство вскоре нарушило эту тайну (см. сноску 111).

[110] Монархия перед крушением. С. 18. В данном издании допущена явная опечатка. И телеграмма Бьюкенена царю и ответ Гардинга на донесение Бьюкенена ошибочно помечены июнем месяцем, соответственно 6 июня и 8 июня вместо июля под теми же датами. См.: там же. С. 13, 14, 18.

[111] Это письмо Гардинга, как сообщает Бьюкенен в своих мемуарах, попало вскоре в руки германцев вместе с одним из тюков с английской почтой и тогда же появилось в немецких газетах. Германская пропаганда использовала его в целях подрыва англо-русских отношений. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. 2-е изд. М., [Б. г.] С. 154—155. После февральской революции оно было напечатано в протопоповской «Русской воле» (1917. 11 марта, № 11, вечерний выпуск).

[112] АВПР. Ф. Канцелярия. 1916 г. Оп. 470. Д. 79. Т. 1. Л. 102.

[113] Там же. Л. 91.

[114] Там же. Л. 92.

[115] Там же. Л. 93.

[116] Там же. Л. 99.

[117] АВПР. Ф. 140. Оп. 477. Д. 539. Л. 62; Речь. 1916. 20 июля.

[118] АВПР. Ф. 140. Д. 542. Л. 95, 96.

[119] АВПР. Ф. Канцелярия. 1916 г. Оп. 470. Д. 79. Т. 1. Л. 209.

[120] Русское слово. 1916. 13 июля.

[121] Русские ведомости. 1916. 13 июля; Русское слово. 1916. 13 июля.

[122] Русское слово. 1916. 13 июля.

[123] АВПР. Ф. 140. Д. 542. Л. 20; Русские ведомости. 1916 г. 13 июля.

[124] Русские ведомости. 1916. 13 июля.

[125] Русское слово. 1916. 13 июля; Русские ведомости. 1916.13 июля.

[126] Земщина. 1916. 14 июля.

[127] Русское слово. 1916. 13 июля; Земщина. 1916. 14 июля; Русские ведомости. 1916. 13 июля.

[128] Там же.

[129] Русское слово. 1916. 13 июля; Земщина. 1916. 14 июля.

[130] Земщина. 1916. 14 июля.

[131] Там же.

[132] Там же.

[133] Там же.

[134] Новое время. 1916. 15 июля.

[135] Русское слово. 1916. 14 июля. Свидание Николая II с итальянским королем Виктором-Эммануилом осенью 1909 г. в Раккониджи (Италия), где 11 октября Извольским и итальянским министром иностранных дел Т. Титтони была оформлена сделка, направленная против Габсбургской монархии, о совместном противодействии ее дальнейшей экспансии на Балканах и сотрудничестве между Италией и Россией в осуществлении их собственных империалистических притязаний в этом районе. См.: История дипломатии. М., 1963. Т. II. С. 688—689.

[136] АВПР. Ф. Канцелярия. 1916 г. Д. 29, ч. 1. Л. 360—375. Записка русского генерального консульства в Риме.

[137] Русское слово. 1916. 14 июля.

[138] АВПР. Ф. 140. Д. 516. Л. 53—54.

[139] Там же. Л. 71.

[140] АВПР. Ф. Отдел печати и осведомления. 1916 г. Д. 516. Л. 72.

[141] Там же. Л. 73.

[142] Там же.

[143] АВПР. Ф. 140. Д. 516. Л. 75.

[144] Штюрмер предлагал царю приурочить такой акт к моменту возвращения русских войск в Царство Польское. Он же проектировал «дарование» его одновременно с обнародованием соглашения о Константинополе и проливах. Но после австро-германского провозглашения «независимости» Русской Польши отказались и от этого намере-

ния. Сама огласка соглашения о проливах была вызвана отчасти также и тем, чтобы сгладить неблагоприятное впечатление, произведенное указанной акцией Берлина и Вены. См.: Монархия перед крушением. С. 147—148, 193.

[145] АВПР. Ф. Канцелярия. 1916 г. Д. 29, ч. 2. Л. 393.

[146] Там же. Л. 436. В этом донесении Гирс высказывал, в частности, мысль о целесообразности пожалования «высочайших наград» Президиуму и Бюро Сената и Палаты депутатов, а также наиболее потрудившимся в деле приема русской парламентской делегации представителям итальянского правительства, администрации осмотров военно-промышленных центров и торговых кругов.

[147] АВПР. Канцелярия. 1917 г. Д. 35. Л. 90—91; Д. 112. С. 62—63.

[148] Там же. 1916 г. Оп. 470. Д. 3. Т. 2. Л. 407.

[149] Во время своего пребывания в Петрограде М. В. Челноков посетил ряд представителей высшей административной власти, в том числе министров: внутренних дел А. А. Хвостова, юстиции А. А. Макарова, торговли и промышленности князя В. Н. Шаховского, князя Н. Л. Оболенского, которому была поручена организация снабжения населения продовольствием, а также председателя Особого совещания по борьбе с немецким засильем А. С. Стишинского. Главной целью этих посещений, как сообщалось в прессе, был вопрос об обществе 1886 г.

[150] Раннее утро. 1916. 28 июля.

[151] Там же.

[152] Утро России. 1916. 29 июля.

[153] Речь.1916. 29 июля; Современное слово. 1916. 30 июля.

[154] День. 1916. 31 июля.

[155] Голос Руси. 1916. 30 июля.

[156] Там же.

[157] Там же.

[158] Биржевые ведомости. 1916. 13 июля.

[159] Там же.

[160] АВПР. Ф. 140. Д. 239. Л. 30.

[161] Там же. Д. 516. Л. 251.

[162] Биржевые ведомости. 1916. 13 июля.

[163] Утро России. 1916. 15 июля.

[164] Биржевые ведомости. 1916. 13 июля.

[165] Там же.

[166] Там же.

[167] АВПР. Ф. 140. Д. 516. Л. 66.

[168] Там же. Л. 84.

[169] Рассмотренные в этой и предыдущих главах документальные свидетельства указывают на необоснованность утверждения о том, что правоконсервативные круги России «больше всего устраивал бы ничейный исход войны с восстановлением довоенных границ». См.: *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России, М.; 1976. С. 177.

[170] Падение царского режима. Т. 1. С. 344; Монархия перед крушением. С. 142, 149—150, 169; *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 159; *Емец В. А.*. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. М., 1977. С. 320; *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. С. 185; *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966. С. 47.

Глава седьмая

ЦАРСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПРОТИВ ГЕРМАНСКОГО «МИРНОГО НАСТУПЛЕНИЯ». СЕПАРАТНЫЙ СГОВОР ИЛИ ВОЙНА ДО ПОБЕДНОГО КОНЦА?

Заключительный этап внешней политики царизма до сих пор вызывает немалые разногласия в советской историографии. Прежде всего это касается одного из центральных аспектов темы, а именно внешнеполитического курса царского правительства, его отношения к войне, хотя формально спор ведется вокруг вопроса о подготовлявшемся якобы сепаратном мире между Германией и Россией. Соответственно возникает вопрос и о том, остался ли царизм верен тем целям, которые он ставил перед собой в первой мировой войне, своим захватническим устремлениям или отказался от них в силу сложившейся внешней и внутренней обстановки. Существует мнение, что «отношения между Россией и ее союзниками накануне Февральской революции свидетельствовали о провале планов царского правительства использовать войну для защиты экспансионистских и колонизаторских интересов русских империалистов» [1].

Заметны различия в интерпретации и ряда других связанных с этим внешнеполитических сюжетов, конкретных дипломатических актов и соглашений. Наибольшие разногласия среди историков вызывает отношение самодержавия к войне и сепаратному миру. Между тем правильное освещение этого вопроса имеет важное значение для более глубокого понимания русской внешней политики и международной обстановки накануне Февраля в целом.

Попытка историографического обзора существующих точек зрения была предпринята еще в начале 70-х годов В. В. Лебедевым, причем автор не ограничился простой констатацией расхождений во взглядах исследователей по данному вопросу, а изложил и собственную трактовку спорной проблемы [2]. В 1981 г. была опубликована весьма интересная, на наш взгляд, историографическая статья Н. П. Евдокимовой, в которой рассматривается аргументация, используемая различными авторами для обоснования защищаемых ими позиций, оценивается степень их доказательности [3]. Ценный анализ узловых аспектов темы содержится в статье Ю. А. Писарева [4]. С историографическим уклоном написана и статья автора данного исследования [5]. Краткий историографический обзор проблемы сепаратного мира содержится также в соответствующих главах монографий В. С. Дякина, А. В. Игнатьева, в статье Р. Ш. Ганелина [6].

Отсылая читателя к названным работам, представляется, однако, целесообразным хотя бы в сжатом виде изложить суть распространенных в литературе концепций. Как отмечалось, узловым аспектом проблемы является отношение правящих кругов России, царя и его правительста к сепаратному миру с Германией. Другими словами, к изменению внешнеполитической ориентации страны.

Именно в этом вопросе существуют наибольшие расхождения среди историков. Одни считают, что накануне Февраля (в конце 1916 — начале 1917 г.) царизм стремился как можно скорее выйти из войны путем сепаратного сговора с лидером враждебной коалиции и что между Германией и Россией велись соответствующие переговоры, причем на правительственном уровне. В наиболее категорической форме эта точка зрения была высказана в свое время М. Н. Покровским [7]. Подробно она была изложена в работах В. П. Семенникова[8]. Дальнейшее развитие и обоснование эта точка зрения получила в первом томе «Истории гражданской войны в СССР» (в концепции «двух заговоров», в частности «заговора царизма») [9], а также в труде академика И. И. Минца [10].

Несколько иной точки зрения, явно тяготеющей к первой, придерживается А. В. Игнатьев. По его мнению, самодержавие занимало колеблющуюся позицию между войной и сепаратной сделкой с противником. С одной стороны, оно определенно склонялось к сепаратному миру с Германией, дабы развязать себе руки в борьбе с революцией, и проводило соответствующий зондаж. С другой стороны, оно опасалось, что сепаратный мир может вызвать революцию, и поэтому решительных шагов в этом направлении не предпринимало. Контакты с неприятелем, конечно, поддерживались, велись и переговоры, но участвовали в них не официальные представители царского правительства, а ставленники придворной камарильи [11]. О колебаниях царизма между войной и миром писали в свое время Э. Б. Генкина [12].

Менее категоричен в данном вопросе Р. Ш. Ганелин. Он считает, что склонность к сепаратному миру была (хотя не совсем ясно, в каких кругах: правительственных, камарильи или «придворных сферах»), но проявлялась она вяло и нерешительно. Им же высказано мнение о том, что почти невозможно установить подлинные намерения самодержавия в отношении сепаратного мира [13].

Другие исследователи утверждают, что царизм не вел переговоров с неприятелем о сепаратном выходе из войны и держался неизменного курса. Против тезиса о «заговоре царизма» в той или иной форме высказались уже многие советские историки. Академик Е. В. Тарле еще в 1937 г. писал: «С осени 1916 г. сепаратный мир был затруднен германским объявлением „независимости“ русской Польши... Возобладала тенденция держать курс на „верность“ союзникам» [14]. Аналогичное мнение высказывалось и некоторыми другими авторами [15].

В 60—70-е годы вышел ряд работ, показавших несостоятельность утверждения о намерении царизма прекратить войну путем сепаратного сговора с Германией. Более основательно это было сделано в монографиях В. С. Дякина и Е. Д. Черменского. Проанализировав собранный материал, В. С. Дякин пришел к следующему выводу: «Если в научный оборот не будут введены новые достоверные факты, нет оснований утверждать, будто царское правительство или придворная камарилья, помимо правительства, предпринимали реальные шаги для заключения сепаратного мира. Хотя у самодержавия были объективные причины стремиться к выходу из войны, хотя в среде правых существовало сильное настроение в пользу такого шага... практически царизм не встал на путь сепаратного выхода из войны» [16]. К такому же заключению пришел Э. Н. Бурджалов: «...поворота правящих кругов России от союза с Англией и Францией к сепаратному миру с Германией не произошло» [17].

Е. Д. Черменский прямо заявил, что он «подвергает пересмотру традиционную схему „двух заговоров" в канун революции, в основе которой лежит ошибочное представление о разрыве между главными элементами третьеиюньского блока — черносотенными крепостниками и либеральной буржуазией». В конце 1916 — начале 1917 г., пишет автор, «царизм не решался на перемену внешнеполитического курса» [18]. Отвергая тезис о стремлении царизма к сепаратному миру в указанный период, Е. Д. Черменский не согласен и с тем, что активными сторонниками мира выступали правые: «Ни одна из „правых" записок, даже в завуалированной форме, не высказывалась за такой мир» [19]. Следует, однако, заметить, что в своем анализе автор занимает несколько двойственную позицию, полагая, что в отдельные моменты царизм все же был не прочь выйти из войны путем сепаратного сговора с вражеской коалицией: «...внешнеполитический курс царизма зависел от изменений военной и внутриполитической обстановки... чем успешнее складывались шансы царизма в ратоборстве с Австро-Венгрией, Германией и Турцией (Брусиловское наступление в 1916 г.), тем охотнее склонялся он к сепаратному миру; напротив, во время „великого отступления" 1915 г. и особенно в конце 1916 и начале 1917 г., перед лицом продовольственного кризиса и быстрого созревания революционной ситуации, царизм не решался на перемену внешнеполитического курса и видел свое спасение в намечавшемся на весну 1917 г. одновременном наступлении союзников на главных театрах войны» [20]. Другими словами, в 1916 г. царизм проявлял колебания между войной и миром. Однако эта точка зрения не подкрепляется документально.

Несостоятельность формулы «двух заговоров» признает также Р. Ш. Ганелин, хотя и считает позицию В. С. Дякина по вопросу о сепаратном мире «излишне категоричной и противоречащей некоторым фактам, им самим приведенным»[21]. Блефом назвал версию о «заговоре царизма» Н. Н. Яковлев [22]. Не разделяет этой версии и В. А. Емец, посвятивший свою работу внешней политике

России в 1914—1917 гг. [23] Отклоняет схему «двух заговоров», в том числе и версию о «заговоре царизма», и автор монографии по истории буржуазных и помещичьих партий в России Л. М. Спирин. «В нашей литературе,— пишет он,— со времени 20-х годов широко распространилось мнение, что будто бы само царское правительство, а следовательно, и сам царь, делали попытки выйти из войны путем заключения одностороннего, без согласия союзников, мира с кайзеровской Германией и этим укрепить самодержавие. Однако скорее правы те историки, которые считают, что известные на сегодняшний день документы не дают оснований для таких выводов. Николай II и его правительство, из кого бы оно ни состояло, отдавали себе отчет в гибельности такого шага. После заключения такого акта царь и недели бы не удержался на троне. Его не поддержали бы и многие монархисты. В России слишком велики были силы, желавшие продолжения войны на стороне Антанты, к которой страна была прикована золотыми цепями» [24]. Можно было бы назвать и другие работы, авторы которых высказались против устаревшего представления о намерении царизма положить конец войне путем сговора с Германией.

Выдвинута и еще одна точка зрения, согласно которой контакты и переговоры между русскими и австрийскими эмиссарами касались сепаратного мира, а между русскими и германскими — общего мира [25].

Нет единодушия и по многим другим важным вопросам, в том числе и относительно того, имелись ли реальные возможности для сепаратной сделки. Одни авторы считают, что заключение сепаратного мира было крайне затруднено; препятствия, стоявшие на его пути, были весьма значительными, непреодолимыми. Другие, напротив, полагают, что возможности эти были вполне реальными, воспользоваться же ими помешали, с одной стороны, Февральская революция, упредившая и «заговор царизма» и «заговор буржуазии», с другой — неспособность, близорукость, нерасторопность самого царского правительства, не сумевшего воспользоваться этой возможностью для собственного спасения.

По-разному оцениваются также различные внешнеполитические факторы, имеющие непосредственное отношение к решению данной проблемы. Для большинства работ характерно недостаточное внимание к внешнеполитическим расчетам царизма. Они, как правило, или отодвигаются на второй план, или обходятся вовсе. Одновременно преувеличивается зависимость России от союзников, принижается ее роль и вес в антантовской коалиции, недооценивается зависимость самих союзников от России и т. д. Однобоко выглядит и роль русской дипломатии. Нередко она предстает крайне беспомощной и примитивной.

Чем же объяснить такую пестроту взглядов, существование диаметрально противоположных суждений и оценок по коренным аспектам темы? Вопрос этот уже вставал перед исследователями. Р. Ш. Ганелин находит, что далеко не всякие контакты, возникающие между воюющими сторонами, отражают намерение прекра-

тить войну. В то же время попытки, связанные с такими намерениями, «как правило, не оставляют значительных документальных следов и редко являются предметом воспоминаний прикосновенных к ним лиц» [26]. На те же трудности обращает внимание и А. В. Игнатьев, объясняя разногласия среди исследователей в значительной мере «недостаточностью и противоречивостью источников». Другая сложность, и не малая, видится ему в том, что не очень-то просто отличить «обычный для империалистической дипломатии в годы войны тайный зондаж мирных условий противника от склонности пойти на сговор с ним» [27]. К сожалению, это справедливое замечание, как правило, выпадает из поля зрения большинства исследователей и любой зондаж рассматривается под углом зрения поиска сепаратного мира. Ссылаются также и на то, что документы о «неоднократных попытках придворных кругов вступить в переговоры о сепаратном мире», «вероятно, были уничтожены заинтересованными лицами в дни Февральской революции или последующие месяцы», хотя в свое время они не могли не существовать [28]. Эту версию защищал в свое время В. П. Семенников, утверждавший, что после Февральской революции Романовы уничтожили те документы, «которые их особенно компрометировали» [29].

Аналогичные ссылки на отсутствие достоверных источников встречаются и в работах других исследователей. Так, Э. Н. Бурджалов отмечает, что «нельзя сказать ничего определенного», велись переговоры о сепаратном мире или нет [30]. В. В. Лебедев заканчивает свой историографический обзор словами: «Действительно, о том, что некоторые деятели царского режима предпринимали шаги, направленные к заключению мира, можно судить лишь по воспоминаниям А. Д. Протопопова, Ф. Ф. Юсупова, О. Чернина. Более достоверные источники, позволяющие говорить о том, что накануне Февральской революции царское правительство вступило в переговоры с Четверным союзом о выходе России из войны, пока не выявлены» [31].

В настоящее время, пожалуй, не приходится жаловаться на узость документальной базы, отсутствие достоверных источников и пр. Документальная база представляется вполне достаточной для воссоздания более полной картины тех дней, в том числе и в той части, которая касается сепаратного мира. Не следует только добровольно ставить себя в зависимость от источников явно сомнительного свойства, как это имеет место в некоторых работах[31а].

Одним из признанных достоверных источников для изучения проблемы сепаратного мира, как и истории последних лет самодержавия в целом, представляется «Переписка Николая и Александры Романовых», изданная еще в середине 20-х годов, в период активного становления советской историографии, ее бескомпромиссной борьбы с буржуазной исторической наукой. М. Н. Покровский, уделявший большое внимание внешней политике России накануне и в годы первой мировой войны, придавал

этой публикации особое значение, характеризуя собранные в ней письма как документы, на которые можно вполне положиться при рассмотрении государственной деятельности последних Романовых. «Переписка,— подчеркивал он,— навсегда останется одним из крупнейших источников для истории последних лет царского самодержавия», своеобразной «моментальной фотографией» распутинской главы падения царизма [32]. Письма четы Романовых отражали не только их житейские переживания, но и их политические устремления, в том числе и по интересующему нас вопросу о войне и мире. А последние, естественно, не могли не найти отражения в этой семейной «хронике» хотя бы потому, что императрица Александра Федоровна активно вмешивалась в вопросы внутренней и внешней политики. Переписка показывает, что ни в один из периодов войны идея сепаратного мира не находила поддержки у царской четы.

Другим важным источником по теме исследования в целом и по проблеме сепаратного мира в частности являются стенографические отчеты заседаний Государственной думы, в которых нашли отражение как официальные правительственные заявления по важнейшим вопросам внешней и внутренней политики, как и отношение к ним различных политических партий и групп населения.

Несомненно, ценным источником для изучения данной проблемы служат также обширные материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, одной из основных задач которой было уличить высокопоставленных деятелей старого режима в государственной измене, в стремлении к тайной сепаратной сделке с германским кайзером. Материалы эти давно опубликованы и доступны для исследователей [33]. И в этой документальной коллекции версия о «заговоре царизма» не находит подтверждения.

Еще одним вполне достоверным и весьма насыщенным источником по проблеме сепаратного мира в указанный период является публикация документов и материалов германского Министерства иностранных дел (осуществленная в 1962—1978 гг. французскими историками Андре Шерером и Жаком Грюнвальдом, бывшими членами французской комиссии по изучению архива германского МИДа), в которой содержится большое количество документов, отражающих позицию царского самодержавия по вопросам войны и мира в 1914—1917 гг. [34] Эта публикация, безусловно, должна была отразить «неоднократные попытки» русских придворных кругов вступить в переговоры о сепаратном мире, если бы таковые попытки имели место. Предполагать, что и в Германии эти документы были преднамеренно уничтожены, нет оснований. Кстати, версия о сожжении и полном исчезновении «компрометирующих» документов малоубедительна еще и потому, что после Февральской революции семья свергнутого монарха находилась, как известно, под арестом и строгим наблюдением в Царскосельском дворце. Если же и были уничтожены имевшиеся при ней означенные документы, то значительная часть семейного архива

оставалась в Зимнем и Петроградском дворцах, куда доступ для Романовых и их доверенных лиц был уже закрыт.

Упомянутые извлечения из архива германского Министерства иностранных дел являются сравнительно новыми документами. Но нельзя не отметить, что и многие «старые» документы еще недостаточно изучены и прокомментированы. Немало ценных документов по теме было собрано и опубликовано еще В. П. Семенниковым, одним из первых советских историков, занимавшимся этим вопросом довольно основательно [35]. Однако сделанный автором вывод явно противоречит тому материалу, который должен был, по его замыслу, документально подтвердить отстаиваемую им точку зрения.

Неисчерпаемым источником по всем затрагиваемым в работе вопросам остается периодическая печать тех лет, насыщенная разносторонним фактическим материалом, в том числе о формах проявления общественного мнения и его использования в сфере межгосударственных отношений. Ну и конечно же новые документальные данные, извлекаемые из различных архивных фондов, прежде всего Архива внешней политики России (АВПР), обширная дипломатическая переписка периода войны и пр. Короче говоря, исследователи располагают в настоящее время многочисленными источниками, позволяющими объективно разобраться в важнейших вопросах внешней политики тех лет.

Что касается второй упомянутой причины разногласий среди историков (неоднозначности сепаратных контактов), то она, как уже отмечалось, в значительной мере предопределена первой. Располагая достоверными документами и фактами, нетрудно установить, добивалась ли та или другая сторона заключения сепаратного мира или речь шла всего-навсего об «обычном для империалистической дипломатии зондаже мирных условий противника». К сожалению, это «обычное» чаще всего упускается из виду, и любой зондаж рассматривается как поиск мира, хотя нередко он служил одним из средств борьбы против вражеской коалиции, внесения раскола в ее ряды, разложения неприятельских армий и населения. Использование Германией «мирного зондажа» в указанных целях исследователями признается. Что же касается русской дипломатии, то она будто бы не могла прибегать к такому «испытанному средству». И в тех редких случаях, когда зондаж имел место с ее стороны, он рассматривается не иначе, как поиск сепаратного мира, а не попытка «прощупать» противника, разведать его состояние, настроение правящих кругов, армии, населения. Не исключалась, разумеется, возможность такого зондажа и для оказания давления на союзников — получения от них тех или иных уступок, побуждения к более активным военным действиям и т. п.

Наибольшие разногласия среди исследователей в трактовке данной проблемы проистекают, пожалуй, из различного отношения к источникам по вине, так сказать, «выборочного метода» их использования, одностороннего, а иногда и просто предвзятого

толкования отдельных документов и свидетельств современников в угоду защищаемой позиции. Документы или свидетельства берутся иногда не во всем объеме, а фрагментарно, хотя полное их содержание не соответствует извлеченной из них части или даже опровергает ее. Не всегда соблюдается и требование о необходимости учета «всей совокупности фактов». В некоторых исследованиях совокупность эта предстает иногда в виде простого упоминания отдельных фактов и «фактиков» без установления взаимной связи между ними. Имеют место и отступления от принципа историзма. Анализу подвергается не то, как мыслили и поступали руководящие деятели воюющих государств, в частности Германии и России, а то, как они «должны были бы поступать» в представлении самого исследователя, исходя из его оценки тогдашней обстановки.

Чтобы определить, насколько основательна та или иная точка зрения, лучше всего рассмотреть аргументацию, выдвигаемую в пользу каждой из них. Целесообразнее начать с концепции «двух заговоров», получившей наибольшее распространение в нашей литературе. Суть ее сводится к следующему. В конце 1916 — начале 1917 г. в правящих кругах России вынашивались два плана, два заговора — заговор царизма и заговор буржуазии, оба против революции: оба вполне созрели и приводились в исполнение. Заговор царизма состоял в том, чтобы заключить сепаратный мир с Германией и, развязав себе таким путем руки на международной арене, всеми силами обрушиться против революции. Буржуазные заговорщики, стремясь предотвратить революцию, вместе с тем добивались более активного ведения войны. Достигнуть этого рассчитывали путем дворцового переворота, смены одного монарха другим, который согласился бы сформировать более респектабельное правительство из представителей крупной буржуазии и либерального дворянства, способное преодолеть внутренний кризис и мобилизовать все силы на борьбу с внешним врагом во имя осуществления совместно с союзниками империалистической программы. «Два заговора — оба с целью предупредить революцию — созрели: участники их спешили выполнить свои планы без помощи масс и до того, как разберется во всей этой политике народ» [36].

Развивая эту основную идею, авторы данной концепции продолжают: «Самодержавие очутилось перед выбором: либо продолжать войну и столкнуться с восстанием рабочих и крестьян, либо пойти на мирную сделку с немцами и тем самым смягчить революционное недовольство. В этом последнем случае царизму пришлось бы встретиться с сопротивлением буржуазии, которой война была нужна как неиссякаемый источник прибыли, как путь к завоеванию новых рынков. Царь и его окружение решили покончить с войной, полагая, что с оппозицией буржуазии все же справиться будет легче, чем с восстанием масс. Но открыто объявить о своем намерении было рискованно: слишком возбужде-

ны были буржуазные круги, да и союзники давно уже с возрастающим недоверием следили за политикой самодержавия»[37]. Самодержавие, подчеркивается далее, настойчиво держалось взятого курса[38].

Как явствует из самой постановки вопроса о «заговоре царизма» и всего изложения, главные надежды в борьбе с надвигавшейся революцией царизм возлагал на репрессии, а не на проведение социально-экономических реформ. Но именно обстановка военного времени предоставляла неограниченный простор для применения насилия в отношении всех слоев населения. Еще в работе «Социализм и война», опубликованной в августе 1915 г., В. И. Ленин писал: «Царизм видит в войне средство отвлечь внимание от роста недовольства внутри страны и подавить растущее революционное движение» [39].

Трудно согласовать и другое выдвинутое положение, а именно: «развязывая себе руки вовне, самодержавие быстро осуществляло свой план и внутри страны». (Речь идет о плане решительного подавления любых народных выступлений, осуществляемом с первых дней декабря 1916 г.) Но, коль скоро и через три месяца после начала решительной борьбы с революцией сепаратный мир не приблизился ни на шаг, напрашивается вопрос, усматривалась ли в нем необходимость вообще, тем более что и сам план подавления революции, как утверждают сторонники версии о заговоре царизма, был рассчитан на короткий срок: два-три месяца? Кроме того, известно, что царской администрацией был разработан план и приняты необходимые подготовительные меры к подавлению любых возможных антиправительственных выступлений именно в условиях продолжения войны. Об этом пишет в своем труде И. И. Минц [40].

То же самое отмечается и во многих других работах. «Царское правительство,— говорится в „Истории КПСС“,— приняло чрезвычайные меры для предотвращения революции. Был разработан план охраны Петрограда на случай „народных волнений“... Петроградский военный округ был выделен из состава Северного фронта, а командующий округом генерал Хабалов получил широкие полномочия» [41].

В некоторых работах дело выглядит так, что в конце 1916 — начале 1917 г. царское правительство приняло одновременно два решения: одно из них — энергично продолжать войну в надежде на то, что успешное наступление войск в предстоящей кампании отвлечет солдат от революции и смягчит общее недовольство в стране, другое — заключить сепаратный мир — и уже вело с этой целью переговоры начиная с июня 1916 г. вплоть до самой Февральской революции [42]. Возникает, однако, вопрос: какое же из этих решений отражало подлинную политику царизма? К чему готовилось самодержавие: к сепаратному миру или к новой военной кампании? Ясного ответа авторы не дают [43–44].

Стремление царизма к сепаратному выходу из войны объясняется, кроме того, еще одной причиной: обеспечить себе свободу

действия на международной арене.«Известное значение в переходе к сепаратному миру имело,— отмечает академик Минц,— стремление царизма вырваться из-под влияния Антанты» [45]. Однако эта мысль не получила развернутого обоснования. Нельзя не указать также и на то, что отсчет поискам сепаратного мира со стороны России ведется по-разному: одни начинают его с первых недель 1915 г., другие — с середины 1915 г., третьи — с начала 1916 г. [46]

Таковы в сжатом виде противоречия широко распространенной концепции. Не менее противоречива и бездоказательна точка зрения о серьезных колебаниях царизма в вопросе о войне и мире [47]. С одной стороны, автор утверждает, что царизм серьезно и настойчиво стремился к достижению сепаратного мира с Германией, с другой — признает, что царизм верил в благоприятный исход войны и готовился к решающим боевым операциям [48].

Одна из последних попыток реанимации этой версии предпринята О. Ф. Соловьевым. К сожалению, вместо конкретного анализа относящихся к проблеме документов и фактов автор ограничился, по существу, голыми декларациями, придав своему общему выводу «каучуковый» характер. «В целом,— пишет он,— неправильно считать царизм принципиальным противником сепаратного мира на основании лишь одного отклонения немецких авансов (хотя никаких особых «авансов», как известно, не было.— *В. В.*). Анализ всей совокупности материалов подтверждает правильность ленинской характеристики позиции царизма и крепостников-помещиков, предпочитавших передаче власти либеральной буржуазии в России „сделку с монархией немецкой“».

Во-первых, нельзя столь упрощенно преподносить ленинский анализ. С общетеоретической, социологической точки зрения вывод В. И. Ленина совершенно ясен. В целях сохранения своего господства правящие круги способны пойти и идут на сделку с неприятелем, о чем свидетельствует опыт истории. Однако в конкретно-историческом аспекте царизм не считал в тот момент, что перед ним возникла дилемма «или—или»: либо сделка с кайзером, либо передача власти либеральной буржуазии. Да и сами либералы добивались лишь допуска к власти совместно с дворянством и царской бюрократией, а отнюдь не единовластия. Все это давно и основательно отражено в советской историографии. Так что не следует запутывать ясный вопрос — нужно глубже вникать в существо ленинских положений. Кстати, не резон переводить анализ позиции царизма в плоскость его «принципиальности». В противном случае с тем же основанием можно сказать: царизм «не был принципиальным сторонником войны», в развязывании которой он далеко небезгрешен. Важно отчетливо показать мотивы его внешнеполитических акций, военно-политические и дипломатические расчеты, на что особенно обращал внимание В. И. Ленин.

Совершенно необоснованно также подменять официальный правительственный курс действиями придворной камарильи и

«правых германофильских кругов», не выясняя того, насколько существенным было влияние этих сил на внешнюю политику. «Немцы,— поясняет Соловьев,— ориентировались, разумеется, не на дипломатическое и военное ведомства России, просоюзнические симпатии коих им были хорошо известны. Они рассчитывали на содействие придворной камарильи и правых германофильских кругов, которые, в свою очередь, готовились к захвату ключевых постов». Даже если признать, что германофилы действительно «готовились» к такому захвату, надо же показать, чем это завершилось. По меньшей мере курьезно усматривать «первый шаг» в этом направлении в смещении великого князя Николая Николаевича и вступлении в верховное командование русской армией Николая II, который изображается таким образом в роли германофила [48а].

Жаль, что автор начисто забыл о своих собственных утверждениях, содержащихся в его предыдущей работе. «Курс на сближение с Антантой,— подчеркивалось в этой работе,— последовательно проводился самодержавием в жизнь. Германофильские настроения, распространенные частично в правых и ультраправых кругах, не имели никаких перспектив на осуществление. Они не подкреплялись конкретной программой, которая отвечала бы совокупным интересам самодержавия, помещиков и буржуазии». «Маловлиятельное и ранее крайне правое течение „германофилов" практически сходило со сцены», что указывало на «полную безнадежность их выступлений». А попытки германских государственных деятелей отколоть Россию от Тройственного согласия накануне войны были охарактеризованы автором вообще как «химерическое предприятие» [48б]. Кто же должен объяснить читателю столь удивительное превращение химеры, какое происходит в названной выше работе? Немало в ней и других необоснованных и противоречивых суждений. При всем при том автор крайне недобросовестно излагает позицию и аргументацию исследователей, придерживающихся иной точки зрения по данному вопросу.

Одним из наиболее распространенных аргументов версии о стремлении царизма к сепаратному миру с Германией является назначение в начале 1916 г. председателем Совета министров, а спустя полгода и министром иностранных дел Б. В. Штюрмера, слывшего германофилом. Именно в период пребывания Штюрмера во главе царского кабинета и внешнеполитического ведомства получила распространение легенда о подготовке сепаратного мира между Россией и Германией. Этому в значительной мере способствовала немецкая фамилия царского премьера. Некоторые авторы, начиная с В. П. Семенникова, утверждают, что союзники прямо считали его проводником идеи сепаратного сговора с Германией. Но это далеко не так. Содержащийся в предыдущих главах материал показывает, что данное утверждение не соответствует действительности. Штюрмер воспринял тот курс, который проводился его предшественниками на посту премьера и руководителя ведомства иностранных дел, с некоторыми незначительными «привнесе-

ниями» тактического характера (лисья тактика). Кстати, слово «германофил» нередко употребляется в литературе чуть ли не как синоним слова «сторонник» сепаратного мира, хотя это явный перебор. Например, С. Ю. Витте, считавшийся одним из самых видных германофилов, ратовал не за сепаратную сделку с Германией, как это нередко ему приписывают, а за примирение с нею путем создания тройственного союза между Россией, Францией и Германией [49], в котором он видел еще до начала мирового конфликта гарантию безопасности в Европе и предотвращения русско-германского столкновения. Однако в тех условиях идея тройственного франко-русско-германского союза была практически неосуществимой из-за упорного противодействия Англии и в не меньшей степени Франции. Да и царь не склонялся к такой комбинации.

К назначению Штюрмера премьером союзники отнеслись поначалу без особого предубеждения и даже с некоторой надеждой на ослабление внутриполитической напряженности, которая вызывала все большее беспокойство в Париже, Лондоне и Риме, так как состояние тыла не могло не сказаться на боеспособности фронта. В донесении своему правительству от 24 января (6 февраля) 1916г. Бьюкенен сообщал, что он посетил нового главу царского кабинета и выразил ему свое удовлетворение по поводу его заявления о желании сотрудничать с Государственной думой, подчеркнув жизненную необходимость «единого» народного фронта перед лицом неприятеля. «Премьер-министр оказал мне,— телеграфировал посол,— весьма дружеский прием и заверил меня, что он не намеревается ограничивать права Думы». На Штюрмера, добавлял дипломат, возлагаются большие надежды — он положит начало более либеральной и примирительной политике. Министр внутренних дел поддержал мнение дебютировавшего премьера, а военный министр Поливанов, «твердо придерживающийся конституционных убеждений», сказал, что «теперь у нас покончено с разногласиями», имея, очевидно, в виду не только столкновения между правительством и Думой, но и разногласия внутри самого правительства. Не упустил сэр Джордж и такую деталь, что своим назначением Штюрмер, как ходили слухи, обязан Распутину и императрице. Однако Сазонов, уточнял посол, «не вполне уверен, так ли это, и он имеет основание полагать, что влияние Распутина уменьшается» [50].

Не могла остаться без внимания представителей союзников и беседа Штюрмера в день назначения с представителями печати, в которой подчеркивалось, что правительство «сумеет найти общий язык с законодательными учреждениями» и что оно имеет «полную возможность плодотворной и реальной работы по осуществлению стоящих на очереди преобразований» [51].

Подобные заявления показались вначале тем более заслуживающими одобрения, что от русских представителей в союзных государствах продолжали поступать далеко не утешительные донесения. Так, 25 января 1916 г. в строго личной телеграмме из Лондона А. К. Бенкендорф извещал Сазонова: «Считаю нужным пре-

дупредить вас, что внутренние русские дела вызывают здесь большее беспокойство, чем это можно заключить из вынужденного молчания влиятельной прессы. Только вчерашний „Санди таймс" составляет исключение. Существует беспокойство в том смысле, что общественное мнение задается вопросом, не могут ли острые трудности вынудить Россию пойти на сепаратный мир»[52]. Беспокоили, разумеется, не только политические разногласия внутри правительственного лагеря, между царизмом и буржуазно-помещичьей оппозицией, но и состояние экономики страны, положение на транспорте, продовольственные трудности, сбои военного производства и т. д.

В ответ министр иностранных дел спешил успокоить союзные кабинеты и общественное мнение их стран. Через неделю после отставки «состарившего Россию» [53] Горемыкина, 28 января, Сазонов телеграфировал Бенкендорфу: «С назначением нового председателя совета министров нарушенное при его предшественнике взаимное доверие между правительством и членами законодательных палат вновь восстанавливается. Общественные круги, как о том свидетельствуют многочисленные обращения земских учреждений, встречают Штюрмера сочувственно» [54]. Наметилось, по словам Сазонова, успокоение не только «просвещенного общества», либерально настроенных буржуазно-помещичьих кругов, но и широкого люда. «Несмотря на длительность войны,— отмечал министр в духе казенного оптимизма,— по всей России настроение остается бодрым, и для борьбы с дороговизной в больших городах постепенно налаживается подвоз жизненных припасов, имеющихся в стране в избытке» [55].

Снабжая посла этими «данными», рекомендовали приложить старания к успокоению англичан. В первую очередь относительно «нелепых слухов» о сепаратном мире. «Что же касается предположений о возможности заключения Россией отдельного мира,— подчеркивал министр,— то после принятых нами на себя перед союзниками обязательств и ввиду неоднократно уже заявленного твердого намерения как императорского правительства, так и русского общества довести войну до благоприятного нам окончания означенные предположения представляются мне смешными и требуют с вашей стороны самого решительного отпора» [56]. Успокоительно в этом смысле прозвучала и оглашенная Штюрмером в Государственной думе 9 февраля декларация, в которой заявлялось о твердой решимости правительства продолжать войну до полной победы в тесном единении с союзниками [57]. Что касается мер в области внутренней политики, что эта часть правительственной программы повторяла в основном старую пропагандистскую риторику о «борьбе с дороговизной», «немецком засилье» и пр. и не вызывала особого смущения.

Тем временем слухи о поисках сепаратного выхода России из войны не переставали циркулировать, причем не только в «обществе», но и в печати, в том числе иностранной; инициатива приписывалась наиболее ревностным служителям самодержавия, пред-

ставителям ультраправых кругов. Приходится, однако, признать, что внешнеполитическое «кредо» Штюрмера, а отчасти и отношение к нему союзной дипломатии отображены в литературе несколько односторонне и не без предвзятости, о чем свидетельствует и материал предыдущей главы. Целый ряд документов английского и французского происхождения отнюдь не указывает на то, что союзники видели в нем сторонника заключения сепаратного мира с Германией.Обратимся хотя бы к свидетельствам английского посла Бьюкенена. Вот что писал посол о Штюрмере спустя месяц, после того, как он был назначен по совместительству министром иностранных дел: «Я никогда не могу надеяться на установление отношений доверия с человеком, на слово которого отнюдь нельзя положиться и единственной целью которого является преследование своих личных честолюбивых целей». Но именно это честолюбие и личные интересы «заставляют его продолжать иностранную политику своего предшественника», хотя он и является, как считал посол, «германофилом в душе» [58]. Позже в своих мемуарах Бьюкенен свидетельствовал: «Как реакционер с германофильскими симпатиями, Штюрмер никогда не сочувствовал идее союза с демократическими правительствами Запада, опасаясь, что он может стать каналом, по которому либеральные идеи будут проникать в Россию. Однако он был слишком хитер для того, чтобы защищать мысль о сепаратном мире с Германией. Такого совета, как он знал, никогда не снесли бы ни император, ни императрица, и они почти наверняка стоили бы ему портфеля». Поэтому «он тщательно скрывал свои германофильские симпатии» [59].

Любопытно и замечание английского посла в отношении «германофильской клики при дворе». Представители этой клики «никогда не рисковали говорить то, что могло вызвать неприязнь у их величеств. То, что они хотели бы сделать, если бы имели к этому возможность, это работать в пользу наиболее благоприятных условий мира с Германией с целью восстановления возможно более дружественных отношений с этой страной» [60]. Но и этого союзники опасались, стараясь парализовать их влияние на царя.

Питая недоверие к царскому премьеру с немецкой фамилией, ответственные британские руководители тем не менее полагали, что, пока идет война, внешнеполитический курс царского правительства не претерпит кардинальных изменений. Тем более что по вступлении на пост премьера Штюрмер, как и его предшественник, провозгласил своей программой лозунг войны до победного конца, категорически подтвердив это и при вступлении в должность министра иностранных дел. Однако были нежелательными и те «нюансы», которые неизбежно должны были появиться в русской политике с переходом внешнеполитического ведомства в руки представителя крайне правых кругов. Штюрмер, писал в те дни британский посол в Париже лорд Берти, очень громко провозглашает о своем намерении продолжать политику своего предшественника Сазонова, но, поскольку своим приходом к власти он обязан определенной партии, поддержка которой необходима ему для

сохранения поста, приходится опасаться, что мало-помалу иностранная политика России если не изменится практически, то подвергнется иным веяниям [61].

Иные веяния, как полагали в Париже и Лондоне, могли коснуться прежде всего политики в отношении Германии, конечного результата войны с ней: не окажется ли ранее согласованный с союзниками курс менее жестким, чем намечалось, и не придется ли западным державам корректировать свои планы в сторону сокращения притязаний. Лидеры Антанты жаждали поставить Германию «на колени» [62] со всеми вытекающими из этого последствиями, а российские германофилы могут не допустить этого и обойтись с нею, так сказать, «по-родственному». «Здесь сильно нервничают по поводу так называемой германской партии в Петербурге, стоящей у власти, и из-за возможной склонности России к миру на умеренных условиях»,— муссировал все тот же сюжет лорд Берти 11 августа 1916 г. [63], имея, как явствует из письма, весьма сумбурное представление о русских политических партиях.

Опасались западные державы и возможности более жесткой по отношению к ним линии царского правительства, не чем давно уже настаивали правые круги России, требовавшие от партнеров более активного ведения войны, распределения проектируемой «добычи» пропорционально вкладу в общесоюзническое дело, безусловного удовлетворения всех высказанных правыми пожеланий. Сазонов зарекомендовал себя достаточно сговорчивым, а главное, испытанным приверженцем Антанты. Его преемник рисовался союзникам, мягко говоря, фигурой менее располагающей. И это сразу же стало подтверждаться. Так, в отличие от Сазонова он занял неприемлемую для них позицию в польском вопросе [64]; «назойливее» оказался в вопросе о Константинополе и проливах, добиваясь их согласия на скорейшее придание огласке мартовского соглашения 1915 г., в том числе, разумеется, и в своих честолюбивых целях. И, надо сказать, достиг своего [65]. Именно такой твердости ожидали от Штюрмера августейшие особы, о чем уже говорилось в предыдущей главе [66]. Сам Штюрмер, по свидетельству Пуришкевича, говорил в кругу своих политических единомышленников, что «нужно несколько сократить аппетиты союзников, потому что они слишком многого от нас требуют» [67]. По словам графини С. С. Игнатьевой, салон которой посещал и Штюрмер, последний «ни в какой степени не будучи германофилом, тем не менее старался оградить Россию от непомерного захвата ее англичанами» [68].

Большую озабоченность у союзников, и в первую очередь англичан, вызывало и другое: останется ли Россия верной Антанте после войны, не вступит ли в коалицию с Германией. Со Штюрмером во главе правительства такое, казалось, было возможно. На эти страхи британской дипломатии обращал внимание царского правительства и Бенкендорф. В секретной телеграмме от 1 сентября 1916 г. он подчеркивал: «Само собой разумеется, что речь идет вовсе не о нашей верности союзному договору [69]. Вопрос об этом никогда не поднимался ни в какой плоскости и стоять так не

может. Но речь идет о будущем, о нашем твердом намерении поддерживать после войны принцип англо-русского Согласия и об укреплении нынеших отношений, основанных на полном доверии и сотрудничестве. Другими словами, о поддержании после войны и в будущем нынешнего направления русской политики». По этому вопросу, продолжал Бенкендорф, ничего определенного, насколько ему известно, не было сказано публично, и такой «пробел» необходимо срочно восполнить, дабы «заглушить в самом зародыше могущее возникнуть опасение, что перемена главы нашего Министерства иностранных дел была вызвана хотя бы частичным изменением иностранной политики империи» [70].

Опасения уже возникли. О возможности их появления посол предупреждал еще ранее, вскоре после отставки Сазонова. Ни одна местная газета, телеграфировал он 13 июля, не выразила сомнений в прочности уз, связывающих обе империи, и не высказала опасений насчет каких-либо изменений в этом отношении. Тем не менее во избежание всяких колебаний на сей счет в общественном мнении необходимо, и как можно скорее, «какое-то официальное и гласное обязательство в этом отношении, будь то через прессу или другим путем» [71]. Беспокойство по поводу послевоенной политики России и русско-германского сближения разделялось и в США, вползание в войну которых становилось все более очевидным. Американской дипломатии виделась перспектива германо-русско-японской коалиции, противостоящей «атлантическому миру» [72]. Того же, между прочим, опасались правые круги в России со стороны Англии (перемены курса после войны), обращая внимание на ее «традиционно антирусскую» политику в прошлом и во времена не столь отдаленные [73].

Штюрмер, однако, не торопился развеять обозначившиеся на Западе опасения, и с этим у царской дипломатии был связан, очевидно, определенный расчет: «неопределенность», пусть кратковременная, давала возможность средствами «скрытого шантажа» оказать давление на союзников, которые хотя и поставили свои подписи под соглашением о Константинополе и проливах, тем не менее продолжали считать необходимым скрывать его от общественного мнения. В Петрограде же усматривали в этом отсутствие твердости в готовности выполнить соглашение. Молчание Штюрмера (как раз в это время он добивался от английского, французского и итальянского послов согласия на придание огласке соглашения о проливах) заставило Бенкендорфа еще раз обратить внимание царского правительства на возможность серьезного осложнения англо-русских отношений. И хотя ему виделась лишь «дымка», которой подернулось доверие к России («доверие до сих пор неоспоримое и непоколебимое»), но и ею, по мнению посла, пренебрегать не следовало. «Назначение в России в самый разгар войны и при существовании тесного союза нового министра иностранных дел,— писал опытный дипломат,— событие слишком универсального и глубокого значения, чтобы сразу можно было легко судить, сколь огромно произведенное им впечатление и на-

сколько мир потрясен им. Я предчувствую, что оно будет иметь далеко идущие последствия» [74].

Прежде всего, конечно, посол имел в виду англо-русские отношения. Бенкендорф предупреждал о неизбежности англо-германского сближения, если Россия отойдет от своего нынешнего проантантовского курса. Он разъяснял, что Англия давно заключила бы с Германией договор, если бы та не требовала от нее разрыва с Россией под видом обещания безусловного нейтралитета. Только доверие к России, ставшее постепенно «полным», сделало Англию непоколебимой. Полное доверие к России, внушал посол, является основой современной английской политики. Если эта основа будет подорвана, если Россия поколеблет веру своей союзницы в незыблемость тесного англо-русского сотрудничества, рассчитанного на длительную перспективу, англо-германский альянс станет неотвратимым.

Телеграмма Бенкендорфа от 1 сентября была получена в Петрограде 8 сентября. На следующий же день Штюрмер направил ответ на нее, в котором говорилось: «Искренне признателен за сообщение ваших соображений по вопросу, имеющему для нас первостепенную политическую важность. Всецело разделю взгляд о необходимости рассеять всякие сомнения англичан в неизменности и после окончания нынешней войны дружественной Англии ориентировки внешней политики императорского правительства». Не ограничиваясь ранее сделанными в печати (после вступления в должность министра иностранных дел) заявлениями, Штюрмер обещал «воспользоваться первым подходящим случаем, чтобы от имени императорского правительства состоялось заявление в указанном выше смысле, дабы положить предел тайным происках наших противников и питаемой ими тревоге английского общественного мнения» [75]. И хотя недостатка в подобных заверениях не было, отношение к Штюрмеру в Лондоне и Париже к лучшему не менялось. Напротив, становилось все более неблагожелательным.

Особенно настораживала «традиционных демократов» реакционная внутренняя политика царизма. Внутриполитическая реакция, усугублявшая и без того кризисное положение в стране и снижавшая ее «отдачу» общесоюзническому делу, способна была, как опасались в Париже и Лондоне, ускорить наступление революции и тем самым сделать незбежным выход России из войны. Именно на эту опасность обращал внимание своего правительства Бьюкенен в телеграмме от 5 августа 1916 г. «Будучи отъявленным реакционером,— информировал посол, —он (Штюрмер.— *В. В.*) заодно с императрицей хочет сохранить самодержавие в неприкосновенности... Если император будет продолжать слушаться своих нынешних реакционных советчиков, то революция, боюсь, является неизбежной» [76]. То же и в дневниковых записях лорда Берти. Судя по этим записям, большинство английских и французских ведущих деятелей сходилось на том, что после войны в России неизбежна революция. Многие считали, что она

может произойти еще до окончания войны. «Сведения, полученные во Франции из неофициальных русских кругов и от французских должностных лиц в России, — рассказывал Берти своим высокопоставленным коллегам на завтраке в Лондоне 15 августа 1916 г.,— предсказывают революцию в России непосредственно после войны». Неделю спустя в том же дневнике появилась новая запись: «Бриан взволнован из-за России, и неудивительно!.. Революция в России после войны рассматривается здесь как нечто неизбежное. Она может произойти еще раньше» [77]. Подобных предсказаний немало в дневниках других дипломатов и государственных мужей тех лет. Революция — вот в чем видели они главную угрозу своим планам. Именно революция вопреки всем намерениям правящих кругов могла сказать войне свое властное «нет».

Надо сказать, что и в России далеко не всегда были уверены, что кто-либо из союзников не клюнет на германскую приманку и не пойдет с нею на сепаратную сделку. Больше всего опасались «коварного Альбиона». Не было уверенности и во Франции, которая, как казалось, могла откликнуться на предложение о заключении сепаратного мира главным образом из-за крайней усталости и истощения людских ресурсов. Подозревали Италию.

Известны были попытки Германии склонить к сепаратному миру как Францию и Бельгию, так и Англию. Попытки окончились неудачей. Однако среди союзников в этом отношении, как и во многом другом, существовали взаимное недоверие и подозрительность, подогревавшиеся интригами германской дипломатии. Англичане побаивались не только за Россию, но и за Францию, Бельгию и Италию. В свою очередь, и Франция отнюдь не питала полного доверия к Англии, находя, что и от нее можно ожидать неприятных сюрпризов. «Здесь нервничают из-за боязни, что Россия заключит сепаратный мир с Германией...— пометил в дневнике лорд Берти 17 сентября 1916 г.,— каждая из сторон, договорившихся в сентябре 1914 г. (быть вместе и не заключать сепаратного мира), подозревает одного, а то и нескольких своих партнеров в вероломстве» [78]. Взаимное недоверие и подозрительность характерные черты «сердечного согласия». Они проистекали из самой природы империалистических блоков, ибо наряду с надеждами на разгром противника каждый из участников коалиции рассчитывал на ослабление партнеров.

Еще в середине августа английский морской министр А. Бальфур спрашивал у своего посла в Париже, не соблазнится ли Франция на мир с Германией, если последняя предложит эвакуировать Бельгию и вернуть Эльзас-Лотарингию. С тем же вопросом адресовался к нему и Д. Ллойд Джордж. Посол успокаивал своих высокопоставленных соотечественников, заявляя, что Франция не пойдет на это. Французы отлично понимают, писал Берти, что если Германия не будет поставлена на колени, то всякий мир, на который согласилась бы сейчас Германия,

дал бы ей возможность развязать через несколько лет новую войну. Самое меньшее, на что Франция могла бы согласиться, это возвращение ей Эльзас-Лотарингии, восстановление суверенитета Бельгии, контрибуция с Германии. «С большим трудом, быть может, удалось бы убедить Францию вернуть Германии часть германских колоний в Западной Африке, но, поскольку заокеанские британцы будут настаивать на удержании отнятого нами от Германии в юго-западной Африке, восточной Африке и на Тихом океане, мы не можем ожидать, чтобы французы для нашего удовольствия отказались от своих колониальных завоеваний» [79].

Сформулировано достаточно откровенно. При таких запросах компромиссный сепаратный мир становился с обеих сторон не более чем дипломатическим маневром. Германия не собиралась предлагать ничего похожего. Она рассчитывала не только сохранить за собой основную часть оккупированных ею земель, добиться возвращения ее колоний, занятых противником, но и содрать с него «законные компенсации». И уже ни в коем случае не возвращать Эльзас и Лотарингию [79а]. Известный французский специалист в области международных отношений академик Пьер Ренувен писал позже, что ни в один из периодов войны компромиссный мир с Германией был практически невозможен [80]. Нельзя не согласиться с этим выводом. Один из творцов франко-русского союза — А. Рибо, сменивший впоследствии Бриана на посту премьер-министра, категорически отклонил идею подписания мира на основе статус-кво и настаивал на разгроме Германии любыми средствами [81].

Примерно по тем же основаниям политические руководители западных держав приходили к заключению о нереальности сепаратного сговора России с Германией, несмотря на тревожные слухи и донесения. Еще 4 сентября 1916 г. французский премьер А. Бриан поведал британскому послу в Париже, что он не верит в возможность сепаратного мира между Россией и Германией, «даже если бы министрам-германофилам удалось склонить императора к переговорам с правительством гуннов, что маловероятно» [82]. Месяцем позже (13 октября н. ст.) Берти снова пометил: кое-кто полагает, что «германо-фильски настроенное» русское правительство может заключить сепаратный мир с Германией, дабы предупредить создание Польского королевства, но это означало бы «отказ от всех русских мечтаний о Константинополе, так как немцы не могли бы оставить его в руках России и прервать, таким образом, связь Германии с Багдадской железной дорогой» [83]. После того как Германия и Австро-Венгрия выступили с декларацией о Польше, в дневнике британского дипломата появилась новая запись, сделанная, несомненно, с особым удовлетворением. «Здесь было немало разговоров о том, что германофильски настроенное министерство побуждает Россию заключить сепаратный мир с Германией. Гуннский и австрийский императоры,

по-видимому, потеряли всякую надежду на такой мир, так как, объявив русскую часть Польши королевством под верховным владычеством Германии, они сделали невозможным примирение с Россией» [84].

Между прочим, германское руководство отнюдь не возлагало на Штюрмера таких надежд, как изображается иногда в литературе. Канцлер Бетман-Гольвег, например, видел в нем не такого антантофила, как Сазонов, но не более того [85]. Показательно мнение о Штюрмере и самого кайзера. По свидетельству бывшего министра внутренних дел Германии К. Гельфериха, еще осенью 1916 г. Вильгельм II пришел к убеждению, что сепаратного мира нельзя будет добиться и от Штюрмера. «Все указания,— вспоминал Гельферих,— разнообразнейшими путями делавшиеся царю и русскому правительству, что мы согласны на приемлемый мир, также указание, что можно достигнуть с нашими союзниками — турками урегулирования вопроса о проливах, считающегося с русскими интересами,— все это не имело никаких результатов» [86].

Да и германская пресса тех дней, как и австро-венгерская, за небольшим исключением, не очень-то уповала на миротворческие склонности преемника Горемыкина и Сазонова. Так, гамбургская газета «Гамбургер нахрихтен», пользовавшаяся информацией из Берлина, в статье под характерным заголовком «Русский театр марионеток» в конце августа писала: Штюрмер всегда был молчаливым человеком. И хотя он сторонник старого самодержавного режима, он все-таки избрал недавно своим органом «Биржевые ведомости», заявив: «Нашими мыслями, чувствами и действиями должен руководить лозунг: война до конца» [87]. А близкая к правительственным кругам столичная «Пост» несколькими днями раньше обращала внимание на заявление царского премьера о том, что он вполне солидарен с планами держав Согласия [88]. Чуть позже та же газета, позабыв об осторожности, констатировала: «Силы России постоянно растут с ужасающей быстротой» [89]. В свою очередь, венская «Рейхспост» в статье «Штюрмер против Германии», сообщая о его беседе с московским городским головой Челноковым, выделила слова Штюрмера о том, что Россия осуществит все меры, проектированные Англией против Германии [90].

В личных докладах царю новый премьер демонстрировал свое крайне отрицательное отношение к Германии. Так, в докладе 17 мая 1916 г. Штюрмер называл немцев и австрийцев «злейшими врагами нашими и всего славянства», а их обещания полякам «лживыми и коварными» [91]. Вряд ли есть основания ставить под сомнение его неоднократные официальные заявления о стремлении возглавляемого им кабинета воевать до полной победы и видеть в них лишь ширму для подготовки сепаратной сделки с противником. Сам Штюрмер был немало удручен тем, что слухи о его германофильстве и склонности к сепаратному миру получали все более широкое распростране-

ние. Еще в апреле месяце в беседе с известным журналистом и дельцом, чиновником особых поручений Министерства финансов, И. И. Колышко, он заявил: «Мне известно, что в связи с моим назначением создалась легенда, что я избран для того, чтобы заключить сепаратный мир. Люди только забывают, что, если бы я преследовал эту цель, у меня был бы могучий противник — царь, который никогда не изменил бы союзникам и не нарушил бы своего слова»[92].

Будучи ярым приверженцем самодержавия, послушным исполнителем воли монарха, Штюрмер не мог предпринять какого-либо шага в пользу сепаратного мира без санкции и благословения императора. Но такой санкции Штюрмер, насколько известно, не получал. «Мы не имеем намерения опровергать тот факт,— уточнял свой подход к проблеме В. П. Семенников,— что Николай Романов старался быть преданным другом англо-французской буржуазии, и готовы даже признать, что от него не исходило инициативы в вопросе о примирении с Германией»[93]. Не исходило такой инициативы и от Штюрмера, к которому Николай II питал полное доверие[94] и который получил отставку с признанием своих «отлично ревностных трудов»[95]. Семенников, характеризовавший его как активного сторонника и проводника идеи сепаратного мира, сам же и поставил это утверждение под сомнение. Вся правительственная политика за время пребывания Штюрмера во главе кабинета, отмечал он, не была связана с какими-либо инициативами премьера, с тем или иным воздействием на нее самого Штюрмера. Роль его была совершенно второстепенной, «через его руки проходили далеко не все важнейшие вопросы»[96]. О крайней пассивности Штюрмера как главы кабинета свидетельствовал бывший при нем управляющий делами Совета министров И. Н. Лодыженский. «Я вообще не считал его особо подготовленным (для этой должности. — *В. В.*), да это и невозможно было: его предшествующий пост был пост директора департамента»[97]. (Между прочим, Распутин, содействовавший назначению Штюрмера главой царского кабинета, не советовал ему занимать пост министра иностранных дел, предрекая неизбежный провал на этом поприще, главным образом из-за его немецкой фамилии.)[98].

Не получал злополучный премьер соответствующего благословения на поиски сепаратного мира и от самой «матушки императрицы», перед которой он буквально благоговел и слепо подчинялся всем ее указаниям. Союзники, опасавшиеся прогерманских интриг русской царицы-«немки», в конце концов установили, что и она вполне солидарна со своим августейшим супругом в деле ведения войны. Незадолго до февральского переворота Бьюкенен докладывал своему правительству, что единственный пункт, в котором Антанта может рассчитывать на твердость Николая II, «это война», «и это в тем большей степени, что сама императрица, которая в действительности

правит Россией, держится здравых взглядов на этот вопрос» [99].

Примерно такими же наблюдениями делился со своими коллегами Сазонов. «Как бы ни было велико влияние императрицы,— доказывал знающий свое дело дипломат, хорошо осведомленный о настроениях „высших сфер",— оно имеет свои пределы». Ее личные чувства — беспокойство за судьбу Германии, и прежде всего великого герцогства Гессенского, «могут привести к смене министров, но не к изменению политики. Император хранит верность союзу с Францией и Англией. Взгляды императора не изменились и не изменятся. Армия не позволила бы этого!» [100] В личной переписке царской семьи можно найти многочисленные указания на то, что и Николай II и императрица жаждали победы над Германией и к идее сепаратного мира относились отрицательно [101].

Даже если верить словам князя Юсупова об откровениях «старца» (Распутина), приводимых им в своих воспоминаниях для оправдания убийства «божьего человека», на которые обычно ссылаются в подтверждение существования «заговора царизма», то и в данном случае царица предстает в иной роли, чем та, которая ей приписывалась. Согласно юсуповским показаниям, Распутин в следующих выражениях описывал планы заговорщиков: «Будет, довольно воевать, довольно кровь проливать, пора всю эту канитель кончать... Сам-то все артачится, да и сама тоже уперлась, должно, опять там кто-нибудь их худому научает, а они слушают... Ну, да что говорить. Как прикажу хорошенько — по-моему сделают, да только у нас не все еще готово» [102]. Из этих слов совершенно очевидно, что не только царь, но и «германофильствующая» царица не могли не сознавать катастрофических последствий сепаратного мира. Основным мотивом убийства пресловутого «старца» заговорщики упорно называли стремление предотвратить измену, не допустить сепаратного мира с Германией, сторонником которого изображался Распутин.

По свидетельству А. А. Нератова, много лет проработавшего вместе с Сазоновым в качестве товарища министра и остававшегося на этом посту и в дальнейшем, никакой новой самостоятельной внешней политики Штюрмер не вел, а продолжал в основном ту же линию, что и Сазонов: не ставились под сомнение ни общая внешнеполитическая ориентация, ни отношения с какой-либо из держав Согласия. К тому же все сколько-нибудь важные дипломатические акции рассматривались при самом непосредственном участии Нератова, известного своим проантантовским настроем [103]. Сам Штюрмер на допросах в Чрезвычайной следственной комиссии упорно твердил, что его внимание в качестве министра иностранных дел было сосредоточено на совместной с союзниками борьбе против Германии и достижении намеченных целей, прежде всего приобретении Константинополя и проливов, без чего не мыслилось окончание войны [104]. Отношение к союзникам — «самое определенное,

самое дружеское и откровенное», а взаимоотношения с английским и французским послами, как ему казалось, «самые лучшие» [105], в особенности с Бьюкененом. (Внешне, может быть, так оно и выглядело, однако внутренне английский посол питал неприязнь к новому шефу русского дипломатического ведомства.)

Для более глубокого осмысления политики царизма накануне Февральской революции очень важно подробнее рассмотреть, как характеризовалась она в трудах В. И. Ленина, в частности как трактовалась им проблема сепаратного мира. Это тем более необходимо, что многие авторы, затрагивающие в своих работах данный вопрос, ограничиваются обычно ссылкой на положение Ленина о том, что на рубеже 1916 — 1917 гг. в мировой политике произошел «поворот от империалистической войны к империалистическому миру», поворот, который связывается исследователями прежде всего с «намерением» России выйти из войны, отказаться от союза с Англией и примкнуть к Германии. Одни авторы пишут, что поворот «обозначился», «обрисовался», другие — что «наблюдался», «происходил», третьи вообще рассматривают его как совершившийся процесс. Подобная трактовка далеко не отражает всей глубины ленинского анализа, как и всей сложности международной обстановки того времени, а также роли России как фактора мировой политики. Содержание «поворота», сущность его, в ленинском понимании, отнюдь не исчерпывается приведенной выдержкой. Более того, взятая в отдельности, в отрыве от общего контекста ленинских работ, она противоречит исторической действительности и ленинским оценкам и положениям. Ссылаются также и на высказывание Ленина о том, что переговоры между Германией и Россией о сепаратном мире «велись». Остановимся вначале на этом высказывании.

Сведения о русско-германских сепаратных переговорах были почерпнуты В. И. Лениным в одной из швейцарских газет. Свою статью «О сепаратном мире» он с этого и начинает: «Между Россией и Германией ведутся уже переговоры о сепаратном мире. Эти переговоры официальные, и в главном обе державы уже столковались». И тут же следует пояснение: «...такое заявление было напечатано недавно в бернской социалистической газете на основании имеющихся у нее сведений» [106]. Уже эти слова указывали на то, что к «сведениям» газеты Ленин отнесся с большой осторожностью, и не без основания [107]. Дело в том, что вслед за опубликованным газетой сообщением появилось официальное опровержение русской миссии в Берне [108]. Помещены были и другие опровержения в проантантовской прессе.

Между тем «осведомленная» бернская социалистическая газета игнорировала все эти опровержения и в подкрепление своего первоначального заявления сослалась на присутствие

в Швейцарии германских и русских государственных деятелей, в числе которых были названы Бюлов (со стороны Германии), а также Штюрмер, Гирс «и еще один дипломат, прибывший из Испании» (со стороны России). Говорилось также, что аналогичные сведения получены торговыми кругами Швейцарии от торговых кругов России.

Все это, естественно, не могло не настораживать. Особенно вызывало подозрение упоминание о Штюрмере, неизвестно каким образом оказавшемся в Швейцарии и вступившем в переговоры с отставным германским канцлером. (Штюрмер, как известно, никуда в это время из России не выезжал.) Поэтому В. И. Ленин не без основания указывал на возможность обмана как со стороны России, «которая не может признаться в ведении переговоров о сепаратном мире», так и со стороны Германии, «которая не может не попытаться рассорить Россию с Англией независимо от того, ведутся ли переговоры и насколько успешно». Чтобы разобраться во всех этих хитросплетениях дипломатии и пропаганды, надо, подчеркивал Ленин, «исходить не из слухов и сообщений о том, что происходит теперь в Швейцарии и чего проверить по существу дела невозможно, а из непреоборимо установленных *фактов политики* за последние десятилетия»[109], в том числе, разумеется, и за время самой мировой войны.

Это указание имеет важное методологическое значение для исследования проблемы сепаратного мира и всего комплекса международных отношений накануне Февральской революции. Именно такой подход позволил Ленину глубоко проанализировать сложившуюся к тому времени внешнеполитическую ситуацию и с присущей ему проницательностью определить перспективы ее дальнейшего развития.

Как явствует из названной и других статей, Ленин не утверждал категорически, что столь резкая перемена во внешнеполитическом курсе царской России могла произойти в ближайшее время. «Кончится ли данная война таким образом (переходом от империалистического союза англо-русского против Германии к такому же союзу германо-русскому против Англии.—*В. В.*) в очень близком будущем или Россия „продержится“ в стремлении победить Германию и побольше ограбить Австрию несколько дольше»[110] — этот вопрос, по мнению Ленина, оставался открытым. Единственное, о чем можно сказать со всей определенностью и что особенно подчеркивал в своих многочисленных статьях В. И. Ленин,— это то, что империалистическая война не может окончиться иначе как империалистическим миром, если она не превратится в гражданскую войну пролетариата с буржуазией за социализм. «Во всяком случае,— разъяснял Ленин,— за исключением этого последнего исхода, империалистская война поведет к усилению тех или иных из трех сильнейших империалистских держав, Англии, Германии, России, на счет слабых (Сербии, Турции, Бельгии и пр.), причем вполне воз-

можно, что все эти три разбойника усилятся после войны, поделив награбленное (колонии, Бельгию, Сербию, Армению), и весь спор будет идти лишь о том, в каких пропорциях разделить эту добычу» [111].

Статья «О сепаратном мире» была опубликована 24 октября 1916 г., т. е. более чем за месяц до выступления Центральных держав с предложением об общем мире. В середине декабря 1916 г., уже после этого предложения, Лениным была написана статья «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический». В этой работе, в разделе «Поворот в мировой политике», говорится: «Есть признаки, что такой поворот наступил или наступает. Именно: это — поворот от империалистской войны к империалистскому миру». Перечислив затем главнейшие из этих признаков, Ленин прямо ставит вопрос о том, насколько реальным является прекращение войны в ближайшее время. «Имеются ли шансы на быстрое окончание войны или нет?» — спрашивал он и тут же отмечал, что «на этот вопрос очень трудно ответить положительно» [112].

Исходя из анализа общей международной конъюнктуры, положения воюющих держав и их взаимоотношений в предшествующие годы, прежде всего отношений между Англией, Германией и Россией, В. И. Ленин приходил к выводу о возможности двух перспектив дальнейшего развития событий на мировой арене: «Две возможности вырисовываются, по нашему мнению, довольно определенно:

Первая — сепаратный мир между Германией и Россией заключен, хотя бы и не в обычной форме письменного формального договора. Вторая — такого мира не заключено, Англии и ее союзникам действительно под силу продержаться и год, и два и т. п. В первом случае война не теперь, так и ближайшем будущем неминуемо прекращается и серьезных изменений в ходе ее ждать нельзя. Во втором случае возможно неопределенно долгое продолжение ее» [113].

Как видим, В. И. Ленин не давал однозначного решения относительно перспектив дальнейшего хода войны. Поворот в мировой политике от союза царской России с Англией против Германии к союзу России с Германией против Англии он рассматривал как одну из двух наиболее вероятных возможностей. Времени предстояло дать ответ, какая из них окажется наиболее реальной. И хотя Ленин считал на основании сообщений прессы, что переговоры о сепаратном мире между Германией и Россией действительно могли иметь место и что «сам Николай II или влиятельнейшая придворная шайка на стороне такого мира», он не сбрасывал со счетов и те факты, которые отнюдь не подкрепляли газетную версию о том, что в главном обе державы уже «столковались»: «Смена Штюрмера Треповым, публичное заявление царизма, что „право“ России на Константинополь признано всеми союзниками, создание Германией особого государства польского — эти признаки указывают как

будто на то, что переговоры о сепаратном мире кончились неудачей»[114].

Нельзя оставлять вне поля зрения и другой весьма существенный аспект ленинского анализа. Говоря о русско-германских сепаратных переговорах, Ленин подчеркивал, что они могли вестись русской стороной отнюдь не с целью заключения сепаратного мира, а лишь с тем, чтобы оказать давление на Англию в вопросе о Константинополе и проливах. «Может быть,— писал Ленин,— царизм вел эти переговоры только для того, чтобы шантажировать Англию, чтобы добиться от нее формального и недвусмысленного признания „прав" Николая Кровавого на Константинополь и тех или иных „серьезных" гарантий этого права?». И тут же пояснял: «Так как главным, основным содержанием данной империалистской войны является дележ добычи между тремя главными империалистскими соперниками, тремя разбойниками, Россией, Германией и Англией, то ничего невероятного в таком предположении нет»[115].

Это предположение В. И. Ленина подтверждается известными ныне документами. Именно в означенный период (август — сентябрь 1916 г.) Штюрмер с санкции Николая II и при его непосредственном содействии добивался от союзников согласия на предание официальной огласке соглашения о Константинополе и проливах, заключенного еще в марте 1915 г. При этом царское правительство воспользовалось, конечно, и слухами о сепаратном мире, с опровержением которых в тот момент оно не особенно торопилось[116].

Предположительно было высказано Лениным и соображение о возможности переориентации внешнеполитического курса царского правительства. «С другой стороны, чем больше вырисовывается для царизма фактическая, военная невозможность вернуть Польшу, завоевать Константинополь, сломать железный германский фронт... тем более вынуждается царизм к заключению сепаратного мира с Германией, то есть к переходу от империалистского союза с Англией против Германии к империалистскому союзу с Германией против Англии». При этом В. И. Ленин исходил из опыта русско-английских отношений в недалеком прошлом. «Почему бы нет? Была же Россия на волосок от войны с Англией из-за империалистского соревнования обеих держав насчет дележа добычи в Средней Азии! Велись же между Англией и Германией переговоры о союзе против России в 1898 году»[117].

Допуская такую возможность, Ленин вместе с тем указывал на опасность для царизма формального сепаратного соглашения с Германией из-за роста в стране революционного и оппозиционного движения. Поэтому вероятней могла оказаться сделка иного характера: непосредственная договоренность между царем и кайзером относительно общей линии поведения представителей обеих держав на будущей мирной конференции. «Не было бы ровно ничего удивительного в том, если бы царизм

отверг формальный сепаратный мир правительств, между прочим, по соображению о том, что при теперешнем состоянии России ее правительством могли бы тогда оказаться Милюков с Гучковым или Милюков с Керенским, и в то же время заключил тайный, не формальный, но не менее „прочный" договор с Германией о том, что обе „высокие договаривающиеся стороны" ведут совместно такую-то линию на будущем конгрессе мира!»[118].

Верно ли это предположение или нет, отмечал Ленин, решить нельзя. Во всяком случае, оно содержало в себе, по его словам, в тысячу раз больше правды и характеристики того, что происходит за кулисами тайной дипломатии, «чем бесконечные добренькие фразы о мире» между буржуазными правительствами на основе отрицания аннексий и т. п. «Эти фразы — либо невинные пожелания, либо лицемерие и ложь, служащие для сокрытия истины». Против этих «невинных пожеланий» и было нацелено острие ленинской полемики с оппортунистами всех мастей. «Истина данного времени, данной войны, данного момента попыток заключить мир, состоит в дележе империалистской добычи» [119]. И такие попытки неоднократно предпринимались германской дипломатией. Еще в августе 1915 г. Ленин писал: «За мир вообще стоят безусловно все вплоть до Китченера, Жоффра, Гинденбурга и Николая Кровавого, ибо каждый из них желает кончить войну: — вопрос именно в том, что каждый ставит империалистские (т. е. грабительские, угнетающие чужие народы) условия мира в пользу „своей" нации» [120]. Другими словами, царизм, как и его партнеры и противники, был не склонен кончать войну без достижения намеченных целей. А для этого необходима победа.

В обращении «К рабочим, поддерживающим борьбу против войны и против социалистов, перешедших на сторону своих правительств», написанном в конце декабря 1916 г., Ленин еще и еще раз указывал, что и пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический, в особенности первый («пацифистские фразы в нотах длинного ряда империалистских правительств») — есть не что иное, «как утешение народов, как средство облегчить правительствам покорность масс в дальнейшей империалистской бойне» [121]. Возвращаясь к тому же вопросу в следующей статье — «Поворот в мировой политике», опубликованной в январе 1917 г. и представляющей собой переработанный вариант первых двух разделов статьи «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический», Ленин снова подчеркивал: «Нельзя знать в данный момент,— и сами руководители империалистской политики, финансовые короли и коронованные разбойники не в состоянии определить этого с точностью — когда именно придет этот империалистский мир, какие до тех пор произойдут изменения на войне, каковы будут детали этого мира. Но это и не важно. Важен факт поворота к миру, важен основной характер этого мира, а эти два обстоя-

тельства достаточно уже выяснены предыдущим развитием событий» [122].

Речь шла, таким образом, не о прекращении войны в ближайшем будущем, не о выходе из нее России, а о ее неизбежных результатах, о характере будущего мира. Основной смысл ленинских статей, посвященных анализу международной обстановки накануне Февральской революции, весь их пафос заключались в том, чтобы показать: без свержения буржуазных и буржуазно-помещичьих режимов, без превращения войны империалистической в войну гражданскую невозможен никакой другой мир, кроме захватнического, аннексионистского. В этом смысле «поворот» выявился достаточно четко и определенно.

Главное в ленинском анализе не то, что война близится к завершению, а то, что шумиха вокруг вопроса о мире — мире демократическом, справедливом, без аннексий и контрибуций, без победителей и побежденных, о мире «вничью» или, как его называли, «белом мире», поднятая буржуазной пропагандой и подхваченная социал-патриотами всех мастей, есть чистейший обман народа, предательство его интересов, отвлечение рабочего класса и других слоев трудящихся от революционной борьбы. И это в тот момент, когда в Европе назрела революционная ситуация. Такая шумиха лишь помогала империалистическим кругам затягивать кровавую бойню. Ленин разоблачал тысячеустую ложь буржуазии и социал-патриотов разного пошиба, центристов типа Каутского и Турати о возможности достижения справедливого демократического мира в условиях сохранения капиталистических режимов и империалистической политики ведущих воюющих стран.

Выдвинутые Антантой в ответ на «мирное» предложение Центральных держав условия ясно указывали на то, что, как подчеркивал Ленин, война будет продолжаться, будет затяжной и кровопролитной. Кстати, сам факт выступления Германии 12 декабря (29 ноября) 1916 г. с предложением об общем мире достаточно убедительно свидетельствовал о том, что все ее попытки склонить Россию к сепаратному миру не увенчались успехом.

Следует сказать, что в работах Ленина, посвященных анализу международной обстановки накануне Февральской революции, имеются две формулы «поворота» в мировой политике: «поворот в мировой политике от империалистской войны к империалистскому миру»; «в всемирной политике обрисовался поворот от империалистского союза России с Англией против Германии к не менее империалистскому союзу России с Германией против Англии» [123]. Формулы эти не идентичны. Первая подразумевает, как представляется, общий поворот всех втянутых в вооруженный конфликт государств к компромиссному миру без какой-либо перегруппировки сил между ними, изменения в расстановке сил на мировой арене. Обе эти форму-

лы были даны в статье «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический». В «Черновом проекте тезисов обращения к Интернациональной социалистической комиссии и ко всем социалистическим партиям», составленном в последних числах декабря 1916 г., первая формула несколько уточняется, конкретизируется и дается в следующем виде: «С поворотом мировой политики от империалистской войны *к открытому выступлению ряда буржуазных правительств* за империалистский мир»[124]. С таким открытым предложением выступили, как уже отмечалось, Центральные державы.

Важно отметить, что в третьей статье этого цикла — «Поворот в мировой политике», опубликованной 18 января 1917 г. и представляющей собой переработанный вариант первой и второй глав предыдущей статьи, вторая формула (поворот России к союзу с Германией против Англии) уже отсутствует и о сепаратном мире России с Германией говорится еще более предположительно[125]. При этом Ленин снова подчеркнул, что нельзя знать, когда именно наступит империалистский мир[126]. Это весьма существенный момент в подходе Ленина к проблеме сепаратного мира. Его оценки не оставались неизменными, как не оставалась неподвижной и сама международная обстановка. По мере включения в анализ нового конкретного материала уточнялись и выдвинутые ранее положения.

В. И. Ленин убедительно показал военно-политические расчеты самодержавия, его намерения сохранить активную великодержавную политику. В той самой статье, на которую ссылаются обычно для подкрепления тезиса о тяготении самодержавия и правых к скорейшему примирению с Германией, Ленин категорически отводил такое утверждение. Разговоры о том, будто реакционеры в России, правые и черносотенцы, «хотят вообще мира с Германией», а либералы — разрушения прусского милитаризма и дружбы с «демократической Англией», отмечал Ленин, не более чем «детская сказка, приноровленная к уровню политических младенцев». На деле же, подчеркивал он, и царизм, и все реакционеры в России, и вся «прогрессивная» буржуазия (октябристы и кадеты) хотят одного: разгромить и ограбить Германию и ее союзников в Европе, побить Англию в Азии: «Спор идет между этими „милыми дружками“ только из-за того, *когда и как* повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии. Только из-за того, когда и как! А решение этого, единственно спорного между милыми дружками, вопроса зависит от *военных и дипломатических соображений*, которые полностью известны только царскому правительству, а Милюковым и Гучковым известны только на одну четверть»[127].

Таким образом, хотя Ленин и не исключал возможности перемен во внешнеполитическом курсе царской России, он отнюдь не упрощал этой большой и сложной проблемы. Выделенные им «когда» и «как» несут большую политическую

нагрузку, затрагивая всю систему международных отношений, складывавшуюся на протяжении многих лет, и прежде всего франко-русский союз — краеугольный камень русской внешней политики. Столь крутая ломка отношений без длительной подготовки к ней была сопряжена с катастрофическими последствиями и не считалась приемлемой.

Весьма существенным для понимания данной проблемы — возможности заключения сепаратного мира между Германией и Россией, а следовательно, и намерений царизма в этом отношении — является указание Ленина на то, что Германия ни в коем случае не собиралась уступать царскому правительству ни в вопросе о Константинополе и проливах, ни в польском вопросе [128] (имея в виду создание «целокупной Польши» под эгидой России). А это были, как известно, важнейшие пункты связанной с войной программы царизма, его представлений об итогах столь грандиозной схватки, вознаграждениях за принесенные жертвы и «гарантиях», способных обеспечить устойчивое положение в Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в послевоенный период.

Важным для осмысления проблемы является и другое указание Ленина: царизм будет искать сепаратного мира лишь в том случае, если убедится, что война бесперспективна, что «нельзя сильнее победить Германию или это непомерно дорого стоит» (миллионов солдат и новых миллиардов рублей на их обучение и снаряжение и т. д.) и при условии, если Германия вернет захваченные территории [129]. Однако рассчитывать на это не приходилось. Царское правительство не питало особых иллюзий на сей счет. Как свидетельствуют многочисленные документы, царизм надеялся в предстоящей весенне-летней кампании 1917 г. совместно с союзниками сломать наконец хребет германской армии и принудить ее склониться перед волей победителя со всеми вытекающими из этого последствиями.

В. И. Ленин отнюдь не упрощал вопроса и не изображал царскую дипломатию столь нерасчетливой, готовой с легкостью отказаться от «приобретенных ценностей». Царизм знал, чего он хотел, и упорно добился реализации своих внешнеполитических планов, не считаясь ни с какими жертвами, бросая в топки войны новые сотни тысяч солдат. «Царизм знает,— подчеркивал Ленин,— сколько именно миллионов солдат уложено и сколько можно еще взять с народа, сколько именно снарядов расходуется и сколько еще можно добавить... Царизм знает, как шли у него и как идут теперь тайные переговоры с Англией о Константинополе, о силе английских войск в Салониках, в Месопотамии и пр. Царизм знает все это, имеет все карты в руках и рассчитывает точно,— насколько мыслимо вообще точное знание в таких делах, где роль сомнительного недостоверного, роль „военного счастья“ особенно велика» [130].

Первостепенной задачей царизм считал разгром германского военного могущества, дабы предотвратить возможность установления гегемонии кайзеровской Германии на Европейском континенте. Выражая настроение русского верховного командования и самого царя, генерал Алексеев писал незадолго до революции, что цель войны должна быть достигнута в предстоящих весенне-летних операциях[131]. Ради продолжения войны царизм влезал в новые многомиллионные долги, добивался у союзников предоставления дополнительных кредитов, увеличения объема военных поставок, что вело к дальнейшему усилению финансовой зависимости от западных держав.

Победа нужна была монархическому лагерю по соображениям и внутренней политики. В. И. Ленин еще в августе 1915 г. писал: «...реакционеры очень хорошо понимают, что если что еще может отсрочить падение монархии Романовых и задержать новую революцию в России, так это только победоносная для царя внешняя война» [132]. К этому и были направлены все потуги одряхлевшего режима. Марков 2-й в том же 1915 г. на всю страну возглашал: «Рано или поздно, но с помощью божьей Россия победит Германию... Понадобится три года, будем воевать и три года, понадобится сжечь пол-России, сожжем пол-России, сожжем и тех, кто будет супостатами» [133].

Такова была логика мышления и самого царя. На состоявшемся в мае 1916 г. совещании губернаторов центральных губерний, созванном «с высочайшего соизволения» по инициативе Штюрмера, отмечалось, что «за последнее время настроение в губерниях изменилось не в пользу существующих правых партий», что оно может измениться к лучшему лишь «в случае ярко победоносного исхода войны» [134]. На всеподданнейшей записке министра внутренних дел об итогах данного совещания Николай II собственноручно написал: «Надеюсь, что все здесь доложенное будет принято в серьезное соображение всеми ведомствами». В начале 1917 г. среди многих аналогичных документов Николаю II была передана «всеподданнейшая записка» участников Особого совещания по обороне, куда входили представители всех политических течений и оттенков — от крайне правых до «левых» кадетов. В своей основе Записка («о мероприятиях, необходимых для успешного ведения и окончания войны»), ратовавшая за «безусловную необходимость доведения войны до победного конца», была одобрена Николаем II и Ставкой [135].

Таковы факты. Они указывают: в реальность воплотилась вторая возможность, о которой говорил Ленин. Царизм остался приверженным курсу на доведение войны до победного завершения — разгрома и капитуляции Центральных держав. В предвкушении этого Николай II заверял сэра Бьюкенена, настойчиво напоминавшего русскому монарху о необходимости проявления твердости в отношении Германии во время и по окончании войны, что «ничто не заставит его щадить Германию,

когда придет время для мирных переговоров» [136]. Хотя союзники утвердились во мнении, что царь настроен продолжать войну, однако они понимали: его реакционная внутренняя политика могла поставить страну перед необходимостью выхода из войны, чему они старались во что бы то ни стало помешать. В конце 1916 — начале 1917 г. англо-французские империалисты меньше всего были склонны к повороту от войны к миру. Именно они, по оценке Ленина, подталкивали Милюкова, Гучкова и их единомышленников к захвату власти в целях еще более ярого и упорного ведения войны [137]. Ллойд Джордж, назначенный после гибели фельдмаршала Китченера военным министром, а несколько позже и главой военного кабинета, в беседе с представителем американской прессы Говардом (конец сентября 1916 г.) решительно заявил, что союзники во что бы то ни стало должны одолеть Германию. Сколько бы ни потребовалось времени для того, чтобы выиграть настоящую войну, подчеркнул он, «это будет сделано» [138]. «Первенствующее значение» в деле борьбы с немцами Ллойд Джордж придавал русской армии [139].

Возникает вопрос: почему же сепаратный мир между Германией и Россией не был заключен и насколько был реален односторонний выход России из войны вообще? Вопрос этот тем более закономерен, если исходить из того, что и кайзеровская Германия и царская Россия, в особенности первая, склонялись к такому миру и добивались его. И в данном случае историки существенно расходятся во мнениях. Те, кто не разделяет взгляда о стремлении царизма к одностороннему выходу из войны, считают заключение сепаратного мира, естественно, нереальным, хотя и объясняют это по-разному. Те, кто придерживается версии о «заговоре царизма» или версии, близкой к ней, о колебаниях царизма между войной и миром, расходятся в оценках. Одни считают сепаратный сговор между Германией и Россией вполне реальным, утверждая, что помешала этому лишь Февральская революция [140]. Другие полагают, что такой сговор был все-таки невозможен в силу целого ряда обстоятельств. Семенников, например, явно противореча своей общей схеме, пришел к выводу, что реальных возможностей для заключения сепаратного мира между монархиями Гогенцоллернов и Романовых не было. Он назвал три основные причины. Первая — боязнь царизма порвать с англо-французским капиталом и нежелание отказаться от тех территориальных захватов, которые сулило ему продолжение войны в согласии с союзниками. Вторая — «и для Романовых, видимо, особенно сильная — связана с убеждением их, что заключение сепаратного мира вызовет революцию со стороны либерально-империалистической буржуазии, которая ориентировалась на союзников и настаивала на войне до победы». И наконец, третья состояла в том, что «стоявшая у власти в Германии милитаристская группа не хо-

тела, идти на такие условия мира, которые могли бы удовлетворить царизм, и, в частности, не давала ему желательного решения вопроса о проливах и Константинополе». Негативную роль сыграл, по мнению Семенникова, и «ряд грубых тактических ошибок», допущенных военно-политическим руководством Германии, в частности издание акта об образовании зависимого от Германии польского государства, а также откровенное расхваливание немецкими газетами Штюрмера, ловко использованное Милюковым в его думской речи об «измене» 1 ноября 1916 г. и явившееся, как считает автор, одной из причин отставки реакционного премьера, «на которого германцы, видимо не без основания, возлагали такие надежды» [141].

Опасаясь революции, возможность которой возрастала с продолжением войны, аргументировал свой подход автор, правящая группа не решалась и на сепаратный мир, полагая, что он может послужить толчком к мощному антиправительственному взрыву. По его мнению, вначале царское правительство побаивалось только «думской революции». В дальнейшем же по мере затягивания войны и роста недовольства широких народных масс оно страшилось уже и народной революции, которую могла спровоцировать думская оппозиция [142]. Семенникову не удалось документально подтвердить «стремление» царизма к сепаратному выходу из войны. Поэтому, видимо, и был выдвинут им тезис о том, что вопрос о переговорах (велись они или не велись) не имеет принципиального значения.

Большинство последующих исследователей практически не выходят за пределы указанного круга причин, придавая большее или меньшее значение той или другой из них. А. В. Игнатьев, например, на первое место выдвигает нежелание правящих кругов Германии, и в особенности ее верховного командования, отказаться от реализации своих захватнических планов. В свою очередь, и царизм «не хотел, да и боялся, пойти на явно невыгодный мир» [143]. Что касается зависимости России от союзников, то в ней автор усматривает не сдерживающий момент, а дополнительный стимул к поискам сепаратного мира, дабы скорее от нее избавиться: «Готовясь к подавлению революции и тяготясь зависимостью от Англии и Франции,— пишет он,— царизм стремился освободить себе руки путем сепаратного мира с Центральными державами» [144]. (Тот же тезис сформулирован и в труде И. И. Минца.) Зависимость, конечно, не могла не тяготить, но ведь были куда более веские основания оставаться в антантовской коалиции. Сам автор, если не прямо, то косвенно, признает их, отмечая, что царская Россия возлагала большие надежды на сотрудничество с Англией и Францией в интересах сокрушения германского военного могущества и реализации обширных экспансионистских планов ее правящих кругов [145]. А это предполагало и стремление получить от союзников кредиты, вооружение, снаряжение, боеприпасы и т. д., т. е. исключало отказ от союза с западными державами.

Из препятствий внутреннего характера А. В. Игнатьев указывает на противодействие выходу из войны со стороны помещиков и буржуазии. «На пути к сепаратному миру царскому правительству приходилось преодолевать растущее сопротивление буржуазно-помещичьих кругов, сплоченных в „прогрессивном блоке“ и пользовавшихся поддержкой союзников» [146]. Правда, на стороне сепаратного мира оказывается «большинство крестьян» [147]. Но царским правительством это осталось, видимо, незамеченным, хотя, «серьезно» склоняясь к одностороннему выходу из войны, оно не должно было бы упускать из виду этого обстоятельства, ибо позиция основной массы солдат и населения могла служить ему мощной опорой в переориентации внешнеполитического курса.

Таким образом, перспективы сепаратного мира остаются не ясны и возможность русско-германского примирения фактически отрицается. «Переговоры,— заключает автор,— если бы они состоялись, могли затянуться или даже на время прерваться, не принеся результатов» [148]. Ну, а что лежало за пределами этого перерыва, предоставляется додумывать читателю. По сути дела, и концепция «двух заговоров» не дает определенного ответа, реален ли был сепаратный мир, хотя ее сторонники и утверждают, что осуществлению «заговора царизма» помешала лишь Февральская революция. Между тем, по логике той же концепции, этот заговор мог быть упрежден и «вторым заговором», т. е. дворцовым переворотом, подготовленным генералитетом и буржуазно-помещичьей оппозицией.

Те же препятствия к заключению сепаратного мира называют и авторы, которые считают, что царизм не проявлял сколько-нибудь заметных стремлений к сепаратному выходу из войны и не предпринимал практических шагов в этом направлении. «Царская Россия,— отмечает Бурджалов,— была слишком зависима от английских и французских империалистов и увязла в своих обязательствах перед ними, слишком далеко зашла в борьбе против Германии и Австрии, чтобы в ходе войны менять фронт. Этим шагом самодержавие разорвало бы с большей частью русской империалистической буржуазии, ориентировавшейся на союз с державами Антанты, и пошло бы навстречу неизвестному будущему. На повороте к сепаратному миру царизм мог свернуть себе шею, и чувство самосохранения удерживало его от такого шага» [149]. Тем же мотивом самосохранения, считая его определяющим, объясняет поведение царизма и В. С. Дякин. «В том, что касается вопроса о выходе из войны,— подчеркивает он,— дело заключалось прежде всего в страхе, что заключение сепаратного мира с Германией на условиях, которые она навяжет, приведет к свержению монархии буржуазной оппозицией и генералитетом, настроенным за продолжение войны» [150]. Царизм, отмечает Дякин, рассчитывал на успех весеннего наступления.

Аналогичной аргументацией пользуется Е. Д. Черменский, с той лишь разницей, что царизм, по его мнению, больше опасался не дворцового переворота, не буржуазно-генеральского заговора, а народной революции и линия поведения его в вопросе о выходе из войны объясняется в первую очередь «инстинктом самосохранения». «Позиция царской четы,— пишет автор, — диктовалась инстинктом самосохранения; на мало-мальски почетный мир рассчитывать было нельзя, а капитулянтское признание военного поражения грозило царизму катастрофой. В победоносном окончании войны правящие сферы видели единственный шанс предотвратить торжество революции» [151]. Об «инстинкте самосохранения правящего класса, начинавшего сознавать, что война может привести к революции», писал в свое время Семенников [152]. Однако в его представлении этот инстинкт толкал носителей верховной власти как раз к сепаратному миру, хотя и в нем они не видели якоря спасения, так как он тоже вел к взрывоопасной ситуации.

Не видит реальной возможности для заключения сепаратного мира и Р. Ш. Ганелин. Непреодолимое препятствие на этом пути он усматривает в полнейшей изоляции царизма, в изоляции тех сил, которые автор относит к сторонникам сепаратного выхода из войны и которые, по его мнению, были не столь уж значительны. «Независимо от того, насколько сильны были сепаратистские настроения при дворе, при сложившейся к 1917 г. крайней степени изолированности царской четы, связанных с ней носителей „вневедомственных влияний" и полицейских верхов, им было очень трудно разорвать цепь внутриполитических препятствий на пути к сепаратному миру». Именно по этой причине «мирносепаратистские поползновения царизма были отмечены столь явным недостатком решительности и динамизма» [153]. Двойственную и нерешительную позицию царизма в вопросе о сепаратном мире отразила И. А. Дьяконова. Царизм, по ее словам, имел возможность «отчетливо уяснить себе... практическую невероятность избежать при поспешном заключении сепаратного мира катастрофы существующего общественного строя»[135а].

Как видим, во всех приведенных высказываниях на передний план выдвигаются соображения внутреннего порядка: опасность устранения старой власти, если она осмелится пойти на сделку с противником,— и явно недооценивается внешнеполитический аспект проблемы или сужается его масштабность. Дело, конечно, не только в зависимости от англо-французского капитала и обещанных «призах войны». Необходимо учитывать долгосрочные интересы и перспективы внешней политики. А они куда объемнее и шире, чем то, что превалировало в данный момент в спектре внешнеполитических сюжетов. Финансовая зависимость от Англии и Франции, как и жажда реализации полученных векселей, несомненно, играли роль. Но не менее существенным было влияние сложившихся союзов и связей: какие из них выгоднее и надежнее обеспечи-

вали великодержавное положение России сейчас и на ближайший обозримый период, какая комбинация считалась предпочтительнее? Поэтому не совсем резонно подходить к оценке внешнеполитического курса главным образом с точки зрения «инстинктов». Прежде чем отвечать на вопросы, почему царизм не пошел на сепаратный мир и имелась ли реальная возможность его заключения, надо установить, хотел ли царизм такого мира.

Нельзя не обратить внимания на другую особенность в подходе авторов к исследуемой проблеме: одна и та же причина (или один и тот же мотив — страх перед революцией), по мнению одних историков, толкала к поискам сепаратного мира, по мнению других — удерживала от него. Точно так же и в отношении финансово-экономической зависимости от союзников. Одни полагают, что она удерживала Россию в антантовском блоке, другие, напротив,— побуждала к выходу из него, стимулировала внешнеполитическую переориентацию.

Преобладающее значение внешнеполитическим факторам перед внутриполитическими придавал Е. В. Тарле. В статье, посвященной «двум заговорам», ставя вопрос, что же воспрепятствовало заключению сепаратного мира, он писал: «Прежде всего — союзники. В 1915 г. время для этого шага было упущено, а в 1916 г., после наступления Брусилова, после тяжкой неудачи немцев под Верденом, после обширнейших приготовлений Антанты к неопределенно долгой войне, после крутого обострения продовольственного кризиса в Германии, выход из войны знаменовал бы собой признание себя побежденными и навязал бы на шею опаснейшую вражду со стороны Антанты. Это означало и немедленный и безнадежный финансовый крах, и очень возможное нападение на Дальнем Востоке со стороны Японии, и поистине отчаянное положение полнейшей зависимости от той же Германии в момент заключения мира между Антантой и Германией, когда Россия явно сделалась бы объектом для всевозможных „компенсаций“ за счет ее территории». По линии внутренней политики, подчеркивал Тарле, сепаратный мир с Германией непримиримо поссорил бы монархию с российской торговой и промышленной буржуазией, с частью дворянства, подкопал бы и сузил социальный базис царизма и мог бы не отдалить, а ускорить наступление революции. «По всем этим причинам сепаратный мир оказался в области сладких, но мало осуществимых мечтаний. Возобладала тенденция держать курс на „верность“ союзникам»[154]. Как видим, и в данной трактовке опущен важный момент — намерения и расчеты самого царского правительства, без чего невозможно убедительно объяснить его пассивность в установлении соответствующих контактов с Германией, отсутствие какой-либо инициативы в этом плане.

Иной взгляд отстаивает В. В. Лебедев, пытающийся доказать, что серьезных препятствий к сепаратному миру между Германией и Россией не существовало и что царизм имел

реальную возможность заключить такой мир [155], но не сумел воспользоваться ею. «Как показал исторический опыт,— пишет он,— ситуацию лучше чувствовали не те представители буржуазной оппозиции, которые выдвинули лозунг „Война до победного конца". Сторонники этого лозунга исходили из ошибочного представления о положении в стране. Правы оказались те представители господствующих классов, которые скептически относились к возможности реализации этого лозунга и искали иной выход из создавшегося положения, в том числе и на путях заключения мира с Германией»[156], т. е. сепаратного мира.

Вывод, прямо скажем, неожиданный! Одно дело — скептически относиться к возможности доведения войны до победного конца (кстати, этот лозунг был выдвинут не только буржуазией), и совсем другое — признавать реалистами тех, кто искал выход из создавшегося положения путем сепаратного сговора с кайзеровской Германией. «Как можно судить по архивным и опубликованным материалам,— продолжает Лебедев,— наиболее убедительной является точка зрения тех, кто считает, что российские верхи должны были стремиться к достижению договоренности с Германией в силу сложившейся тогда внутренней и международной обстановки» [157]. Но в подтверждение этого «стремления» к безотлагательному выходу из войны не приводится никаких доказательств.

Отклонив такие доводы против сепаратного мира, как финансово-экономическая и политическая зависимость России от союзников и возможность «мести» со стороны Англии и Франции, автор пишет: «Неубедительно также предположение, что заключение мира могло вызвать «революцию» со стороны либерально-империалистической буржуазии, которая, как известно, противилась свержению Николая II. Разработанный в декабре 1916 г. план выхода России из войны (путем соглашения с союзниками)... был составлен в такой форме, что его реализация не вызвала бы „революцию" со стороны буржуазии, если бы даже последняя оказалась способной на такой шаг... Если бы Николай II пошел на уступки буржуазии и незамедлительно вывел страну из войны, то, как считали некоторые современники, он смог бы удержаться на троне»[158]. Одним из таких горе-прорицателей оказался бывший военный министр В. А. Сухомлинов, на мнение которого и опирается автор [159].

Знакомые-презнакомые «если бы»! Во-первых, упомянутый «план», существование которого не подтверждено никакими достоверными источниками, предусматривал не сепаратный, а общий мир. Сам автор приводит исповедь творца этого «плана» Протопопова, согласно которой о сепаратном мире между Россией и Германией не думал ни Протопопов, ни кто-либо из его единомышленников[160]. Во-вторых, хорошо известно, что Николай II всячески цеплялся за сохранение самодержавия и отнюдь не намеревался идти на уступки либералам. Так что

«если бы» — не тот аргумент. Таких «если бы» можно изобрести сколько угодно, но они не прибавляют доказательности.

Нельзя не отметить также, что один и тот же «план» используется Лебедевым для подкрепления двух противоположных тезисов: стремления царизма не к сепаратному, а к общему (по соглашению с союзниками) миру и возросшей возможности именно сепаратного мира [161]. Единственное сомнение в такой возможности вызывают у Лебедева аннексионистские устремления кайзеровской Германии. Казалось бы, одного этого было вполне достаточно, чтобы сепаратная сделка стала недостижимой. Но автор тут же спешит оговориться: «Правда, после победы, одержанной над Румынией, Германия получила возможность относительно безболезненно для себя сделать уступки России в случае прекращения войны с последней» [162]. Сговорчивей, по его мнению, должна была стать и царская дипломатия. «Успешное развитие австро-германского наступления против Румынии в последних месяцах 1916 г. должно было сделать сторонников сближения с Германией более уступчивыми в случае нового мирного предложения со стороны последней» [163]. «Кроме того, следовало учитывать, что по мере назревания буржуазно-демократической революции самодержавие должно было соглашаться даже на ранее неподходящие условия, ибо одно лишь прекращение огня на линии фронта оказало бы ему существенную помощь в борьбе с революционным движением» [164].

Аргументация явно неубедительна («должно было», «получила возможность» и т. п.): автор не показывает подлинных намерений сторон. Известно, что и после захвата Румынии германская военщина не обнаруживала большей умеренности в своих экспансионистских устремлениях в России. Новый успех лишь подхлестнул ее амбиции, ее агрессивность. Да и сам автор несколькими абзацами выше отмечает, что к осени 1916 г. в Германии «усилились воинственно-агрессивные, аннексионистские устремления во внешней политике и на какие-либо значительные уступки с ее стороны в случае возобновления переговоров рассчитывать не приходилось» [165]. Точно так же не произошло особой метаморфозы и в устремлениях правящих кругов царской России. Достаточно ярким свидетельством этого может служить их негативная реакция на «мирное» предложение Центральных держав от 29 ноября 1916 г. Не учитывает автор и настрой царского генералитета — продолжение войны до победного конца.

Все это, вместе взятое, указывает на несостоятельность рассмотренной точки зрения. Непоследовательность автора обнаруживается еще и в том, что, начав с утверждения о поисках царизмом в указанный период (в последние три месяца его существования) не сепаратного, а общего мира, он принялся обосновывать реальную возможность первого, а не второго. О возможности сепаратного мира, о его реальности можно было бы говорить лишь в том случае, если бы стороны проявляли хоть

какую-то склонность к взаимным уступкам. Но такой склонности не наблюдалось практически ни в один из моментов войны.

Каковы же те военные и дипломатические соображения, которыми руководствовалось царское правительство, придерживаясь курса на доведение войны до победного конца? Прежде всего, считалось невозможным и даже опасным прекращение войны до изгнания неприятеля из оккупированных им областей, без сокрушения опасного для великодержавного положения России военного могущества Германии — задача, решавшаяся совместно с союзниками, видевшими в этом могуществе смертельную опасность и для своих собственных стран. Ни Англия, ни Франция не отказались от намерения «поставить Германию на колени», устранить ее как самого грозного конкурента.

Готовность продолжать войну диктовалась необходимостью сохранения союза с державами антантовского блока, в котором по-прежнему видели наилучшую комбинацию для отстаивания интересов русской внешней политики. Несмотря на временные военные успехи Германии, правящие круги Антанты, в том числе и царской России, были убеждены, что противник предельно истощен и победа над ним в скором времени будет достигнута. Обнадеживали итоги кампании 1916 г., вселяли надежду виды на 1917 г. Весьма ценным для данного анализа представляются выводы двухтомного исследования о первой мировой войне, проведенного коллективом авторов Института военной истории МО СССР. В этом исследовании, в частности, говорится: «В кампании 1916 г. успех был на стороне Антанты; Антанта, развернув свой мощный военно-экономический потенциал, вырвала стратегическую инициативу из рук Центральных держав. Превосходство Антанты в численности войск, в вооружении и военной технике определило в 1916 г. перелом в войне в ее пользу» [166]. К такому же выводу пришел в свое время А. М. Зайончковский. «В общем,— писал он,— 1916 г. был годом перелома, подорвавшим в корне военную мощь Центральных держав и, наоборот, доведшим силы Антанты до кульминационного развития. Это был год, определивший победу Антанты в будущем» [167].

Советские военные историки отмечают: планы Антанты сводились к тому, чтобы придать кампании 1917 г. решающий характер. В январе-феврале 1917 г. была проведена очередная встреча представителей союзных армий. На этот раз она состоялась в Петрограде [168]. Участники конференции ставили задачу уточнить те решения, которые они приняли в Шантильи. Прежде всего они подтвердили выраженную ранее непоколебимую уверенность довести войну до победного конца именно в предстоящую кампанию. В постановлении конференции говорилось: «Кампания 1917 г. должна вестись с наивысшим напря-

жением и с применением всех наличных средств, дабы создать такое положение, при котором решающий успех союзников был бы вне всякого сомнения». По замыслам стратегов союзных держав, кампания1917 г. «должна была увенчаться решающей победой над противником». Основанием для такой уверенности служило соотношение сил воюющих группировок, чрезвычайно затруднительное положение Германии, еще более тяжелое положение ее основного союзника — Австро-Венгрии. Не в лучшем положении пребывали и другие союзники Германии — Болгария и Турция, о чем державам Антанты было хорошо известно [169]. «В отличие от стратегов Антанты, которые довольно оптимистически смотрели в будущее, германское верховное командование было серьезно озабочено перспективой предстоящей кампании. Общее положение страны и состояние вооруженных сил не позволяли даже думать о каких-либо наступательных действиях... Не оставалось ничего другого, как перейти на всех сухопутных театрах к стратегической обороне» [170].

В этом контексте утверждение авторов о том, что «царское правительство предполагало заключить с Германией сепаратный мир» [171], звучит неубедительно и явно противоречит обрисованной ими же военно-политической ситуации. Невольно напрашивается вопрос: на чем же основывалась уверенность союзников в успехе кампании 1917 г., если им угрожала такая опасная перспектива, как выход России из войны? В целом, подчеркивается в той же работе, Антанта находилась в лучшем положении по сравнению с Центральными державами. Она обладала значительным превосходством над противником в материальных и людских ресурсах. В январе у нее имелось 425 дивизий против 331 дивизии германского блока, т. е. на 94 дивизии больше. Общая численность ее вооруженных сил составляла 27 млн человек, у неприятеля — 10 млн человек [172]. Разница весьма впечатляющая при всех выгодах стратегического положения Центральных империй.

Сами германские стратеги считали, что наибольшая опасность при новом наступлении неприятеля угрожала им на Восточном фронте, где уже в 1916 г. германскому командованию пришлось сосредоточить 3/5 австрийских и 2/5 германских дивизий, постоянно увеличивая эту пропорцию. Генерал Людендорф в своих воспоминаниях признавал, что для Германии «прогнозы на новый год вопреки удачному заключению 1916 года были крайне беспокойны... В особенности Россия подготовляла новые сильные кадры... Наше положение было исключительно трудным, и почти невозможно было найти выхода. Мы не могли думать больше о собственной наступательной операции, надо было сохранять резервы для собственной защиты. Если война продолжится, наше поражение представлялось неизбежным» [173]. Генерал сравнивал свои ощущения с ощущениями кролика перед удавом.

Английский премьер-министр Ллойд Джордж единственный шанс на подлинный успех кампании 1917 г. видел в «полном и эффективном сотрудничестве с Россией» [174]. Уинстон Черчилль в своих мемуарах писал, что в кампанию 1917 г. Россия вступила не только не побежденной, но и сильнее, чем когда-либо раньше [175].

В ноябре 1916 г. Россия держала на фронте 202 дивизии: 187 на австро-германском (из них 40 кавалерийских) и 15 на Кавказском. В результате намеченной на зиму 1916/17 г. реорганизации русской армии (реформы Гурко) к кампании 1917 г. должно было быть сформировано 76 новых дивизий, частью за счет новых формирований, а частью за счет перевода полков с четырехбатальонного состава на трехбатальонный. (Каждая дивизия состояла из четырех полков.) Всего, таким образом, русская армия насчитывала к лету 1917 г. 278 дивизий, что значительно превышало количество дивизий союзных армий, вместе взятых [176].

В придворных сферах Петрограда, не так осведомленных о новых пополнениях и формированиях, как царская ставка, больше всего уповали на то, что силы Германии находятся на пределе. Ее дальнейшее противоборство с такой мощной коалицией, как Антанта, представлялось все менее вероятным. «Мир близится,— записывала в своем дневнике статс-дама А. Н. Нарышкина 21 января 1917 г.,— но близится не в силу возможности заключения сепаратного мира, а убеждения, что Германия, победительница на полях битвы, истощается, а союзные силы безостановочно растут» [177]. С. П. Мельгунов не без основания заметил, что в этом убеждении коренилась одна из причин неуступчивости «воинствующих патриотов», правых и черносотенцев, призывавших правительство к проведению еще более жесткого, более реакционного внутреннего политического курса во имя победы над внешним и внутренним врагом.

Питала надежды на победу и либеральная оппозиция. В Особом совещании по обороне 25 июня 1916 г. кадет А. И. Шингарев, делясь своими впечатлениями о поездке в составе делегации членов Думы и Государственного совета в союзные страны, подчеркивал «растущую среди наших союзников уверенность в победе над Германией, уже давно напрягавшей свои силы до последней крайности и ныне истощающейся за неимением свежих ресурсов» [178]. В такой же уверенности пребывали Николай II и его экспансивная супруга [179].

Определенные надежды породила при русском дворе и внезапная смерть в ноябре 1916 г. австрийского императора Франца-Иосифа, известного своей приверженностью австро-германскому союзу. «Он думает,— ссылается на авторитет «старца» императрица Александра Федоровна в письме к Николаю II,— что это, несомненно, во всех отношениях благоприятно для нас (я того же мнения), и он надеется, что теперь скорее наступит конец войне, так как могут возникнуть трения между Германией и Австрией» [180].

К важнейшим военно-политическим и дипломатическим итогам кампании 1916 г. следует отнести дальнейшее изменение в расстановке сил на мировой арене в пользу Антанты. В течение этого года к антантовской коалиции примкнул еще ряд стран, в частности Португалия и Румыния. В 1916 г. антантовская коалиция объединяла десять больших и малых государств. В следующем году она насчитывала уже 23 государства. Германский же блок остался неизменной четверкой, несмотря не его отчаянные попытки привлечь на свою сторону хотя бы одну из нейтральных стран. Даже Румыния, за которую австро-германские дипломаты бились изо всех сил и надеялись по крайней мере на сохранение ею доброжелательного нейтралитета, и та присоединилась к Антанте. Решающую роль в принятии ею окончательной ориентации сыграло успешное наступление русской армии против Австро-Венгрии, знаменитый брусиловский прорыв, вылившийся затем в одну из крупнейших операций кампании 1916 г.

Распространенное в литературе мнение о том, что вступление в войну Румынии лишь ухудшило положение России, так как последовавший затем разгром румынской армии привел к значительному увеличению протяженности русской линии фронта (на 500 км), несколько односторонен. Оставляя в стороне дипломатический и морально-политический плюсы от приобретения новых союзников, отметим, что удлинение русского фронта было, пожалуй, еще бóльшим минусом для германской стороны, испытавшей острую нехватку людских резервов. Само германское командование вынуждено было признать, что в этом смысле положительное сальдо от победы над Румынией равнялось нулю, если не величине с отрицательным знаком. «Мы разбили румынскую армию,— писал Людендорф,— но нам не удалось уничтожить ее. Мы достигли всего, к чему представлялась малейшая возможность, но были все-таки вынуждены оставить в Добрудже и в Валахии силы, которыми до вступления в войну Румынии мы могли располагать на Восточном и Западном фронтах, а также в Македонии. Несмотря на нашу победу над румынской армией, мы стали в общем слабее» [181]. Конечно, в руки Германии попал значительный источник продовольствия, сырья и нефти, но это не компенсировало вполне очевидных для нее невыгод. В течение четырех месяцев румынская армия отвлекала на себя немалые силы противника — в то время когда каждый полк, каждый батальон становились все нужнее, все дефицитнее.

Вот-вот должен был выступить на стороне Антанты новый империалистический гигант — Соединенные Штаты Америки, на долю которых приходилось 36 % мировой промышленной продукции. Специальный советник президента Вильсона полковник Э. Хауз еще в 1915 г. утверждал: «США не могут допустить поражения союзников, оставив Германию господствующим над миром военным фактором. Следующим объек-

том нападения, безусловно, были бы мы, и доктрина Монро в самом деле превратилась бы в клочок бумаги»[182]. Несколько позже, в феврале 1916 г., тот же Хауз при посещении Франции заявил, что не пройдет и шести месяцев, как США будут на стороне Антанты [183]. Хауз несколько ошибся в сроке, но в главном он был, несомненно, прав, поскольку лучше многих был посвящен в намерения американского руководства. Через день после объявления Германией неограниченной подводной войны, 21 января 1917 г., США разорвали с Германией дипломатические отношения, и вопрос о вступлении их в войну был окончательно предрешен. Причем еще до вступления в войну США оказывали все более мощную поддержку Антанте.

Весомым слагаемым в оценке перспектив продолжения войны, а соответственно и решимости царизма продолжать войну явилось заключение в июне 1916 г. русско-японского союзного договора, благодаря которому царское правительство получало большую свободу действий в своей европейской политике. Наличие этого договора служило известной гарантией безопасности дальневосточных границ империи, откуда в связи с европейской войной была снята основная часть русских войск и вооружения. Все это не могло не учитываться при оценке перспектив войны и планов на будущее.

Блестящие успехи войск под командованием генерала А. А. Брусилова летом 1916 г. породили даже надежды на близкое окончание войны. Кое-кто полагал, что уже осенью текущего года наступит наконец долгожданный мир. Окончание войны осенью 1916 г. ожидали разные общественные круги, начиная с военных специалистов в ставке [184].

Рассматривая вопрос об отношении самодержавия к проблеме войны и мира, нельзя отмахнуться также от многочисленных официальных и неофициальных заявлений Николая II, его правительства и ответственных министров о решимости довести войну до победного конца. С такими заявлениями они выступали вплоть до последних дней существования царского режима. Особенно участились эти заявления и заверения с осени 1916 г. в связи с циркулировавшими слухами о сепаратном мире, об активизации «германской партии» при дворе и т. д. Спустя три дня после знаменитой «обвинительной речи» Милюкова, произнесенной на открывшейся 1 ноября очередной думской сессии и направленной в первую очередь против главы кабинета Штюрмера, в Думе по поручению правительства выступили военный и морской министры (генерал Д. С. Шуваев и адмирал И. К. Григорович) с напоминанием о необходимости доведения войны до решительной победы. Враг сломлен, повторял Шуваев. Каждый день приближает нас к победе, а его — к поражению. Мы должны во что бы то ни стало победить — таково повеление верховного главнокомандующего. «Мы не только должны победить, мы победим во что бы то ни стало» [185]. В том же ключе высказался Григорович [186].

В очередном своем докладе царю 5 ноября 1916 г. Штюрмер сообщал: «Вчера, 4 ноября, министры военный и морской выступили в Государственной думе и заявили о полном обеспечении русских армий и флота всем необходимым для дальнейшей обороны государства и о твердой их уверенности в том, что враг уже надломлен и что окончательное его поражение с каждым днем приближается. Морской министр добавил, что государственная оборона требует совместной работы правительства с Государственной думой. Означенные заявления были встречены Думой с единодушным сочувствием и были приняты как свидетельство в том, что война будет продолжаться и что слухи о сепаратном мире должны рассеяться» [187]. Сам Штюрмер 3 ноября направил российским представителям в союзных странах циркулярную телеграмму, предписывавшую опровергнуть самым категорическим образом «нелепые слухи о секретных переговорах, которые будто бы ведутся между Россией и Германией о заключении сепаратного мира», и заверить правительства, при коих они аккредитованы, что «Россия сохранит тесное единение с союзниками и будет биться рука об руку с ними против общего врага без малейшего колебания до часа конечной победы» [188]. (Именно об этой телеграмме вспомнил Штюрмер на допросе его в Чрезвычайной следственной комиссии, дабы отвести от себя обвинение в стремлении к сепаратному миру и подтвердить свою приверженность курсу на продолжение войны до победного конца.) [189].

Но недоверие к правительственному курсу в отношении войны росло. Отчасти, а может быть и в большей степени, оно сознательно подогревалось оппозицией в интересах борьбы за власть. Штюрмеру пришлось уйти. 11 ноября крайне непопулярный премьер получил бессрочный «отпуск». Немалую роль в его отставке сыграли союзники, и в первую очередь английская дипломатия в лице Бьюкенена. «Я приму Штюрмера через час и буду настаивать на том, чтобы он взял отпуск,— писал царь жене 9 ноября.— Увы! Я думаю, что ему придется совсем уйти,— никто не имеет доверия к нему... даже Бьюкенен говорил мне в последнее наше свидание, что английские консулы в России в своих донесениях предсказывают серьезные волнения в случае, если он останется. И каждый день я слышу об этом все больше и больше. Надо с этим считаться» [190].

Сменивший Штюрмера А. Ф. Трепов, выступая в Государственной думе 19 ноября с одобренной царем правительственной декларацией, в присутствии послов союзных держав заявил, что Россия не собирается складывать оружия, пока враг не будет побежден. Исход борьбы предрешен, сказал новый премьер. Какие бы ни были трудности и временные неудачи, Россия и ее союзники «поставят под ружье последнего солдата, пожертвуют всем государственным достоянием», но война будет доведена до решительного конца, «до совершенной победы... до сокрушения навек германского засилья и насилья» [191].

Не обошел новый глава кабинета и слухов о сепаратном мире. От имени правительства, подчеркнул он, не раз заявлялось также,

что преждевременного мира, а тем более мира, заключенного отдельно от союзников, не будет никогда. Этой решимости правительства ничто не может изменить, она исходит от непреклонной воли монарха [192]. Коснувшись основных внешнеполитических задач, председатель кабинета сказал, что предстоит отвоевать временно захваченные неприятелем области, вернуть Царство Польское. Но этого недостаточно. Необходимо «вырвать у врагов исконные зарубежные польские земли и воссоздать свободную Польшу в этнографических ее границах и в неразрывном единении с Россией» [193]. После этого было объявлено (что по замыслу царских министров должно было произвести особое впечатление на «народное представительство», армию и страну в целом): заключенное в 1915 г. с Англией и Францией соглашение, к которому присоединилась и Италия, «окончательно устанавливает право России на проливы и Константинополь». Русский народ «должен знать, за что он льет свою кровь, и по состоявшемуся ныне взаимному уговору соглашение наше с союзниками оглашается с этой кафедры» [194]. (С этим заявлением должен был выступить еще Штюрмер, но сделать этого ему уже не довелось.) Никакие трудности и никакие жертвы, сказал Трепов, не остановят Россию в движении к победоносному завершению войны.

Выступление нового премьера, очерченная им программа ближайших правительственных мер вызвали новый патриотический гомон на скамьях правых депутатов Думы. Марков 2-й резко обрушился против тех, кто доверял слухам о сепаратном мире, и особенно против тех, кто пытался приписывать такие намерения правительству и деятелям правомонархического лагеря. «Мира не будет,— басил он,— и, по-нашему, это хорошо сказано» [195]. Всякий, кто призывает в данный момент к миру с Германией, является государственным преступником и изменником [196]. Приветствуя оглашенный Треповым «акт величайшей исторической важности» — соглашение о Константинополе и проливах и защищая необходимость доведения войны до внушительной победы, черносотенный оратор торжествующе заявил: «...наши союзники разрешили сообщить русскому народу о договоре, по которому историческая цель России наконец близка к осуществлению, правда, пока в договоре, но закрепляется за Россией; свободный выход в Средиземное море является уже не мечтой, а реальной возможностью» [197]. Он обрушился на Милюкова и его друзей по «Прогрессивному блоку» за то, что они не рукоплескали этому «великому акту» только потому, что огласил его не тот человек, «чьей заслугой перед Россией является заключение этого договора», т. е. не Сазонов [198].

С решительным требованием наведения порядка в тылу, создания твердой и действенной власти, преодоления хаоса и разрухи для скорейшего достижения победы, против любых попыток сепаратного мира, откуда бы они ни исходили, выступил в прениях М. В. Пуришкевич, гордо аттестовавший себя «самым правым» во всем правом лагере. «Другого лозунга, кроме лозунга победы,

в России нет и быть не может»,— заявил он в своей более чем часовой речи [199].

Наглядной проверкой намерений самодержавия, как и его союзников, послужило официальное мирное предложение, с которым выступили Центральные державы 29 ноября 1916 г., означавшее, так сказать, переход германской дипломатии в открытое «мирное наступление». Здесь необходимо дать некоторое пояснение. Еще в разгар брусиловского наступления и кровопролитных сражений под Верденом германская пропаганда достаточно откровенно заговорила о мире. Сигналом к этому послужила речь Бетман-Гольвега в рейхстаге, произнесенная в последних числах мая. «Полгода назад,— заявил канцлер,— в первый раз можно было говорить о готовности Германии заключить мир. В это время на всех фронтах германцами были достигнуты успехи. Однако германские предложения о мире не имели успеха у неприятеля». Позднее, как говорилось в сообщениях об этой речи, канцлер беседовал с американским журналистом об условиях, на которых могли бы начаться мирные переговоры. Основой для этих переговоров предлагалась им карта военных действий. Однако противная сторона отвергла выдвинутое предложение: карту военных действий не пожелали признавать, надеясь изменить ее к лучшему. С тех пор, однако, она изменилась еще больше в пользу Германии. Указав затем на «тяжелые потери» французов под Верденом, «укрепление линии» Солунского фронта, успехи австрийского наступления против итальянцев, а также на исход морского сражения близ Ютландии, в котором германский флот одержал якобы внушительную победу над английским, канцлер кичливо заявил (давая тем не менее понять, что предложение остается в силе): «Таким образом, карта вновь изменилась, но неприятель все еще закрывает на это глаза. Поэтому мы должны продолжать сражаться до окончательной победы. Мы заявили о тех условиях, на которых мы были бы готовы заключить мир, но неприятель отклонил их с презрением и насмешкой» [200].

Вскоре после выступления фон Бетмана в рейхстаге Сазонов в беседе с корреспондентом «Юнайтед Пресс» Симсом заявил: постоянная агитация Германии в пользу мира абсурдна и лицемерна. Германия сама начала войну и теперь, видя неудачу попыток подчинить себе Европу и чувствуя, что заранее обреченные на заклание жертвы сами берут верх, она надевает маску смирения и пытается переложить на союзников позор затягивания войны. Подобный образ действий, продолжал министр, есть открытое признание слабости и попытка скрыть свое незавидное положение. «Толки о мире,— сказал он,— вдвойне излишни. Германия, как это очевидно, не победила. Следовательно, она ничего не может потребовать. Мы в настоящий момент идем к победе; следовательно, нам рано говорить о мире. Мощь Германии заметно тает, тогда как ресурсы наши и наших союзников беспрестанно возрастают», что подверждают и операции союзников под Верденом, и наступление русских армий против Австро-Венгрии (на Юго-Западном

фронте), и морское сражение в Северном море, и, наконец, «наши успехи в Средней Азии». «Конец войны возможен лишь тогда,— резюмировал министр,— когда занятые неприятелем территории будут освобождены от вражеских войск и все наши требования будут исполнены... Никогда еще мы не были столь тесно объединены, никогда мы не были столь сильны. Больше, чем кто бы то ни было, мы жаждем мира, но это должен быть настоящий мир: мир прочный, влекущий за собою исчезновение прусского милитаризма» [201].

Потерпев фиаско в попытках расколоть вражескую коалицию путем сепаратной сделки с одной из ее участниц, германское военно-политическое руководство и решило предпринять открытое мирное наступление, выступив с предложением сесть за стол переговоров уже без каких-либо предварительных условий.

Державы Антанты отказались вступать в переговоры с противником до тех пор, пока он не сложит оружие. Вопрос этот в общих чертах получил отражение в литературе [202]. Вот как комментировался в столицах западных держав «мирный демарш» Центральных империй: «После того как немцам не удалось уговорить каждое из неприятельских правительств в отдельности покинуть своих союзников и заключить сепаратный мир, они пытаются теперь произвести впечатление на толпу. Германская нота свидетельствует о том, что у германского правительства нет уверенности в продолжении побед; она сознает солидарность держав Антанты и знает, что если неприятель останется тверд, то Германия потерпит поражение» [203].

Одним из первых о неприемлемости австро-германского предложения заявил царский кабинет. 2 декабря новый министр иностранных дел Н. Н. Покровский («симпатичный левый», как его охарактеризовала императрица) выступил в Думе с речью, направленной против этого предложения. Основная часть речи была посвящена обоснованию необходимости продолжения борьбы в единении с союзниками. Под шумные аплодисменты помещичьих и буржуазных депутатов была принята формула перехода к очередным делам, отклонявшая австро-германскую инициативу и подтверждавшая стремление к решительной победе [204]. В беседе с Палеологом после своего выступления в Думе Покровский, по словам французского посла, сказал ему: «Я строго согласовался с приказаниями его величества... Е. В. решил положить конец всем сомнениям относительно его воли... и дал мне на этот счет самые категорические указания, поручив представить ему проект объявления по армии по поводу мирных предложений Германии» [205].

Несколько дней спустя, 12 декабря 1916 г., был издан приказ Николая II по армии и флоту, в котором подчеркивалась необходимость наращивания ударов по врагу и доведения войны до победного конца. Время для мирных переговоров, говорилось в приказе, «еще не наступило, враг еще не изгнан из захваченных им областей. Достижение Россией созданных войною задач, обладание Царьградом и проливами, равно как и создание свободной

Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей, еще не обеспечены» [206]. Приказ царя подхлестнул воинственные настроения как правых и черносотенных кругов, так и либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции. В прессе развернулась широкая пропаганда «благородных идеалов» антигерманской коалиции, запестрели воззвания об укреплении патриотического духа. Свой восторг по поводу последнего монаршего волеизъявления выразили императрица и окружавшая ее камарилья [207]. Вскоре после издания упомянутого приказа в Ставке состоялся (17 — 18 декабря) военный совет, на котором обсуждался общий план предстоящей весенне-летней кампании. Основные положения его были приняты и утверждены [208].

В эти и последующие дни и правые и либеральная оппозиция настойчиво твердили, что мир без победы недопустим. Даже возвращение к довоенному статус-кво, или «мир вничью», как тогда выражались («белый мир», по французской терминологии), рассматривалось в политических кругах не иначе, как поражение, со всеми вытекающими из этого последствиями. Один из видных кадетских лидеров — В. А. Маклаков, выступая в Думе 3 ноября 1916 г., заявил, что русский народ никогда не простит мира позорного — «мира вничью» [209]. В беседе с Палеологом А. Ф. Трепов высказался по этому поводу еще более категорично: «Мир без победы — это немедленная революция» [210]. Тем же духом были пронизаны адресованные царю многочисленные записки и обращения правых, требовавших скорейшего «водворения порядка», необходимого для победоносного завершения войны. «Только при таком условии,— говорилось, например, в «Сводке общих положений и пожеланий» А. А. Римского-Корсакова,— возможно, когда придет время, заключение выгодного и славного мира. При другой обстановке победа над врагом приведет к той же революции» [211]. На состоявшемся в Петрограде в конце 1916 г. Особом совещании губернаторов отмечалось, что, несмотря на распространение в стране неблагоприятных для правых кругов настроений, «ярко благоприятный исход войны» улучшит общую обстановку [212].

Вся русская печать, свидетельствует в своих «Записках» В. В. Шульгин, требовала войны до победного конца [213]. Особенно шумную кампанию развернула черносотенно-монархическая пресса. Даже присоединение Константинополя и проливов сторонники «размашистого аннексионизма» называли «нулевым вознаграждением» за понесенные Россией жертвы и ее вклад в общесоюзническое дело [214]. Реакционные круги требовали дальнейшего напряжения сил для достижения «полной победы». «Что касается массовой монархическо-черносотенной литературы,— отмечает в своем исследовании Л. М. Спирин,— то она была полна призывами к борьбе с немецким засильем, к продолжению войны до победного конца» [215]. Несколько позже П. Н. Милюков использовал еще один аргумент против «ничейного» исхода войны. Мир вничью, пояснял он в Думе 15 февраля 1917 г., неизбежно приведет к дальнейшей гонке вооружений «с новой мировой войной в пер-

спективе» [216]. Порицая царизм за неумелое ведение войны, либералы всех мастей всячески подхлестывали его и вдохновляли на новые бесчисленные жертвы ради «славного мира» во имя «жизненных интересов страны».

Те же настроения преобладали в западных странах. И в Лондоне, и в Париже руководящие деятели энергично высказывались против «гнилого», «куцого», «хромого» мира, «мира вничью» [217]. В политических и дипломатических кругах Англии и Франции преобладало убеждение, что «до мира еще очень далеко», что «возможность его на протяжении ближайшего года маловероятна» [218]. В ноябре 1916 г. в связи с активизацией пацифистов кабинет Г. Асквита принял специальное постановление о том, что переговоры недопустимы до уничтожения военного могущества Германии [219]. В том же месяце на смену правительству Асквита приходит военный кабинет Ллойд Джорджа. По оценке кадетской «Речи», в лице нового премьера и его кабинета победу одержала «военная Англия» [220]. Еще в августе 1916 г. Ллойд Джордж и его единомышленники, сообщает Берти, заявили себя решительными сторонниками того, чтобы «нокаутировать» Германию. Поскольку Англия, Франция, Россия и Италия должны быть вознаграждены, рассуждали британские политики, «разрушение Германии как мировой державы необходимо, так как иначе возникнет новая мировая война через короткое время». Во Франции также жаждят разгрома Германии любыми средствами, «чтобы иметь длительный, не гнилой мир», и «уверены, что при помощи союзников им удастся поставить Германию на колени» [221].

Спустя пять дней после упомянутого приказа царя по армии и флоту в русской и союзной прессе был опубликован официальный ответ союзников от 17 декабря на австро-германское «мирное» предложение, врученный Брианом американскому послу в Париже для сообщения Центральным державам. Он был подписан представителями всех десяти участников антигерманской коалиции [222].

Как известно, «мирная нота» Центральных держав не содержала никаких конкретных предложений, кроме общего заявления о том, что Германия и ее союзники «не имеют целью разгромить и уничтожить своих противников». В то же время в ней подчеркивалось, что, если их инициатива не встретит понимания, «четыре союзные державы полны решимости довести войну до победного конца, торжественно сняв с себя всякую ответственность в этом перед человечеством и историей». Уже в первой из приведенных фраз виден крайне унизительный и неприемлемый для союзников тон. Тем более не могла встретить положительной реакции недвусмысленная угроза «задать жару», если противная сторона не внемлет «голосу рассудка». Из текста «мирной ноты» было совершенно ясно, с каких позиций намеревалась выступать Германия на предлагаемых ею мирных переговорах. Опираясь на свои победы и более предпочтительную, чем у противника, карту войны, она рассчитывала заставить его пойти на выгодные для нее условия. Но даже если союзники и не представляли всей суммы германских

требований или могли допустить, что Германия проявит большую умеренность в своих притязаниях, то и это не располагало их к переговорам. Антанта сама намеревалась предъявить Германии и Австро-Венгрии такой счет, на оплату которого они ни в коем случае не пошли бы, не будучи вынужденными сложить оружие. Поэтому «мирное» предложение Четверного союза было отвергнуто. Охарактеризовав это предложение как «пустое и бессодержательное» и расценив его не иначе как маневр, союзники заявили, что «простое предложение о начале переговоров без указания условий не может считаться настоящим мирным предложением» [223]. Было ясно, что от противника ожидают иной «повинной».

Спустя несколько дней после австро-германского предложения, 5 декабря, президент Вильсон обратился ко всем воюющим державам с предложением сообщить условия, на которых они считали бы возможным прийти к примерению [224]. В ответе были сформулированы конкретные требования держав Антанты. Условия, на которых Антанта соглашалась войти в «мирную гавань», были переданы Вильсону от имени всех союзников 28 декабря 1916 г. Они состояли из восьми пунктов: 1) восстановление Бельгии, Сербии и Черногории и возмещение понесенных ими убытков; 2) очищение занятых областей Франции, России, Румынии с надлежащими репарациями; 3) реорганизация Европы, гарантированная устойчивым режимом и основанная на уважении национальностей, праве на безопасность и свободу экономического развития больших и малых народов, а также на территориальных конвенциях и международных соглашениях, способных оградить сухопутные и морские границы от незаконных нападений; 4) возвращение областей или территорий, когда-либо насильно отнятых у союзников против воли населения; 5) освобождение итальянцев, южных славян, румын и чехословаков от иностранного владычества; 6) освобождение народностей, подчиненных кровавой тирании турок, изгнание из Европы Оттоманской империи, решительно чуждой западной цивилизации; 7) «намерения императора России относительно Польши были ясно изложены в его недавнем воззвании к войскам»; 8) союзники никогда не ставили своей целью истребление германских народов и их политическое уничтожение[225]. Совершенно ясно, что такую «платформу» можно было навязать противнику только силой, в результате полного его разгрома.

Что касается Германии, то она вообще отказалась сообщить американскому президенту свои условия, заявив, что они должны быть согласованы самими воюющими державами без участия в этом нейтральных стран, желая подчеркнуть тем самым свою уверенность в собственных силах, а на самом деле создавая лишь видимость прочности своего положения [226]. Предстоял, таким образом, новый смертельный раунд. Заправилы обоих блоков признали «необходимость» довести схватку до победного конца. Антанта надеялась сокрушить Германию и навязать ей свою программу «мирного урегулирования», Германия — доказать тщетность расчетов противника, заставить его отказаться от даль-

нейшей «пробы сил», реализовать свои захватнические планы.

В Петрограде также делали ставку на разгром Германии с помощью союзников. В наступившем 1917 г. царь снова напомнил подданным о необходимости напрячь все силы на разгром внешнего врага. В высочайшем рескрипте от 6 января 1917 г. на имя нового председателя Совета министров князя Н. Д. Голицына он выразил твердую уверенность в том, что русский народ «в полном единении с нашими верными союзниками, не допуская мысли о заключении мира ранее окончательной победы... исполнит свой долг до конца, не останавливаясь ни перед какими жертвами» [227]. Рескрипт должен был успокоить и союзников, для которых неожиданное смещение Трепова и назначение премьером престарелого князя, работавшего в последние годы под непосредственным началом императрицы председателем Комитета по оказанию помощи русским военнопленным, явилось новой загадкой не совсем приятного свойства.

Можно привести еще немало свидетельств того, что царь и его министры, не говоря уже о военном командовании, упорно стояли за продолжение войны, не помышляя о каком-либо ином решении вопроса — ни путем одностороннего выхода из войны, ни путем общего компромисса совместно со всеми союзниками. На телеграмме поверенного в делах в Лондоне К. Набокова, в которой содержалась просьба к министру иностранных дел заверить английский кабинет в «непоколебимой решимости... продолжать войну до конца, несмотря ни на какие колебания внутренней политики», Николай II не только подчеркнул эти слова, но и написал против них: «конечно» [228]. Сам Набоков счел возможным заявить новому английскому министру иностранных дел лорду Бальфуру, что «течение внутренней политики ни в коем случае не может поколебать провозглашенных государем императором основ нашей политики солидарности с союзниками или отразиться на общей цели» [229]. На аудиенции, данной Бьюкенену в канун Нового года, Николай II подтвердил свою решимость «выиграть войну». Царь выразил надежду, что предстоящая конференция союзников в Петрограде будет последней «до окончательной мирной конференции» [230].На предыдущей, октябрьской аудиенции царь заявил послу, что «ничто не заставит его пощадить Германию, когда придет время для мирных переговоров» [231].

В первый день нового, 1917 года министр иностранных дел Покровский направил послам в Париже и Риме телеграмму, в которой говорилось, что в связи с происшедшими в последнее время переменами в личном составе совета министров некоторые из русских представителей за границей сообщили об обращенных к ним запросах, не могут ли эти перемены отразиться в известной мере на направлении внешней политики царского правительства. «На случай, если бы подобные сомнения проявлялись также и в стране вашего пребывания,— предписывал министр,— прошу вас решительно опровергать их указанием на то, что внешняя политика России, направляемая единственно державною волею госу-

даря императора, остается непоколебимою как в общих своих основах, так, в частности, и в деле тесного единения с нашими союзниками и ни в малейшей степени не может зависеть от перемены в составе правительства». На подлиннике этой телеграммы Николай II написал: «правильно» [232].

Хорошо известно также мнение царя, высказанное им в беседе с бывшим могилевским губернатором А. И. Пильцем 22 января 1917 г. «Я знаю, что положение очень тревожно, мне советовали распустить Государственную думу... Но я на это не могу пойти... В военном отношении мы сильнее, чем когда-либо. Скоро, весной, будет наступление, и я верю, что бог даст нам победу, а тогда изменятся и настроения» [233]. «И как все переменится внутри страны, когда мы одержим победу!» — писала императрица в своем предновогоднем послании мужу еще в конце 1915 г. [234]

Такие же надежды питали другие члены царской фамилии. Двоюродный дядя царя, великий князь Сергей Михайлович, занимавший пост генерал-инспектора артиллерии, говорил своему брату Александру Михайловичу, что «войска, как никогда, подготовлены к наступлению весны 1917 г. и разобьют немцев, если в тылу не будет революции, которую могут спровоцировать немцы» [235]. На успех весеннего наступления как спасительного средства против революции рассчитывали и представители буржуазно-помещичьей оппозиции. Видный деятель партии кадетов, член ее Центрального комитета, А. И. Шингарев, еще в начале 1917 г. спешил поведать своему коллеге по «Прогрессивному блоку», лидеру его правого крыла, В. В. Шульгину, только что вернувшемуся с фронта: «...наше военное могущество, техническое выросло, как никогда. Наше весеннее наступление будет поддержано невиданным количеством снарядов. Надо бы дотянуть до весны»[236]. Позже, незадолго перед Февралем, и сам Шульгин, входивший в состав Особого совещания по обороне, утешал своих единомышленников: «Весной, по-видимому, начнется всеобщее наступление, и есть все шансы, что оно будет удачным. Если это так, то тогда вообще все спасено, можно хоть прогнать Государственную думу» [237]. Как и Шингарев, Шульгин уповал прежде всего на «обилие» снарядов: у нас сейчас столько снарядов, сколько никогда не было. У нас сейчас на складах, тридцать миллионов полевых; если исходить из расчета по Вердену (нормы снарядов, которые в течение пяти месяцев верденское орудие выпускало в сутки) и начать наступление по всему фронту от Балтийского моря до Персии, то русские войска по всей этой линии смогут из всех своих орудий поддерживать верденскую интенсивность огня в течение целого месяца[238].

Царизм жаждал победы. Только в ней он видел спасение от всех «напастей», только от нее ждал охранной грамоты для самодержавной власти [239].

На намерения царизма в отношении продолжения войны и в последние недели его существования совершенно определенно указывают и практические шаги в области внешней политики,

в частности такая важная дипломатическая акция, как соглашение с Францией о взаимной свободе рук в определении послевоенных границ с Германией, заключенное втайне от Англии во время Петроградской союзнической конференции [240]. Кстати, это соглашение лишний раз подчеркивает превалирующее значение франко-русского союза в русской политике.

Столь же показательна и позиция в вопросе о Константинополе и проливах. Хотя лондонское соглашение по уговору с партнерами и было объявлено во всеобщее сведение, чтобы союзники потом «не отвертелись», этого казалось далеко не достаточно для гарантии получения проливов в «безусловное обладание России». Поэтому царское правительство и русское военное командование вынашивали идею фактического овладения проливами еще до окончания войны или по крайней мере к началу мирной конференции. Еще в середине сентября 1916 г. под впечатлением летних побед царя снова посетила мысль «с божьей помощью приготовиться к конечной экспедиции в Константинополь, как предполагалось прошлой весной» [241]. И в последние недели перед революцией эти планы оставались в повестке дня военного и дипломатического ведомств. Во всеподданнейшей записке царю от 21 февраля 1917 г. Покровский, выражая уверенность в предстоящей победе над Германией, ставил вопрос о подготовке к октябрю того же года экспедиционного корпуса для высадки в Константинополе [242]. В ответ на эту записку начальник дипломатической канцелярии при ставке Базили писал 26 февраля, передавая Покровскому мнение генерала Алексеева, что «судьба настоящей войны зависит от нанесения решительного удара немцам» (к которому и велась тогда подготовка) и только после этого можно будет думать о посылке десанта в проливы [243]. (Можно предположить, что такой десант решили направить сразу же, как только отчетливо определится исход войны и капитуляция Германии станет вопросом времени.) О том же стремлении царизма свидетельствовала и подготовка к отправке во Францию и Салоники новых контингентов русских войск.

На неизменность внешнеполитического курса царизма и его намерения довести войну до победы указывал и такой немаловажный факт, как отправка в феврале 1917 г. в Канаду золота в размере 40 млн фунтов стерлингов ради получения нового английского кредита для оформления дополнительных военных заказов в Англии, Соединенных Штатах и Японии [244]. Значение этого факта тем очевиднее, что царское правительство долго и настойчиво возражало против этого требования английского казначейства, ссылаясь, в частности, на принятое Государственной думой постановление о запрещении вывоза из страны золота за границу. Постановление это было утверждено и царем.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в январе 1917 г., до начала работ Петроградской союзнической конференции, состоялось назначение послом в Лондоне С. Д. Сазонова[245], что указывало на стремление укреплять союзнические узы с

Англией: бывший министр иностранных дел давно зарекомендовал себя как убежденный антантофил и поборник войны до полного разгрома Германии. В дневниковых записях царского военного историографа Д. Н. Дубенского уже 6 января 1917 г. появилась следующая помета: «Стало известно, что в Лондон на место скончавшегося Бенкендорфа назначен бывший министр иностранных дел С. Д. Сазонов, убежденный враг немцев» [246].

Весьма любопытна в этой связи такая деталь. Когда в Германии прослышали о предстоящем отъезде Сазонова в Англию, в военное ведомство и Министерство иностранных дел поступили сообщения, что в Берлине решено приложить особые старания, дабы помешать его прибытию к месту назначения [247]. По сведениям военного агента во Франции графа А. А. Игнатьева, назначение Сазонова послом в Лондоне вызвало в Берлине «большую тревогу». Германский посланник в Стокгольме Люциус будто бы заявил, что для Германии «один Сазонов в Лондоне опаснее двух Китченеров» [248]. Поэтому следует не только приложить все усилия к тому, чтобы «снять Сазонова с корабля, но не остановиться даже перед его потоплением без всяких предупреждений» [249].

Даже в акте об отречении от престола Николай II счел нужным завещать своим преемникам продолжать войну до победного конца. Сепаратный мир не представлялся самодержавию спасительным средством. Если бы царь и его ближайшее окружение видели в нем хоть какой-то шанс к смягчению внутреннего кризиса, они бы, очевидно, попытались воспользоваться такой возможностью. Однако именно в сепаратном мире они усматривали наибольшую опасность для режима. Еще в июне 1915 г., сообщая Николаю о своем разговоре с великим князем Павлом Александровичем, у которого накануне состоялась беседа с французским послом, пытавшимся выведать, не намеревается ли российский самодержец заключить сепаратный мир с Германией, императрица писала: «Павел сказал, что это неправда, тем более что при начале войны мы решили с нашими союзниками, что мир может быть подписан только вместе, ни в коем случае сепаратно. Затем я сказала Павлу, что до тебя дошли такие же слухи насчет Франции. Я сказала ему, что ты и не помышляешь о мире и знаешь, что это вызвало бы революцию у нас,— потому-то немцы и стараются раздувать эти слухи» [250]. Поблагодарив за отчет о состоявшемся разговоре, Николай, в свою очередь, написал: «Ты дала совершенно правильные ответы по вопросу о мире. Это как раз главный пункт моего рескрипта старому Горемыкину, который будет опубликован» [251]. Такой рескрипт действительно был вскоре опубликован. В нем говорилось о решимости верховной власти «вести борьбу до полного торжества русского оружия. Враг должен быть сломлен. До того не может быть мира» [252].

Создается впечатление, что в устах царской четы и ее ближайшего окружения ссылки на неизбежность революции в случае заключения сепаратного мира служили отчасти известным оправ-

данием необходимости продолжения войны, невзирая ни на какие жертвы. Напоминание об этом было рассчитано, очевидно, на те круги, которые считали союз с Англией (а некоторые и с Францией) вредным и опасным для интересов монархической России.

Нельзя пройти мимо факта убийства Распутина в середине декабря 1916 г. — события, которое не могло не послужить серьезным предупреждением тем, кто попытался бы пойти на сговор с Германией, ибо убийцы оправдывались прежде всего тем, что «старец» пытался толкнуть страну на путь сепаратного мира.

Заслуживает внимания и еще одно немаловажное обстоятельство. Царь и послушное ему правительство считали, что, несмотря на все внутренние осложнения (всей остроты и глубины экономического и политического кризиса они, конечно, не сознавали), непосредственной угрозы революции пока не существует [253], войну можно и должно продолжать. Даже тогда, когда революция приближалась к решительной развязке, царь и его ближайшее окружение все еще полагали, что речь идет всего лишь о «беспорядках», вспыхнувших на почве продовольственных затруднений, которые будут пресечены обычными средствами. Находившийся постоянно при Николае II военный историограф Д. Н. Дубенский свидетельствовал: «У нас (в могилевской Ставке, куда прибыл царь для того, чтобы отдать последние распоряжения к предстоящим весной операциям.— *В. В.*) вплоть до 27 февраля, когда мы выехали в Псков, никто не верил, что революция» [254]. Не более прозорливыми оказались и вожаки ультраправых, считавшие борьбу с революционным движением своим первейшим «патриотическим» долгом. Марков 2-й признал: «Революции я не мог предвидеть и не предвидел», как не предвидели близкой ее возможности его единомышленники [255].

Оценивая внешнеполитические и военные планы царизма, необходимо также иметь в виду и мнение представителей западных держав по вопросу о сепаратном мире. Хорошо известно, что союзники, бдительно следившие за направлением русской внешней политики, старались уловить малейшие ее нюансы. Этим занимались и дипломаты западных держав и их разведслужбы. Поэтому свидетельства представителей союзников по данному вопросу представляются достаточно компетентными. А они считали, что, пока Николай II у власти, внешнеполитический курс царизма останется неизменным и Россия будет продолжать войну [256].

Уже приводились отдельные высказывания Бьюкенена и Палеолога. Впоследствии британский посол в своих мемуарах отмечал, что Англия «никогда не имела более лояльного друга и союзника, чем император Николай. Он был верен нам вплоть до самого конца» [257]. Английского посла беспокоили не намерения царя в отношении продолжения войны — этот вопрос был для него ясен,— а крайне неблагоприятное положение в промышленности и на транспорте, продовольственные трудности, сбой в доставке хлеба и т. д., а также внутриполитическая ситуация — взаимоотношения правительства с Думой, рост антивоенных настроений

и пр., способные привести к выходу России из войны или, во всяком случае, заметно снизить ее вклад в общесоюзническое дело. По мнению посла, если бы вопрос сводился только к политическому положению, то «окончательное его решение могло бы быть отложено до конца войны», но, если не изменится экономическая конъюнктура, Россия «будет не в состоянии выдержать четвертую зиму войны» [258], т. е. зиму 1917/18 г. Предстоящая же весенне-летняя кампания 1917 г. представлялась более или менее обеспеченной. Примерно так же оценивали положение глава английской разведывательной миссии в России Сэмюэль Хор и глава английской делегации на Петроградской союзнической конференции лорд Мильнер [259].

Испытывая беспокойство по поводу внутреннего положения России, особенно состояния ее экономики и политических неурядиц, английские и французские представители на Петроградской конференции — лорд Мильнер, генерал Вильсон, Гастон Думерг, генерал Кастельно и др.— вместе с тем полагали, что никакой революции в России до окончания войны не произойдет [260]. Даже в бурные февральские дни, когда над царской короной нависла неотвратимая угроза, Бьюкенен телеграфировал в Лондон: если Николай II останется на троне, можно будет надеяться, что Россия не покинет рядов антигерманской коалиции.

Уже после победы революции французский премьер А. Рибо с парламентской трибуны счел уместным напомнить новым правителям России, что бывший император полностью выполнил волю своего родителя и до последних дней оставался верным франко-русскому союзу [261]. Засвидетельствовали приверженность Николая II антантовскому курсу и английские руководители. Государственный министр Бонар Лоу, ведавший в кабинете Ллойд Джорджа делами России, публично выразил свергнутому монарху «симпатии и признательность» за союзническую верность и непреклонную решимость довести войну до полной победы [262]. Сам английский премьер в приветственной телеграмме Временному правительству также счел нужным подчеркнуть «лояльное и решительное содействие», которое союзники «получали от бывшего императора и русской армии в течение двух с половиной лет» [263]. Имеются и другие аналогичные признания. Как преднамеренный вымысел и легенда характеризуется в одной из секретных записок французского Министерства иностранных дел версия кадетов и правых эсеров о том, что Февральская революция была совершена якобы для того, чтобы предотвратить заключение сепаратного мира императором и его двором [264].

Нельзя игнорировать также многочисленные свидетельства германских государственных деятелей, пытавшихся, как хорошо известно, склонить Россию к сепаратному миру начиная еще с конца 1914 г. [265] Сошлемся хотя бы на признание Бетмана-Гольвега. Еще в конце июля 1915 г. в письме к начальнику

генерального штаба (главнокомандующему германскими армиями) Фалькенгайну он уведомлял: «Уже на протяжении нескольких месяцев я зондирую Россию относительно сепаратного мира, но все время наталкиваюсь на отрицательный ответ» [266]. Спустя год в письме болгарскому королю Фердинанду 10 октября 1916 г. канцлер писал: «Ваше величество знает, как мои неоднократные заявления о готовности к миру именно на берегах Невы вызвали эхо иронии и сарказма» [267]. По свидетельству бывшего кайзеровского министра внутренних дел Карла Гельфериха, осенью 1916 г. и сам Вильгельм II «пришел к убеждению», что сепаратного мира нельзя будет добиться и от Штюрмера, сменившего в июле Сазонова в качестве министра иностранных дел. «Все указания,— констатировал Гельферих,— разнообразнейшими путями делавшиеся царю и русскому правительству, что мы согласны на приемлемый мир (приемлемый, конечно, только для Германии.— *В. В.*),— все это не имело никаких результатов» [268].

Именно поэтому Бетман-Гольвег уже с лета 1916 г. весьма неохотно соглашался продолжать зондаж сепаратного мира на Востоке, как и на Западе, и германское правительство стало обдумывать предложение о всеобщем мире, с которым выступило 12 декабря (29 ноября) 1916 г. [269] Как явствует из секретной военной и дипломатической переписки, готовясь к объявлению неограниченной подводной войны, политическое руководство Германии решило развернуть «мирное наступление» [270]. И хотя правительство фон Бетмана заведомо знало, что его инициатива будет отвергнута противником, оно пошло на этот шаг, дабы поднять моральный дух германского народа, продемонстрировав перед ним свое мнимое миролюбие и тем самым показав необходимость продолжения «оборонительной» войны. Этим шагом оно рассчитывало также ослабить протест со стороны нейтральных государств в связи с предстоящим возобновлением неограниченной подводной войны [271].

Собственно уже декларация о Польше, опубликованная месяцем раньше, 23 октября 1916 г., указывала на то, что германско-австрийское руководство утратило надежду на достижение сепаратного соглашения с Россией. Принятие этой декларации делало такое соглашение практически невозможным, чего не скрывали от себя и сами ее авторы [272]. Многие видные деятели Германии предостерегали против подобного шага. Однако Вильгельм II под нажимом Гинденбурга и Людендорфа дал указание не откладывать больше заявление по польскому вопросу, которое вынашивалось еще с 1915 г. [273] Западные дипломаты сразу же узрели признак того, что усилия Германии склонить Россию к сепаратному сговору оказались тщетными [274].

Одни намерения сторон в отношении Польши с достаточной отчетливостью указывали на неизбежность продолжения войны. Касаясь планов царизма в отношении будущего Польши,

В. И. Ленин еще в феврале 1916 г. подчеркивал, что фигурирующий в оборонческой прессе лозунг «независимости Польши», который не прочь использовать в своих империалистических целях и царизм и буржуазия, на практике означает «лозунг победы над Германией», «стремление продолжать войну» [275]. Императрица расценивала польскую акцию германского кайзера как «большой промах со стороны Вильгельма» и считала, что он за это «тяжело поплатится» [276]. Серьезной ошибкой императорского правительства называли «польскую акцию» и некоторые видные военные и политические деятели самой Германии [277]. Сазонов и раньше держался того мнения, что с началом войны польский вопрос станет одним из самых острых в отношениях между Германией и Россией [278]. Германская дипломатия, однако, мало считалась с политическими реальностями.

Итак, версия о стремлении царизма к скорейшему выходу из войны путем сепаратного сговора с кайзеровским правительством не находит ни прямого, ни косвенного подтверждения. Напротив, разносторонний фактический материал, обширная внешнеполитическая и другая документация определенно указывают на намерение самодержавия продолжать войну до победного конца, не считаясь с новыми жертвами. Не обнаружено пока ни одного сколько-нибудь достоверного источника, который давал бы основание для иного вывода. Только победоносное завершение войны способно было, по мнению Николая II и его правительства, укрепить трон, оздоровить внутреннее положение и решить намеченные режимом внешнеполитические задачи. Не находит документального подтверждения и точка зрения о серьезных колебаниях царизма в вопросе о продолжении войны.

[1] *Минц И. И.* История Великого Октября. 2-е изд. М., 1977, Т. 1. С. 382—383.

[2] См.: *Лебедев В. В.* К историографии проблемы выхода России из войны накануне Февральской революции // Вопр. истории. 1971. № 8. С. 147—153.

[3] *Евдокимова Н. П.* Проблема сепаратных переговоров о мире между Германией и Россией в годы первой мировой войны в работах советских историков // Советская и зарубежная историография новой и новейшей истории. Л., 1981. С. 107—119.

[4] *Писарев Ю. А.* Первая мировая война и проблема сепаратного мира // Новая и новейшая история. 1985. № 6. С. 45—54.

[5] *Васюков В. С.* К вопросу о сепаратном мире накануне Февральской революции // Ист. зап. 1982. № 107. С. 100—170.

[6] См.: *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны, 1914—1917 гг. Л., 1967. С. 276—288; *Ганелин Р. Ш.* Сторонники сепаратного мира с Германией в царской России // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 126—155.

[7] *Покровский М. Н.* Собр. соч. М., 1967. Т. 3. С. 58.

[8] *Семенников В. П.* Политика Романовых накануне революции. (От Антанты к Германии). М.; Л., 1926; *Он же.* Монархия перед крушением, 1914—1917; Бумаги Николая II и другие документы (Статьи В. П. Семенникова). М.; Л., 1927; *Он же.* Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л., 1929.

[9] История гражданской войны в СССР. М., 1935. Т. 1. С. 48—60.

[10] *Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 1. Свержение самодержавия. М., 1967. С. 459—463; 2-е изд. М., 1977. С. 392—397.

[11] *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974. С. 42—65.

[12] *Генкина Э. Б.* Февральский переворот // Очерки истории Октябрьской революции. М.; Л., 1927. Т. 2. С. 10, 13.

[13] См.: Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 126, 136, 154.

[14] *Тарле Е. В.* Соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 11. С. 686.

[15] *Сидоров Л. Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960. С. 365.

[16] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны, 1914—1917 гг. С. 286.

[17] *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 72.

[18] *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 16—17.

[19] *Черменский Е. Д.* История СССР. Период империализма. 3-е изд. М., 1974. С. 403—406.

[20] *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. С. 17, 182—183.

[21] *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 126.

[22] *Яковлев Н. Н.* 1 августа 1914. М., 1974. С. 151—153.

[23] *Емец В. А.* Очерки истории внешней политики России в период первой мировой войны (1914—1917). М., 1977. С. 330—331.

[24] *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в.— 1920 г.) М., 1977. С. 225—226. По мнению автора, в пользу сепаратного мира с Германией были настроены не царь и его правительство, а императрица Александра Федоровна и ее окружение, так называемая «придворная партия», готовившая почву для сепаратного сговора с кайзером.

[25] Вопр. истории. 1971. № 8. С. 150—152.

[26] *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 130.

[27] *Игнатьев А. В.* Указ. соч. С. 43.

[28] Там же. С. 58.

[29] *Семенников В. П.* Политика Романовых накануне революции. С. 6.

[30] *Бурджалов Э. Н.* Указ. соч. С. 72.

[31] Вопр. истории. 1971. № 8. С. 53. О необходимости подготовки специального исследования, посвященного данной проблеме, ставится вопрос и в упомянутой выше статье Н. П. Евдокимовой. *Евдокимова Н. П.* Указ. соч. С. 118—119.

[31а] Не резон полагаться на такие, например, источники, как «непосредственное свидетельство» лже-Анастасии, добивавшейся в свое время признания ее дочерью Николая II и поведовшей о приезде в Петроград в августе 1916 г. брата императрицы Александры Федоровны великого герцога Эрнста Гессенского для заключения сепаратного мира (См.: *Соловьев О. Ф.* Обреченный альянс. М., 1986. С. 148, 150.) Переговоры с царем, о которых сообщает автор, не могли иметь места по той простой причине, что и в августе и в сентябре он постоянно находился в ставке (См.: Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. VI. С. 157).

[32] Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1926. Т. 4. С. XII; М.; Пг., 1923. Т. 3. С. IV—V. Предисл. М. Н. Покровского.

[33] Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 1—7; ЦГАОР. Ф. 1467.

[34] L'Allemagne et les problémes de la paix pendant la premiére guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'office allemand des Affaires etrangères publiés et annotés par A. Scherer et F. Grunewald. P., 1962—1978. T. 1—4. (Далее: APP).

[35] Монархия перед крушением, 1914—1917: Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л., 1927.

[36] История гражданской войны в СССР. М., 1936. Т. 1. С. 88.

[37] Там же. С. 79.

[38] Там же. С. 83—84; Монархия перед крушением. С. 97.

[39] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 318.

[40] *Минц И. И.* Указ. соч. 1-е изд. Т. 1. С. 448—450, 453, 466.

[41] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966. Т. 2. С. 656.

[42] См.: *Минц И. И.* Указ. соч. 1-е изд. Т. 1. С. 433—434, 464.

[43—44] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 222; Падение царского режима. Л., 1926. Т. 4. С. 84.

[45] *Минц И. И.* Указ. соч. М., 1967. Т. 1. С. 459.

[46] См.: История гражданской войны в СССР. М., 1935. Т. 1. С. 48—49;

Минц И. И. Указ. соч. 1-е изд. Т. 1. С. 459—460; *Семенников В. П.* Монархия перед крушением. С. V; *Он же.* Романовы и германские влияния... С. 145; *Бовыкин В. И.* Очерки по истории внешней политики России. М., 1960. С. 190.

[47] *Игнатьев А. А.* Внешняя политика Временного правительства. С. 43, 44, 49—52, 59; *Он же.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. С. 42—43.

[48] Подробнее об этом см.: *Васюков В. С.* К вопросу о сепаратном мире накануне Февральской революции // Ист. зап. 1982. № 107. С. 110—118; *Евдокимова Н. П.* Указ. соч.

[48а] *Соловьев О. Ф.* Обреченный альянс. М., 1986. С. 88, 108, 169.

[48б] *Соловьев О. Ф.* Международный империализм — враг революции в России. М., 1982. С. 200, 202, 203, 218, 219, 221, 293.

[49] Монархия перед крушением. С. 25; Красный архив. Т. 5. 1924. С. 5—49; *Витте С. Ю.* Воспоминания. Берлин, 1922, Т. 1. С. 426, 428, 431; *Мельгунов С. П.* Легенда о сепаратном мире (канун революции). Париж, 1957. С. 8; *Тэйлор А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе, 1848—1918: Пер. с англ. М., 1958. С. 539—543; *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. С. 178; APP. Vol 1. P. 63—64.

[50] МОЭИ. Т. X. № 145. С. 155—156.

[51] Там же. С. 155; Новое время. 1916. 21 янв.; Утро России. 1916. 22 янв.

[52] МОЭИ. Т. X. № 153. С. 163. Перевод уточнен.— *В. В.*

[53] Утро России. 1916. 21 янв.

[54] МОЭИ. Т. X. № 177. С. 183.

[55] Там же.

[56] Там же.

[57] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1224.

[58] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1924. С. 155.

[59] Там же. С. 166—167.

[60] Там же. С. 166.

[61] *Лорд Берти.* За кулисами Антанты. М.; Л., 1927. С. 109.

[62] См.: Там же. С. 107, 108, 115.

[63] Там же. С. 108.

[64] В Париже и Лондоне считали, что отставка Сазонова была вызвана разногласиями по вопросу о Польше. См.: *Лорд Берти.* Указ. соч. С. 108.

[65] Монархия перед крушением. С. 148.

[66] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 424; Т. 4. С. 159, 289.

[67] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия пятая. Пг., 1916—1917. Стб. 285.

[68] ЦГАОР. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 578. Л. 66. Цит. по: *Черменский Е. Д.* Указ. соч. С. 183.

[69] Бенкендорф имел в виду лондонское соглашение от 5 сентября 1914 г. о незаключении союзниками сепаратного мира.

[70] АВПР. Ф. Канцелярия. 1916 г. Оп. 470. Д. 3, т. 2. Л. 502.

[71] Там же. Л. 407.

[72] *Ганелин Р. Ш.* Россия и США, 1914—1917. М., 1969. С. 157—158.

[73] АВПР. Ф. Канцелярия. 1916 г. Оп. 470. Д. 144. Л. 3 об., 4—4 об.

[74] Там же. Д. 3, т. 2. Л. 503—504.

[75] Там же.

[76] *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 155.

[77] *Лорд Берти.* Указ. соч. С. 108.

[78] Там же. С. 113.

[79] Там же. С. 107, 108. Цит.: С. 116—117.

[79а] Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878—1918 / Пер. с нем. М.; Пг., 1923. С. 149.

[80] APP. Vol. 1. P. VII—VIII; *Renouvin P.* Le gouvernement français et les tentatives de paix en 1917 // Revue des deux mondes. P. 1964. N 20. P. 492—512.

[81] *Ribot A.* Lettres à un ami. Paris, 1924. P. 252.

[82] *Лорд Берти.* Указ. соч. С. 114.

[83] Там же. С. 117.

[84] Там же. С. 120.

[85] APP. Vol. 1. P. 521—524.

[86] Цит. по: *Тарле Е. В.* Соч. М., 1961. Т. XI. С. 500.

[87] АВПР. Ф. Отдел печати и осведомления. 1916 г. Д. 516. Л. 510.

[88] Там же. Л. 177.

[89] Там же. Л. 188.

[90] Там же. Л. 155.

[91] Монархия перед крушением. С. 135.

[92] *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 312—313.

[93] *Семенников В. П.* Политика Романовых накануне революции. С. 70.

[94] Монархия перед крушением. С. 160; Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 348.

[95] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия пятая. Пг., 1916—1917. Стб. 326; Колокол. 1916. 14 нояб.

[96] Монархия перед крушением. С. 109, 112.

[97] Падение царского режима. Т. 6. С. 157.
[98] См.: Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 149.
[99] *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 178.
[100] *Лорд Берти.* Указ. соч. С. 129—130.
[101] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 500—501, 510; Т. 4. С. 26, 82, 91, 149, 391, 393—394, 417; М.; Л., 1927. Т. 5. С. 1, 154—155, 157—158.
[102] *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 380.
[103] Падение царского режима. Т. 6. С. 208—210.
[104] Там же. Т. 1. С. 227, 245, 262.
[105] Там же. С. 244.
[106] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 184.
[107] Речь идет о газете «Бернский часовой» («Berner Tagwacht») — органе швейцарской социал-демократической партии, редактировавшемся Робертом Гриммом. Это обстоятельство приоткрывает завесу над теми сведениями, которыми располагала газета, и причиной их появления. Национальный советник Р. Гримм являлся членом Международной социалистической комиссии — исполнительного органа Циммервальдского объединения. Будучи центристом, Гримм, как отмечал В. И. Ленин, скатился на позиции откровенного социал-шовинизма. Нельзя не вспомнить в этой связи и тот инцидент, который произошел весной 1917 г. Приехав в Петроград «по путевке социалиста» для переговоров с лидерами меньшевиков и эсеров, Гримм скомпрометировал себя тем, что оказался причастным к посреднической миссии руководителя федерального политического ведомства Швейцарии А. Гофмана, пытавшегося передать Временному правительству германское предложение о сепаратном мире. 2 июня 1917 г. Гримм был выслан из России по приказу Временного правительства. См.: APP. Vol. 2. P. 569. Следовательно, ни упомянутое выступление швейцарской газеты с «имеющимися у нее сведениями», ни миссия Гримма не были случайными, связь между двумя этими фактами вполне очевидна. 11, 13 и 14 октября 1916 г. в названной газете были опубликованы соответственно: Сообщение «Подготовка сепаратного мира», передовая статья «Слухи о мире» и заметка «К сепаратному миру».
[108] АВПР. Ф. Отдел печати и осведомления. 1916 г. Д. 518. Л. 103. Опровержение было помещено в Journal de Génève.
[109] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 184—185.
[110] Там же. С. 191.
[111] Там же.
[112] Там же. С. 241. (подчеркнуто мною.— *В. В.*).
[113] Там же. С. 241—242.
[114] Там же. С. 242.
[115] Там же.
[116] Монархия перед крушением. С. 12—13, 147—148, 181—182.
[117] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 242—243.
[118] Там же. С. 243, 341. Цит.: С. 243.
[119] Там же. С. 243—244.
[120] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 301—302.
[121] Там же. С. 301.
[122] Там же. Т. 30. С. 340.
[123] Там же. С. 241, 242.
[124] Там же. С. 273 (курсив мой.— *В. В.*).
[125] Там же. С. 341.
[126] Там же. С. 340.
[127] Там же. С. 188—189.
[128] Там же. С. 341—342.
[129] Там же. С. 189—190.
[130] Там же. С. 189.
[131] МОЭИ. Т. IX. № 13; *Семенников. В. П.* Романовы и германские влияния. С. 141—142.
[132] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 329.
[133] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия IV. Пг., 1915. Стб. 63.
[134] Красный архив. 1929. Т. 2. С. 146, 168.
[135] Первая мировая война. М., 1968. С. 153—155.
[136] *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 170.
[137] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 16.
[138] АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 89. Л. 17.
[139] ЦГИАЛ. Ф. 1524. 1916 г. Оп. 1. Д. 66. Л. 90.
[140] *Минц И. И.* Указ. соч. М., 1967. Т. 1. С. 459—463.
[141] *Семенников В. П.* Романовы и германские влияния... С. 74.
[142] *Семенников В. П.* Политика Романовых накануне революции. С. 70—71.
[143] *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 59.
[144] Там же. С. 43.
[145] Там же. С. 31—32 и др.

[146] *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения. С. 50.
[147] *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 37.
[148] Там же. С. 59.
[149] *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. С. 72.
[150] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. С. 286.
[151] *Черменский Е. Д.* История СССР. Период империализма. С. 406.
[152] *Семенников В. П.* Монархия перед крушением. С. 19.
[153] *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 154.
[153а] *Дьяконова И. А.* Сепаратные контакты царской России и кайзеровской Германии в первую мировую войну // Вопр. истории. 1984. № 8. С. 81—82.
[154] *Тарле Е. В.* Соч. Т. XI. С. 685—686.
[155] С этим выводом солидарен и Б. В. Соколов. См.: История СССР. 1985. № 5. С. 80.
[156] Вопр. истории. 1971. № 8. С. 150.
[157] Там же. С. 149.
[158] Там же. С. 152.
[159] Воспоминания Сухомлинова. М.; Л., 1926. С. 261.
[160] Вопр. истории. 1971. № 8. С. 150; Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. № 2. С. 169.
[161] Вопр. истории. 1971. № 8. С. 150—152.
[162] Там же. С. 152.
[163] Там же. С. 151.
[164] Там же. С. 152.
[165] Там же. С. 150.
[166] История первой мировой войны 1914—1918. М., 1975. Т. 2. С. 280.
[167] *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914—1918 гг. 3-е изд. М., 1938. Т. 2. С. 101.
[168] См.: *Емец В. Л.* Петроградская конференция 1917 г. и Франция // Ист. зап. 1969. Т. 83.
[169] История первой мировой войны 1914—1918. М., 1975. Т. 2. С. 284, 290
[170] Там же. С. 290.
[171] Там же. С. 290—291.
[172] Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. С. 13, 14; История первой мировой войны, 1914—1918. М., 1975. Т. 2. С. 286; *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1934. Т. 1, 2. С. 593.
[173] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М., 1923. Т. 1. С. 246.
[174] *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1935. Т. 3. С. 348.
[175] *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 347.
[176] Мировая война в цифрах. М., 1934. С. 13, 14.
[177] См.: *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 346.
[178] ЦГВИА. Ф. 369. 1916 г., Оп. 1. Д. 175. Л. 149.
[179] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 500—501; Т. 4. С. 160, 274, 276, 324, 360, 365, 372, 391, 394, 416.
[180] Там же. Т. 5. С. 145.
[181] *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 242.
[182] Архив полковника Хауза. М., 1937. Т. II. С. 68.
[183] *Лорд Берти.* Указ. соч. С. 92.
[184] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 380. В. С. Дякин безосновательно связывает высказывавшуюся дворцовым комендантом В. Н. Воейковым «уверенность» в близком окончании войны с подготовкой сепаратного мира. Неверно также поданы автором разногласия между Штюрмером и Сазоновым по польскому вопросу и увольнение последнего как попытка Штюрмера «расчистить дорогу для дальнейших переговоров» о сепаратном сговоре. См.: *Дякин В. С.* Указ. соч. С. 280.
[185] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия пятая. Пг., 1916—1917. Стб. 203, 205.
[186] Там же. Стб. 205—206.
[187] Монархия перед крушением. С. 133, 134.
[188] Константинополь и проливы. М., 1926. Т. II. С. 383.
[189] Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 188—189.
[190] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 143.
[191] Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия пятая. Пг., 1916—1917 гг. Стб. 251, 257.
[192] Там же. Стб. 251.
[193] Там же. Стб. 257—258.
[194] Там же. Стб. 258.
[195] Там же. Стб. 362—363.
[196] Там же. Стб. 196.
[197] Там же. Стб. 354.
[198] Там же. Стб. 327, 354.
[199] Там же. Стб. 260—261.
[200] Российский гражданин. 1916. 29 мая. № 21. С. 9.
[201] Там же. 12 июня. № 23. С. 8, 9.
[202] История дипломатии. М., 1965. Т. III. С. 33—34; *Тардье А.* Мир. М., 1943. С. 72—76.
[203] *Лорд Берти.* Указ. соч. С. 126, 127.
[204] Речь. 1916. 5 дек.

[205] *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 344.
[206] *Ключников Ю. В., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926. Ч. 2. С. 60. Приказ был написан генералом Гурко на основании проекта, подготовленного в Министерстве иностранных дел; царь не вставил в него ни единого слова.
[207] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 193, 200, 201.
[208] ЦГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1017. Л. 335—369; Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 168, 205, 206.
[209] *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 9, 343.
[210] *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М.; Пг., 1923. С. 220.
[211] Красный архив. 1927. Т. 1. С. 243. Член Государственного совета А. А. Римский-Корсаков входил в состав главного совета «Союза русского народа». Упомянутая «сводка» была передана им министру внутренних дел Протопопову при письме от 17 января 1917 г., в котором сообщалось, что препровождаемые министру «общие положения и пожелания» были выработаны на происходивших у Корсакова «собеседованиях». Речь идет о «собеседованиях» членов возглавляемого Корсаковым кружка, в котором объединились виднейшие лидеры правых Думы и Госсовета.
[212] См.: *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 481.
[213] *Шульгин В. В.* Дни. Б. м., Б. г. С. 61.
[214] См.: *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 62.
[215] *Спирин Л. М.* Указ. соч. С. 226.
[216] *Авдеев Н.* Революция 1917 г. (Хроника событий). М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 24; Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Пг., 1916—1917. Стб. 1331.
[217] *Лорд Берти.* Указ. соч., с. 107—109, 116—118, 125; *Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Т. 1. с. 344—345.
[218] *Лорд Берти.* Указ. соч. С. 115, 116.
[219] *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1936. Т. 4. С. 100.
[220] Речь. 1916. 28 нояб.
[221] *Ribot A.* Lettres à un ami. P. 1924. P. 252; *Лорд Берти.* Указ. соч. С. 107.
[222] *Тардье А.* Указ. соч. С. 72.
[223] Там же.
[224] В тексте обращения Вильсона отмечалось, между прочим, что «президент не предлагает мир», как «не предлагает и своего посредничества», и лишь зондирует почву, близко ли окончание войны.
[225] История дипломатии. М., 1965. Т. III. С. 40; *Тардье А.* Указ. соч. С. 72. В пункте 4 явно подразумевалось возвращение Франции Эльзас-Лотарингии, а в пункте 7 имелся в виду приказ Николая II по армии и флоту от 12 декабря 1916 г.
[226] APP. Vol. I. P. 662—663; 670—673; История дипломатии. Т. III. С. 40.
[227] Правительственный вестник. 1917. 8 янв.
[228] *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 437.
[229] Сторожев В. Н. Дипломатия и революция // Вести. НКИД. 1920. № 4/5. С. 70.
[230] *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 182.
[231] Там же. С. 170.
[232] АВПР. Ф. Канцелярия. 1917 г. Д. 96. Л. 2.
[233] См.: *Рейн Г. Е.* Из пережитого. 1907—1918. Берлин, Б. г. Т. II. С. 161.
[234] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 500—501, 510.
[235] *Алексей Михайлович, вел.* кн. Книга воспоминаний. Париж, 1933. Т. 2. С. 273—274.
[236] *Шульгин В. В.* Дни. Л., 1925. С. 105.
[237] Там же. С. 112.
[238] Там же.
[239] См.: Переписка Николая и Александра Романовых. Т. 3. С. 224, 424; Т. 4. С. 159, 289; Т. 5. С. 154—155, 190—191.
[240] Монархия перед крушением. С. 60; *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. С. 115.
[241] Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 26.
[242] Константинополь и проливы. М., 1926. Т. 2. С. 387—390.
[243] Там же. С. 391—393.
[244] АВПР. Ф. Канцелярия. 1917 г. Д. 4. Л. 7.
[245] Там же. Д. 3, т. 1. Л. 13.
[246] Падение царского режима. Т. 6. С. 390.
[247] АВПР. Ф. Канцелярия. 1917 г. Д. 106. Л. 25; Д. 4. Л. 32; Д. 3, т. 1, л. 40.
[248] Военный министр Англии Китченер погиб в июне 1916 г., направляясь в Россию с особой миссией. Имелись основания предполагать, что корабль, на котором он плыл, был

потоплен германской подводной лодкой. См.: Падение царского режима. Т. 7. С. 354; Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 261, 262, 265, 289.

249 АВПР. Ф. Политархив. 1917 г. Д. 119. Л. 45—45 об.

250 Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 211.

251 Там же. С. 223.

252 Московские ведомости. 1915. 17 июня.

253 См.: Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. С. 254; Т. 5. С. 153, 191. См. также: *Дякин В. С.* Указ. соч. С. 286—288; *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 41.

254 Падение царского режима. Т. VI. С. 392—393.

255 Там же. С. 183, 196, 198.

256 Pedroncini Guy. Les nègociations secrètes pendant la grande guerre. P. 1969. P. 52—53.

257 Buchanan George. My mission to Russia and other diplomatic memories. Vol. II. L. 1923. P. 85. Как ни пагубно было влияние Александры Федоровны на своего супруга в вопросах внутренней политики, свидетельствовал Бьюкенен, «императрица должна быть оправдана от столь часто возводимого на нее обвинения в том, что она действовала в интересах Германии. Сам Керенский однажды сказал мне, что не было найдено ни одного компрометирующего документа, который доказывал бы, что она или император когда-либо замышляли заключить сепаратный мир с Германией». (*Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 203).

258 *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 469.

259 См.: *Дякин В. С.* Указ. соч. С. 308.

260 *Ferro M.* La grande guerre 1914—1918. P. 1969. P. 238.

261 АВПР. Ф. Канцелярия. 1917 г. Д. 71. Т. 1. Л. 185.

262 Красный архив, 1926 г. Т. 2 (15) С. 61.

263 Вестник Временного правительства. 1917. 15 марта.

264 Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Europe. 1918—1929. Russie. D. 207. P. 45.

265 APP. Vol. I. P. 10—11, 13—15, 15—19, 45 и др.

266 Ibid. P. 146—147.

267 Ibid. P. 522—523. Попытки Германии завязать переговоры с Россией о сепаратном мире в 1915—1916 гг. сравнительно подробно описаны в работах В. П. Семенникова. Им же была отмечена и негативная позиция царского правительства по отношению к германской инициативе во всех рассмотренных им случаях. См. также: *Дякин В. С.* Указ. соч. С. 274—286; *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 42—59; *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. С. 173—192, 251—258.

268 Цит. по: *Тарле Е. В.* Соч. Т. XI. С. 500.

269 Предложение это должно было состояться еще в октябре, но оно все откладывалось до одержания новой «внушительной» победы на полях сражений. Разгром Румынии казался подходящим моментом для выступления с «мирной» инициативой без опасения, что она будет расценена как явный признак слабости (APP. P. 401, 456—457, 517—519, 536, 545, 566—568, 580, 600).

270 Ibid. P. 431—433, 607—608.

271 См.: История дипломатии. М., 1965. Т. 3. С. 34.

272 APP. P. 488, 510—513, 522—524.

273 Ibid. P. 515—516, 520; Монархия перед крушением. С. 141—142, 183—187.

274 *Лорд Берти.* Указ. соч. С. 120.

275 *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 27. С. 247, 248.

276 Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 108.

277 См.: *Тирпиц А. фон.* Воспоминания. М., 1957. С. 327.

278 Монархия перед крушением. С. 184.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внешняя политика царской России накануне Февральской революции, как и политика других втянутых в войну великих держав, носила откровенно империалистический характер. Главная цель царизма в войне, общая для держав Тройственного согласия, сводилась к разгрому военно-политического могущества кайзеровской Германии, устранению угрозы установления ею своей гегемонии в Европе и в других районах мира, максимальному ее ослаблению и вытеснению из числа великих держав, лишению ее имперского ранга. Такая же участь должна была постигнуть и двуединую дунайскую монархию. Война велась, таким образом, не только ради перераспределения колоний и сфер влияния. Речь шла и о том, чтобы низвести вражеские государства до положения «второразрядных», исключив их, насколько это представится возможным, из числа основных соперников и конкурентов стран-победительниц. Еще более азартными были ставки германского империализма, его глобальные, мировые амбиции. Это дает основание считать, что, являясь продолжением политики предшествующих десятилетий, первая мировая война выдвинула и до предела обострила и такие «проблемы», которые в мирное время не значились в повестке дня в столь исключительной по масштабам и последствиям постановке.

Одной из первостепенных задач, которые ставило перед собой царское правительство, являлось «воссоздание единой Польши» в ее этнографических границах, под верховной властью русского царя, с предоставлением ей автономии в делах местного самоуправления; присоединение к России территорий, населенных «коренной русской народностью»,— Галиции и Угорской Руси, что должно было служить не только политическим, но и стратегическим интересам Российского государства. Особое значение придавалось царизмом овладению Константинополем и проливами, рассматривавшимися буржуазно-помещичьими кругами России как наиболее ценное приобретение войны. Добиваясь получения этого драгоценнейшего «приза», участвуя в соглашении о разделе «оттоманского наследства», царское правительство стремилось вместе с тем сохранить Турцию в качестве «жизнеспособного» государства. Не оставалась без внимания Турецкая Армения, которая должна была, если она того «пожелает», влиться в состав империи Романовых или обрести государственную самостоятельность под покровительством российского монарха.

Одна из важных целей войны состояла также в том, чтобы преградить путь военно-политической и экономической экспансии Гер-

мании на Восток, положить конец так называемому «немецкому засилью» в экономике и в других сферах русской общественной и государственной жизни. Поражение Германии должно было привести и к вытеснению ее с азиатских рынков, в первую очередь из Персии и Китая, в чем были заинтересованы не только западные державы и Япония, но и царская Россия.

В соответствии с указанными целями царское правительство и русское верховное командование основную часть своих сил направило на европейский театр против Германии и Австро-Венгрии, полагая, что разгром последних предопределит и будущее этих стран, и западные границы России (путем их «выравнивания» и «собирания» польских земель в единое польское государство), и судьбу Константинополя и проливов, как и всех прочих «поднятых войной» задач.

Эта стратегическая линия выдерживалась на протяжении всей войны вплоть до последних дней существования самодержавия. Из 202 дивизий, которыми располагало русское верховное командование к началу 1917 г. на своих четырех фронтах, большинство сражались против армий Центральных империй (лишь 15 из них находились на турецком фронте). Подавляющая часть и вновь подготавливавшихся к кампании 1917 г. значительных боевых контингентов также предназначалась для сокрушающего удара по Германии. При этом царское правительство исходило из того, что «приобретение» Константинополя и проливов, обеспеченное дипломатическими средствами путем заключенного с союзниками соответствующего соглашения, обнародованного с трибуны Государственной думы 19 ноября 1916 г., должно быть подкреплено их фактическим овладением на заключительном этапе войны, после нанесения Германии и Австро-Венгрии решительного поражения, когда станет возможным выделить для этой цели необходимые силы и средства.

Домогаясь аннексий, царизм в то же время охотно поддерживал широкие захватнические планы своих главных союзников — Англии и Франции. Менее щедро он относился к притязаниям Италии и Румынии, настаивая на соблюдении «принципа» пропорционального дележа империалистической добычи соответственно жертвам и вкладу каждого из участников коалиции в общесоюзническое дело, хотя и вынужден был, в конце концов, согласиться на удовлетворение большей части заявленных этими странами требований.

Для достижения намеченных целей Россия вместе с Англией и Францией добивалась расширения антигерманской коалиции, вовлечения в нее новых участников, в том числе бывших союзников Германии и Австро-Венгрии — Италии и Румынии, а также заявивших о своем нейтралитете государств, в частности Греции и Китая, хотя на этом пути союзнической дипломатии приходилось преодолевать немалые трудности. Последние проистекали как из чрезмерных территориальных и иных претензий и контртребований вовлекаемых в конфликт нейтралов (в особенности этим отлича-

лись королевская Италия и боярская Румыния), так и из характера отношений между Англией, Францией, Россией, Италией и Японией, столкновения их политических, а нередко и военных интересов.

Следует признать, что, несмотря на всю остроту этих противоречий, державам Антанты удавалось преодолевать их, отодвигая разногласия на второй план перед лицом общей германской опасности. В конечном счете дипломатический успех несравненно больше сопутствовал державам Антанты, чем австро-германскому союзу, прилагавшему отчаянные усилия по вовлечению в свою орбиту тех же самых государств. А это явилось одним из существенных слагаемых, предопределивших конечную победу над Четверным блоком.

Немаловажное значение придавалось также отношениям со странами Северной Европы — Швецией, Данией, Норвегией и Голландией. Царская дипломатия прилагала немалые усилия, чтобы ослабить влияние на них Германии и удержать их на позиции нейтралитета в европейском конфликте. Особое значение имели отношения со Швецией как по соображениям общей политики (недопущения присоединения ее к германскому блоку), так и ввиду занимаемого ею стратегического положения. Через Швецию проходила важная линия связи России с западными союзниками, доставка транзитных (в том числе почтовых) грузов из Англии, Франции и Италии в Россию, а также русских грузов в обратном направлении. В то же время из самой Швеции Россия получала необходимые ей предметы промышленной продукции, прежде всего станки, в обмен на традиционные товары русского экспорта в эту страну, в частности лесоматериалы, минеральные масла, щетину, а также некоторые виды сортовых семян. Ограниченные торгово-экономические связи поддерживались и с другими странами Скандинавии и Голландией.

Большое внимание уделялось с самого начала войны дальневосточной политике, отношениям с Японией и Китаем. Прежде всего решено было воспользоваться выступлением Японии на стороне Антанты и заключить с нею военно-политический союз, который ставил бы сотрудничество с тихоокеанской соседкой на более прочную договорную основу, что и было достигнуто в июне 1916 г. Этому предшествовали интенсивные дипломатические переговоры, протекавшие первое время не без оглядки (как с той, так и с другой стороны) на Англию.

Исключительной по напряженности оказалась дипломатическая борьба за привлечение Китая в лагерь держав Согласия. В этом вопросе основное противодействие оказывал токийский кабинет. Но в конечном итоге акция удалась, хотя и завершилась уже при Временном правительстве. Большая доля участия в ней принадлежала Сазонову, а позже Покровскому и его сотрудникам.

Достаточно отчетливо обозначилась во внешней политике России в 1915 — 1916 гг. тенденция к экономическому сближению с США и Японией с целью ослабления, финансово-экономической

зависимости от Англии и Франции, в поисках новых кредитов и займов, так как возможности англо-французских кредиторов находились уже на пределе или были затруднены по причинам иного характера. Условия предоставления ими финансовых средств значительно сковывали свободу русских заготовительных органов в размещении заграничных заказов. Кроме того, англо-французские кредиты предоставлялись почти исключительно на военные цели. На финансовом рынке США и в какой-то мере Японии рассчитывали получить валюту и на нужды гражданской экономики, сильно ослабленной в результате переключения значительной ее части на сугубо военные потребности.

Как бы ни было велико значение вербовки новых партнеров, важнейшей заботой царского правительства в его внешнеполитической деятельности в течение всей войны оставалось, разумеется, поддержание прочных связей и тесного сотрудничества с основными союзниками России — Францией и Англией, составлявшими вместе с ней ядро антигерманской коалиции. Однако на пути этого сотрудничества стояли немалые трудности — как объективные, так и субъективные — в военной, политической, финансовой и экономической областях, в основе этих трудностей лежали империалистические противоречия между странами.

И все же нельзя не признать, что, несмотря на всю глубину этих противоречий, объединительные, союзнические тенденции в рядах Антанты преобладали над тенденциями противоположного характера. Решающую роль в этом играла взаимная зависимость держав Согласия. Царская Россия остро нуждалась в кредитах, в поставках недоставшего ей вооружения, снаряжения, боеприпасов и различной военной техники, как и некоторых видов стратегического сырья, транспортного и промышленного оборудования. В свою очередь, Англия, Франция и Италия находились в большой зависимости от России как фактора военной силы — от ее многомиллионной армии, без содействия которой западные державы были бы обречены на поражение как в 1914 — 1915 гг., так и в 1916 г.

Велика была и политическая взаимозависимость держав Антанты. Потому так ощутимо проявлялись обоюдные опасения и подозрения среди партнеров по коалиции в связи с возможными колебаниями и переменами их внешнеполитического курса, особенно из-за непрекращавшихся интриг германской дипломатии вокруг вопроса о сепаратном мире. Сражения 1914—1916 гг., как и дипломатическая история тех лет, полностью подтверждают ленинское положение о том, что Россия наряду с Англией и Германией являлась одной из трех главных величин первой мировой войны.

Следует отметить, что отношения России с Англией и Францией складывается в ходе войны по-разному. Взаимоотношения России с Францией, несмотря на отдельные трения, возникавшие время от времени по различным поводам, оставались более доверительными, чем с Англией, хотя последняя старалась внушить царскому

правительству веру в коренной пересмотр ею традиционно антирусского курса.

Англия явно хотела к исходу вооруженной борьбы видеть своих главных партнеров значительно ослабленными, дабы иметь за собой решающее слово в делах послевоенного мирного урегулирования. Щедрые на похвалу в адрес «доблестных русских солдат» англичане весьма экономно расходовали собственные полки и дивизии. Основная тяжесть борьбы с вражеской коалицией в течение первых двух лет войны ложилась на плечи России и Франции, в первую очередь, конечно, России. Достаточно сказать, что лишь к середине 1916 г., т. е. через два года кровопролитных сражений, англичане закончили создание многочисленной, хорошо оснащенной сухопутной армии, насчитывавшей около 3,5 млн человек, способной решать серьезные стратегические задачи.

Нельзя, однако, не признать, что в согласовании с русским правительством отдельных политических вопросов Лондон шел иногда впереди Парижа. Несмотря на все перипетии и трения в антантовском «триумвирате», ориентация царской России на союз с Францией и Англией не претерпевала изменений. Наиболее существенной крепью Антанты оставался франко-русский союз, отметивший в 1916 г. свое двадцатипятилетие.

С момента возникновения общеевропейского вооруженного конфликта и вплоть до своего краха царизм неизменно держался курса на доведение войны до победного конца, отвергая предложения Германии о заключении сепаратного или общего мира. Этот курс встречал энергичную поддержку помещичьих и буржуазных партий России от крайне правых до кадетов. Крайне правые выступали с более широкими империалистическими притязаниями. Фактической поддержкой правительственному курсу служила оборонческая позиция подавляющей части мелкобуржуазных партий, социал-патриотов и центристов.

Исторически неправдоподобно утверждение о расколе среди господствующих классов на сторонников и противников продолжения войны, причем в числе противников оказываются самые реакционные, черносотенные силы, ратовавшие, как показывают многочисленные источники, за восстановление неограниченного самодержавия и отстаивавшие планы «размашистого аннексионизма». Суть «раскола» состояла в том, что наиболее реакционная часть правящих кругов ополчалась против любых позитивных перемен в области внутренней политики и требовала решительного подавления всякой оппозиции и освободительного движения самыми беспощадными мерами во имя активного продолжения той же захватнической, империалистической войны, чего добивалась и либеральная буржуазно-помещичья оппозиция. Последняя вместе с тем настаивала на необходимости проведения хотя бы минимума социально-политических реформ. И либералы, и правомонархические круги за небольшим исключением считали союз с западными державами, в первую очередь с Англией и Францией, жизненно

необходимым для России в условиях разразившегося мирового конфликта.

Сторонники скорейшего примирения с Германией путем сепаратного или общего, компромиссного мира (германофилы) имелись, конечно, в различных общественных кругах, но их влияние было явно недостаточным для изменения внешнеполитического курса страны. К тому же настроения эти рассматривались как государственная измена и поэтому открыто особенно не проявлялись, а если и проявлялись, то в самой незначительной мере. Судить о степени их распространения можно лишь по обрывочным сведениям, не позволяющим составить более или менее обоснованное суждение. Прояснению данного вопроса могут содействовать дальнейшие исследования в этой области.

Помимо реализации своей империалистической программы, в победоносном исходе войны царизм видел важнейшее условие преодоления революционного, общеполитического кризиса, укрепления своих позиций внутри страны и на международной арене, сохранения великодержавного престижа России и ее роли в мировых делах. С тем большим отчаянием и безжалостностью бросал он на поля сражений новые и новые сотни тысяч людей, невзирая на прогрессировавшую разруху в стране, не считаясь ни с какими жертвами и лишениями народа.

Однако в столь грандиозном по масштабам и напряжению столкновении самодержавный режим оказался несостоятельным как с военно-политической, так и экономической точки зрения. Гнилость и архаичность политической системы царизма с его заскорузло-бюрократическим государственным аппаратом, отсталость социально-экономической структуры общества, обремененного многоукладностью, давно изжившей себя сословностью и прочими пережитками, не выдержали сурового испытания небывалой дотоле кровопролитной войны.

Притормозив на какое-то время революционный процесс, война явилась вместе с тем «всесильным режиссером» и ускорителем его. Развал народного хозяйства, обрушившиеся на плечи народа бедствия и лишения, голод и страдания, военные поражения поднимали на борьбу трудящиеся массы не только против войны, но и против существующего строя. Начиная с «великого отступления» 1915 г. война ускоряла назревание революционной ситуации, но не являлась ее первопричиной. Причины эти лежали в социально-экономических и политических условиях самодержавной России с ее пресловутой третьеиюньской системой, прикрывавшей деспотизм романовской монархии.

Характерно, что назревание непосредственной революционной ситуации в 1916 г. происходило в целом при сравнительно благоприятном для России ходе военных действий на австро-германском и турецком фронтах и даже при определенных успехах (в отличие от проигранной кампании 1915 г.). Это лишний раз подчеркивает несостоятельность распространенного в буржуазной историографии тезиса о «случайности» Февральской революции,

подтверждая ее социально-экономическую и политическую обусловленность.

Революция не пришла сама собой в результате «саморазвала» романовской монархии, как об этом твердят многие наши идейные противники. Она явилась результатом длительной и упорной борьбы трудящихся за социальное освобождение, за преобразование политических и экономических устоев общества. Неустанную героическую борьбу против войны, против империалистической политики царизма, за всеобщий демократический мир вела руководимая В. И. Лениным большевистская партия, единственная партия II Интернационала, сохранившая верность принципам пролетарского интернационализма. Ни аресты и ссылки, ни тюремные казематы и каторга не сломили мужества большевиков. Слившись с другими потоками общедемократического освободительного движения, борьба ведомого большевистской партией рабочего класса и трудового крестьянства привела к свержению ненавистного самодержавия.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авдеев Н. 294
Аврех А. Я. 95
Адамов Е. А. 6
Адаци 114—116
Акаги 124
Алексеев М. В. 113, 224, 262, 284
Аллен Ф. 172
Амстронг Д. 176
Амфитеатров А. 219
Арцимович В. А. 212
Асквит Г. 83, 280
Аугштейн Р. 13
Ахаси 97

Базили Н. А. 284
Балашев И. П. 76, 88, —, 91, 95
Балашев П. Н. 60, 95
Бальфур А. 249, 282
Барк П. Л. 27, 77, 166, 178, 179
Бахметев Б. А. 162
Бахметев Ю. А. 182
Бацис П. Э. 5, 14
Беляев М. А. 179
Бенкендорф А. К. 96, 97, 99, 101—103, 105, 106, 109, 129, 135—137, 146, 151, 152, 214, 222, 243, 244, 246—248, 285, 291
Бер В. В. 163, 167
Берман М. 82
Берти Ф. 82, 245, 246, 248, 249, 250, 291—295
Берхтольд Л. 226
Бестужев И. В. 15
Бетман-Гольвег Т. 59, 63, 191, 225, 251, 277, 287, 288
Бисмарк О. 75
Бобринский А. А. 20, 183, 184, 194
Бобринский В. А. 60
Бовыкин В. И. 291
Бойнтон Ч. 172
Болдырев Б. Г. 94
Бонар Лоу Э. 287
Боргезе С. 222
Бриан А. 133, 136, 144, 148, 151, 198, 199, 215, 249, 250, 280
Брусилов А. А. 193, 218, 226, 234, 267, 274
Булацель П. Ф. 78, 79, 85, 86, 87, 184, 192, 206, 207, 228
Бурджалов Э. Н. 14, 234, 236, 265, 290, 293
Буриан С. 226
Бурлингас И. Я. 94
Бучанан 97
Бьюкенен Дж. 96, 102, 103, 130—132, 135, 207, 209, 213, 214, 216, 230, 231, 243, 245, 248, 252, 254, 262, 275, 282, 286, 287, 291, 292, 294, 295
Бэрис 86
Бюлов Б. 255

Вандерлит Ф. 181
Васюков В. С. 14, 126, 181, 232, 289
Венизелос Э. 70
Вивиани Р. 198
Виктор-Эммануил 230
Вильгельм П. 36, 50, 76, 83, 110, 114, 204, 205, 251, 288, 289, 291
Вильсон В. 151, 155, 176, 273, 281
Вильсон Г. 287
Вильямс В. А. 172, 181
Виноградов В. Н. 5, 14, 60
Виноградов К. Б. 12, 15
Витте С. Ю. 243, 291
Воейков В. Н. 293

Гайден Ч. 172
Ганелин Р. Ш. 6, 14, 180, 181, 233—235, 266, 289—291

Гардинг Ч. 214, 230
Гаррис Г. 172
Гейсс И. 13, 15
Гелбэрн Б. 172
Гельферих К. 251, 288
Генкина Э. Б. 7, 14, 233, 290
Георг У. 216
Герцфельд Г. 12
Гессенский Эрнст 290
Гефтер М. Я. 181
Гинденбург П. 258, 288
Гинце 110
Гирс М. Н. 221, 231, 255
Глинка С. 202, 204, 205, 207
Говард 263
Голицын Н. Д. 282
Гольдштейн И. М. 165, 180
Горемыкин И. Л. 16, 17, 21, 23, 24, 36, 38, 48, 53, 56, 79, 108, 165, 166, 208, 221, 228, 244, 285
Гото С. 108, 112
Гофман А. 292
Грабарь В. Э. 230
Грей Э. 88, 96, 98, 99, 101—107, 109, 116, 130—132, 134—138, 140, 143, 146, 151, 152, 198, 199, 214—216
Григорович И. К. 26, 33, 274
Григорцевич С. С. 5, 14, 94, 124, 126, 157, 158
Гримм Э. Д. 125, 126, 158
Гримм Р. 292
Грин 113, 116, 134, 135, 137, 143
Грюнвальд Ж. 15, 237, 290
Губач В. 13
Губер А. А. 94
Гурко Вас. Иос. 272, 294
Гурко Влад. Иос. 27
Гучков А. И. 42, 93, 162, 172, 258, 260, 263
Гучков Н. И. 180
Гэнтингтон Б. 173, 174, 175, 181

Делькассе Т. 100, 101, 102, 103, 112
Демченко В. Я. 60
Джордан Д. 128, 129, 135
Дзюбинский В. И. 54
Диллон Э. Ж. 41, 84
Дуань Цижуй 156
Дубенский Д. Н. 285, 286
Дубровин А. И. 207
Думерг Г. 287
Дурново П. Н. 186
Дьяконова И. А. 266, 293
Дюн Р. В. 181
Дякин В. С. 14, 59, 61, 93, 95, 180, 228, 233, 234, 265, 289, 290, 293, 295

Евдокимова Н. П. 232, 289, 290
Емец В. А. 4, 5, 9, 27, 59, 60, 231, 234, 290, 293
Ефремов И. Н. 37, 41, 50, 51, 52, 53

Жоффр Ж. 102, 258

Зайончковский А. М. 5, 14, 270, 293
Замысловский Г. Г. 78, 205
Зубок Л. И. 94

Игнатьев А. А. 285
Игнатьев А. В. 4, 7, 8, 11, 229, 231, 233, 236, 264, 265, 290—295
Игнатьев П. Н. 19, 47, 94, 208, 228
Игнатьева С. С. 246
Извольский А. П. 82, 100, 102, 112, 129, 130, 133, 135, 136, 151, 179, 203, 214, 230
Иноуэ 131, 137, 140, 141
Инукай 108
Иосихито 113
Исии К. 112—116, 122, 125, 126, 134—140, 142, 145, 146, 150, 157, 215

Каваками К. 126
Кавур К.-Б. 75
Камбон Ж. 130
Камбон П. 100, 101, 104, 137
Кан-Ин 123
Караулов М. А. 41
Касвинов М. К. 14
Кассо Л. А. 94
Каете Х. 15
Кастельно Э. 287
Като 98, 100, 101, 104, 106, 107, 111, 125
Каутский К. 259
Керенский А. Ф. 91, 123, 207, 258, 295
Кингсли Д. 172

Кирдецов Г. 225, 226
Китченер Г. Г. 258, 263, 285, 294
Клемм В. О. 203, 229
Кливленд Г. 182
Клопов А. А. 61
Ключников Ю. В. 294
Ковалевский Е. П. 62, 63, 64, 66, 67, 93
Козаков Г. А. 114, 115, 116, 125
Коковцов В. Н. 165, 205
Комаровский Л. А. 230
Комин В. В. 14
Конти 128, 129
Коростовец И. Я. 181
Кривошеин А. В. 208
Криге 110
Крупенский П. Н. 70, 74, 102, 109, 110, 127—131, 135, 136, 138, 147, 151, 155, 158
Кудашев Н. А. 113, 125, 158
Куломзин А. Н. 166

Лансинг Р. 182
Лапомареде 102
Ларко Р. 221
Лебедев В. В. 181, 232, 236, 267—269, 289
Левашев С. В. 34, 35, 36, 37, 38, 41, 44
Ленин В. И. 6, 8, 10, 15, 44, 51, 55, 57, 61, 81, 94, 119, 126, 169, 181, 240, 241, 254—263, 289, 290, 292, 295, 302
Леонтьев В. П. 94
Лиман фон Сандерс 204
Ллойд Джордж Д. 156, 178, 249, 263, 272, 280, 287, 293, 294
Лодыженский И. Н. 252
Лоней Ж. 15
Львов Г. Е. 91, 207, 208, 219
Людендорф Э. 271, 273, 288, 293
Люциус Г. 66, 285
Лянь Шии 130

Макаров А. А. 183, 184, 185, 187, 194, 231
Мак-Йадден Дж. 172
Маккена Р. 179
Маклаков В. А. 36, 45, 48, 279
Маклаков Н. А. 40, 82, 186
Мак-Робертс С. 172, 174
Малевский-Малевич 97—100, 102, 103, 107, 108, 113, 120, 130, 133, 134, 136—138, 140—147, 149, 150, 152—154, 157, 158
Мальтцан 110
Мандельштам А. Н. 230
Маниковский А. А. 175, 182
Марель 86
Мари Дж. 182
Марков Н. Е. 35, 36, 39—44, 53, 56, 75—78, 80, 81, 83—85, 202, 205, 207, 262, 276, 286
Маркс К. 83
Медзыховский К. Ю. 162, 172
Меллер-Закомельский В. В. 53, 54
Мельгунов С. П. 272, 291—295
Меттерних К. 75
Мигулин П. П. 85, 86, 87
Мильнер А. 287
Милюков П. И. 46—50, 69, 70, 76, 77, 80, 81, 83, 84, 172, 187, 205—208, 210, 219, 229, 258, 260, 263, 264, 274, 276, 279
Милютин В. В. 70, 71, 72, 73, 74
Минц И. И. 14, 233, 240, 241, 264, 289—292
Михельсон А. А. 179
Монро Дж. 274
Морган Дж. П. (младший) 172
Мотоно И. 101, 102, 103, 104, 111, 115, 117, 118, 151, 152, 155, 180

Набоков К. Д. 282
Накасима 114, 125
Накасиодзи 107
Нарочницкий А. Л. 14, 94
Нарышкина А. Н. 272
Наумов А. Н. 166, 183
Нератов А. А. 214, 253
Никольсон А. 136, 138
Нольде Б. Э. 203, 229, 230
Норовский С. 194, 195
Нотович Ф. И. 4, 93

Оболенский Н. Л. 231
Озеров И. Х. 160
Окума 98, 104, 113, 121, 122, 141, 144, 146, 147

Ордин-Нащокин А. А. 191, 197, 198, 223
Остриков П. И. 94

Палеолог М. 97, 100, 103, 132, 151, 209, 214, 278, 279, 286, 294
Панина Э. Н. 207
Педрончини Г. 15, 295
Петров В. И. 2
Петряев К. Д. 15
Пико Ж. 137
Пильц А. И. 283
Писарев Ю. А. 2, 5, 14, 93, 232, 289
Плеве В. К. 19, 21
Поклевский-Козелл С. А. 212
Покровский М. Н. 14, 233, 236, 289, 290
Покровский Н. Н. 123, 164, 167, 278, 284, 298
Поливанов А. А. 19, 26, 47, 61, 166, 243
Половцев А. А. 212
Половцев И. Ф. 35, 60
Прайс Е. 126
Пратт Э. 170, 171, 181
Протопопов А. Д. 236, 268
Пуанкаре Р. 35
Пуришкевич М. В. 209, 246, 276

Распутин Г. Е. 243, 252, 253, 286
Ратто Л. 121
Раух Г. 15
Ревентлов 225
Рейн Г. Е. 294
Рейнш 151
Ренувен П. 250, 291
Реньо 102, 104, 133, 144
Рибо А. 178, 182, 250, 287, 291, 294
Римский-Корсаков А. А. 279, 294
Риттер Г. 12
Родзянко М. В. 16, 188, 227
Родичев Ф. И. 206, 207
Рожественский З. П. 216
Розен Р. Р. 165, 210
Романовы:
  Александр Михайлович, вел. князь 283
  Александра Федоровна 87, 208, 209, 229, 237, 253, 272, 285, 289, 290, 295
  Алексей (сын Николая II) 209
  Алексей Михайлович, царь 197
  Алексей Михайлович, вел. князь 294
  Георгий Михайлович, вел. князь 113, 114
  Николай II Александрович 17, 42, 61, 95, 100, 113, 114, 125, 180, 207—209, 212, 213, 216, 222, 229, 230, 235, 242, 252, 253, 256—258, 262, 268, 272, 274, 275, 278, 282, 283, 285—287, 289, 290, 294
  Николай Николаевич, вел. князь 221
  Павел Александрович, вел. князь 285
  Петр I 210
  Сергей Михайлович, вел. князь 283
Ростунов И. И. 14, 15
Рябушинский П. П. 16, 20, 184, 189, 190, 197, 199

Сабанин Н. 294
Сабин Ч. 172
Савенко А. И. 60, 80, 82, 94
Сазонов С. Д. 19, 25, 28—33, 46, 47, 50, 62, 64, 65, 67, 70—73, 75—77, 82, 84, 87, 88, 96—104, 106—109, 111—115, 117, 121, 125, 129—133, 135—137, 141—152, 157, 158, 165, 166, 180, 183, 184, 186—199, 201—227, 229, 243—247, 251, 253, 276, 277, 284, 285, 288, 291, 293, 298
Салов В. И. 15
Самойлов 97
Севостьянов П. П. 94
Селезнев Г. К. 181, 182
Семенников В. П. 14, 233, 236, 238, 242, 252, 263, 264, 266, 289—293, 295
Серджент Ч. 172
Сидоров А. Л. 4, 5, 14, 59, 182, 290
Симада 108
Симс 277
Сипягин Д. С. 19, 21
Сладковский М. И. 94
Снодграсс 164, 168, 172
Соеда 108
Соколов Б. В. 293
Соловьев О. Ф. 14, 15, 236, 241, 242, 290, 291
Соннино Дж. 215
Спирин Л. М. 14, 15, 235, 279, 290, 294

Стантон 83
Степанов Н. В. 5, 14
Стишинский А. С. 79, 186, 231
Столыпин П. А. 185
Сторожев В. Н. 294
Стоун У. 177
Стоун Ч. 181
Строков А. А. 14, 15
Сувчинский Е. Е. 60
Суехиро 120
Сухомлинов В. А. 41, 268, 293

Такеути Т. 98, 124
Талейран Ш. М. 75
Тардье А. 293, 294
Тарле Е. В. 233, 267, 290, 291, 293, 295
Таубе М. А. 82, 94, 203, 229
Темкин Я. 181
Тераути 114, 115, 116
Терещенко М. И. 91
Тирпиц А. 295
Титтони Т. 230
Токугава 126
Трепов А. Ф. 184, 194, 256, 275, 276, 279, 282
Троповский А. 226
Турати Ф. 259
Тэйлор А. Дж. П. 229, 291
Тютюкин С. В. 94

Уехара 108
Уинг Д. 172
Унтербергер П. Ф. 108, 124
Уцида 111, 125

Фалькенгайн Э. 288
Фаррар Л. 13, 15
Федоров С. П. 125
Фердинанд, принц Кобургский 31, 78, 157, 288
Ферро М. 295
Фикс Г. 181
Фишер Ф. 12, 13, 15
Фостер У. 181
Франц-Иосиф 272
Френсис Д. 174, 177, 182

Хабалов С. С. 240
Хауз Э. 273, 274, 293
Хвостов А. А. 183, 184, 185, 194, 231
Хвостов А. Н. 16, 21, 47, 49, 52, 59, 61, 78
Хвостов В. М. 4, 11, 158
Хёльцле Э. 12
Хиоки 110
Холден 103
Хор С. 287

Церетелли И. Г. 294

Чальмерс В. 172
Челноков М. В. 222—224, 231, 251
Черменский Е. Д. 14, 59, 60, 231, 234 266, 290, 291, 293, 295
Чернин О. 236
Черняк Е. 181
Черчилль У. 272
Чихачев Д. Н. 60
Чхеидзе Н. С. 35, 55, 56, 57, 58

Шаховской В. Н. 166, 231
Шаховской Д. И. 60
Шацилло К. Ф. 60
Шерер А. 15, 237, 290
Шидловский С. И. 43
Шиллинг М. Ф. 131, 210
Шингарев А. И. 43, 44, 77, 272, 283
Штюрмер Б. В. 16—25, 33, 47—51, 58—62, 79, 83, 84, 88, 123, 183—188, 190—192, 194, 196—202, 206—212, 215, 217—230, 242—248, 251—253, 255, 256, 262, 264, 274—276, 288, 293
Шуваев Д. С. 179, 274
Шульгин В. В. 35, 36, 44, 46, 49, 60, 61, 279, 283, 294

Щегловитов И. Г. 40, 79, 82

Юань Шикай 127, 130, 135, 148, 150
Юсупов Ф. Ф. 236, 253

Яковлев Н. Н. 14, 234, 290
Ямагата 113

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение
3

Глава первая
Кабинет Штюрмера
и внешнеполитический курс царизма
16

Глава вторая
Межпартийная борьба
по вопросам внешней политики
в преддверии весенне-летней кампании 1916 г.
62

Глава третья
Оформление русско-японского
военно-политического союза
96

Глава четвертая
Усилия царской дипломатии
по вовлечению в войну Китая
127

Глава пятая
Русско-американское «сближение»
в предфевральский период
159

Глава шестая
Отставка Сазонова и назначение Штюрмера
министром иностранных дел.
Углубление кризиса верхов
183

Глава седьмая
Царская дипломатия
против германского «мирного наступления».
Сепаратный сговор или война до победного конц
232
Заключение
296
Именной указатель
303

Научное издание

Васюков Вячеслав Сергеевич

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1916 — февраль 1917 г.

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства *Ю. Г. Гордина*

Художник *Ф. А. Буданов*

Художественный редактор *В. В. Алексеев*

Технические редакторы
Л. В. Прохорцева, И. Н. Жмуркина

Корректоры *Т. П. Вдов, К. П. Лосева*

ИБ № 39106

Сдано в набор 20.07.88
Подписано к печати 23.01.89. А-02910.
Формат $60\times90^1/_{16}$
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура литературная
Печать офсетная
Усл. печ. л. 19,5. Усл. кр. отт. 19,5.
Уч.-изд. л. 23,8
Тираж 3000 экз. Тип. зак. 722

Цена 3 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск, 77, ул. Станиславского, 25

Отпечатано с диапозитивов
12-й типографии МО

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
готовятся к печати книги:

Аврех А. Я.
ЦАРИЗМ НАКАНУНЕ СВЕРЖЕНИЯ
20 л.

Монография рассматривает царизм на заключительном этапе его существования в качестве совокупной социально-политической системы. Основное внимание в работе уделено выявлению механизмов разрушения самодержавия как политического института. Делается попытка взглянуть на царизм как на сложно взаимодействующую систему, для которой были характерны не только органическое единство ее составляющих, но и определенные противоречия, способные в экстремальных условиях принять острые формы и тем самым стать одной из причин его разрушения и гибели. В книге дается характеристика Николая II и его ближайшего окружения.
Для историков и широкого круга читателей.

Пушкарев И. М.
РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД РЕАКЦИИ 1907—1910 гг.
20 л.

В монографии рассматривается проблема сохранения революционных традиций рабочим классом России в период реакции, наступившей после поражения революции 1905—1907 гг. Статистические методы исследования в работе сочетаются с введением в научный оборот большого конкретно-исторического материала, позволившего представить картину рабочего движения в стране в целом и по отдельным ее регионам.
Для историков.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

Адреса магазинов «Академкнига»:

480091 **Алма-Ата,** ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370001 **Баку,** ул. Коммунистическая, 51 («Книга — почтой»);
232600 **Вильнюс,** ул. Университето, 4;
690088 **Владивосток,** Океанский проспект, 140 («Книга — почтой»);
320093 **Днепропетровск,** проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 **Душанбе,** проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 **Ереван,** ул. Туманяна, 31;
664033 **Иркутск,** ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 **Казань,** ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);
252030 **Киев,** ул. Ленина, 42;
252142 **Киев,** проспект Вернадского, 79;
252030 **Киев,** ул. Пирогова, 2;
252030 **Киев,** ул. Пирогова 4 («Книга — почтой»);
277012 **Кишинев,** проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 **Краматорск** Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 **Красноярск,** проспект Мира, 84;
443002 **Куйбышев,** проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
119104 **Ленинград,** Литейный проспект, 57;
199164 **Ленинград,** Таможенный пер., 2;
196034 **Ленинград,** В/О, 9 линия, 16;
197345 **Ленинград,** Петрозаводская ул., 7 («Книга — почтой»);
194064 **Ленинград,** Тихорецкий проспект, 4;
220012 **Минск,** Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
103009 **Москва,** ул. Горького, 19а;
117312 **Москва,** ул. Вавилова, 55/7;
117192 **Москва,** Мичуринский проспект, 12 («Книга — почтой»);
630076 **Новосибирск,** Красный проспект, 51;
630090 **Новосибирск,** Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
142284 **Протвино** Московской обл., ул. Победы, 8;
142292 **Пущино** Московской обл., МР, «В», 1 («Книга — почтой»);
620151 **Свердловск,** ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700000 **Ташкент,** ул. Ю. Фучика, 1;
700029 **Ташкент,** ул. Ленина, 73;
700070 **Ташкент,** ул. Шота Руставели, 43;
700185 **Ташкент,** ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 **Томск,** наб. реки Ушайки, 18;
634050 **Томск,** Академический проспект, 5;
450059 **Уфа,** ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 **Уфа,** ул. Коммунистическая, 49;
720000 **Фрунзе,** бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 **Харьков,** ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).